

смена

февраль
2001

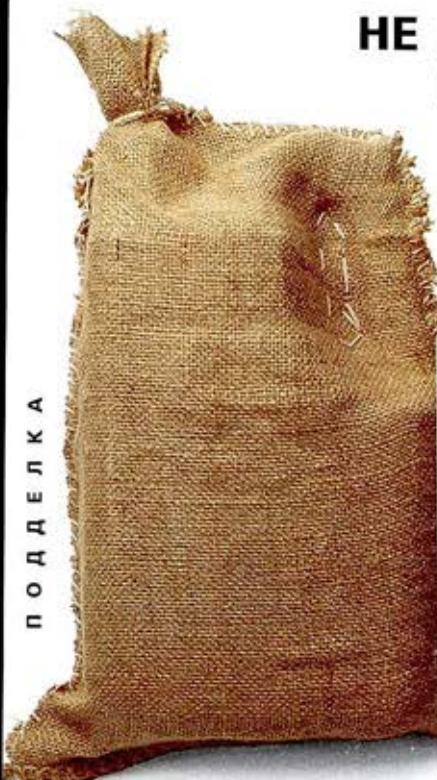

■ Леопольд Ренни Охота на форварда

■ Дэймон Диксон Кэрр Загадка зеленой капсулы

ПОДДЕЛКА

НЕ БЕРИ
КОТА В МЕШКЕ —

БЕРИ
НАСТОЯЩЕЕ

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ ФАСОВАННЫХ МАСЕЛ «ЛУКОЙЛ»
ОБРАЩАТЬСЯ ПО МНОГОКАНАЛЬНОМУ ТЕЛЕФОНУ: (095) 973-7063

ЛУКОЙЛ

Масло ЛУКОЙЛ покупайте только у официальных дилеров

Главный редактор
Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Даниловский

зам. главного редактора
Николай Левицев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Памара Чигина

2001
февраль (1636)

Сдано в набор 22.12.2000.

Подписано к печати 25.1.2001.

Печать офсетная.

Заказ № 135

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

Бумажный проезд, 14,

Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena@garnet.ru

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Рег. № 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ОАО ПО "Пресса-1"

В случае полиграфического брака

обращаться в типографию

ОАО ПО "Пресса-1"

257-42-29

257-41-03

Журнал распространяется

на самолетах "Аэрофлота".

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 2001.

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

- 32 Аллан Милл
ИСТИНА В ВИНЕ**
Зарубежный рассказ

- 126 Михаил Попов
ТАНЦУЮЩАЯ
ГАЛАТЕЯ**
Рассказ

- 138 Джон Диксон Кэрр
ЗАГАДКА ЗЕЛЕНОЙ
КАПСУЛЫ**
Детектив

- 4 Наталья Смирнова
НЕ ХОДИТЕ, ДЕТИ,
В ШКОЛУ...**

- 18 Людмила Мазурова
ЧАШКА ЧАЯ**
**58 Олег Фзюба
УРОКИ БАРОНА
ФАЛЬЦ-ФЕЙНА**

- 86 Леонид Лернер
ПУТЕШЕСТВИЕ
К ЧЕЛОВЕКУ**

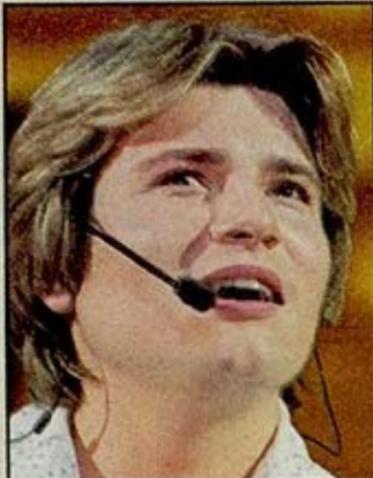
- 228 Леонид Репин
ОХОТА
НА ФОРВАРДА**

- 240 Владимир
Виноградов
БРАСЛЕТ
ЛЕДИ "ЧЕСТЕР".
ДВЕ ЗАНАЧКИ**

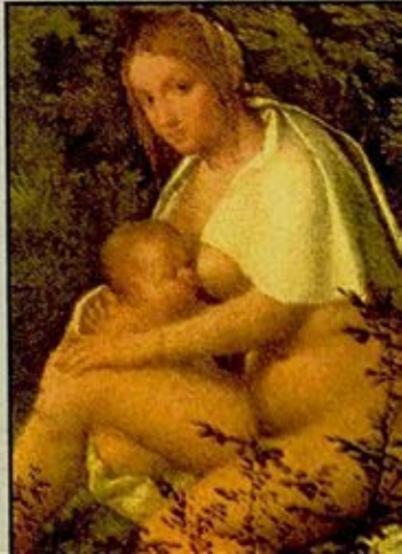
- 248 Наталья Маркина
КОЛЫБЕЛЬНАЯ
ДЛЯ МАМЫ**

- 266 Илья Левинов
АЛЛЕРГИЯ —
МЛАДШАЯ СЕСТРА
АСТМЫ**

стр. 106

стр. 78

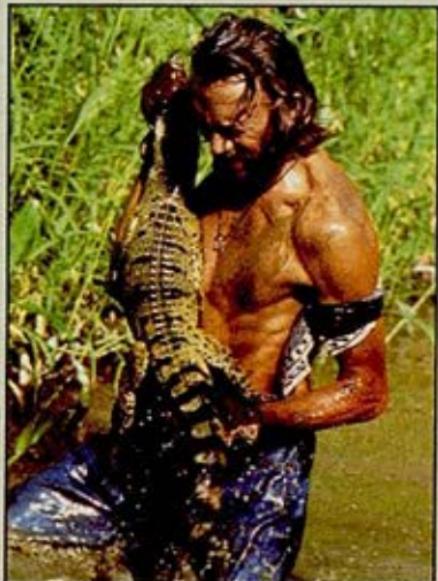
**48 Светлана
Бестужева-Лада
ОДИНОКИЙ ГЕНИЙ**

**64 Любовь Русева
ДИНАСТИЯ**

**78 Эдда Забавских
МУЗЫКА —
СОВЕРШЕНСТВО —
КРАСОТА**

**106 Лилия Байрамова
ДЖОРДЖОН**

**258 Майя Орлова
ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ
УРОД**

стр. 86

45 Вячеслав Куприянов

124 Лариса Миллер

**Андрей Молchanov
Владислав
Артемов**

УЛЫБКА ЗВЕРЯ

Уволенный по сокращению штатов подполковник ГРУ Министерства обороны Иван Прозоров едет в небольшой городок Черногорск навестить брата Андрея и оказывается в центре криминальных событий, в результате которых гибнет вся семья брата. Сможет ли герой-одиночка противостоять криминальному миру и коррумпированной городской администрации, удастся ли ему отомстить за смерть близких? Об этом вы узнаете, прочитав роман.

**Светлана
Бестужева-Лада
ФИЛОСОФИЯ
ЛЕГКОМЫСЛИЯ**

Имя великого итальянского авантюриста Джакомо Казановы для многих является именем нарицательным. Истории жизни очаровательного плута, неотразимого соблазнителя передаются из уст в уста, становясь легендами.

А кем же был этот идол женщин на самом деле? Как выглядит истинный "донжуанский список" Казановы?

В предлагаемом очерке вы найдете ответы на эти вопросы.

март'2001

АНОНС:

Наталья СМИРНОВА

Не ходите, дети

“— Образование мы получили самое хорошее, — продолжал Под-Котик. — И немудрено — ведь мы ходили в школу каждый день...

— Я тоже ходила в школу каждый день, — сказала Алиса. — Ничего особенного в этом нет”.

Льюис Кэрролл.

“Алиса в Стране Чудес”

В голове моей опилки, да-да-да!

“Вколачивать в человека
ненужные ему премудрости
так же вредно,
как кормить его опилками”.

Бернард Шоу

Доктор Ватсон просто поверить не мог, обнаружив поразительное невежество Шерлона Холмса в таких областях знания, которые должны быть знакомы, по мнению Ватсона, всем цивилизованным людям. В ответ на его

удивление Холмс дал замечательное объяснение, которое не могу не привести: “Мне представляется, что человеческий мозг похож на маленький пустой чердак, который вы можете обставить как хотите. Дуран натащит туда всякой рухляди, какая попадется под руку, и полезные, нужные вещи уже некуда будет всунуть, или в лучшем случае до них среди всей этой завали и не докопаешься. А человек толковый тщательно отбирает то, что он поместит в свой мозговой чердак. Он возьмет лишь инструменты, которые понадобятся для выполнения его задач”.

Для начала, уважаемый читатель, предлагаю вам решить задачу: для чего на самом деле дети каждый день ходят в школу? Ответов должно быть два.

В ШКОЛУ...

Первый — с точки зрения самих детей.

Второй — с точки зрения родителей.

Условие: отвечать честно, не пользуясь стереотипными подсказками. Пока решайте, а ближе к концу сверим ответы.

добятся ему для работы, но зато их будет множество, и все он разложит в образцовом порядке. Напрасно люди думают, что у этой маленькой комнатки эластичные стены и их можно растягивать сколько угодно. Уверяю вас, придет время, когда, приобретая новое, вы будете забывать что-то из прежнего. Поэтому страшно важно, чтобы ненужные сведения не вытесняли собой нужных".

А вам, уважаемый читатель, приходилось ли в годы учебы задумываться, зачем вы тратите время на предметы или сведения, ко-

торые вам никогда не пригодятся? Ведь все наше сегодняшнее образование, если разобраться, и есть забивание чердана хламом.

Говорят, что потребность в новой информации — один из основных человеческих инстинктов. В таком случае школа сумела победить хотя бы один основной инстинкт. Маленькие дети в школу идут доверчиво и послушно: рады, что наконец узнают ответы на все свои вопросы. Проходит время, и большинство теряет всякий интерес к учебе, начинает испытывать синьну и безвыходность: безо вся-

кой вины им внатили десять лет отсидки, и нет надежды на амнистию. Наоборот, взрослые дяди из Минобразования грозятся еще два года добавить.

Говорят, что дети перегружены, что программа слишком большая и сложная, поэтому нужно растянуть обучение на 12 лет. С другой стороны, если рационально перестроить обучение, обычные дети, не вундеркинды, усвоют программу за срок минимум в два раза короче. Помните, знаменитый учитель из Донецка В. Шаталов на практике доказал, что весь курс школьной физики или математики дети усваивают за не сколько месяцев. Что говорить об истории или географии — там месяца концентрированного изучения хватит. Думаете, сейчас я буду призывать реформировать программу, перестраивать систему обучения? Не буду. И погромче нас были витии, да не сделали пользы первом. Эдисоны от методики, талантливые практики, светлые педагогические головы... А чудище обло, огромно и т.д. продолжает пожирать лучшие творческие годы своих жертв и нормит их научообразными опилками, труя про то, что знание — сила, ученье — свет, а оно — чудище — лучшее в мире.

Полонним, произошло невероятное. Оказались в одной школе прекрасные учителя, вооруженные блестящей методикой, ученики все — с желанием учиться. Ура! — программа полностью усвоена и дана за короткий срок. Зачем? Исключая виртуальные цели, вроде сдачи экзаменов или решения кроссвордов, где можно применить эти знания? Почему-то считают, что бесполезных знаний

не бывает. Шерлок Холмс думал иначе, я с ним солидарна. Большая часть научной, технической и просто узко специальной информации вне точки своего применения ценности не имеет. Да и специалисту многое держать в голове излишне, если под рукой справочная литература.

А по поводу школьной программы и ее составителей, полагающих, что должны снарядить учащихся багажом знаний на весь жизненный путь, пришло в голову еще одно сравнение. Опытный турист берет с собой только то, без чего путешествовать невозможно. Неопытный — все, что может пригодиться. Сумасшедший турист набивает багаж всем барахлом, которое попалось под руку, а потом удивляется, почему не может сдвинуться с места и почему нет ни одной нужной вещи.

Если вы, читатель, окончили школу не менее десяти лет назад, уже можно подвести итоги. Скажите честно, что вам реально пригодилось в жизни? Лично мне — четыре действия арифметики плюс проценты, а еще — спасибо прекрасной математичке Е.А. Ростовцевой — приемы быстрого счета в уме, благодаря чему я знаю заранее результат длительных тыканий продавщиц в калькулятор. С признательностью вспоминаю учительницу домоводства — научила шить, учителя электротехники — научил чинить утюг. А что еще? Хотя училась я без проблем, каждый новый предмет приносил разочарования. Мечтала узнать, как называются и где находятся созвездия, но на уроках и в учебнике астрономии даже карты звездного неба не было. А биология! Не научили отли-

чать рожь от пшеницы, не рассказали, как называются окружающие растения, птицы, насекомые, что съедобно, а что опасно, не научили, как вырастить что-нибудь в саду. Зато заставляли зубрить тычинки, пестини, моховидные, хвощевидные и тому подобные голосеменные. Вы можете показать катальпу Фардеса? У нас на юге эти деревья на каждом шагу. Почему, что ни год, все травятся грибами? В школе учили высоконаучным материалам, далеким от такой пошлой прозы. А химия! Вспомните закон Авогадро, уравнение Клапейрона-Менделеева... Как мы бойко умели расставлять коэффициенты в уравнениях химических реакций! Лучше бы нам объяснили, что во что нельзя влиять, чтобы не обжечься, почему moet стиральный порошок и чем его заменить, когда в магазинах нет мыла... Здорово вам в жизни пригодились теоремы Пифагора, Виета и прочих внуке с решением рациональных неравенств методом интегралов? Вот он передо мной — "Краткий справочник школьника" за 5-11 классы. Открывай в любом месте — все те же научные опилки. Относительно той программы, по которой когда-то училось мое поколение, прибавилось много ненужного, почти ничего полезного, а кое-что прямо вредное.

Знаете ли вы, что такое орфограмма? Когда мне объяснили, что ЭТО в обязательной программе, я поверить не могла. Говоря простым языком, это значит: "Посмотрите, дети, на это слово и подчеркните все места, где вы можете сделать ошибки". За такие нововведения диплома нужно лишать. А еще лучше — изловить

и повесить на провокатора. Если раньше человек писал себе слово и не задумывался, тут он придумает возможные ошибки, а в следующий раз засомневается и одну из них употребит.

А еще в виде платы за набитую опилками голову — потеря зрения, здоровья. Большинство выпускников имеют целый букет болезней, вызванных учебой в школе. Почти уверена — если бы был выбор, многие предпочли бы здоровое невежество.

В 1996 году в Киеве выпустили книжку В. Сливаковского "Если хочешь быть богатым и счастливым, не ходи в школу". Я обрадовалась, как только открыла ее: наконец-то нормальный человек, союзник. Он пишет: "Наша система образования учит людей быть неудачниками в жизни, и неудача, как чума, поражает даже тех, кто зананчивал школу лучшими среди лучших... Могу ли я честно сказать, что мое образование помогало мне прожить полноценную жизнь? Научило ли оно меня тому, как сделать мир лучше? Прожил ли я жизнь, занимаясь любимой работой? Заработал ли я достаточно денег для содержания себя и своей семьи? Научило ли меня образование навыкам и умениям, которые помогли мне получать удовольствие от жизни? Вы вынуждены согласиться, что по всем этим вопросам и ответам на них наши школы являются абсолютной неудачей, провалом нашей жизни". Представляю, как возмущаются школьные учителя такими заявлениями.

Профессор Альваро Монтес из Уругвая — энтузиаст в еще большей степени. В своей статье "Блаженны нищие духом" он пи-

шет: "Зачем загонять всех детей подряд в школу на восемь лет, если естественный ход вещей сам приведет туда тех, кто рожден для науки? Я согласен: общество в целом обязано оплачивать пусть даже восемь лет пребывания детей в школе — дабы они были под надзором, а не на улице. Но при чем тут оценки, экзамены, второгодники? Допустим, в наше время все дети имеют право научиться считать и читать. Для этого хватает четырех лет. Затем пускай срабатывает конкуренция. Кто не в состоянии усваивать науки, учите его ремеслу".

Нажется, сейчас повысился престиж среднего профессионального образования. Очень многие восьмиклассники идут в ПТУ. Но как посмотрешь вокруг, соглашись с профессором Монтесом: для большей части профессиональных занятий в нашей стране с избытком хватает четырех классов.

В начале жизни школу помню я ...

*"Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила
строго".*

А.С. Пушкин

По телевизору в новостях — демонстрация учителей в провинции. Им не выдавали зарплату полгода или того больше. Почти все бастующие — в норковых шапках и натуральных шубах. Чувства стиля им не хватает: кто же стоит на паперти в мехах?!

Почему учителям платят так мало да еще с задержкой? Может, это тайная месть бывших

школьников своим мучителям? Может, государству эта профессия нужна меньше других? Но хотелось бы понять другое: почему они столько времени ходили на работу без зарплаты? Есть одна версия.

Только одну профессию любой из нас знает изнутри с детства — учительскую. Ну, и кто о ней мечтает? Непрестанна, по меньшей мере, в последние лет тридцать. Слышала я мнение, что в школу попадают неудачники. Да нет, большинство учителей не считает себя таковыми. И я не о тех, кто родился с талантом и призванием педагога. Вряд ли кому-то повезло встретить в жизни больше одного-двух таких учителей. Все ниже-следующее к ним не относится. А большинство? Почему идут в пед-институты, работают, несмотря на унизительную зарплату и известные прелести школьной жизни? Потому что любят детей? Разве что по формуле "Бьет — значит любит".

Самих учителей об этом спрашивать бессмысленно. Помните, у Л.Толстого в романе "Воскресение" есть пространное рассуждение о том, что "всякому человеку, для того чтобы действовать, необходимо считать свою деятельность важной и хорошей" (это он о профессии Наташи Масловой писал!). Вот и учителя считают свою деятельность нужной. Ни за что не согласятся, что забивают головы учеников сведениями, на девяносто процентов бесполезными для жизни.

По личному опыту скажу, что преподавание может быть творческой работой и приносить огромное удовольствие. Но тут необходим ряд условий, среди кото-

рых — желание учеников учиться, возможность видеть практический результат своего труда. А еще — свобода и время. Школа этого не дает. Так что подобная радость доступна одиночкам-энтузиастам.

А обычные, рядовые учителя? Получают ли они удовлетворение от работы, повторяя одно и то же в нескольких классах, из года в год? Исправляя только даты в поурочных планах, пользуясь чужими методиками из старых журналов? Думаете, не получают? Напротив. Только удовлетворение это иного свойства, чем радость творчества.

В нашей жизни человек с рождения не чувствует себя свободным. Им руководят, помыкают, контролируют каждый шаг, делают замечания, приказывают, ограничивают в правах. В детстве находит: вот вырасту — буду свободным. (Ну правда ведь, дети — самая бесправная часть населения; хотя, наверно, многие социальные группы тоже претендуют на это мрачное первенство.) Стал взрослым — опять кругом несвободен. Потребность освободиться от чувства зависимости, осознанного или подсознательного, вырывается наружу. В самых разных формах. У кого-то — в виде стремления к власти.

Стало общим местом рассуждение о том, что власть обладает наркотическим притяжением. Согласиться с этим можно отчасти. Власть притягательна только для личности с определенными свойствами. Есть лидеры от природы, они выделяются с раннего детства, их первенство обычно признается окружающими. Но к власти тянет и заурядного, не отмеченно-

го талантом или способностями человека, который чувствует свою нереализованность либо не удовлетворен степенью своего признания другими, испытывает потребность в самоутверждении. Для мужчин есть хороший выход — военная служба, которая, как заметил Толстой в упомянутом романе, дает безграничную власть над людьми. Но и в штатской жизни у мужчин несравнимо больше возможностей достижения власти. А где экологическая ниша для женщин? Правильно, в школе. В классе, где выше начальника, чем учительница, никого нет все 45 минут. В армии солдат первый год ходит в "молодых", а на второй сам становится "дедушкой". В школе все десять лет ученики — "молодые", а учительница — пожизненный "дед". Как она использует свою власть, зависит только от ее воспитания, моральных наставлений, мировоззрения. "Дедушки" в армии тоже бывают разными, кто-то может даже дружить с "молодыми".

Говорят, сейчас в развитых странах преобладает демократический стиль общения преподавателей с учащимися. У нас это не проходит. Ученики привыкли к муштре с малолетства, зато чуть с ними помягче — ходят на голове. Учителя просто не понимают, как это может быть: ученики совершенно равноправные с преподавателями люди. Что вы такое говорите?! Их нужно обязательно построить, заставить замолчать, следить за дисциплиной и т.д. Действия учителя описываются глаголами императивного ряда. Педагог заставляет и требует. Ученик подчиняется и выполняет. Идеал!

Учителя гордятся своим умением навести тишину и порядок, держать класс в напряженном безмолвии. Причем часто они достигают этого без повышения голоса: дети цепенеют просто при их появлении. Я замечала это замирание даже у родителей учеников. Да вы сами, возможно, до сих пор непонятно для себя работаете при разговоре с учителем, даже не вашим и не ваших детей. Говорят, это чувство уважения. Возможно. Но это уважение к удаву.

Работа в классе благоприятствует повышению самооценки. Постоянно общаясь с теми, кто по определению знает меньше тебя, не имеет никакого опыта, невольно начинаешь чувствовать себя очень умным и образованным.

Но вся остальная жизнь учителя не помогает укреплению уверенности в себе. Неприличная зарплата, мелочный контроль вышестоящих — проверка личных поурочных планов, постоянные посещения "контролеров" и комиссий, сдача каких-то квалификационных экзаменов и прочие глупости; страх потерять работу (тут вспоминается анекдот про чучей в Заполярье: "Нельзя политический анекдот рассказывать! Сошлют!" Ну да сошлют? Дальше-то ненуда).

Вот потому, даже без зарплаты, спешат они на уроки — получать допинг самоутверждения.

Замечали, наверное, что иногда учителям не нравятся ученики, которые читали много не по возрасту, знают больше, чем по программе положено, задают трудные вопросы, отстаивают свое мнение. Они раздражают: могут поцарапать учительскую самооценку. Но это пока она не по-

крылась броней. А положение учителя в школе способствует превращению даже положительных качеств в противоположные. Активность, напористость трансформируются в агрессивность; требовательность — в бесцеремонность; уверенность — в алломб и беспаппкционность. Откуда взяться демократическому стилю общения, если вся школа на свозь авторитарна. В жесткой или мягкой форме — но диктатура учителя.

Учителя, за редкими исключениями (обычно физкультурник и трудовик), — женщины. Стиль общения — авторитарный. Так заладывается стереотип, который неосознанно усваивают и несут в жизнь девочки и мальчики. Первые превращаются в семейных диктаторов. Вторые, привыкнув с мамой и учительницей к роли подчиняющегося, ведомого женщины, будут такими и в собственной семье. Ни тем, ни другим это не принесет счастья, но они обречены воспроизводить стандарты поведения и передадут их своим детям.

Мне повезло. После окончания школы я не имела с ней абсолютно никаких отношений всю жизнь. "Школьные годы чудесные" — тоже из советской мифологии. Но рассказы подруг, знакомых, газетные статьи и телепередачи в последнее время заставляют сравнивать ту школу из прошлого с нынешней. В годы учебы мне пришлось сменить пять школ (переезд, новый район, строительство школ все ближе к дому), и, соответственно, учителей я повидала больше, чем средний выпускник школы. Мало что хорошего вспоминается, но раньше даже

вообразить было невозможно такое, что сейчас стало обычным делом. Дети подруг рассказывают, что учительница обычно называет их "стадо баранов", "дебилы", "идиоты", а когда рассердится — чуть ли не матом кроет, кричит "Вон отсюда!", хватает за ухо и тянет из класса (ухо потом долго болит), бьет деревянной указкой и т.п. Недавно в "Общей газете" была статья про одну учительницу, на которую дети подали в суд за оскорбления. Ее слова не хочу здесь цитировать, поскольку раньше они считались непечатными. При этом у нее репутация блестящего педагога. Рукопримадство и сквернословие со стороны учителя — воля ваша, раньше такого не могло быть.

Но что еще хуже — это вымогательство в прямой и скрытой форме, на которое жалуются родители. Помню, у нас учителям дарили цветы два или три раза в год. Подарков они не брали. Ни никаких денежных поборов "на ремонт" и т.п. не было. Иногда просили помочь накими-то мелочами, вроде бумаги для стенгазеты, если у родителей была возможность. Что творится сейчас, не буду писать, все и так знают. Одна учительница обиделась на газету, которая опубликовала жалобу родителя. Он рассказал, что без подарка к учителю не подойдешь. Педагог возражает: "Сейчас везде так, мы же к врачу идем — тоже несем подарки и деньги". Такого **абсолютного отсутствия совести** раньше тоже не встречалось.

Про один прием учителей-новаторов" расскажу. Из учеников выбирают тех, у кого обеспеченные родители, и начинают им за-

нинять оценки. Встревоженные родители прибегают в школу (а если не догадаются, учитель их вызывает). "Вашему ребенку нужны дополнительные занятия хотя бы раз в неделю, а лучше два. По 50 рублей за урок", — сообщает учительница. Занятия, естественно, групповые. Таким способом можно заработать в несколько раз больше ставки. "Учила у нас крутая: у нее мобильник", — рассказывают дети из ее класса.

Репетиторство давно стало основным доходом учителей. Есть среди них добросовестные, которые занимаются индивидуально, не шантажируют учеников, чтобы набрать себе побольше частных уроков. Осуждать их было бы лицемерием. Но вымогатели процветают и преуспевают. Жалобы директору и выше безрезультатны.

А вот еще новое в школьной жизни: учительница диктует родителям список, что ей подарить на праздник. В нем дорогая косметика, бытовая техника и даже золотые украшения! (Вспомнишь тут норковые шапки на бастующих учителях.)

Золотые медали покупают. Сочинения на "золото" пишет группа учителей из разных школ и продает с гарантией пятерни. Монет, и раньше такое случалось, но не в виде системы.

В вузах еще хуже. Знакомая заочница во время сессии мечется, ищет деньги: каждый экзамен и зачет оплачиваются по танке. Всем известно, сколько стоит поступление в тот или иной вуз. Оплата раньше бывала замаскированной (занятия с репетитором, гарантирующим поступление), но сейчас все стало проще и откровеннее. Достаточно посмотреть

на автомобили неноторых преподавателей, чтобы понять, откуда дровишки. Когда я училась в университете, такого не было. Наши доценты и профессора ездили на троллейбусе, годами ходили в одном костюме. Был факультет, про который все знали, что и поступают, и учатся там за большие деньги. Но на других — ничего подобного. В семье у меня два поколения преподавателей вузов, круг знакомых соответствующий, так что сужу не по рассказам: никогда не вымогали и не брали взяток со студентов.

Сейчас нам предлагают сделать образование платным. Тогда взяточничество автоматически исчезнет. По принципу "Лучшее средство от перхоти — гильотина". В стране, где большинство родителей не могут обеспечить ребенку полноценного питания, говорить о преимуществах платного образования гнусно с моральной точки зрения. А с государственной — глупо. Нужно беспокоиться о том, чтобы учиться мог каждый, кто способен и хочет, а не только дети обеспеченных родителей. Если государство думает о своем будущем. Если понимает, что нельзя существовать за счет продажи невосполнимых ресурсов. **Не потерять ни одной умной головы — вот вам национальная идея.** Дать ей современное (а не средневековое) образование, именно в нем вложить все возможные средства, а не в бесмысленные войны, милитаризацию и строительство атомных монстров. Но наше государство, кажется, озабочено совсем другим. Один из министров образования проговорился в газетном интервью: "Задернивая подростка в

школе, мы отбираем его у улицы, где он болтается год-два до ухода в армию. Переход на 12-летнее образование потребует финансовых затрат, но они гораздо меньше, чем затраты на исправительные учреждения".

Армия или тюрьма — такую альтернативу видит для выпускников школы министр образования.

Призрак непроливайки

"— Занятия почему так называются? — пояснил Под-Котик. — Потому что на занятиях мы у нашего учителя ум занимаем... А как все займем и ему ничего не оставим, тут же и кончим. В таких случаях еще говорят: "Ему ума не занимать"... Поняла?

— А что же тогда с учителем происходит? — упорствовала Алиса.

Льюис Кэрролл.
"Алиса в Стране Чудес"

Четыре года назад случилось так, что пришлось полгода поработать учителем русского языка и литературы. Школа была самая рядовая. Правда, мне показалось, что она не похожа на те нервно-паралитические назармы, где я отбывала свой десятилетний срок. Может, потому, что я смотрела теперь с противоположной — преподавательской — стороны. А может, просто сейчас всем послабление вышло.

Учительницы там — приятные дамы, одеты элегантно, совсем не похожи на ту мымру из телерекламы, которая хочет быть примером во всем и застирывает жут-

ную кофточку, модную лет тридцать назад.

В этой школе тоже есть подобное описанному в предыдущей главе (многое я там и узнала от коллег). Но это сейчас практически везде. А по рассказам учителей из других школ, бывает намного хуже.

По моим впечатлениям, к ученикам там относятся человечно. Вникают в семейные сложности, болезни, знают все проблемы каждого. Может быть, я сужу поверхностно, но дети в этой школе не озлобленные и в целом симпатичные. Наверное, есть в этом заслуга педагогов. Даже те два восьмых класса, которые мне достались потому, что считались трудными, состояли из неплохих ребят. Хулиганов, будущих преступников или подлецов в их забавных безобразиях не просматривалось. Они просто не хотели учиться. И я их очень даже понимала. Но что было делать — программу давать я обязана. Правда, пыталась их как-то заинтересовать.

Чтобы понять, чем интересуется племя младое, незнакомое, составила нечто вроде анкеты, размножила и дала домашнее задание — написать ответы. Среди прочих были там вопросы: "Если бы ходить в школу было не обязательно, что бы вы делали?", "Какие телепередачи вы любите смотреть?", "Что вы умеете делать?"

На первый вопрос ответ был у всех (кроме троих) одинаковый: "Сидел бы дома и смотрел телевизор". Любимыми передачами оказались у большинства "Ле-го-го" и "Тин-тонин". Я нашла их в TV-программы и посмотрела. Ужас какой-то для умственно отсталых. Но ведь для этого возраста теле-

видение не предлагает почти ничего развлекательного. Все же лучше "Ле-го-го", чем дебильные американские боевики.

Сочиняя анкету, я хотела выяснить одну вещь: хотят ли подростки работать и чем полезным они могли бы заняться, если бы не учились. Только один паренек из класса умел много всего, включая ремонт автомобиля, даже разбирался в устройстве самолета, благодаря отцу-летчику, и в свободное время подрабатывал. Остальные были вполне беспомощными, но считали, что не пропадут в жизни. Одна девочка написала: "Я умею подметать, мыть пол, варить суп. Я все умею". Их уверенность в себе меня порадовала.

Наконец раз написала на доске ряд слов и предложила прочитать с правильными ударениями. Примерно такое: щавель, цыган, столяр, завидно, хозяева, простины, умерший, красивее, правы, приговор, газопровод, занурить, кухонный, крапива, чернослив и т.п. Как дети озвучили эти слова, вы догадываетесь. Когда я проставила ударения и прочитала, они хором сказали: "Так никто не говорит". Тут я повела себя непедагогично. "Да, вы правы, — сказала я, — здесь, в Ростове, так почти никто не говорит. Если вы будете произносить эти слова правильно, на вас посмотрят с недоумением. А вы почувствуете себя белой вороной. Поэтому, если собираетесь всегда жить здесь, говорите как привыкли, как все".

Когда я рассказала этот эпизод коллегам, они возразили, что мы все равно должны учить говорить правильно. Я не согласилась. Зачем? Чтобы они каждый

раз внутренне передергивались от очередного "звонит", "пояла", "зАвидно", "гоДовА"? Чтобы смотрели на пап и мам снисходительно: "Правильно говорить не умеете, а туда же, жить учите"? Чтобы окружающие считали их "не своими"?

Задумавшись об этом раз, я прогрессировала в инакомыслии. Нужно ли сегодня уметь правильно писать? Вот я жутко расстраиваюсь, заснуть не могу от ошибок, которые вину на каждой странице издающихся сейчас книг и газет, в титрах на экране телевизора. И что, пожелать детям того же? А пишут они, как я уже говорила, чудовищно. Потому что не читают книг (впрочем, по новым книгам орфографию лучше не учить). А в учебнике упражнения те же, что в моем детстве: цитаты, надерганные из писателей давно прошедшего времени. Стала выбирать увлекательные заметки из газет для диктантов, чтобы дети хотя бы в написании повседневной лексики тренировались. Говорю коллегам: "Дети пишут п/Ивица, Аштраф/Авать, а в учебнике все примеры — из Тургенева, со словами, которых никто не употребляет". Русистка, шонированная кощунством, восклицает: "Но как же?! Они должны уметь правильно писать багряный и лазурный!" Я не могу представить ситуацию, кроме дурацких диктантов, когда в жизни требуется писать подобные слова. Но если бы школьный учитель задавался такими вопросами, он не смог бы работать.

Даю задание подчеркнуть члены предложений. Сама считаю это занятие бессмысленным, но по программе положено. С грохо-

том лезут в сумки, достают линейки и карандаши, подчеркивают прямой, волнистый, пунктирной линиями (все неправильно, конечно). Проверять тетради, где подчеркнуто карандашом, мучение для глаз: линия сливается с тетрадной линейкой, блестит. Говорю: "Подчеркивайте ручкой, не теряйте времени на карандаши и линейки". Отвечают, что им учителя не разрешают ручной подчеркивать. — Почему? — Говорят, грязь будет. — Откуда она возьмется? — Не знают, потому что привыкли делать как велено, не задумываясь.

Дома я вспоминаю этот разговор и вдруг догадываюсь, откуда взялась эта непонятная "грязь". Когда-то в школах писали перьевыми ручками-вставочками. К ним в придачу каждый ученик носил чернильницу-непроливайку в мешочек. Чертить линии ручной было нельзя: получались кляксы. Учителя запомнили на всю жизнь это правило и перенесли его в эпоху шариковых ручек.

Вся наша система образования — как призрак той непроливайки.

А мораль отсюда такова...

— *А может, здесь и нет никакой морали*, — заметила Алиса.

— *Как это нет!* — возразила Герцогиня. — *Во всем есть своя мораль, нужно только уметь ее найти!*

Льюис Кэрролл.
"Алиса в Стране Чудес"

Вы, дорогой читатель, уже решили задачу, которую я предло-

жила в начале статьи? Я задала восьмиклассникам вопрос: "Зачем вы каждый день ходите в школу?", зная ответ заранее. Сначала они отвечали как положено: "Чтобы получить знания, образование и т.п."

— Значит, когда вы сегодняшли в школу, вы думали: "Вот сейчас получу знания! Как хорошо!"?

Общее веселье.

— А на самом деле — что вас привлекает в школу?

— Ну... это... короче... с друзьями встретиться!

Так я и думала. Вы тоже догадались? Школа для детей — это клуб, единственное место, где они могут общаться, знакомиться и тому подобное. А где еще детям в условиях большого города встречаться? Кружки и секции по интересам? А вы с друзьями что, в кружках разговариваете? На дискотеке? Там не поговоришь. Да еще от своих учеников я узнала, что именно там детей приучают к наркотикам. В квартиру родители не пускают, их можно понять. Летом собираются на улице, во дворе. А зимой остается школа. Там и круг знакомых расширяют, и дружат, и влюбляются, и играют. Вот только училки жутко мешают.

Теперь второй вариант ответа — с точки зрения родителей. Если отбросить стереотипы про получение образования, ответить еще легче. Школа — это камера хранения. С какой-нибудь гарантией, что ребенок не попадет под машину, не станет жертвой маньяка, хулиганов и пр., не насищается наркотиками... продолжите сами. Хотя бы полдня дети под присмотром учителей. Кстати, в школе, где я ра-

ботала, нам запрещено было выгонять учеников из класса, чтобы они ни творили. Именно потому, что основной своей задачей директор считала уберечь детей от возможных опасностей. И ее можно понять.

Есть еще один ответ. С точки зрения государства.

Когда-то давно, когда я училась в школе, одна учительница написала в конце сочинения резолюцию:

"Собственные мысли хороши, если они не идут вразрез с мнением авторов учебника".

Честная формулировка, которую я запомнила на всю жизнь, и сегодня выражает не только все содержание школьного обучения, но и всю государственную идеологию.

Знаете, как объясняют на Западе непостижимые для иностранцев понорность и пассивность русского человека? А вот как: только русских детей с рождения тую пеленают, они лишаются физической возможности двигаться, и это необратимо меняет психику на всю жизнь.

А что происходит в нашей школе? С первого класса ребенка заставляют сидеть неподвижно. Якобы это дисциплинирует и воспитывает. А у него внутри ниппет обмен веществ, как в ядерном реакторе, ему физически мучительно находиться на месте больше десяти минут. Поэтому на переменах малыши носятся так, что взрослым опасно ходить по коридору — сшибут. В восьмом классе начинает играть гормон, нужно двигаться для разрядки. Урок физкультуры проблему не решает. Заставьте взрослых людей сидеть часами неподвижно и молча —

это тяжелая нагрузка. А для детей вдвойне. Зато формируется навык покорного подчинения власти.

Говорят, что дети утомляются в школе от перегрузки. От какой? От умственной работы? Да ее там вовсе нет. Устают от пассивного сидения часами в неудобных позах, от нервного напряжения (ожидание вызова к доске, постоянные замечания и одергивания учителей, унизительные даже если обращены к другому). Утомительно часами слушать ответы других учеников. А спрашивают чаще ленивых и тупых (врачи говорят, что 20 процентов детей даже в обычной школе — олигофrenы в стадии дебильности; сейчас я понимаю, что когда училась в школе, в нашем классе человек пять точно были с диагнозом — учитель в основном их и спрашивали). Слушать глупости бесполезно и даже вредно для умственного развития. Зато школьники привыкают терпеливо внимать болванам и сами от этого тупеют.

Задания — это школа выполнения монотонного, нетворческого труда, которым большинству придется заниматься в жизни.

Сколько прописных бессмыслиц нам успевают внушить! Хотя бы про то, что "старших надо уважать". А младших и ровесников не надо? А если старший уважения не заслуживает? И вообще уважение, как и любовь, — это чувства, они не подчиняются слову "надо". А если иначе сформулировать, точнее: "Уважительно вести себя нужно со всеми"? Но такому нас нечат. Только начальство, старших, вышестоящих надлежит уважать. И без этих рассуждений!

Школа учит подчиняться без анализа и сопротивления; требует

не думать, а действовать по схеме, стандарту. Самостоятельное мышление ("вразрез с мнением авторов учебника") учителями не приветствуется. Научить ненкритично запоминать информацию, не подвергать сомнению истинность написанного в учебнике и сказанного учителем (читай — властью) — вот цель школы. Стремление к независимости осуждается и подавляется. Одобряются дисциплинированность, послушание, исполнительность.

Зато как комфортно быть вместе со всеми, быть таким, как все, ощущать единство! Как приятно петь в хоре, как славноходить строем! Как хорошо получать пятерки за высказывание мнения, совпадающего с начальственным!

Этот урок, в отличие от прочих, усваивают все.

И в результате получается гражданин, очень удобный для управления им. Зря государство так низко ценит учителей. Именно они его опора. Школа — это первое и главное репрессивное учреждение в жизни, которого не миновать никому. Почему образование **обязательное?** Общедоступное — да. Но обязательность — это как-то недемократично. Да потому, что никто не должен избежать этого обтесывания под стандарт. Недаром всегда так трудно, почти невозможно было добиться права свободного посещения или энстерната.

Так разве государство добровольно откажется от системы образования, которая формирует легко управляемых граждан?! К какой должна быть степень демократичности в стране, которая позволит людям самим выбирать, чему и как учиться и учиться ли

вообще, если человек не расположен к этому занятию?!

Персональный компьютер и особенно Интернет в ближайшие годы все равно произведут революцию в мировой образовательной системе. В нашей прессе тоже замелькало модное выражение "дистанционное обучение". Сидя за домашним компьютером, учащиеся будут выбирать удобные для себя время, темп, ритм, способы изучения и даже преподавателя из лучших в стране, сами будут решать, что им интересно, а что не нужно (пока или совсем). Вместо недоверия, принуждения и обязательности — добровольность, свободный интерес, которые, как давно известно, намного эффективней. А школа станет клубом, местом встреч с друзьями. Это в развитых странах.

Нашей стране, сами понимаете, в снором будущем это не угрожает. Поэтому давайте действовать в свете "идей чучхе", смысл которых — опора на собственные силы. Если есть возможность, не ходите, дети, в школу. Сами читайте книги — вон их сейчас

сколько. Компьютер с Интернетом пока у нас роскошь, и боюсь, долго останутся ею. Но есть право выбора. Хотите учиться? Выбирайте самостоятельность в обучении тому, что вам нравится и что необходимо в реальной жизни. Чем раньше вы сделаете это, тем лучше. Толку будет больше, чем от школы, куда мы **ходили каждый день**. Очень жаль бездарно и невозвратно потерянного времени.

От редакции: Согласитесь, дорогие читатели, мысли и идеи, советы и предложения, высказанные автором статьи, интересны, логичны, но порой и спорны. Так давайте же поспорим вместе!

Особенно было бы интересно узнать мнение школьных педагогов, родителей, имеющих детей-школьников, да и самих учащихся средней школы, предстоящая реформа которой касается их в первую очередь.

Пишите нам письма, всё интересное будет опубликовано на страницах "Смены".

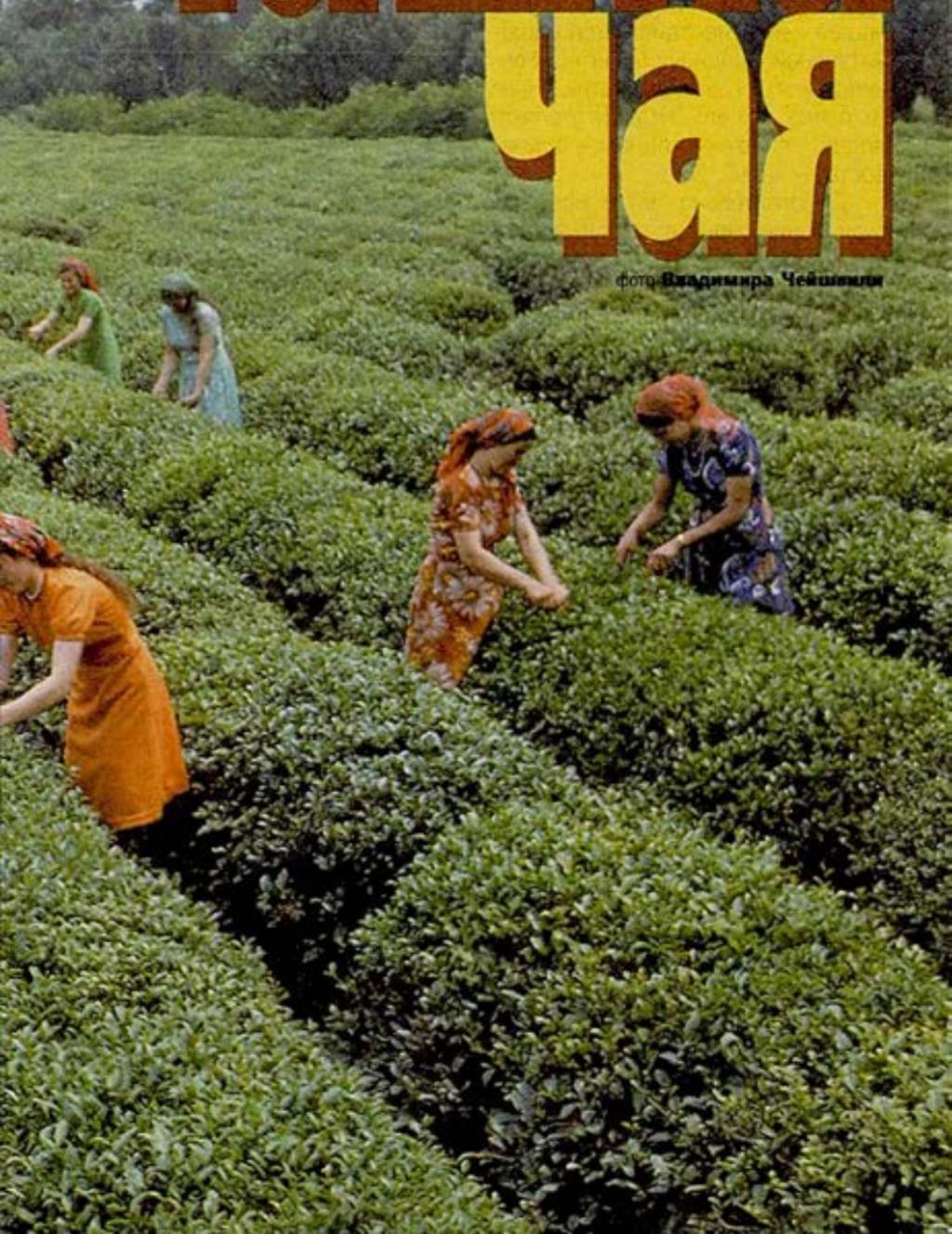

**Чаем в России никого не удивишь.
А что мы знаем
об этом привычном напитке?**

Людмила МАЗУРОВА

Чашка чая

фото Владимира Чайкини

Сквозь века

По преданию честь открытия целебных свойств чая принадлежит мифическому китайскому императору Шэньнуну, жившему... 5000 лет назад. А первые письменные упоминания о чае встречаются в древнекитайской "Книге песен", составленной еще до нашей эры. К середине VIII века эры уже нашей чаепитие становится общекитайской традицией. Автор появившейся тогда знаменитой "Книги о чае" писал: "Жажду утоляют водой, гнев — вином, сонливость — чаем".

Действительно, в те времена буддийские монахи использовали чай в первую очередь как средство против сна во время медитаций, а также как ритуальный напиток для различных храмовых церемоний. Впрочем, целебный эффект чая тоже не отрицался. Приверженцы даосизма причисляли его к средствам продления жизни и сохранения здоровья до глубокой старости: выпив шесть чашек чая, можно стать волшебником, а после седьмой — достичь обители бессмертных.

С VIII века чай стали выращивать и в Японии. Европа же узнала о нем гораздо позже, от великого путешественника Марко Поло, а распространение на континенте он получил лишь с XVII века.

Во времена правления Ивана Грозного в Поднебесной побывали назачи атаманы Попов и Яльшин. Описывая в своих "сказках" китайское зелье, то есть чай, они оговорились, что жителям приграничных районов Сибири и Байкала оно было знакомо и ранее. А вот в центре России о чае узнали лишь в 1638 году, когда московские послы Неверов и Старков привезли

преподнесенные монгольским ханом в подарок царю Михаилу Федоровичу четыре пуда "китайской травки". Минул почти век и через Кяхту пошли первые караваны с чаем, ставшим впоследствии основным товаром китайского экспорта в Россию.

Несмотря на дороговизну — поначалу китайские купцы давали за шкурку соболя всего две пачки чая, — он довольно быстро завоевал популярность не только среди знати и купцов, но и среди бедноты. В будни довольствовались лиловым цветом или настоем трав, а по большим праздникам обязательно баловались чайком. В конце XVIII века Россия импортировала около 900 тонн чая, а спустя столетие уже более 50 тысяч тонн.

Китай потерял монополию на производство чая, когда предприимчивые англичане начали культивировать его в Индии — со временем именно она стала мировым лидером в выращивании этой культуры. (Сегодня только Россия импортирует из Индии ежегодно более 80 тыс. тонн чая. Велик объем российского импорта и с Цейлона (Шри-Ланка) — небольшое островное государство ныне третье в мировом чайном производстве). Любопытно, что четвертую строчку в мировой табели о рангах уже второе десятилетие удерживает Непал, куда первые чайные кусты были завезены только в начале XX-го, теперь уже прошлого века. Примерно в те же годы, что и в Индии, чай начали выращивать в Индонезии, в конце XIX века во Вьетнаме. (Во Вьетнаме, как и в Китае, встречаются чайные деревья высотой до 25 метров и со стволом такой толщины, что его можно обхватить только втроем.) Ныне чай

культивируется во многих жарких странах, самые же северные его плантации — в России.

В 1833 году в Никитский ботанический сад были завезены первые саженцы чая. Но в Крыму из-за неподходящих почвенных условий они приживались плохо и вскоре были перевезены в Сухумский ботанический сад. Появление же первых промышленных плантаций связано с именем инженер-полковника А. Соловцова. На Всемирной выставке в Париже в 1900 году черный байховый чай из сырья, собранного в его грузинском имении, получил Большую Золотую медаль.

Примерно на это же время пришлись первые попытки выращивания новой культуры в субтропических районах Краснодарского края. Масштабы посадок быстроросли. К началу первой мировой войны Россия производила уже около 130–140 тонн готовой продукции. Пик же производства пришелся на 80-е годы — по выпуску чая СССР занимал тогда четвертое место в мире. Мы его, оказывается, в небольших объемах даже экспорттировали.

Герои вчерашних дней

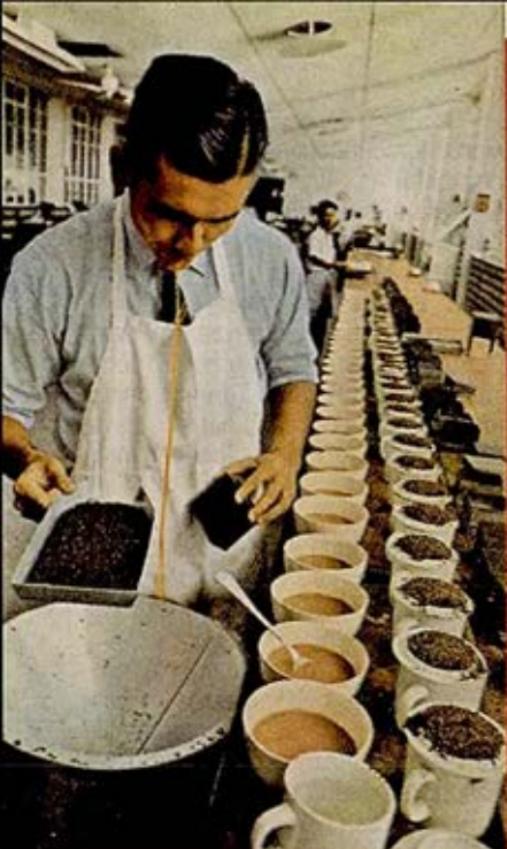
Самым лучшим чаем в СССР считался краснодарский, особенно сорта "Бунет". За ним, как и за индийским и цейлонским, выставили очереди и берегли его к приходу гостей. Вместе с распадом Союза, вопреки всякой логике, пропал и некогда любимый всеми краснодарский. Вернее, сначала пропало качество. Оказывается, былая его слава во многом зиждалась на индийской основе: львиную долю импорта расфасовывали на сочинских фабриках, а высшие сорта са-

мого краснодарского наполовину состояли из индийского. Впрочем, в купажировании (смешивании) различных сортов ничего зазорного нет. Оно принято во всем мире — купаж позволяет составить любую композицию вкуса, аромата и обеспечить начество при относительно низкой цене. Так что слава краснодарского, в общем-то, была заслуженной. Но, к сожалению, преходящей.

С началом приватизации государство отошло от централизованных закупок чая, и краснодарские чаеводы, привыкшие получать сырье без особых усилий, остались у разбитого корыта. Загрузить развесочные цеха, в которых стояли суперсовременные упаковочные автоматы, оказалось нечем. Производство упало впятеро, отрасль, приносившая Сочи более трети всех доходов, перешла в разряд убыточных.

Причины банальны для России 90-х — отсутствие оборотных средств, непомерные налоги. Жилье, дома культуры, профилактории, за строительство которых когда-то награждали орденами, стали камнем на шее, съедая и без того скучные доходы. Впрочем, по мнению президента российской ассоциации чаепроизводителей "Росчай" Устима Штеймана, который, будучи генеральным директором "Краснодарчая", все это как раз и строил, причины падения не только объективные.

Действительно, целевые средства на поддержку российских чаеводов выделялись несолько раз, но все они ушли в песок. Не очень убедительны и ссылки на непатриотичных бизнесменов: нет, мол, покупать бы свой хороший чай, а они ринулись за тридевять земель. Но

До двухсот образцов чая в день
тестирует тиестер.

ринулись они, во-первых, потому, что Россия потребляет более ста тысяч тонн чая, а Краснодар в лучшем случае может произвести две тысячи. Во-вторых, краснодарский продут до 1998 года был в два раза дороже индийского. После дефолта российские производители вспомнили о сочинцах, и весь их чай разошелся за два месяца. На следующий год чаеводы решили произвести его побольше и одновременно поднять цену. Вероятно, вот этого последнего как раз и нельзя было делать. Рынок к тому времени более или менее стабилизировался, желающих покупать краснодарский продут по индийским ценам оказалось немного.

Как ни крути, а климатические условия наших субтропиков для чайной культуры далеки от идеальных. Кусты то подмерзнут, то начнут сохнуть. Но большие морозы все-таки редкость, а вот засухи в районе Сочи — дело обычное. Редкие же ливневые дожди приносят больше вреда, чем пользы. Землю не промочат, но смывают все питательные вещества. В 80-е большая часть плантаций орошалась, в 90-е из-за роста цен на электроэнергию полив сошел на нет. И теперь от систем капельного орошения и дождевальных установок остались лишь воспоминания — предпримчивые жители окрестных сел потихоньку перетащили их на свои участки.

— Теперь, — жалуются чаеводы, — другие предпримчивые воруют наш чайный лист. Снимают самое ценное — верхушку, вручную перерабатывают, получают высококачественный чай и продают его втридорога.

— А вы сами почему не делаете такой?

— Так у нас же механизированный сбор, а для "элиты" нужна верхняя почка с первым листочком. Частники за ее сбор платят по 10 рублей за килограмм, а мы за механизированный по 1,2-1,5 рубля.

— И вы заплатите по 10, — не унимаюсь я, — чем только раздражаю собеседников. А не унимаюсь, поскольку знаю, что потребители качественного чая готовы платить за него высокую цену. А вот чай "средней паршивости" лежит на складах, не выдергивая ценовой конкуренции с грузинским и с качественной продукцией известных фирм.

Умом Россию, похоже, действительно не понять. Те, у кого в руках

было все, стали нищими, а тот, кто начал с нуля, отправившись, ничего не понимая в чаях, на свой страх и риск в далекую Индию, оказались на коне. И сегодня уже они определяют политику чайного рынка.

— То-то и оно, — злится технолог АО "Дагомысчай" Владимир Ансанычев, — у них ведь налогов никаких, а мы должны отдать больше, чем получили. Знаете, какая у нас средняя зарплата? В девяносто девятом 600 рублей, а в двухтысячном вообще копейки.

Если раньше производители чая диктовали условия совхозам, то теперь наоборот. Чай собирается не тогда, когда условия для этого наиболее благоприятны, а тогда, когда у совхоза освобождаются руки от более выгодных с экономической точки зрения культур.

...Издалена шпалеры чайных плантаций на склонах выглядели очень эффектно. Когда подъехали ближе, оказалось, что половина заросла сорняками, кусты явно давно не подрезались, а селекционный сорт "Нолхиды", на который когда-то возлагались надежды, вообще в плачевном состоянии. Нет удобрений, нет рабочих рук...

— Это лето совсем нас поднесло, — вздыхает Ансанычев. — Засуха, жара. Температура почвы поднималась до 42 градусов — хоть плачь.

Владимир Александрович срывает верхушку молодого побега и протягивает ее мне:

— Это фleshь. Из растущей почки и первого листа получается чай наивысшего качества, из второго листа — продукция первого сорта, из третьего — среднего качества...

Я мну пальцами нежный листочек, надеясь внести нежный чай-

ный аромат. Но сномканный листик пахнет банальной зеленью, травой.

— Все одинаково поступают, минут и ожидают чуда, — улыбается Ансанычев, — но это не лавровый лист. Аромат появится только после фабричной переработки.

Фабрика в Волковке, где мы побывали, производит гранулированный чай. (В Индии, кстати, до 75 процентов чая вырабатывается именно по этой технологии.) Он экономичнее, у него более терпкий настой. Однако у сочинцев с его сбытом — проблемы. Россияне предпочитают крупнолистовой чай, изготовленный по традиционной технологии. Поэтому часть зеленого листа "Дагомысчай" перерабатывает на чужих чайных фабриках, а свое дорогостоящее оборудование приставляет...

Внимание: подделка!

Нечестоплотные предприниматели давно пользуются чужими "раскрученными" марками. Юг России завален низкосортным, а посему очень дешевым грузинским чаем, продающимся как краснодарский. В сочинской администрации мне показали вполне солидную пачку "Краснодарского чая" с надписью: изготовлен ООО "Сочинская чайная фабрика", г. Сочи, ул. Нагорная, 23. Но фабрики с таким названием нет. По указанному адресу находится жилой дом, обитатели которого и слыхом не слыхивали об этом ООО.

Поддельный чай периодически изымают, но силы органов правопорядка и фальсификаторов не равны. Грузинский чай выдают не только за краснодарский, но и за

индийский. А низкосортный индийский вполне может оказаться в пачках чая высшего сорта мировых производителей. Пожалуй, нет ни одной крупной фирмы или известной марки, которые не пострадали бы от действий фальсификаторов. Но в конечном-то итоге страдаем мы, потребители.

Чаще всего потребителя надувают на индийском чае, предлагая подделку по дешевой цене. Поэтому не будет лишним запомнить, что сто граммов даже среднего индийского чая не могут стоить меньше 50 центов. Раньше каждую партию зануляемого чая проверяли титестеры (дегустаторы, эксперты) "Союзплодоимпорта". Делалось это еще в Калькутте. Некоторые из тех экспертов и по сей день работают в Индии, оказывая услуги российским предпринимателям. Один из них — Имедо Нопалиани. Прошел путь от технолога до директора Адлерской чайной фабрики, с 1990 года работает в Индии. Сначала в "Союзплодоимпорте", теперь в "Плодименс эйдженсиз". Профессия титестера очень уважаема в "чайном" мире, поскольку именно он определяет качество образца чая, ставя каждому баллы за внешний вид, аромат, цвет настоя и вкус. Максимальный баллдается "высокому чаю", а за ним уже следует высший сорт I категории, средний, ниже среднего, низкий III сорт. Россия, вследствие нашей скромной платежеспособности, пьет в основном средний и ниже оного, хотя практически на всех пачках красуется "высший сорт".

— Имедо Владимирович, а какой чай лучший? — задаю вопрос.

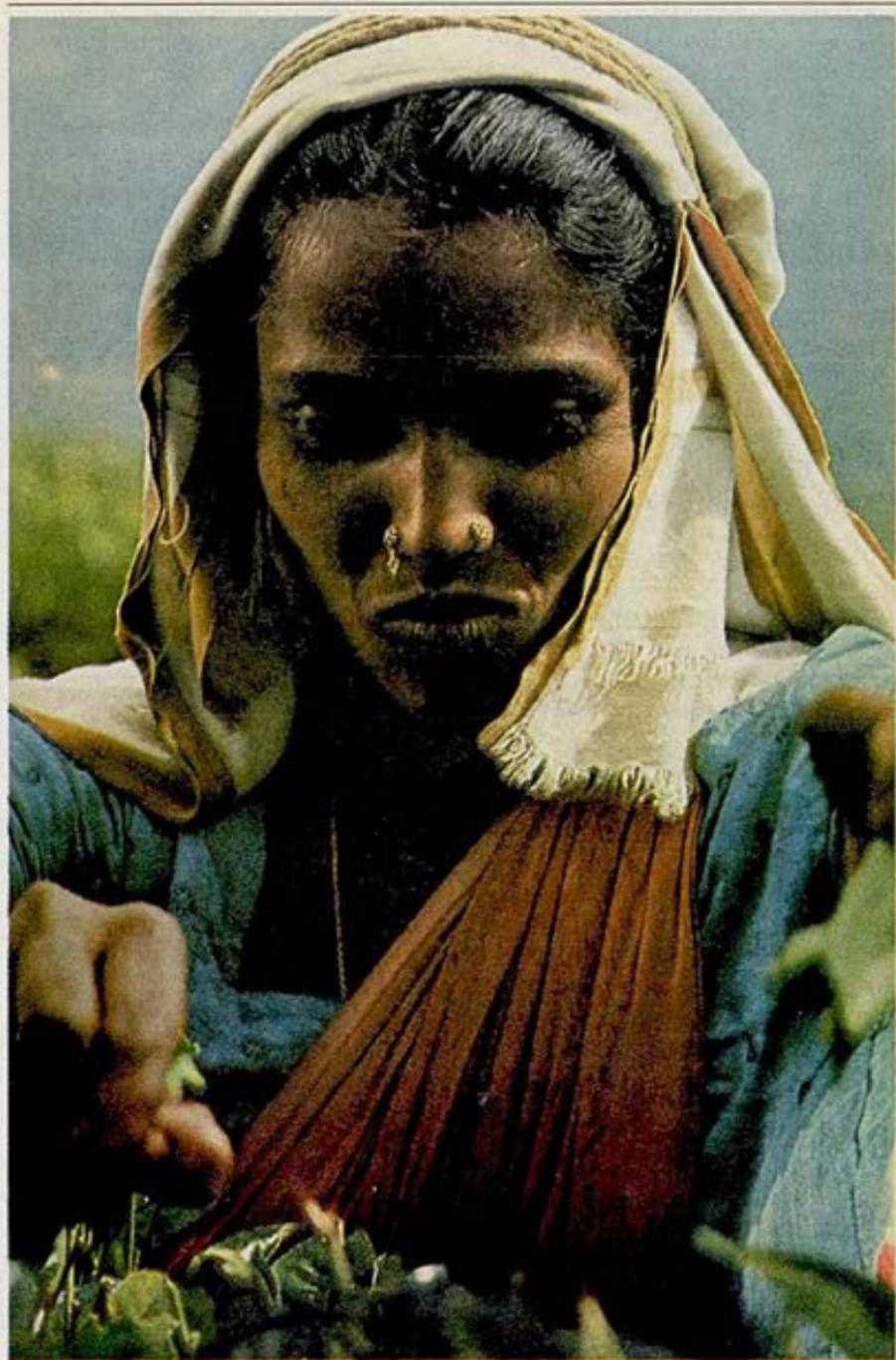
— Индузы, как и англичане, пьют чай с молоком. В основном

гранулированный. Он более терпкий, но менее ароматный. А я люблю листовой "Дарджилинг" из сада Насилтон, Западная Бенгалия.

Качество чая начинается с чайного листа и района произрастания. В Китае лучшие сорта чая в уездах Анси и Циминь, провинциях Фуцзянь, Гуандун, Чжецзян, Юньнань. В Индии чай с тончайшим вкусом и уникальным ароматом растет в Западной Бенгалии, в округе Дарджилинг на высоте до 2400 метров над уровнем моря. Затем идет Ассамский, Кочинский, Мадрасский и прочие относятся уже к сортам ниже среднего. Цейлонский соответствует примерно индийскому "Ассам" или китайскому "Юньнань".

В большинстве чаепроизводящих стран лист собирается вручную. Не только потому, что там избыток рабочей силы, но и потому, что только при ручном сборе можно соблюсти необходимые сортовые условия. Например, элитный чай делается из верхней почки и первого нежного листочка, собранных в период с апреля до середины июля. Та же фlesh весенний или осенний сборки менее ценна. Из огрубевших побегов с тремя и более листочками можно сделать только быстрорасторвенный, кирпичный или прессованный чай.

При механизированном сборе, как в Сочи, очень трудно отделить нежную фракцию, поэтому на фабрику приходят побеги и с одним, и с двумя, и с тремя, и с семью листочками. Качество сырья определяется по количеству в общей массе фleshi с одним-двумя листочками. Естественно, на глаз. Рассортировать его уже на фабрике практически невозможно, по-

Шри-Ланка. Сборщица чайного листа.

солько речь идет о тоннах зеленой массы. В прошлом году технолог Адлерской чайной фабрики Татьяна Балунова вместе с несколькими рабочими по двенадцать часов в сутки выбирала из этой массы нежную фракцию, чтобы потом произвести хоть немного высококачественного чая. Копалиани, проводивший осенью в Адлере свой отпуск, протестировал экспериментальную продукцию своих бывших коллег и сказала, что такой чай вполне может пойти не за 1,2-1,8 \$, как продается основная масса краснодарского чая, а за 5-7 \$.

— Только много ли вы зарабатываете?

— Да, не в этом дело, — машет рукой Татьяна Петровна. — Главное, доказать, что из сочинского листа можно делать очень хороший чай.

— Чудачка вы, Татьяна, — смеется Имело Владимирович. — Свое дело надо заводить.

И Копалиани рассказывает нам историю про трех братьев, основавших индийскую компанию "Сараф". Все делали сами, ездили на велосипедах, экономили каждую рупию, а через несколько лет стали миллионерами. Когда плантации, как в России, в одних руках, фабрики в других, а реализация в третьих, ничего хорошего не получится. В Индии хозяин чайной фабрики ведет и сбор листа, и переработку, и дегустацию, и продажу. Вернее, сначала продаёт. Выставляет на аукцион образцы чая, а затем уже производит чай именно такого сорта и в таком количестве, какому ему заказали. В соответствии с задачей и лист собирает: столько-то флешией только с почкой и первым листочком,

столько-то можно взять с двумя листочками, а столько с тремя.

От бирюзового до белого

Сам процесс переработки тоже влияет на качество, но тут надо лишь соблюдать технологию. При одной получается зеленый чай, при другой — черный. Основой же для всех видов является один и тот же чайный куст.

При производстве черного чая лист проходит процессы завяливания, скручивания, ферментации и сушки. В ходе ферментации лист приобретает аромат и цвет, но теряет ряд элементов, находящихся в исходном сырье. Чтобы получился зеленый чай, развитие окислительных реакций (ферментацию) исключают на первом же этапе. В результате в зеленом чае в отличие от черного, сохраняется почти весь объем катехинов, витаминов и дубильных веществ.

Китай производит еще желтый и красный чай, в физиологическом отношении также более ценные, чем черный. Желтый ближе к зеленому, но при этом имеет более мягкий вкус и более сильный аромат. У красного чая сорта улун или, как называют его в Европе, "Оолонг" ("Черный дракон"), края листа имеют свойства, близкие к черному чаю, а сердцевина — к зеленому. У него янтарно-красный настой, прекрасный аромат и очень приятный терпкий вкус.

Вообще китайская классификация чаев гораздо тоньше европейской. По степени ферментации китайцы делят чай на зеленые, бирюзовые, белые, желтые, красные и черные. При этом внутри каждого вида есть еще свои градации по цвету сухого чайного листа, цвету

настоя и цвету листа после заварки. Считается, что чай, собранный утром, значительно отличается от полуденного, а собранный в дондливую погоду — холодный, его надо пить осторожно, чтобы не навредить здоровью. В древности существовали чаи, собирающиеся только девочками, у которых еще не начался менструальный цикл. Двумя ноготками, дабы даже пальчиками не приноситься к листу, срывалась почка определенного размера и формы. Мало того, она обязательно должна была смотреть остринем на юг, поскольку у почки, смотрящей на запад, восток или север, была другая энергетика.

Настоящий "Дун тин", например, собирают тогда, когда цветут фруктовые растения, специально посаженные на чайных плантациях: груша, персик, абрикосы, сливы и шелковица. Чай как быпитывает энергетику цветения этих растений, и если его несколько дней подряд, как говорят китайцы, внимательно пить, начинаешь чувствовать переливы аромата.

Вот такие церемонии...

Есть в центре Москвы место, где чайный гурман и поклонник Востока может получить истинное удовольствие — "Клуб чайной культуры". Создали его Бронислав Виногродский, переводчик с древнекитайского, и Михаил Баев, мастер восточных боевых искусств. Китайцы, долго живущие в Москве, относятся к клубу с большим уважением, поскольку организаторам удалось поймать нюансы древней чайной церемонии и создать обстановку, соответствующую духу Поднебесной. Сюда приходят не просто попить чайку, а для того,

чтобы, насладившись чаем, поразмыслить, прислушаться к себе, сбросить повседневную суету. И, конечно, приобщиться к великой культуре.

Сейчас чайная коллекция клуба составляет более 120 сортов. Это только высокие, элитные и коллекционные чаи. Бронислав и Михаил сами привозят их из китайских провинций, в которых чай культивируется уже несолько тысячелетий. Мебель и все церемониальные атрибуты тоже из Китая. Либо изготовленные на заказ, либо антикварные.

С каждым посетителем клуба работает консультант, который помогает выбрать чай, соответствующий настроению и вкусу. Он сам его заваривает, рассказывает историю выбранного сорта, учит его пить. Поскольку, как говорят чайные мастера, подлинная сущность чая скрыта, и для проникновения в нее требуется определенное усилие.

Можно заназать недорогой чай и в уютном уголке пить его весь вечер, беседуя, читая или слушая игру музыкантов, которым вторит нарейка. Можно заказать чайную церемонию и окунуться в атмосферу древнего буддийского храма.

"Клуб чайной культуры" — это не только чай. Здесь можно изучать китайский язык, современный и древний, каллиграфию и боевые искусства. Поощряются беседы о восточной философии и смысле бытия и запрещаются курение и распитие алкогольных напитков. Пить можно только чай. Без сахара, булочек и суеты.

Суета и чаепитие несовместимы и в русских традициях. Но на этом сходство, по сути, и заканчивается. Русское чаепитие — это

самовар, желательно на углях, тряпичная кукла для укрывания заваренного чайника, цветастая фарфоровая посуда, сахар, мед, орехи, варенье, сушки и пироги. Конечно, и сам чай.

Любили на Руси чай с травами и кореньями: родиолой розовой (диким золотым корнем), маральим корнем, баданом, листом брускини и смородины, чабрецом, побегами душицы, мяты, наледнолой, шиповником и многими другими целебными или душистыми травами. А еще Русь пила травные чаи. Самый древний из них — иванчай (кипрей). Его промыслом еще в XII веке занялись жители селения Нопорье, основанного князем Александром Невским. Помимо собственно иванчая с плантаций получали великолепный кипрейный мед, а муны, приготовленную из корневищ, содержащих крахмал и сахар, использовали для лепешек и выпечки хлеба.

Но все-таки русское чаепитие в нашем представлении связано не с "пользительными" травами, а с настоящим байховым чаем, дородными нупчихами и пирогами. Увы, клуба отечественной чайной культуры в Москве нет.

На вкус и цвет...

Хорошо было раньше. Пришел в магазин — на витрине две-три сиротливых пачечки, и голову ломать не над чем. После же общепитовской мутной "бурды" с отвратительным привкусом любой чай, заваренный дома, казался вполне сносным. Сегодня, когда на рынке представлены десятки сортов, проблема выбора, пожалуй, самая главная. Так как же выбирать чай? Эти вопросы я задавала участникам Международного салона чая и

кофе, прошедшего недавней осенью в Москве. Все профессионалы отвечали примерно одно и то же: главное, не покупать чай с "летучими" лотков. Рынки — тоже территория риска. Надежнее всего специализированные магазины, держащие своей маркой. Если таких нет поблизости, хорошо бы все-таки иметь "своего" продавца. Торговля прекрасно знает, какой чай идет по поддельным накладным, а какой занулен у солидных оптовиков или производителей. Конечно, и торговая компания может невольно попасть впросак, занулив, к примеру, английский чай, расфасованный в Польше, но все же двойной контроль дает хоть какуюто гарантию качества.

Выбирая чай, в первую очередь, надо прочесть, что написано на пачке. Чай — продукт скоропортящийся. За редким исключением, он годен в течение года-двух. Помимо даты изготовления и условий хранения на упаковке должны быть указаны: родина произрастания листа, Франция (листовой, крупнолистовой или гранулированный), название фирмы-производителя и, если чай ароматизированный, происхождение добавок: натуральные, идентичные натуральным или искусственные.

Если вы открыли пачку и обнаружили в ней "венники" или серую пыль — это бран. Смело требуйте свои кровные назад. Если же в черном чае присутствуют чаинки (но не палочки и древесные волоски) более светлого цвета, это, напротив, означает, что продули хорошего качества. Светлые чаинки — это "тильсы", почечки. Классический "Дарджилинг" имеет листочки зеленовато-коричневого оттенка с белыми прожилками. "Ассам" смотрится

нан смесь черного с золотым. Дымчатый "Лапсанг сушонг" и формозский "Оолонг" отличаются листочками заметно больших размеров. О многом говорит и цвет настоя. В зеленых чаях, правда, дилетанту трудно разобраться, а вот черный должен иметь светло- или темно-янтарный или же красноватый оттенок. Если настой темно-коричневый и непрозрачный, значит, чай переферментирован, если, наоборот, зеленоватый, значит, сырье недостаточно ферментировано.

Теперь что насается марок. И, пожалуй, это самый непростой вопрос. Люди старшего поколения по привычке самым лучшим считают индийский чай. Но понятие "индийский" очень расплывчено. Поскольку в этой стране, как и везде, производят разный продукт: от высокого до низкого. И поэтому сам факт расфасовки в Индии ни о чем не говорит. Да, собственно говоря, единственная, пожалуй, солидная индийская фирма, оставшаяся на российском рынке, — "Тонал". Она уже сорок лет поставляет чай первичной обработки и фасованный. Из цейлонских компаний — самая известная "Dilmah", начавшая с поставок в 1958 году в бывший СССР цейлонского сырья для наших чаевзвесочных фабрик, а с 1988 года поставляющая уже фасованный чай собственной марки.

До 1997 года готовый индийский и цейлонский чай ввозили и практически все отечественные фирмы. После изменения таможенных пошлин (на ввоз сырья — 5 процентов, на готовую продукцию — 20), стало выгоднее составлять рецепты и расфасовывать чай внутри России. Пожалуй, это было одним из немногих разумных решений правительства — зарабо-

тали многие из ранне безнадежно стоявших чаевзвесочных фабрик и появились новые, с самым современным оборудованием. Зашевелились машиностроители и бумаажники, производящие упаковку.

Вообще России, как говорится, сам Бог велел стать одним из лидеров в производстве чая. У нас огромный внутренний рынок, мы знаем толк в чаях, поскольку уже несколько столетий их пьем, и мы весьма при этом привередливы. Пакетированный чай мелкой фракции, который в основном предпочитают Европа и Америка, у нас считается продуктом "второго сорта", а гранулированный мы хоть и пьем, но тоже "нос кривим". Самый лучший по российским меркам — крупнолистовой. Это, конечно, справедливо по отношению к высоким и элитным сортам, а вот более демократичные по цене чаи могут быть отличного качества и в гранулированном виде и отвратительного в крупнолистовом.

У многих российских фирм появились уже свои бренды — торговые марки. Самая "раскрученная" на сегодня — "Майский чай". Конечно, "Майский чай", "Гранд" и "Ориими" — самые крупные российские поставщики и производители. Покупая чай известных российских и зарубежных фирм, мы, с одной стороны, в какой-то мере страхуем себя в отношении качества — как правило, они берегут честь своего мундира, с другой — рискуем. Поддельывают чаще всего именно известные марки.

Что насается новичков, то и у них может быть очень хороший продукт. Другое дело, что пробиться на рынок не так-то просто. Его прочно заняли крупные российские фирмы, а также английские "Lipton",

"Newby", немецкая "Milford" и ряд других.

Многие известные марки чая производятся разными компаниями. Например, "Эрл Грей" ("Седой граф"). По преданию граф Грей, будучи министром иностранных дел Великобритании, в 1832 году во время деловой поездки в Китай спас жизнь одному китайскому наместнику. В благодарность тот передал ему коробочку с ароматным чаем и рецепт его приготовления. Вернувшись на родину, граф Рей передал рецепт компании Twinings. Уникальная смесь сортов китайского чая и бергамота (экзотический тропический плод с ароматом лимона, апельсина и киви одновременно) и есть чай "Эрл Грей".

Компания Twinings вовремя не зарегистрировала на себя эту марку, и сегодня "седого графа" производят многие. В том числе, известная на российском рынке, английская компания — "Ахмад Ти". На московском международном салоне за чай этой марки она получила несколько дипломов.

Признание экспертов получили также некоторые марки чая фирм "Олинда", "Орими", "Геральд" и "Сибирский чай". Но больше всего дипломов, кроме "Ахмад Ти", досталось "Русской чайной компании", специализирующейся на элитных чаях. В ее ассортименте только весового около ста наименований плюс более тридцати сортов фасованного.

Несколько советов

Поскольку на вопрос, какой чай лучше, однозначного ответа нет, прислушивайтесь при покупке к своей интуиции. Если же вы решили усовершенствовать вкус и приблизиться к "божественному ду-

ху", идите вперед, но не пропускайте ни одной ступеньки. Если сразу перейти от среднего терпкого чая к элитному (элитные стоят в среднем от 37 до 100 долларов за килограмм, а эксклюзивные — столько же, но за сто грамм), вас может постичь жестокое разочарование. Ведь чем лучше (выше) чай, тем нежнее настой, тоньше аромат и изысканней вкус. Утонченные переливы могут сразу и не открыться. Так что идите медленно и пейте чай внимательно. Для будней лучше всего иметь привычный средний сорт, а для торжественных чаепитий и душевых раздумий — высокий. Хранить чай надо в фольге в герметичных условиях. И не располагать бок о бок пакетные и деликатные его сорта.

Но покупка чая — это лишь полдела, вернее, треть, а может быть, четверть. Прежде чем думать о чаепитии, надо позаботиться о воде. Она должна обладать тремя свойствами: быть очень мягкой, иметь сладковатый привкус и нести энергетику, то есть быть живой. Хлорированная из наших водопроводных кранов убивает чай. Высокий (все равно зеленый он, красный или черный) так лучше выбросить, чем травить хлорной. Он никогда не раскроется в такой воде. В идеале нужна горная вода. Средняя по качеству — речная, низшая — колодезная. Нынешняя речная вода, думаю, вряд ли лучше колодезной. Поэтому воспользуйтесь дачным колодцем, а лучше — источником. Если такой возможности нет, попросту купите воду. Но без газа и примесей.

Следующий этап — кипячение воды. Это, оказывается, тоже, отнюдь, не простое дело. Варят или заливают очень крутым кипятком

только некоторые сорта. Для большинства же нужна вода не выше 80-95 градусов. Если вода в чайнике забурлила, как море в шторм, она уже "старая" и для заварки не годится.

Перед началом заваривания чайник (фарфоровый, глиняный или стеклянный) следует 2 раза ополоснуть горячей водой. Затем насыпать чай из расчета 1 чайная ложка на станан кипятка плюс 1 ложка на чайник. Одни специалисты советуют заливать чайник сразу полностью, другие — на 2/3 объема, а через 2 минуты доверху. Но не по самую крышку. Нужно оставить место для пенки (пенка — показатель качества чая). Чайник можно накрыть легкой льняной салфеткой, но ни в коем случае не ватной "бабой" — чай просто запарится и потеряет качество. Время заваривания 3-5 минут в зависимости от сорта. Прежде чем внахмурить получившийся напиток, надо вдохнуть его аромат, поскольку он довольно быстро улетучивается.

Большинство зеленых чаев заваривают в целом так же. Но настаивают чуть дольше — 4-7 минут. Во время заваривания зеленый чай надо перемешать фарфоровой или деревянной (но не металлической) ложкой. Зеленый чай, разлитый по чашкам, водой больше не разбавляют. Снова заливают кипятком (но не бурлящим, мертвым) чайники, оставшиеся в чайнике для заварки. И так в зависимости от сорта от двух до десяти раз. Зеленый чай пьют только в чистом виде, без сахара, молока, варенья.

Помогающий исцелению

"Настоящее лекарство, говорили древние, действует очень по-

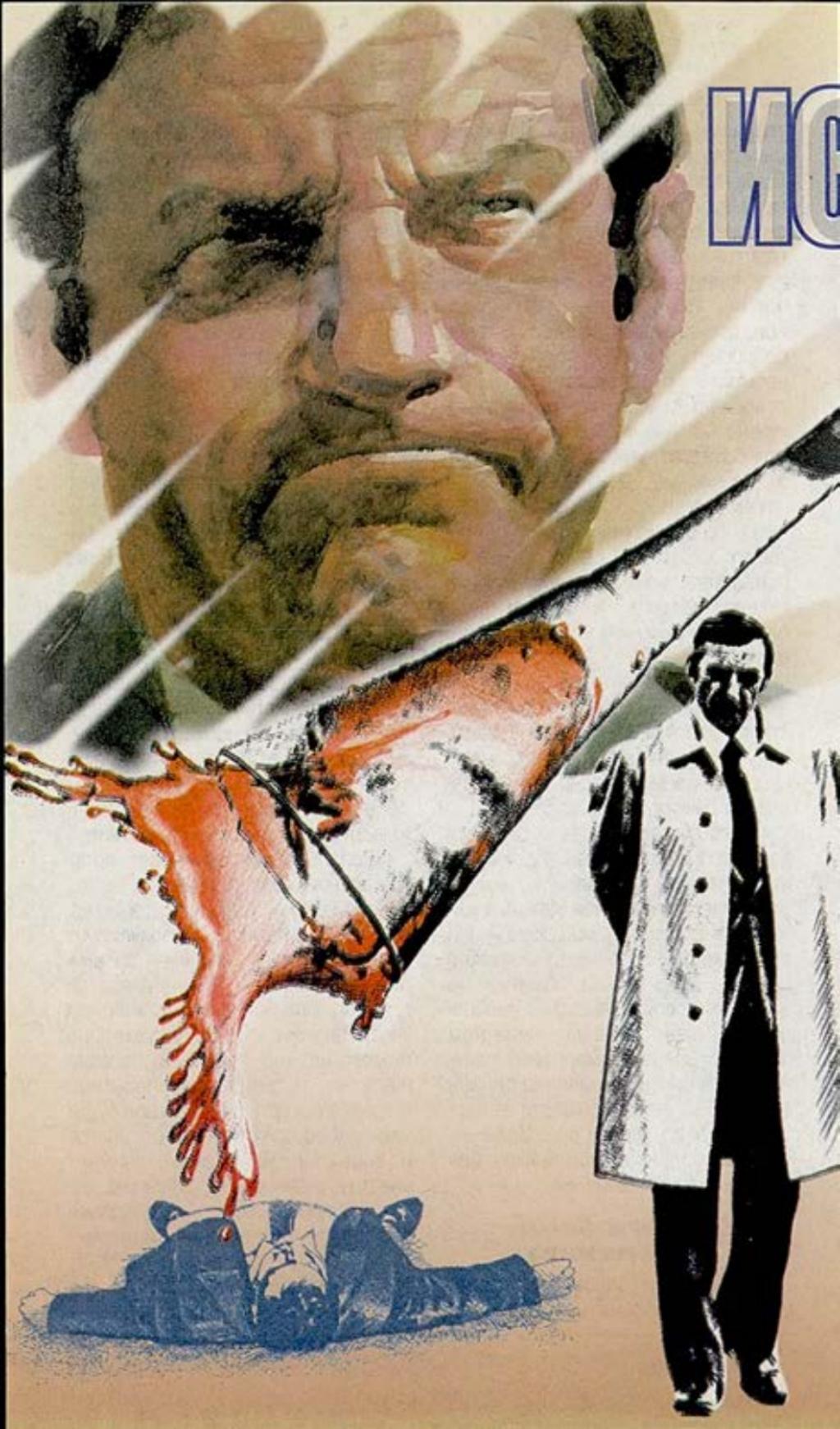
степенно, но конечный результат — не улучшение, а исцеление". С точки зрения китайской медицины, чай утоляет жажду, охлаждает жар, проясняет зрение, нормализует функции мочеиспускания (между прочим, китайцы очень редко страдают желчной и мочевенной болезнью), выводит токсины, предотвращает старение.

Современная медицина с древней китайской в целом согласна. Чай, зеленый в большей степени, черный в меньшей, содержит все основные витамины, аминокислоты и микроэлементы. Науке неизвестно какое-либо другое растение, в листьях которого содержалось бы такое же количество катехинов, как в чае. Катехины улучшают проницаемость капилляров, улучшают их эластичность и помогают при ревматическом эндокардите, атеросклерозе, гипертонической болезни. Благотворно влияют на пищеварительный тракт, предохраняют от перекисида — самоокисления, имеют антимикробное действие.

Зеленый чай оказывает положительное воздействие на водно-солевой обмен, работу сердечно-сосудистой системы, стимулирует кроветворение и снижает артериальное давление. Крепкий настой зеленого чая при систематическом употреблении очень благотворно влияет на ход язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки. Растворенный в порошон сухой чай — хорошее средство от онкогенов и тошноты. Чай также снимает спазмы, увеличивает потенцию, помогает справиться с простудами, отравлениями и конъюнктивитами.

А самое главное — чай "дает крылья", пробуждает мысль, усиливает дух и смягчает сердце. ■

HO

ПИНА-В ВИНЕ

Р он оказался в чудовищной ситуации, как вы сейчас убедитесь сами. Я не знаю, что делать...

— Один из принципов, который, по моему разумению, наиболее способствовал моему продвижению по службе, помимо удачного выбора пресс-секретаря, — говорил суперинтендант, — состоит в том, что первое впечатление не всегда обманчиво. Случается, преступление совершается именно так, как оно совершено, и при этом в полном соответствии с задуманным. — Он наполнил бокал и передал мне бутылку.

— Что-то я не улавливаю ход твоих мыслей, — ответил я, надеясь услышать поучительную историю.

Я пишу детективы. Если вы не слышали обо мне, то лишь потому, что не читаете их. Я — автор “Убийства на черной лестнице” и “Тайны сломанной розы”. Это всего лишь две из моих удач. Думаю, благодаря моим детективам суперинтендант Фредерик Мортимер поначалу заинтересовался моей персоной, а уж для меня он стал кладезем информации. Мужчина он крупный, с лицом римского императора, у меня же кость тонкая, рост небольшой. Со временем мы подружились, у нас вошло в привычку раз в месяц обедать вместе, поочередно в его и моей квартирах. Он любил говорить о преступлениях, которые ему довелось расследовать, и во мне он находил самого внимательного слушателя. Должен признать, что сюжет романа “Кровь на пуховом одеяле” основан на действительном случае, с которым ему довелось столкнуться в Кроуч-Энд. Он также обожал указывать мне на ошибки, свойственные многим писателям: мы и впрямь плаваем, описывая технические подробности, вроде отпечатков пальцев или процедур, принятых в Скотланд-Ярде. Скажем, я всегда полагал, что с куска масла можно получить хорошие отпечатки. Выяснилось, что это не так. Масляные пальцы оставляют превосходные отпечатки на других предметах, но на самом масле не остается ничего, особенно в жаркую погоду. Ошибка более чем глупая, потому что по жизни леди ни в коем разе не схватилась бы за кусок масла голыми руками, а вот мой детектив увидел леди Сайбил с куском масла в руках. Между прочим, зовут моего детектива Шерман Флэгг, и теперь он широко известен. Впрочем, к этой истории сие не имеет ни малейшего отношения.

— Что-то я не улавливаю ход твоих мыслей, — повторил я.

— Я хочу сказать, простейший путь совершения убийства зачастую дает наилучшие результаты. И речь не о том, что убий-

ца — простак. Наоборот. Ему хватает ума понять, что простое решение слишком просто, чтобы броситься в глаза.

Простотой тут, однако, и не пахло, вот я и попросил: "Приведи, пожалуйста, пример".

— Ну, возьмем, скажем, дело о бутылке "Токая", присланной маркизу Гедингхэму на его день рождения. Я никогда тебе о нем не рассказывал?

— Нет. — Я наполнил свой бокал и вернул ему бутылку.

Он последовал моему примеру, задумался.

— Надо вспомнить... Случилось-то все давным-давно. — Он закрыл глаза, углубившись в прошлое, а я поставил на стол новую бутылку "Шате-латур" урожая семьдесят восьмого года, каких в этой стране осталось совсем ничего.

— Да. — Мортимер открыл глаза. — Вспомнил.

Я наклонился вперед, приготовившись внимать. И вот что он мне рассказал.

Впервые мы услышали об этом в Ярде (цитирую Мортимера) по телефону. Нам доложили, что дворецкий маркиза Гедингхэма внезапно умер в доме его светлости на Брук-стрит, вроде бы отравившись. Мы тут же взяли это дело в работу. Руководство расследованием возложили на инспектора Тотмана. Я тогда дослужился лишь до детектив-сержанта и обычно помогал Тотману. Тот скорее напоминал армейского офицера, чем сыщика: сухощавый, подтянутый, с щеточкой рыжеватых усов, педантичный, но начисто лишенный воображения. А главное, его ни на секунду не покидала мысль, а что будет иметь от этого инспектор Тотман? Откровенно говоря, я его не любил. Но старался держаться с ним дружески: ссориться с начальством — себе дороже. В своем щеславии он, похоже, думал, что я питаю к нему безмерноеуважение, но я знал, что он использует меня в своих интересах, и не без оснований подозревал, что очередное звание не присваивается мне из-за его нежелания терять умного помощника.

Мы нашли дворецкого в кладовой, распростертого на полу. Открытая бутылка "Токая", разбитый бокал с капельками вина в нем, результаты экспресс-экспертизы, свидетельствующие об отравлении, позволили нам восстановить картину случившегося. Вино принесли часом раньше, с визиткой сэра Уильяма Келсо. Отпечатанное на визитке послание гласило: "Да благословит тебя Господь, Томми, а это можно выпить за твоё здоровье". По случаю дня рождения его светлость давал обед. Компания собиралась небольшая, — шесть человек. Сэр Уильям Келсо с давних пор дружил с маркизом Гедингхэмом и, к тому же, приходился ему родственником: маркиз женился на его сестре. Кстати, он тоже сидел бы за праздничным столом — холостяк лет пятидесяти, души не чаивший в своем племяннике и племянницах.

Около шести часов дворецкий принес бутылку и визитную карточку его светлости, и маркиз Гедингхэм, как он рассказывал

нам, взял визитку, прочитал написанное на ней поздравление и сказал: "Старина Билл, мы выпьем это вино сегодня, Перкинс". На что дворецкий ответил: "Как вам будет угодно, мой господин". И ушел с бутылкой, оставив визитку на столе. Затем произошло следующее. Перкинс открыл бутылку, чтобы перелить ее содержимое в графин, но не мог устоять перед искущением снять пробу. Подозреваю, что он регулярно пробовал вина его светлости, но никогда прежде не имел дела с таким отменным "Токаем". Вот он и налил себе полный бокал, выпил и мгновенно умер.

— Святой Боже! — прервал я суперинтенданта. — Как тут не усмотреть руку провидения... Я хочу сказать, он спас маркиза Гедингхэма и его гостей.

— Именно так, — кивнул мой собеседник.

Содержимое бутылки отправили в лабораторию, и анализ обнаружил в вине синильную кислоту. Ее покупка особыхсложнностей не вызывала, так что идентификация яда нам ничем не помогла. Разумеется, мы проделали все необходимое, я и молодой Робертс, милейший юноша, который работал с нами по этому делу. Обошли все окрестные магазины химических реактивов, показали бутылку всем виноторговцам. Тотман тем временем допросил маркиза Гедингхэма, сэра Уильяма и остальных гостей. И вот что мы могли сказать к концу недели:

1. Убийца намеревался убить маркиза Гедингхэма или, возможно, кого-то из его гостей, или, возможно, всех сидящих за праздничным столом. Мы узнали, что по обычай его светлость всегда первым пробовал вино. Маленький глоток не содержал смертельной дозы синильной кислоты, в роскошном букете "Токая" ее привкус растворился без остатка, и тогда бы все гости выпили бы отраву за здоровье маркиза. С другой стороны, его светлость мог сразу выпить и поболее глоточка. Тогда умер бы только он. Метод дедукции подсказывал мне, что преступником движила исключительно месть, а не стремление получить какую-то выгоду. Если преступник хотел за что-то отомстить маркизу, для него не имело значения, кого он отравит — самого маркиза, кого-то из его ближайших родственников или всех вместе. А вот выгода он мог получить лишь в случае смерти конкретного человека. С моими выводами согласился и Тотман, после того, как я ему все разжалвал.

2. Убийца смог раздобыть визитную карточку сэра Уильяма Келса, и знал, что Джона Ричарда Мервина Плантаганета Карлоу, десятого маркиза Гедингхэма, друзья зовут Томми. Тотман предположил, что убийца — один из ближайших друзей или родственников Гедингхэма-Келса. Я оспорил этот вывод, указав, что: а) визитки раздают скорее незнакомцам, чем близким друзьям; при официальных визитах их часто оставляют на подносе в холле, откуда их может украсть любой; б) информация о том, что маркиза друзья называют Томми, могла проскочить в светской хронике, а потому стать достоянием широкого круга лиц; и, самое убедитель-

ное: в) убийца не знал, что сэр Уильям Келсо в тот вечер будет сидеть за праздничным столом. По очевидным причинам о подарке были бы сказаны какие-то слова, то ли по его прибытию, то ли в момент, когда его поставили бы на стол. Сэр Уильям наверняка заявил бы, что ничего не посыпал маркизу, а потому из подозрительной бутылки никто бы не выпил ни капли. Перкинс, разумеется, приложился к бутылке до прибытия сэра Уильяма. И сэр Уильям, и маркиз Гедингхэм заверили нас, что в день рождения каждого они всегда обедают вместе, и убеждены, что об этом известно всем близким друзьям и родственникам. Я уговорил Тотмана спрашивать их об этом, и потом он признал мою правоту.

3. Не удалось доказать, что вино в бутылке полностью соответствует этикетке. Эксперты, естественно, отказывались его попробовать. Могли лишь сказать, что по запаху оно напоминает "Токай". Сие усложнило нам работу. Признаюсь честно, мы не смогли протянуть ниточку к преступнику ни от винного магазина, ни от магазина химических реактивов, где он приобрел яд.

Однако мы составили психологический портрет убийцы. По какой-то причине, реальной или воображаемой, он затаил зло на маркиза Гедингхэма и решился на страшную месть, чтобы там ни говорила ему совесть. Он знал, что сэр Уильям Келсо — друг его светлости, зовет маркиза Томми и может прислать ему на день рождения бутылку хорошего вина. Он *не знал*, что сэр Уильям в тот день будет обедать с маркизом, точнее, *он не знал этого до шести часов вечера*. Следовательно, этот человек не входил в число проживающих в доме маркиза, как слуг, так и членов его семьи. И, наконец, у него была возможность заполучить визитную карточку сэра Уильяма.

Так уж получилось, что нашелся человек, полностью соответствующий нарисованному нами образу убийцы. Фамилия у него... сейчас вспомню... Мерривейл, Медли... это и не важно, ага, Мертон. Точно, Мертон. Шесть месяцев он прослужил у его светлости камердинером, но его заподозрили в воровстве и уволили без рекомендательного письма. Именно такой человек мог пойти на убийство. Поиски Мертона продолжались полмесяца. Когда же мы его нашли, выяснилось, что у него стопроцентное алиби (*суперинтендант поднял руку, мне подумалось, что таким вот жестом в молодости он останавливал транспортный поток*). Да, я знаю, что ты хочешь сказать. Авторы детективов всегда так говорят — чем лучше алиби, тем выше вероятность того, что оно липовое. Действительно, такое случается, но не в нашем конкретном случае. Ибо Мертон уже два месяца сидел в тюрьме, пусть и под другой фамилией. И в чем его обвиняли, за что должны были судить? Да, конечно, ты уже догадался, ума тебе не занимать. Посадили его по подозрению в убийстве, а умерла жертва от отравления.

— Святой Боже! — воскликнул я и воспользовался паузой, чтобы наполнить бокал моего приятеля.

— Именно так.— Он отпил вина. Мне подумалось, что он заливает вином горькое разочарование, испытанное много лет тому назад. — Можешь представить себе, — продолжил он, — какое мы испытали потрясение. Посуди сам, убийство совершено определенным способом, мы вычислили преступника, не зная наверняка, способен ли он на такое преступление. И вот, доказав на сто процентов, что способен, одновременно доказали, что преступления, которое расследовали мы, он не совершал. То есть мы получили доказательства собственной компетенции, но ни на шаг не продвинулись в нашем расследовании.

Вот я и сказал Тотману: “Давайте возьмем пару выходных, все продумаем, а потом обменяемся идеями и начнем заново”.

Тотман пощипал усыки, а затем самодовольно рассмеялся.

— Только не надейся, что я признаю допущенную ошибку, поскольку я только что доказал свою правоту. — Тотман всегда говорил “я”, хотя идеи черпал исключительно у меня.— Мертон — убийца! Он заготовил бутылку, а потом попросил кого-то принести ее маркизу. Вот и все. Он ждал дня рождения его светлости, но сам попал к этому времени в тюрьму, а потому его жена или кто-то еще...

— Принес бутылку с аккуратненькой биркой: “Яд, не вручать до Рождества”, — вырвалось у меня.

— Дурость свою оставь при себе, так же, как и наглость, — прорычал он.— Пользы тебе от этого не будет.

Я смиренно извинился, заверил его, что лучшего начальника мне не найти. Он меня простили... и мы снова стали друзьями. Он даже похлопал меня по плечу.

— Возьми выходной, ты слишком много работал в последнее время. Поезжай на природу, погуляй и возвращайся с достоверной версией. О том, откуда взялась эта бутылка и каким образом она попала на Брук-стрит, кто ее принес и почему. Понятно, это не подарок, но бутылку-то маркизу принесли, и от этого никуда не деться. Я поеду в Литерхед. Жду тебя в пятницу утром. Посмотрим, какие у нас появятся мысли. Между прочим, это мой день рождения, и я чувствую, что получу хороший подарок: старуха, которую отравил Мертон, жила в Литерхеде. И уже третий раз за неделю он упомянул о грядущем дне рождения. Как будто меня это интересовало.

Я сел в автобус и поехал в Хэмпстид-Хет. Двадцать раз обошел пруд “Баранья нога”. И с каждым кругом идея Тотмана представлялась мне все более глупой. И каждый раз я все отчетливее осознавал, что нас заставляют искать не там, где следует. Звучит фантастично, я понимаю, но я буквально кожей ощущал, что убийца стоит позади и толкает нас на выбранную им дорогу.

Я сел на скамью, раскурил трубку и сказал себе: “Хорошо! У меня в голове сложилась некая последовательность событий, и убийца хочет, чтобы я и в дальнейшем исходил из этой посылки”. Я убедил себя, что убийца намеревался сделать то-то и то-то,

убийца хотел, чтобы я в это верил, а следовательно, на самом деле таких намерений у него не было и в помине. И когда я сказал себе, что убийца хочет направить меня по ложному пути, но ему не хочется, чтобы я об этом догадался, я понял, что правда должна лежать на поверхности. И получилось, Фред, что, начиная все сначала, надо видеть то, что действительно перед тобой, и особо не мудрить. Убийца-то ждал, что мы постараемся показать свой ум, рассчитывал, что мы копнем как можно глубже, не задерживаясь на поверхности, а вот тут я взбрюкнул и решил, что больше не пойду на поводу у убийцы. Разумеется, первой мне пришла мысль о том, что убийца хотел убить *именно* дворецкого.

Просто невероятно, как мы могли это упустить. Ведь дворецкие всегда пробуют вина своих хозяев. Отсюда и абсолютная уверенность убийцы в том, что Перкинс станет первой жертвой отравленного вина. Какой дворецкий откажет себе в удовольствии продегустировать отменное вино, переливая его в графин?

Подожди, одернул я себя. Не торопись. Два подводных камня. Первый: возможно, Перкинс тот единственный из тысячи дворецких, который не пьет вина. Второй: даже если бы он, в принципе, и пил хозяйственное вино, в тот вечер он мог страдать, к примеру, изжогой и отложить удовольствие на потом. Не слишком ли рискованно для убийцы, который хотел уничтожить одного Перкинса, подвергать опасности всю семью маркиза Гедингхэма. Ведь убийца исходил из того, что дворецкий обязательно выпьет вино первым.

Казалось бы, я вновь забрел в тупик. Но нет, внезапно мне открылась истина.

Риска не было никакого, если: а) убийца знал о привычках дворецкого; б) мог, при необходимости, в последний момент не допустить, чтобы родственники и друзья маркиза выпили вина. Другими словами, если убийца был вхож в дом и присутствовал на праздничном обеде, он мог отвести подозрения от себя, перенеся их на вино.

Круг подозреваемых сразу сузился до одного человека — сэра Уильяма Келсо. Во всем мире только сэр Уильям мог сказать: "Не пейте это вино. По твоим словам, его прислал я, но я его не послал, и не следует нам пить непонятно какое вино". Такое мог сказать он и только он.

Почему мы не заподозрили его с самого начала? Одна из причин — мы полагали, что вино предназначалось маркизу Гедингхэму и членам его семьи, а привязанность сэра Уильяма к своей сестре, ее мужу, племяннику и племянницам никогда не ставилась под сомнение. Но основная мысль заключалась в другом: нам и в голову не могло прийти, что убийца полностью изобличит себя, послав с бутылкой отравленного вина свою визитку. "Последнее, что мог бы сделать убийца", на деле оказалось *первым*, что он сделал. И речь шла не об "одной ошибке, которую допускает каждый убийца". Визитку свою он приложил к бутылке не

случайно. "Невозможно", — утверждали мы, и представить себе нельзя, чтобы он сделал это сознательно! А он сделал, и провел нас вокруг пальца. Тонкий, тщательно продуманный ход.

Для того, чтобы окончательно убедить себя в собственной правоте, — надежды на то, что удастся убедить Тотмана, не было никакой, — недоставало мотива. С чего у сэра Уильяма могло возникнуть желание убить Перкинса? И во второй половине того же дня я доставил себе удовольствие выпить чай с домоправительницей маркиза Гедингхэма. Мы несколько раз переглядывались, когда я бывал у маркиза дома и, теперь в этом уже можно признаться, в те дни я умел найти подход к женщинам. И ушел не с пустыми руками. Выяснилось, что Перкинса не любили не только слуги, но и господа ("просто удивительно, почему они держали его"), а ее светлость в последнее время "разительно переменилась".

— В каком смысле? — полюбопытствовал я.

— Помолодела, расцвела, если вы понимаете, что я имею в виду, сержант Мортимер. Стала ну прямо девушкой, благослови ее Господь.

Я понимал. Что тут понимать? Шантаж.

И что я мог предпринять? Какие у меня были доказательства?

Никаких. Только умозаключения. Если бы Келсо где-то про-считался, если бы оставил хоть одну вещественную улику, тогда моя версия убедила бы любой состав присяжных. А пока единственная улика, его визитная карточка, для присяжных была прямым доказательством его невиновности. Тотман поднял бы меня на смех.

А выглядеть посмешищем заботами Тотмана мне совсем не хотелось. И я решил найти способ посмеяться над ним. Поехал на автобусе на Бейкер-стрит, пошел в Реджент-парк, погулять, подумать. И, проходя мимо Гановер-Террас, увидел... юного Роберта.

— Привет, молодой человек, что вы тут поделываете?

— Привет, сержант, — улыбнулся он. — Заезжал к сэру Уильяму Келсо, вернее, к его камердинеру. Тотти думает, что он, возможно, знал Мертона. Камердинер — друг, что-то в этом роде.

— Инспектор Тотман вернулся? — спросил я.

Робертс вытянулся в струнку.

— Никак нет, сержант Мортимер. Инспектор Тотман должен вернуться из Литерхеда не раньше позднего вечера.

Ну как рассердишься на такого милого юношу? У меня не получилось. Старших он не уважал, но сердце у него было доброе. И глаз орла. Видел все и ничего не забывал.

— Я не знал, что сэр Уильям Келсо живет в этом районе.

Робертс указал на противоположную сторону улицы.

— Видите тот особняк? Пять минут назад, на первом этаже, я разговаривал с тамошним обитателем, который полагал, что Мертон в Сурри. Разумеется, так оно и есть.

Тут меня осенило.

— Что ж, придется тебе прогуляться туда еще раз. Я как раз собирался навестить сэра Уильяма и хочу, чтобы ты был под рукой. Тебя пустят в дом или ты им уже надоел?

— Сержант, они от меня без ума. Когда я уходил, меня спросили: "А вам уже пора?"

У нас в Ярде есть присказка: "Единожды убийца — всегда убийца". Может, поэтому я и решил, что присутствие юного Роберта мне не повредит, так как намеревался изложить сэру Уильяму Келсо соображения, пришедшие мне в голову во время прогулки у пруда "Баранья ножка". Я видел его только однажды, и у меня сложилось впечатление, что убийство его не остановит, а вот лгать он не любил. Я подумал, если он выдаст себя, тогда... могли возникнуть осложнения, и Робертс оказался бы как нельзя кстати.

По пути к особняку я заглянул в записную книжку в поисках визитки. К счастью, одну нашел, но запачканную. Робертс, который ничего не упускал, подколол меня: "Я всегда пользуюсь промокательной бумагой". На другого я, возможно, и обиделся бы. А тут просто сказал: "Неужели?" — и позвонил в дверь. Дал горничной мою визитку и попросил узнать у сэра Уильяма, не соблаговолит ли он меня принять. Тем временем Робертс подмигнул ей и глазами указал на дверь черного хода. Она кивнула и предложила мне войти. Робертс отправился к другой двери. Мне сразу стало куда спокойнее.

Сэр Уильям не уступал мне ни в росте, ни в ширине плеч. Но, конечно, был куда старше.

— Итак, сержант, чем могу вам помочь? — Он вертел в руках мою визитку. Голос звучал вполне дружелюбно. — Пожалуйста, присядьте.

— Думаю, я постою, сэр Уильям, — ответил я. — Если позвольте, я хотел бы задать вам один вопрос. — Да, я знаю, что вел себя как безумец, но нутром чуял свою правоту.

— Разумеется, задавайте, — без особого энтузиазма ответил он.

— Когда вы впервые узнали, что Перкинс шантажирует маркизу Гедингхэм?

Он стоял у большого письменного стола, я — напротив него. Визитку вертеть в пальцах он перестал, замер, в абсолютной тишине я буквально слышал, как выбириуют мои натянутые нервы. Можете не сомневаться, я не отрывал взгляда от его глаз. Сколько долго мы такостояли, не знаю.

— Это единственный вопрос? — спросил он. Что меня напугало, так это его голос. Он нисколько не изменился.

— Нет, будет и второй. Есть у вас в доме пишущая машинка "Корона"? — Видите ли, мы знали, что записка отпечатана на "Короне", но не более того. Опять же, косвенная улика. Но я хотел показать, что тип пишущей машинки мне известен.

Он глубоко вздохнул, бросил визитку в мусорную корзину, прошел к окну. Постоял, спиной ко мне, глядя в никуда. Должно быть, оставался у окна пару минут. Затем повернулся, и, к моему удивлению, на его губах заиграла улыбка.

— Полагаю, нам лучше присесть.

Мы присели.

— В доме есть "Корона", которой я иногда пользуюсь. Вероятно, вы пользуетесь такой же.

— Да.

— Как и тысячи других людей, возможно, включая и убийцу.

— Как и тысячи людей, включая убийцу, — согласился я.

Он заметил разницу, улыбнулся. "Людей", сказал я, а не "других людей". И я не сказал, что ищу его. Потому что уже нашел.

— Понятно. В самой записке не было ничего такого, на что вы хотели бы обратить мое внимание?

— Нет. За исключением того, что она не вызвала у получателя ни малейшего подозрения.

— Но, мой дорогой друг, написать поздравительную записку — пара пустяков. С этим справится каждый.

— Каждый из вашего круга, сэр Уильям, каждый, кто хорошо знает вас обоих. И все. Завтра день рождения у инспектора Тотмана (о чем он нам регулярно напоминает, черт бы его побрал, добавил я про себя). Если я пошлю ему бутылку виски, юный Робертс, констебль, который участвует в расследовании этого дела, вы его, возможно, видели, он пришел вместе со мной (по-моему, я нашел удачный повод упомянуть об этом), мог бы догадаться, что я напишу в поздравительной записке, впрочем, как и любой другой сотрудник Ярда, который знает нас обоих. Но вы бы не смогли, сэр Уильям.

Он смотрел на меня. Не мог отвести глаз. Мне оставалось лишь гадать, о чем он думает. Наконец он нарушил тишину.

— Пожелания долгой жизни и всего наилучшего. Восхищение достигнутыми успехами. Выражение надежды в том, что в будущем их будет еще больше... что еще там пишут?

Ловко. Выходило, он не упустил и этого, хотя ему было о чем подумать. Не просто не упустил, но во всем разобрался. Это "восхищение" указывало на то, что он не счел за труд уделить внимание как Тотману, так и мне, поэтому наши взаимоотношения не составляли для него тайны.

— Сами видите, — улыбнулся он, — это не сложно. А сам факт использования моей визитной карточки — достаточно убедительное свидетельство моей невиновности, не так ли?

— Для присяжных — да, — ответил я, — но не для меня.

— Конечно, мне хотелось бы убедить и вас, — прошептал он. — И что вы намерены предпринять?

— Завтра я, разумеется, изложу свое видение событий инспектору Тотману.

— Ага! Преподнесете на день рождения сюрприз. Вы более чем хорошо знаете инспектора Тотмана. Как он, по-вашему, отреагирует?

Тут он положил меня на лопатки.

— Я думаю, вы тоже хорошо его знаете.

— Знаю, — улыбнулся он.

— Как и меня, позволю заметить, как и всех, с кем вам приходится иметь дело. Вы из тех, кто видит человека насквозь. Но даже самым обычным людям, вроде меня, иной раз удается то же самое. Вот и ваш характер для меня — открытая книга. Я убежден, что лжесвидетельствование перед присяжными, если мы доберемся до суда, придется вам не по нутру, в отличие от убийства, или действия, которое закон называет убийством.

— А вы не называете? — быстро спросил он.

— Я думаю, что многих стоило бы убить. Но я — полисмен, и мои мысли — не улики. Вы убили Перкинса, не так ли?

Он кивнул, затем широко мне улыбнулся.

— Это нервное, знаете ли, если вы надумаете кому-то сказать. Мой врач вам это подтвердит.

Господи, хороший ведь был человек, и я искреннее огорчался, когда наутро его нашли на рельсах подземки. Вернее то, что от него осталось. Но разве у него был выбор?

Я просто кипел от ярости. Чуть не набросился с кулаками на Фреда Мортимера. Негоже так заканчивать историю. Словно она ему внезапно наскутила. Я не преминул сказать об этом.

— Мой дорогой Сайрил, но это совсем не конец. Мы переходим к самому волнительному моменту. У тебя волосы встанут дыбом.

— Неужели? — Мой голос сочился сарказмом. — То есть ты рассказал мне только прелюдию?

— Совершенно верно. А теперь слушай. В пятницу утром, до того, как мы узнали о смерти сэра Уильяма, я пошел к инспектору Тотману, доложить о проделанной работе. В кабинете его не было. Никто не знал, где он. Мы позвонили управляющему дома, в котором он жил. А теперь схватись за что-нибудь, чтобы не упасть со стула. Когда привратник поднялся в квартиру Тотмана, он нашел его труп. Инспектора отправили.

— Святой Боже! — вырвалось у меня.

— Можно сказать и так. Он лежал на полу, а на столе стояла едва почтая бутылка виски, с прислоненной к ней визитной карточкой. И чье имя и фамилия значились на визитке? *Mou!* А что мы прочитали на обратной стороне? «Желаю долгой жизни и всего наилучшего. Восхищен достигнутыми успехами. Выражаю надежду, что в будущем их будет еще больше». И желал, восхищался и выражал никто иной, как я! К счастью до меня, дом сэра Уильяма я посетил не один, а с юным Робертом. К счастью для меня, юный Роберт все видел и ничего не забывал. К счастью для меня, он смог поклясться, что уже видел эту визитку со столь ха-

рактерным чернильным пятном. И, должен добавить, к счастью для меня, мне поверили, когда я передал слово в слово мой разговор с сэром Уильямом. За превышение полномочий на меня, разумеется, наложили взыскание. Но неофициально мной остались довольны. Естественно, мы ничего не могли доказать, смерть сэра Уильяма выглядела, как несчастный случай, и мы не стали мутить воду. Но через месяц я получил чин инспектора.

— Как я понимаю, руководство рассуждало следующим образом. — Я задумчиво протер пенсне. — Сэр Уильям послал бутылку с отравленным виски не для того, чтобы избавиться от инспектора Тотмана, которого совершенно не боялся, но чтобы дискредитировать тебя и, таким образом, твою версию другого убийства.

— Абсолютно.

— А потом, в какой-то момент, он решил, что дальше так продолжаться не может, совершенные преступления непосильным грузом легли на его плечи, и он...

— Что-то в этом роде. Наверняка сказать невозможно, не так ли?

У меня загорелись глаза. Я смотрел на него с трепетным восторгом.

— Помнишь, что он сказал тебе? — спросил я и тут же процитировал. — «А сам факт использования моей визитной карточки — достаточно убедительное свидетельство моей невиновности, не так ли?» Ты ответил: «Не для меня». А он сказал: «Конечно, мне хотелось бы убедить и вас». Именно это он и сделал. Тот факт, что к бутылке отравленного виски прилагалась твоя визитка, и послужил убедительным доказательством твоей невиновности!

— Среди прочего. Основным доказательством послужил другой факт: вместе с бутылкой Тотман получил не просто мою визитку, а конкретную визитку, ту самую, что я отдал сэру Уильяму. А также наша уверенность в том, что им совершено и другое убийство. Единожды отправитель — всегда отправитель.

— Да... конечно... Что ж, премного тебе благодарен за эту историю, Фред. Тем не менее, — я покачал головой, — она все-таки не доказывает тезис, который ты хотел доказать.

— В смысле?

— Простое объяснение — самое верное. В случае Перкинса — да. Но не в случае Тотмана.

— Извини, не понял тебя.

— Мой дорогой друг. — Мой указующий перст нацелился ему в грудь, дабы подчеркнуть значимость моих слов (я заметил, что от выпитого вина он уже слушал меня не столь внимательно). — Простейшее объяснение смерти Тотмана состоит в том, что бутылку отравленного виски послал ему ты!

На лице суперинтенданта Мортимера отразилось удивление.

— Но я и послал.

Теперь вы видите чудовищность ситуации, в которой я оказался. И продолжение я едва слышал.

— Я никогда не любил Тотмана, и он стоял у меня на пути. Серьезных мыслей избавиться от него у меня не было, пока моя визитка вновь не попала мне в руки. Как я уже говорил, сэр Уильям бросил ее в мусорную корзинку, и еще подумал: черт, он может позволить себе так швыряться визитками, а у меня она единственная, и если тебе она не нужна, то мне сгодится. Поэтому я нагнулся, вроде бы для того, чтобы завязать шнурок. Мусорная корзинка стояла у меня за спиной, все-таки я не хотел, чтобы он видел, как я роюсь в ней. Убирая визитку в карман, я заметил чернильное пятно и вспомнил, что на него обратил внимание Робертс. План созрел в одно мгновение, простой, абсолютно безопасный. И выходило, что все, о чем мы говорили до этого, работало на этот план. Разумеется, в кабинете мы были одни, но никогда не знаешь, кто может тебя слышать. — Он покрутил в руке пустой бокал. — Возможно, я, как и сэр Уильям, предпочитаю правду лжи, но я говорил тогдашнему суперинтенданту только правду, — о том, что сэру Уильяму известно о дне рождения Тотмана, о том, что он знал, какими словами я поздравил бы своего шефа. Получилось очень убедительно, когда я в точности передал содержание нашего разговора. Не думаю, что я вложил в уста сэра Уильяма хоть одно слово, которое он не произносил. Мне он понравился. Но он сам сказал мне, что не будет дожидаться, когда за ним придут, а одно убийство он все-таки совершил. Вот почему в тот же вечер я оставил бутылку у дверей квартиры Тотмана. Не решился ждать до утра, на случай, если сэр Уильям сведет счеты с жизнью ночью. — Он встал, потянулся. — Ах, как давно все это было. До свидания, старина, спасибо за роскошный обед, мне пора. Не забудь, в следующем месяце обедаем у меня. Смешаю тебе коктейль по новому рецепту. Тебе понравится. — И нетвердой походкой он удалился, оставив меня наедине с моими мыслями.

“Единожды убийца — всегда убийца...” А завтра он проснется и вспомнит, что наговорил мне! И я окажусь единственным человеком во всем мире, знающим его тайну!

Может, не вспомнит? Может, он слишком много выпил...

In vino veritas. Не молодой ли Плиний осчастливили нас этим афоризмом? Глубокомысленное наблюдение. Истина в бутылке...

“Единожды отравитель — всегда отравитель...”

“Смешаю тебе коктейль по новому рецепту. Тебе понравится”. Он-то смешает, но... пить ли мне?

Перевод с английского
Виктора ВЕБЕРА.

Вячеслав КУПРИЯНОВ

ЧУДО

Вот ведь какое чудо,
прямо-таки беда:
ждали чуда отсюда,
а чудо пришло сюда.

Ждали его в понедельник,
а чудо пришло в четверг.
Думали, вспыхнет ельник,
ан березняк померк!

Думали, что не худо
чудо принять-проводить.
Но чудо на то и чудо,
чтобы чуть почудить.

Были сочли за шалость,
мол, почудит и уйдет.
Но чудо так разыгралось,
что вышло наоборот!

Чуду-то не прикажут,
знать, мол, пора и честь!
Теперь чудаков накажут
за сказки, что чудо есть.

* * *

Человек подобен своим любимым вещам,
которые носит и примеряет вновь,
он так их любит, что в результате сам
очень походит на эту свою любовь.

Когда свой угол судьбою ему не дан,
то взгляд из угла ранит острей стрелы,
такой человек похож на свой чемодан,
и люди стукаются об его углы.

Мошенник при встрече, как шляпу, снимает обман,
но так же обманчив его воротник пальто.
И вор походит на чей-то чужой карман,
в котором лежит никому неизвестно что.

Начальник часто настолько врастал в стол,
что стол кривится, как нерешенный вопрос.
Но если он по ступеням службы пошел,
то жуток стук его деревянных колес.

*Легко дикарю — лицо у него везде,
куда ни глянь, повсюду вдето кольцо.
Ты смотришь в зеркало, ясно, что быть беде:
еще не нашел, а уже потерял лицо.*

БЕССОННИЦА

*Кто бормочет, кто бубнит за стеной,
задыхается в чаще цветочной?
— Это я: это я, Водяной,
Водяной твоей речи неточной.
(А может быть, трубы водосточной?)*

*За дверями что там за шум,
словно всюду разносят депеши?
— Это я здесь брожу наобум,
этих лестниц извилистых Леший.
(Что? В извилинах памяти бреши?)*

*Кто напевы мои наугад
возгоняет из вязкого сусла?
— Это я так рисую закат,
я, Русалка чернильного русла.
(Жизнь приходит в обычное русло?)*

*Кто стоит над моей головой,
ухмыляется так незнакомо?
— Это я, это я, Домовой,
будь как дома со мной, будь как дома.
(Домовой сумасшедшего дома?)*

* * *

*Я в лодке песню перевозил,
до берега до другого.
Кто меня звал, и кто позабыл,
кто не узнает снова?*

*Песня отталкивалась от весла,
веселья воды не чуя,
она пылала, стыла, плыла,
плела про любовь былую.*

*С ней волны спорили наперебой,
дал ветер ей волю овала,
она не давала мне быть с тобой,
тебе быть с другим не мешала.*

*Ее от воды отраженный полет
с птичьим сливался свистом,
и именем молчаливых высот
он был причислен к пречистым.*

*Песня касалась крон и корней,
свиданий ждала под часами.
За то, что туман стелился над ней,
туман был взят небесами.*

*А я так берега и не достиг,
да там меня и не ждали.
Но это песни рассветный блик
достиг ли твоей печали?*

*Как хорошо, что Земля — это шар,
а не загон вроде плоского круга,
дабы народы — удар на удар —
к сходу Земли не теснили друг друга.*

*Как хорошо, что есть горы, поля,
можно местечко найти в глухомани,
и перекрыта морями Земля,
чтоб от землян упывали земляне.*

*Можно уплыть, к антиподам бежать,
век переждать, и упорные дети
к прежним корням возвернутся опять
по обтекаемо круглой планете!*

*Бедной Земле надоело
Жить с грехом пополам,
И она отдала свое тело
Другим небесным телам.*

*Стало больше одной звездою.
Ну, а где же грешные мы?
Как семя, лежим бороздою
через поле кромешной тьмы.*

Рыбы

20 февраля — 20 марта

Символ Рыбы — две плывущие в разные стороны рыбы — часто трактуется неверно. Многие думают, что он означает двойственность желаний. Но двойственность вовсе не свойственна Нептуну (не путайте с Близнецами). Знак Рыб символизирует два пути, по которым они могут плыть: вверх по течению, к достижению цели, и вниз по течению, в никуда. Причем выбор пути зависит исключительно от них самих, так как от природы Рыбы чрезвычайно талантливы.

Обладая врожденной интуицией, Рыбы не имеют ни грамма настойчивости и упорства, предпочитая плыть по течению и довольствуясь тем, что предоставляет им жизнь. Редкие Рыбы способны бороться с обстоятельствами и преодолевать сопротивление течения, но именно они и достигают настоящей гармонии и счастья.

Женщины и мужчины, рожденные под знаком Рыбы, по натуре настолько спокойны и безразличны, что, наверное, не существует ничего, что способно вывести их из себя. Сканите мужчин-Рыбе, что завтра грядет конец света, и он рассеянно выслушает ваши откровения, а может, даже сонно зевнет в ответ.

Рыбы родились с желанием видеть жизнь только сквозь розовые очки. Даже узнав о том, сколь жесток окружающий их мир, Рыбы не делают из этого никаких выводов, предпочитая нырнуть в глубину прохладных вод, где все так волшебно-красиво.

Хотя Рыбы избегают всячного рода соперничества, кое-кому из них, даже робкого десятна, удается прославиться там, где они лучше всего могут себя выразить, например, на сцене.

Рыбы обладают даром предвидения. То, что они видят во сне, чаще всего происходит наяву. Если ваш приятель-Рыба расскажет вам перед вашей поездкой неприятный сон, лучше отложите поездку или воспользуйтесь другим видом транспорта. Это наверняка спасет вас от беды.

Рыбы — последний, двенадцатый знак Зодиака. В то время как Овен, первый знак Зодиака, символизирует жизнь, Рыбы символизируют смерть и переход в вечность. Этому знаку присуща способность рассматривать себя как бы со стороны и видеть одновременно вчера, сегодня и завтра.

Рыбы пребывают в заблуждении, что будут жить вечно, отчего совершенно не заботятся о своем здоровье. И напрасно, так как в этом смысле природа не была к ним особенно щедра.

Самое сильное оружие Рыб — юмор. С его помощью им удается скрыть те чувства, которые нежелательны для постороннего взора, а также выразить свое истинное отношение к чему-либо, когда они не решаются сделать это открыто. Причем градация юмора огромна — от мягкой, безобидной шутки до едкого, злого сарказма.

Мир вокруг довольно жесток, и потому Рыбы, чтобы не быть осмеянными толпой, часто носят маску безразличия. Но под этой маской скрывается нежная, ранимая душа. Редное воображение, тончайший юмор и чувство прекрасного создают образцы высокого искусства, которыми так часто отмечены все произведения, выходящие из-под пера или кисти Рыб.

Знаменитости, рожденные под знаком Рыб: Джордж Вашингтон, Виктор Гюго, Сергей Рахманинов, Альберт Эйнштейн, Морис Равель, Фредерик Шопен, Элизабет Тейлор, Микеланджело Буонаротти, Коно Шанель, Огюст Ренуар, Мариус Петипа. Мы же решили рассказать о Николае Гоголе — одном из наиболее типичных представителей этого знака Зодиана.

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА **Одинокий гений**

Он родился в марте 1809 года, и если тогда определяли судьбу человека по знакам Зодиана, то многое в его характере было ясно: Рыба. А значит, натура меланхоличная и холодная, склонная к комфорту и избегающая потрясений, ускользающая, меняющаяся, загадочная, не-

предсказуемая, но безумно талантливая.

Когда первый крик младенца огласил стены низенькой малороссийской хатки с глиняным полом и соломенной крышей, и мать, и отца волновало только одно: будет ли ребенок жить? Ибо два их первых сына умерли, едва родив-

шилось. Мать, Мария Ивановна, забеременев в третий раз, ездила в соседнюю Динарьну молиться иконе Николая Чудотворца, которая даровала жизнь обреченным. В честь святого и нарекли мальчика, когда стало ясно — выживет.

Кстати, таинственность, веющие сны, роновые приметы и прочее, чем так увлекался Николай Васильевич Гоголь и чего так много в его произведениях, все это началось с его родителей. Когда его матери от рода был всего лишь... один год, его будущий отец, Василий Афанасьевич, объявил в четырнадцать лет, что знает свою будущую жену. Во сне явилась ему Богородица в церкви, а у алтаря лежал младенец, завернутый в белые одеяния. Богородица указала на нее и произнесла: "Вот твоя суженая".

Сон этот приснился мальчику, когда он вместе с родителями ездил на богомолье. На обратном пути заночевали на хуторе у соседей Гоголей — Носяровских. Их любимая доченька Машенька и оказалась тем самым младенцем, которого Васюта видел во сне. Как ни дивились родные, как ни отговаривали — мальчик был тверд в своем убеждении: "Это она!". Тринадцать лет он исправно навещал соседей, играл с Машенькой в куклы, читал ей книги, сочинял стихи и слышать не желал ни о каких других невестах. А едва Маше исполнилось четырнадцать лет, официально предложил руку и сердце. После помолвки хотели год подождать — слишком уж юной была невеста даже по тем временам. Но... Не прошло и месяца после помолвки, как Василий опять увидел сон. Только на месте младенца у алтаря стояла уже взрослая

Маша в подвенечном платье. "То указание свыше! — возбужденно донашивал Василий Афанасьевич будущим тестю и теще. — Того хочет Бог!" Решили действительно Бога не гневить и свадьбу сыграть немедленно. Новобрачный не дождался даже окончания скромного свадебного пира — умчал свое сокровище на тройке к себе, на хутор Купчинский...

Через три с половиной года у них родился Николай Гоголь.

Гороскоп гороскопом, но и без расположения небесных светил наследственность у мальчика была своеобразной. До нашего времени дошло несколько записок отца писателя — Василия Гоголя, писанных им своей четырнадцатилетней невесте:

"Ах! Когда бы вы знали, какая горесть снедает меня! Я не могу уже скрыть своей печали. Пожалуйте, простите! Удостойте меня одной строчки, и я благополучен", "Я должен прикрывать видом веселости сильную печаль, происходящую от страшных воображений... Слабость моего здоровья наводит страшное воображение, и лютое отчаяние терзает мое сердце".

С чего отчаяние? От чего несчастье? В нескользких верстах от него мирно подрастала любимая им девочка, не ведавшая соблазнов и искушений. Малороссийская природа должна была утешать печали, а не раздувать их — не море ведь и не скалистые горы! Ах нет! Мечтательность, мимоительность, меланхolia, ненелание ждать — все это важнейшие черты характера Василия Гоголя. И все их унаследовал его сын. Унаследовал и довел практически до абсолюта.

Но он унаследовал не только это. Свидетельствует мать Гоголя Мария Ивановна: "Муж мой писал много стихов и комедий в стихах на русском и малороссийском языках, но сын мой все выпросил у меня, надеясь напечатать. Он тогда был очень молод, и, верно, все сожжено... и у меня не осталось ничего на бумаге, только немногое в памяти..."

Довольно жестокое обращение с духовным наследством отца. Но, как и все крайне сентиментальные люди, Николай Васильевич бывал столь же крайне жесток, причем с раннего детства. Как-то родители оставили его дома, а все прочие домочадцы улеглись спать. Ниноша — так называли Гоголя в детстве — сидел на диване в темной гостиной и вдруг... вдруг раздалось слабое мяуканье кошки. В абсолютной тишине этот звук напугал Ниношу до полусмерти. Кошка жестоко поплатилась: в ту же ночь Ниноша отнес ее по ночному парку (не побоялся ни темноты, ни русалок, ни леших, о которых ему часто рассказывали!) к пруду и, когда из-за туч выглянула луна, бросил кошку в воду, в лунный свет. Она сразу не тонула, она пыталась выплыть, мяукала, но он схватил пальцы и отталкивал, отталкивал несчастное животное от берега, пока вода не сомкнулась над жертвой.

И тогда... ему стало еще страшнее. "Мне казалось, что я утопил человека", — вспоминал много позже Гоголь. Ему стало жаль кошку, жаль себя, он забился в рыданиях, в истерике — таковым его и нашли вернувшимся домой родители. Узнав, в чем дело, Василий Афанасьевич выпорол

сына, и истерика прекратилась. Согласитесь, только специалисты-психологи и могут, наверное, объяснить, какую роль сыграл этот случай в дальнейшей судьбе писателя.

Однако, кроме отца, у Ниноши была мать. И от нее он унаследовал немало интересных черт характера. "Душа моя, — сказала как-то Мария Ивановна, — видела через оболочну тела следовавшие одно за другим несчастья, постигшие меня". Она более чувствовала, чем рассуждала, она была фантазерна и в мечтах видела сына то первым человеком в Петербурге, то личным другом государя-императора... В общем, "с Пушкиным на дружеской ноге". Впоследствии, как видим, Николаю Васильевичу даже не пришлось особенно выдумывать блестательные фантазии Хлестакова.

Как и многие гениальные люди, Гоголь в детстве отнюдь не был любимцем учителей. "Туп, слаб, резов", — вот характеристика, данная ему в Полтавском училище. Так что первый год там прошел неважно. Потом вроде бы стало полегче, и тут случилась трагедия: скоропостижно скончался младший брат Николая Иван, слабый здоровьем. Потрясение было для Ниноши настолько сильным, что его пришлось забрать из училища. Год спустя его отправили в город Нежин, в лицей князя Безбородко.

Успехами в учебе он и здесь не прославился, зато стал известен как актер в лицейском театре. У него был особый талант исполнять роли комических стариков. Забывалась его некрасивость, небольшой рост, застенчивость — зал умирал от хохота, на-

блудая за гоголевскими персонажами на сцене. Но год, ознаменованный сценическими успехами, трагически завершился внезапной (опять внезапной!) смертью отца. Василий Афанасьевич скончался через несколько дней после рождения самой младшей дочери, и Мария Ивановна в 34 года осталась вдовой с четырьмя детьми на руках.

Это событие резко переломило жизнь Гоголя, сделав его старшим в семье. Оно же продолжило цепь тех несчастий, роковых совпадений и сбывшихся предчувствий, которые впоследствии свели его в могилу. Свели слишком рано даже по тому времени, когда 60 лет считались уже глубокой старостью. Впрочем, нельзя забывать и о наследственности. Отец Гоголя умер в 46 лет, он сам — всего лишь 41 года от роду.

Но до этого было еще далеко. Лишь легкий намек на грядущие трагические события можно разглядеть в том, что Гоголь безжалостно уничтожал все свои сочинения, если они казались ему неудачными. С самых первых литературных опытов уже прослеживается эта черта: снечь, ибо чувствуется возможность начать все заново. Он будет поступать так даже тогда, когда поймет: сил уже нет, заново уже ничего не начнешь. И все-таки будет снигать — вместе с частичкой самого себя.

Какой-то рок довлеет над Гоголем: едва в 1825 году он нашел себя в сатирических и просто юмористических сочинениях и был признан в этом качестве кругом своих друзей и близких, едва успел он похвастаться своей "дражайшей маменьке", что скоро "приятно удивит ее известностью

в новом качестве. Весна приближается. Время самое веселое и можно весело провести его", как умирает император Александр I и страну потрясает восстание декабристов. Гоголя эти события не задели впрямую — он никогда не был особенно близок с членами Южного общества, большинство из которых служили офицерами именно в Малороссии. Но эти события не могли не оставить глубочайшего отпечатка на его характере, а следовательно, и творчестве.

Нет смысла пересказывать путь Гоголя в литературе — об этомписано-переписано. Важно другое: никому не известный юноша, приехавший в Санкт-Петербург из глухой провинции, стал впоследствии одним из кумиров северной столицы, потом мишенью для самых утонченных нападок, потом гордостью и желанным гостем второй столицы — Москвы. И умер в жестокой тоске неудовлетворенных, несбывшихся желаний, еще более одинокий, чем тогда, когда приехал "удивить Петербург".

Три года Гоголь провел чиновником в Департаменте уделов. Тупая, рутинная работа дала ему только один полезный навык: прекрасный, разборчивый почерк. Но петербургские впечатления — не в салонах и не на светских раутах, а снаружи, с улицы, через ярко освещенные окна, в толпе на Невском, в набитых мастеровыми и мелкими чиновниками доходных домах — эти впечатления позволяют впоследствии создать бессмертные произведения. Память его была воистину дьявольской — ни единой деталь, ни одна, самая незначительная на первый взгляд

мелочь не ускользали от его внимания и надежно складывались где-то в потайных уголках — на потом. Впоследствии все шло впрок. Не случайно почти каждый персонаж, созданный Гоголем, стал нарицательным — факт в российской литературе беспрецедентный.

Чиновника из Гоголя не получилось. Он нашел себе новое, довольно своеобразное занятие: начался домашним воспитателем князю Васильчикову. Точнее было бы сказать — смотрителем, ибо князиня был полуумным. Для нервической, легко возбудимой и легко впадающей в меланхолию натуры Гоголя занятие откровенно вредное. Но в молодости все дается легко: когда его подопечный засыпал, Гоголь уходил в свою комнату и писал... "Вечера на хуторе близ Диканьки".

Гоголь — поэт ночи,очные темные пейзажи (чувствуете, ведь Рыбы же!) особенно хорошо ему удавались, да и работать он любил в основном по ночам. Это позже он сможет работать только в короткие утренние часы. Но и произведения тогда уже будут другие. А пока отзывы в прессе были почти единодушны: "Истинно веселая книга!"

Еще одна особенность характера Гоголя начинает четко прорисовываться в этот период: двойственное отношение к любви и особенно к браку. Там, где кончается Малороссия, парубки и девчонки, панночки и гетманы, там, по его мнению, начинаются бессмыслица и скука в отношениях между мужчиной и женщиной. Зачем же на? Почему жена? При одной мысли об этом его охватывала тоска...

И хотя существует немало писем Гоголя, где он повествует о своих романтических увлечениях, нет никаких прямых упоминаний или хотя бы намека на конкретную, живую девушку или женщину. Только небесная греза, идеальное создание, возвышенная страсть и... возлюбленное одиночество, ибо "это пламя превратило бы меня в прах в одно мгновение". Если верить Вересаеву, то Гоголь избрал другой путь самоуничижения: всю жизнь довольствовался собственным обществом и удовлетворял сам себя как в прямом, так и в переносном смысле этого слова. Неизвестно, послужило ли это одной из непосредственных причин столь ранней смерти, но то, что подобное занятие расшатывало и без того слабые нервы, — бесспорно.

Гоголь сделал окончательный выбор между любовью и творчеством, когда ему исполнилось 23 года. И никакие соблазны впоследствии не могли заставить его изменить это раз принятное решение.

Хотя собственно женское общество он любил, но... в качестве аудитории. Потому с энтузиазмом принял предложение одного из своих знакомых стать преподавателем истории в женском Патристическом институте, где обучались дочери военных. Это была его стихия: не столько читать лекции, сколько рассказывать юным барышням занимательные и поучительные истории. А как рассказчик Гоголь был неистощим и необыкновенно занимателен. Настолько, что дело обернулось курьезом: его, закончившего лишь гимназию, пригласили читать лекции на кафедре всеоб-

щей истории Санкт-Петербургского университета. Но там его хватило лишь на три — правда, блестательные! — лекции. Затем запас информации иссяк, а актерское мастерство, с которым он их читал, отразилось на состоянии здоровья. Зато в Петербурге о Гоголе заговорили...

С первом ли в руках или перед благодарной аудиторией — Гоголь творил и лишь тогда был счастлив. Все остальное время его "ела тоска". О чем? Этого он и сам не знал.

А потом появились "Записки сумасшедшего" — повесть, принесшая еще большую известность Гоголю и в чем-то ставшая предсказанием его собственной трагической судьбы. Только его, в отличие от Поприщина — героя повести, в сумасшедший дом не запирали: не был он сумасшедшим. Но обращались как с душевнобольным и лечили соответственно. "Матушка моя! Царица небесная! За что они мучают меня за любовь?" — стояло в черновом тексте повести. Гоголь снял эти слова, они прозвучали из его уст много лет спустя в предсмертный час.

В 1835 году Гоголь вернулся на родную Полтавщину в зените славы. Мария Ивановна откровенно считала своего Никошу гением. Но главным для Гоголя было то, что его, наконец, оценила и приняла Россия — Пушкин, Ансаков, Щепкин — все сливки интеллигентского общества столицы. А в 1836 году появился "Ревизор" — благосклонно принятый на премьере высшим светом и самим государем-императором. Триумф... заставивший Гоголя невыносимо страдать. Вместо предполагаемого автором очищения душ

и высокого катарсиса зрители увидели в пьесе лишь очередной водевиль и ничегошеньки не поняли. Или не захотели понять. Так или иначе, но несколько недель Гоголь был почти физически болен от перенесенного разочарования.

Первый шрам на творческой судьбе писателя. Увы, далеко не последний...

А тут еще маменька прислала письмо, в котором уверяла, что сочинения Барона Брамбенса (под этим псевдонимом писал бульварные романы Осип Иванович Сенковский, злейший литературный враг Гоголя) ей безумно нравятся, и наверняка это писал он, Никоша, хотя зачем-то скрывает свое авторство. Гоголь был в ужасе: теперь вся Полтавщина могла считать его сочинителем бездарных, с его точки зрения, произведений, ибо маменька щедро делилась своими догадками с соседями и знакомыми.

Выход был только один — бежать! Бежать из Москвы, из Петербурга, из России туда, где никто его не знал и не читал. В 1836 году началась эра странствований: впереди его ждала дорога, дорога, дорога... Сейчас сказали бы: Гоголь заболел тяжелейшей депрессией — и прописали бы соответствующие лекарства. Но тогда и слова-то такого не знали "депрессия". Может быть, как ни кощунственно это звучит, оно и к лучшему: гениальность и лекарства плохо уживаются друг с другом, а любой гений почти однозначно — сумасшедший. И разорвать этот заколдованный круг еще никому не удалось.

В Париже Гоголя настигло романное известие: не стало Пушки-

на. "Моя жизнь, мое высшее наслаждение умерли вместе с ним. Светлые минуты моей жизни были минуты, в которые я творил. Когда я творил, я видел перед собою только Пушкина..." Он был всем для одиночного Гоголя, не знавшего ни света, ни женщин, ни иных житейских наслаждений. Со смертью Пушкина он оставался совсем один, хотя при жизни поэта, надо признать, не ощущал столь тесной связи с ним.

А потом были "Мертвые души". "...Преддверие немногого бледное той великой поэмы, которая строится во мне и разрешит, наконец, загадку моего существования", — написал Гоголь одному из своих немногочисленных друзей в 1842 году. Не построилась. Не разрешила. И даже вторая часть "преддверия поэмы" была уничтожена рукой самого автора. В припадке безумия? Или, наоборот, в величайшем озарении? Кто знает...

А загадку существования требовалось разрешить как можно быстрее. За два года до написания этого письма, в Вене, Гоголь почувствовал приступ мучительно-го страха, приносившего почти физические страдания. Поднимался жар, болела голова, ломило все тело. Сам воздух чужбины казался ему неприятным, зловредным. А по ночам являлась тень отца, и вспоминалось, по рассказам матери, как он тоже предчувствовал свою смерть, как знал минуту ее приближения. "Малейшее нанесенное-нибудь движение, незначащее усилие, и со мной делается черт знает что. Страшно, просто страшно. Я боюсь". И это уже остаточные симптомы. А что же творилось с ним во время раз-

гара болезни? Никогда еще смерть не подходила к Гоголю так близко, как на этот раз. Потом она приблизится вплотную...

Но жизнь дала ему довольно длительную передышку. 40-е годы — годы почти спокойные для Гоголя.

Эта почти трехлетняя пауза в творчестве сказалась пагубно. Ведь для него не писать — значило не жить. Поэма шла вяло. Отдушился он находил лишь в письмах, но и они становились все более и более обучающими, назидательными. Адресаты далеко не всегда готовы были стать послушными учениками и адептами Гоголя. Все уже становился круг его общения, все прочнее замыкался он в себе. Вот отчего брала тоска, вот в чем была основная причина его слабости, а вовсе не в физическом заболевании.

Хотя и физическое здоровье его сильно пошатнулось. В 1845 году опять нанатило то, страшное, непереносимое. "Я дрожу весь, чувствуя холод беспрерывный, и не могу ничем согреться. Не говорю уже о том, что исхудал весь, как щепка, чувствую истощение сил и опасаюсь очень, чтобы мне не умереть прежде путешествия в обетованную землю".

А с этой поездной — давно желаемым путешествием в Иерусалим — тоже не складывалось. Гоголь дал себе обет: поехать тогда, когда будет закончен второй том "Мертвых душ", а он не получался. Более того, все созданное "из-под палки", под собственным принуждением, было сожжено. "Раз написанное дурно, то и я дурен, а если я дурен, то и написанное дурно". Из этого круга не было выхода.

Он в самом деле чувствовал в себе угасание сил. И опять не побоюсь поставить современный диагноз — депрессия. Жесточайшая, изматывающая, не оставляющая ни малейшего проблеска надежды. Тогдашние врачи лечили не причину, а многочисленные следствия: слабость, жар, лихорадку, отсутствие аппетита, бессонницу. Все, что угодно, только не душу. Остается лишь удивляться, что смерть отступила от писателя и на этот раз. Видно, Бог берег его, потому что он был еще нужен России. А впрочем, кто знает?

В любом случае, появились "Выбранные места из переписки с друзьями" — книга, после публикации которой было повсеместно объявлено, что Гоголь... сошел с ума.

Ничего подобного! Просто Гоголь в этой своей книге призывал к миру и объединению как раз тогда, когда ничего этого просто быть не могло. Европа уже чувствовала близкое дыхание революции 1848 года. А Россию Гоголь основательно забыл. "Никого мы не лучше, — писал он, — но нет у нас непримиримой ненависти словеса против сословья и тех озлобленных партий, которые ваются в Европе и которые поставляют препятствие неизбежное к соединению людей". А но всему прочему он самую резкую критику направил... против самого себя и своих произведений. Добровольный спуск с пьедестала, на который публика уже успела вознести писателя, мог быть воспринят ею только как проявление сумасшествия.

В феврале 1848 года Гоголь все же посетил Иерусалим. Он ис-

кал там свидания с Богом без свидетелей, а попал... "на ярмарку. Люди со всего света толпились на Голгофе, и не было там ни покоя, ни тишины, ни откровения. Мне кажется даже, что во мне и веры нет вовсе; признаю Христа богочеловеком только потому, что так велит мне ум мой, а не вера. Я изумился его необъятной мудрости, но веры нет у меня. Хочу верить".

Больше всего Гоголя потрясло то, что именно в Иерусалиме он окончательно убедился в своем безверии. И это, по-видимому, было началом конца.

Вернувшись в Россию весной того же года, он уже почти ничего не писал. Только письма. И даже сделал попытку занять нормальной жизнью: чуть было не посватался к Анне Михайловне Виельгорской. Но роман этот — если он вообще был — проходил как-то странно. Чего стоит, например, письмо Гоголя к Анне, где он, с одной стороны, печется о ее здоровье и дает полезные советы, а с другой... "Да и вам же совсем не к лицу танцы: ваша фигура не так стройна и легка. Ведь вы нехороши собой. Знаете ли вы это достоверно?"

И это пишет человек, никогда особой красотой не отличавшийся. И кому — девушке, на которой вроде бы собирается жениться! Неудивительно, что брак не состоялся, да и о самом сватовстве не было ничего точно известно: то ли оно было, то ли его не было. Типично по-гоголевски!

А на место полуумифического романа опять пришел страх. И уже не уходил нигде до последних минут жизни Гоголя. И еще — унаследованная от отца

вера в приметы и предчувствия. Гоголь слег в постель окончательно 11 февраля 1852 года, и дальше все произошло столь же стремительно, сколь и мучительно. После смерти в январе того же года молодой родственницы одного из друзей, Гоголь уверовал в то, что все лекарства — это яд. 13 февраля он произнес одну из своих последних сознательных фраз:

— Надобно уж умирать, и я умру, я уже готов.

Причем вид у него был, как у человека, для которого все задачи разрешены, все дела сделаны и конец — нечто само собой разумеющееся.

Более того, после причащения в ночь с 11 на 12 февраля он уже ничего не ел. Ни крошки. Одной из причин смерти был и этот отказ от пищи: в какой-то степени Гоголь умер от голода. Но не только.

Его наконец-то стали лечить и от душевного расстройства, но средства тогда были, мягко говоря, варварскими. Ему лили на голову холодную воду, насиливо раздевали, укладывали в ванную, оберачивали мокрыми полотенцами, сажали на нос пиявки... Судите сами, могло ли помочь такое "лечение" человеку, твердо решившему спокойно и достойно уйти из жизни? А если кто-нибудь хоть раз в жизни испытывал при-

ступ депрессии — подумайте, что было бы, возьмись врачи лечить вас от нее вот так, как лечили Гоголя.

В конце концов созвали консилиум. Все известные тогда в Москве медицинские светила собрались возле постели Гоголя. Они терялись в догадках, говорили и о воспалении в нишечнике, тифе, нервической горячке, помешательстве... А он... ...он просто не хотел жить.

В восемь часов утра 21 февраля 1852 года Гоголь умер. Лицо покойного "выражало не страдание, а спокойствие, ясную мысль". Так, по крайней мере, свидетельствует очевидец. И впоследствии эту ясность, умиротворенность припишут тому, что Гоголь не умер, а лишь уснул летаргическим сном. Об этом якобы свидетельствует тот факт, что через 100 лет после смерти при перезахоронении Гоголя из Свято-Данилова монастыря на Новодевичье кладбище обнаружилось, что его снепет лежал в гробу... на бону.

Существует и еще одна самая последняя "сенсация": череп Гоголя якобы был похищен почитателем его творчества и теперь... путешествует в призрачном поезде по всей планете, появляясь то в Италии, то во Франции, то на Украине, на родине Гоголя...

Ну что тут скажешь?! ■

Олег ДЗЮБА

Уроки барона

"Белая армия, черный барон снова готовят нам царский трон", — пелось в 1920-м. Но вот минуло 80 лет и на вологодскую землю ступил самый настоящий барон, только не "черный", а "народный", как зовут его на родине за общительность и демократизм. Истинный русский аристократ, искренно считающий, что в России есть ныне заботы поважней, чем размышлять над восстановлением монархии.

Это был первый урок барона Эдуарда Александровича Фальц-Фейна из мимоходом и ненавязчи-

во преподанных им в Вологде. 88-летний дворянин ценит и любит прошлое, с наслаждением вспоминает его, но личным примером своим показывает, что верить надо в будущее, а потому быть предпримчивым в настоящем.

Я говорил с бароном после его возвращения из поездки в Кирилло-Белозерский монастырь, где он отдал должное северным святыням, но цепким взглядом человека, который в изгнании с нуля сделал свою жизнь сам, отметил ограхи наших попыток туристическиего бизнеса. В Лихтенштейне, где

его вилла расположилась в двух шагах от дворца правящего князя, у барона репутация "короля сувениров". Кое-что из того, что обеспечивает жизнь его семье и позволяет щедро жертвовать на благо русской культуры, он привез с собой и мимоходом устроил мне нечто вроде практикума по психологии путешественников.

— Двести иностранцев сошло с теплохода при мне и ни один ничего не купил, — разводил руками барон. — А почему? Там были красивые вещи, но ни одна не стала тем сувениром, который хочется увезти с собой. Европеец или американец нулит платон с видом города, где он побывал, или шкатулку с пейзажем полюбившихся краев. Смотрите, это разошлось мимо, у меня последний экземпляр с собой...

тавалось припомнить, что во всей Вологде не отыскать обычновенной футболки с видом на чарующие гостей красоты.

Уважения и доброй зависти достойна бодрость, с которой гость из Лихтенштейна переносит дальние переезды по свету. Ларчик с секретами его здоровья слегка приоткрыла председатель Вологодского дворянского собрания Наталья Бахметьева, задавшая барону вопрос о давнем его увлечении автогонками. А до своего первого авто Эдуард Александрович успешно выступал на соревнованиях велосипедистов. К тому же Фальц-Фейн при всей его искренней русности абсолютно не подвержен нашей национальной, увы, слабости к лишающим разума напиткам. "Мама просила меня никогда не пить водку, а

Фальц-Фейна

В руках Эдуарда Александровича шелковый платон, который его фирма выпустила к 200-летию перехода Суворова через Альпы. Два из четырех квадратов в обрамлении синей каймы заняты портретами полководца, два отведены сюжетам знаменитого броcса по кручам.

Другая находка — карта Лихтенштейна в окружении его неизмеримо более солидных соседей по континенту. Бирюзовый фон, ласковый девиз, повествующий о райской жизни крохотной страны. Немудрено, а нарасхват! Мне ос-

разве мог я отказать ей?" — сказал он мне.

...Поводом для приезда Эдуарда Александровича в Вологду стал выход книги его пресс-атташе Надежды Данилевич "Барон Фальц-Фейн. Жизнь русского аристократа". Две российских области и Украина спорили за право провести у себя презентацию этого издания. Барона же привлекло приглашение губернатора Вячеслава Позгалева, позаботившегося приобрести для библиотеки часть тиража книги. Все предыдущие маршруты Фальц-Фейна ни

разу не отклонялись от Москвы, Санкт-Петербурга и легендарного имения предков — заповедника "Аскания-Нова".

Тронувший аристократа жест губернатора вполне оправдан не одним только уважением к судьбе достойного скитальца, но и законным пietетом к его вологодским корням.

Надежда Данилевич, написавшая книгу о Фальц-Фейне, за годы работы проследила родословную барона до глубины веков и пришла к поражающему на первый взгляд выводу о его родстве со знаменитым великоустюгским святым Прокопием Праведным, жившим в XIII веке. По одной из версий, до канонизации и поклонения он был литовским князем, покинувшим родные края из-за нашествия Тевтонского ордена. Беглец нашел приют в Новгороде, там принял православие, а позднее отрекся от достоинства и нищим юродивым побред по Руси, найдя приют лишь в Великом Устюге. Судьба уготовила ему необычайную часть стать спасителем города от страшной "каменно-огненной тучи". Когда горожане едва не смирились с гибелью, молитвы Прокопия отогнали напасть в сторону и небесная энергия обрушилась на глухой лес, поломав множество деревьев. В память о чуде благодарные устюжане воздвигли собор Прокопия Праведного, под сводами которого покоятся по сию пору его мощи.

Сын князя избрал другую судьбу и его потомки стали со временем русскими боярами Еланчиными, род которых в начале XX столетия пересекся с родом баронов Фальц-Фейнов. Одна из ветвей рода Еланчиковых была связана с

вологодской землей. С удивлением барон узнал, что близ Белого озера и ныне сохранены их могилы...

В дни приезда Эдуарда Александровича Вологда принимала участников конгресса Российского комитета Международного совета музеев. Знаменитый меценат, вернувший на родину немало реликвий, уплывших за рубежи после 1917-го года, стал его почетным гостем. Фальц-Фейн был тронут и смущен аплодисментами, с которыми встретили музеищики всей России его выход к микрофону.

— Почему же меня пригласили в президиум? — удивляясь, говорил мне барон. — Я же не работник музея, не член комитета?..

В ответ я напомнил Эдуарду Александровичу его слова на презентации книги. Фальц-Фейн говорил о том, что достоинство истинного аристократа не в том, чтобы брать все и отовсюду, а в том, чтобы отдавать то, чем он располагает. Как иначе понять многолетние поиски и восстановление Янтарной комнаты? Попытки напасть на след исчезнувших сокровищ все же сродни спорту, к которому Фальц-Фейн всегда был неравнодушен. Но вот посыпать из Швейцарии стакки для современных художников янтарных дел, самому платить им за работу мог только человек, для которого все это не мимолетная прихоть ради рекламы, а дарованный свыше образ жизни. Так что бронзовый бюст барона, установленный в музее-заповеднике "Царское село", достойно продолжает череду памятных знаков в честь подвижников и меценатов.

Раз уж мы заговорили о Янтарной комнате, я не мог удержаться от вопроса, а не осталось ли хотя бы призрачных надежд вновь обрести ее оригинал?

— Недели не проходит, чтобы я не получил одного хотя бы письма с новой идеей поиска, — с печальной улыбкой ответил мне Фальц-Фейн. — И все просят тысячу долларов на проверку их версий. Раньше я не отназывал, а теперь говорю: "найдите и не пожалею ста тысяч!". Но это лишь мечты. Уже нет сомнений, что украшенное из Царского Села чудо погибло в Ненигсберге весной 1945-го года. Но в 2003-м мы увидим его возрожденным вновь. Ждать осталось недолго. Если же невероятное сбудется и Янтарная комната будет все же найдена, то их в России будет две! Кому от этого хуже?!

...В подвале нью-йоркского антиквара барон как-то отыскал похищенный в гражданскую войну из дворца в Алупке портрет Григория Потемкина кисти Левицкого.

— Холст был в ужасном состоянии, — рассказывал мне Фальц-Фейн. — Десятилетиями портрет хранили где попало свернутым в рулон. Краски осыпались, только лицо было хорошо различимо. Я купил картину и доверил ее русским реставраторам, зная, что они способны на чудеса. Восстановленную картину я подарил тому дворцу, откуда она исчезла когда-то. Ее поместили рядом с портретом Екатерины II. Думаю, императрице приятно было оказаться вновь со своим старым другом... В Ливадийский дворец мне удалось вернуть уникальный персидский ковер с выткаными на нем портретами семьи Нико-

ляя II. Этот ковер подарил царю шах Ирана к 300-летию Дома Романовых. После революции ковер украли и переправили в Европу. Я узнал о нем от Юлиана Семенова. В то время писатель был корреспондентом "Литературной газеты" в Бонне. Однажды он позвонил мне и взволнованно поведал о том, что на аукционе вот-вот будет продаваться уникальная вещь. Сам я поехать на аукцион не смог, пришлось вести торги по телефону с помощью Семенова... Сейчас ковер снова в Крыму.

Печаль только в том, что эти дары были сделаны еще в пору существования СССР, так что в каком-то смысле они все равно оказались пусть за братским, но все-таки рубежом.

Десятки тысяч долларов пожертвовал Эдуард Александрович на восстановление Мальтийской капеллы и церкви в здании Санкт-Петербургского суворовского училища. Некогда там размещался Пажеский корпус, начальником которого был дед Эдуарда Александровича по материнской линии генерал Еланчин. По счастливому совпадению пресс-атташе барона Надежда Данилевич встретила на московском аукционе акварельный портрет Еланчина работы Бориса Кустодиева. Услышав об этом по телефону, барон поручил ей немедленно приобрести портрет, а затем передал его в дар для будущего училищного музея, дабы строгий взгляд генерала, с честью служившего трем императорам, напутственno ободрял мальчиков, постигающих азы науки службы родине. Мечта Фальц-Фейна найти еще и подлинный мундир Пажеского корпуса. Пока что таким раритетом не

может похвастать ни один музей мира.

Увы, благородная щедрость вынужденного эмигранта была ущерблена неним "новым" петербуржцем, имя которого Фальц-Фейн и вспоминать теперь не хочет. Раввийшийся в Госдуму предприниматель пообещал барону, что возьмет на себя половину расходов на реставрацию училищных утрат. Но выборы этот господин с треском проиграл, после чего новоявленный нувориши предпочел зататься, очевидно, приберегая "сэкономленную" валюту до новых "мыльных пузырей".

С приниистостью новорусских богачей барон вновь столкнулся, воплощая свой благородный замысел воздвигнуть в Швейцарии памятник полноводцу Суворову. Легендарный переход русского войска через Альпы прежде был отмечен только скромным знаком у Чертова моста в память погибших солдат. Все 200 тысяч долларов, которые понадобились для создания монумента, похоронили швейцарцы. Из России на памятник Суворову не поступило ни гроша. Нашим богатым не до этого, им другие герои покоя не дают. Чего стоит хотя бы затея известного на заре "прихватизации" бирневина, собравшегося украсить Рио-де-Жанейро статуей Остапа Бендера. Шумно разреннировав затею, новорусский миллионер слетал в Рио, но с той поры напрочь замолк. Бразильцы сочли, что вокруг Амазонки и своих "великих комбинаторов" хватает.

...А чего стоит участие барона в возвращении России легендарного архива следователя Соколова, расследовавшего убийство

царской семьи! Бесценные для истории бумаги попали на аукцион и могли быть навсегда потеряны для России. С подсказки барона князь Лихтенштейна купил это собрание уникальных документов на лондонском аукционе и обменял его на свой фамильный архив, попавший в СССР среди трофеев Великой Отечественной войны.

Непростая, затянувшаяся на семь лет история с архивом дала Эдуарду Александровичу еще и повод, так сказать, трахнуть журналистской стариной. Начав карьеру газетчика еще в 30-е годы сотрудником парижской спортивной газеты, он в наши дни стал единственным представителем русской аристократии, кто может гордиться удостоверением нештатного корреспондента агентства ИТАР-ТАСС. В этом ранге он передавал ежедневно в Москву все новости, связанные с приобретением архива Соколова...

Старшего коллегу с 60-летним журналистским стажем нельзя было не спросить о ярких эпизодах его работы в европейской прессе.

— Незадолго до Берлинской Олимпиады я закончил университет во Франции, — ответил он мне. — К этому времени у семьи кончились последние деньги, оставшиеся от продажи имения в Ницце. Неожиданно мне предложили работу в известной спортивной газете и тут же отправили корреспондентом в Германию. И вот Олимпиада. Во время финального забега на 100 метров я вместе с другими журналистами стоял у самой ложи Гитлера. Он рассчитывал, что победит немецкий бегун, а первым был чернокожий Оуэнс из США. Для расиста это

было нестерпимо. Гитлер ударили нулаком о колено и тут же покинул ложу...

Не лишним будет вспомнить, что до 80-х годов барона Фальц-Фейна в Советский Союз не впускали, все его попытки увидеть родину предновогодними натыкались на чиновное сопротивление. Разрушить незримую стену помогло участие Эдуарда Александровича в Международном Олимпийском движении. Руководству СССР захотелось заполучить для Москвы права на проведение Олимпиады, и барон, возглавлявший Олимпийский комитет Лихтенштейна, вдруг оказался востребован долго отвергавшей его родиной.

Олимпийским будущим Москвы барона Фальц-Фейна заинтересовал тогдашний председатель Госкомспорта.

— Господин Павлов обратился ко мне с идеей и она мне понравилась, — вспоминает барон Фальц-Файн. — Он прямо сказал мне: «помогите». Одного моего голоса было слишком мало. Зато у меня было два влиятельных друга в Международном Олимпийском комитете, представлявших Финляндию и Англию. Притом не только друга, но и родственника. Мне удалось убедить их, что Москва достойна Игр и способна провести на отличном уровне, а они поработали с остальными... Помню, что Павлов накануне голосования места себе не находил, а я его успокаивал, мол, не перениграйте, все будет как надо... Я даже сказал ему сколько голосов будет отдано Москве и ошибся всего на два! После этого мне, наконец, дали визу, и Павлов спрашивал при встрече в Москве, как ему меня отблагодарить. Я отвечаю,

что много лет мечтаю увидеть Асканию-Нову. Мой собеседник начнет головой, это не в его власти. МИД будет против, КГБ не даст разрешения и так далее. Впору опускать руки, но вдруг Павлов звонит мне в отель и просит срочно собираться в дорогу. Выход же нашелся и я отправился на юг... ради знакомства с состоянием массового спорта, другого повода приблизить меня к Аскании-Нове Павлов отыскать не смог. И вот я лечу, но вместо родного дома мне долго и упорно называют гандболистов, футболистов, баскетболистов. Я прошу отвезти меня в Асканию и слышу в ответ: там паршивая команда, не стоит время на нее терять!.. Асканию-Нову я все же увидел. Зрелице было грустным...

Барон отнюдь не замкнулся на пересчете обид, но и не считает нужным не замечать откровенных несуразиц. Приняв от бывшего Президента России орден «Дружбы», все же не захотел мириться с серпом и молотом, которые по старинке украшают награду. Выход оказался аристократически прост. Эдуард Александрович обратился к петербургскому ювелиру Андрею Ананову, который заменил революционную эмблему на ордене золотым гербом России... Кто рискнет упрекнуть его за это?

В Библии говорится о времени разбрасывать камни и о времени собирать камни. Барон Фальц-Файн немалую часть жизни восстанавливал утраченное в революцию достояние, а с приходом в Россию новых времен стал щедро помогать родине, неногда отринувшей его семью.

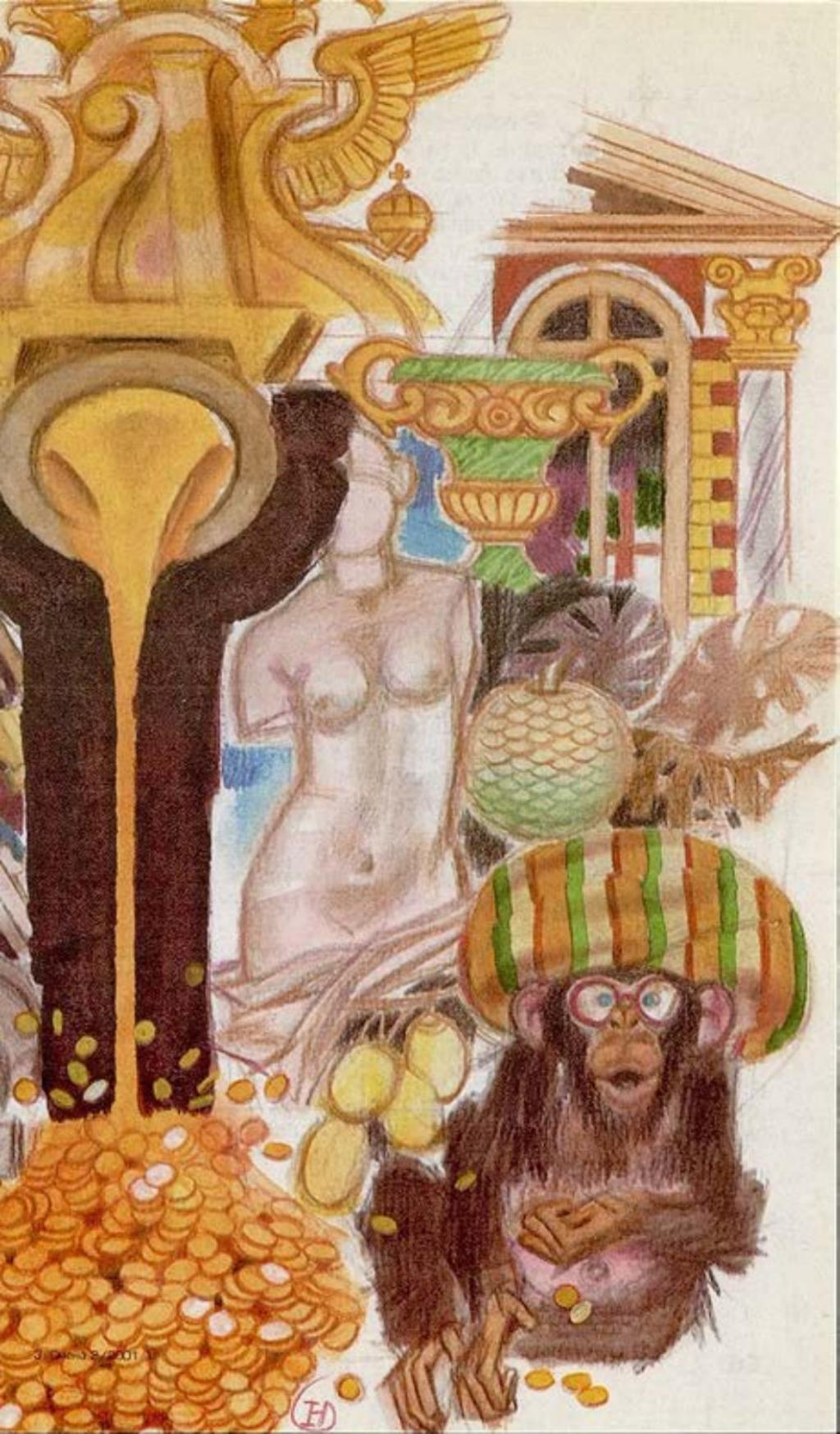
Наверное, это главный урок барона Фальц-Фейна. ■

Добро пожаловать

Любовь РУСЕВА

рисунок Геннадия Новожилова

Родоначальник

— Вот тебе, матушка, за то, что ты меня кормила и поила. Счастливый Никита отдал растроганной матери 5 алтын^{*} — это были первые деньги, которые он заработал. Испугавшись рекрутского набора, Антуфьев, чтобы избежать армии и не попасть в число служивых, определился кузнецом на Тульский завод. Платили ему по одному алтыну в неделю.

Никита Демидович родился 26 марта 1656 года в 20 верстах от Тулы в деревне Павшина, в семье крестьянина Демида Григорьевича Антуфьева, который тоже впоследствии стал тульским кузнецом.

Смышленый и трудолюбивый Никита сразу же обратил на себя внимание не только поистине золотыми руками, но и своей честностью и неистощимым юмором. Одаренного умельца мечтали заполучить многие хозяева. Сосед-мастер стал переманивать его к себе, обещая гораздо большую плату. Антуфьев, отличавшийся прямотой и порядочностью, сообщил об этом своему хозяину.

— Сосед говорит, что ты мало платишь за труды мои, он сулит мне вместо одного — три алтына в неделю. Но я не хочу забывать твоего хлеба и соли. Лучше ты сам прибавь мне что-нибудь. — Кузнец согласился.

Царь Петр I готовился к войне. В связи с этим особую важность приобретало искусство тульских оружейных мастеров. Петр I прислал образцовое ядро на тульский завод, и Антуфьев сделал подобное, а после он же сделал и ружье.

Вице-канцлер барон Шафиров первым из всесильных вельмож обратил внимание на талантливого кузнеца. Остановившись как-то в Туле, барон, без надежды на успех, отдал в починку пистолет работы знаменитого Кухенрейтера. Никита Демидыч не только исправил оружие, но и сделал по его образцу другой пистолет, нисколько не уступавший по своим качествам кухенрейтерскому.

Вскоре и сам Петр I, перед вторым Азовским походом, познакомился с Антуфьевым. Направляясь в Воронеж строить флот, царь остановился в городе оружейников.

— Алексашка, спознай-ка, не возьмутся ли тульские кузнецы сделать за месяц триста алебард по сему образцу. — Царь протянул привезенный им образец. На зов императора явился только один желающий — Никитка Антуфьев. Петр был поражен его ростом, стройной фигурой и мужественным лицом.

— Вот молодец! Годится в Преображенский полк, в гренадеры!

— Помилуй меня, государь, для моей престарелой матери! — бедняга опустился на колени. — Един я у неё сын и опора.

* 1 алтын составляет три копейки.

Петр от души рассмеялся:

— Вставай, вставай, зело не люблю сего. Я помилую тебя, коли сделаешь мне алебарды за месяц сходно с сим образцом, — пошутил Петр.

Осмотрев оружие, Антуфьев уверенно заявил:

— Нет, государь, я лучше этого сделаю и в срок привезу тебе в Воронеж.

Демидыч сдержал слово. Царь остался чрезвычайно довольным и подарил оружейнику сто рублей, серебряный ковш, немецкого сукна на платье.

Возвращаясь в Москву, царь заехал к Никите в гости.

— Можешь ли ты сделать подобное? — И Петр показал заграничное, искусно отделанное ружье.

— Попробую, государь, — Антуфьев с любопытством рассматривал ружье, — но за успех не ручаюсь.

— Я на тебя надеюсь. Когда сделаешь, приезжай ко мне в Москву.

Антуфьев усердно принялся за работу. После нескольких неудачных опытов он все-таки сделал шесть ружей, которые привез в столицу. Петр нашел их не хуже образца и подарил умельцу сто рублей. На эти деньги царя кузнец основал маленький заводик. Вот с этих-то ста рублей и началась мощная промышленная империя.

— Постарайся, Демидыч, распространить свой завод, — обнимая его, сказал Петр, — а я тебя не оставлю.

— Государь, — воспользовался заводчик хорошим расположением духа царя, — отдай мне несколько десятин земли около Тулы и право добывать железную руду в окрестностях сего града.

По приказу Петра I в 12 верстах от Тулы в Малиновой засеке Никите отвели несколько десятин земли. Антуфьев построил на речке Тулице большой железный завод, стал поставлять в пушкарский Приказ воинские снаряды, беря за пуд 12 копеек (другие в это время брали 25 копеек).

В 1700 году началась Северная война, а вместе с ней началась и звездная пора Демидыча. У него появилась возможность доказать свою преданность царю и престолу. Государство закупало в большом количестве оружие, платя за ружье по 15 и по 20 рублей. Никита Демидович приступил к массовому выпуску ружей, которые продавал казне по 1 рублю 80 копеек.

За снабжение армии Петр велел отмежевать Никите в собственность лежащие около Тулы стрелецкие земли и предоставить исключительное право копать руду в Малиновской засеке, а также рубить лес для топлива и угля в Щегловской засеке. Дела его пошли еще успешнее.

Более 20 лет длилась война, и все это время Антуфьев поставлял русской армии орудия, ядра и снаряды вдвое дешевле по сравнению с другими заводчиками. Благодарный император по

достоинству оценил предприимчивость, кипучую деятельность и редкую честность своего любимца Демидыча и возвел его в дворянское достоинство. С этих пор Никита Антуфьев, а вслед за ним и его сыновья, стали писаться Демидовыми. В России появилась новая династия знаменитых заводчиков.

По приказу Петра I Никита Антуфьев испытал железную руду, взятую с реки Невы (Нейвы) в Пермской губернии. Убедившись в ее уникальных качествах, он обратился в Сибирский приказ с просьбой разрешить ему разрабатывать руду на казенных невьянских заводах. Именным указом эти заводы, основанные в 1669 году, были отданы оружейнику по себестоимости. Ему давалось также право разрабатывать руду по рекам Неве и Тагиле и у Магнитной горы. Так фактически было положено начало горному делу.

Получив от Петра I земли в Сибири и право покупать новые, Демидов построил несколько железных заводов и один медный в Пермской губернии, населил отдаленные места людьми. Кроме руды он добывал минеральные богатства, гранит, порфир.

Отправляясь в 1722 году в Персидский поход, Петр Великий прислал любимцу из Кизляра свой портрет и письмо: "Демидыч! Я заехал зело в горячую сторону; велит ли Бог видеться? Для чего посылаю тебе мою персону. Лей больше пушкарских снарядов и отыскивай, по обещанию, серебряную руду".

Демидов, как всегда, оправдал надежды царя. На Алтае он открыл серебряные рудники, а в Колывани медные копи.

Отдаваясь полностью любимому делу, помогая изо всех сил царю-преобразователю, Демидов не забывал и об интересах семьи, занимался устройством собственных дел. Бывало, что он шел против закона, нарушал его. Строя с размахом, заводчик нуждался в большом количестве рабочих. Царский любимец переманивал к себе мастеров и специалистов с казенных заводов, укрывал рабочих и крестьян, которые чисились в бегах,копал без дозволения правительства во многих местах.

Бедный крестьянин, который сначала работал за 1 алтын в неделю, Никита Демидов к концу жизни разбогател настолько, что ежегодно доход его составлял 100 тысяч рублей. Он стал богат, как Крез. В 1715 году Демидов подарил "на зубок" новорожденному наследнику престола Петру Петровичу золотые сибирские вещи, а матери царевича — 100 тысяч рублей — по тем временам баснословно огромные деньги.

Родоначальник династии Никита Демидович Демидов умер в один год со своим благодетелем — императором Петром Великим.

СЫН

Наследником Никиты Демидовича стал его сын Акинфий. Он был истинным сыном своего отца, не менее умным и предприимчивым. За короткий срок Акинфий учредил свое и без

того огромное состояние, и оставил детям, кроме заводов, домов, множества золота, драгоценных камней и денег, около тридцати тысяч душ крестьян.

Изучив горнозаводское дело под руководством отца, Акинфий отправился знакомиться с горнозаводским делом в Западную Европу. Во время путешествия он приобрел богатейший минералогический кабинет, перевез его к себе в Сибирь и, дополнив сибирскими минералами, в 1759 году подарил Московскому университету. Коллекция заключала в себе 6 тысяч экспонатов. Московский университет, кстати, был своеобразным предметом страсти Демидовых: каждый представитель этой замечательной семьи приносил в дар учебному заведению богатые коллекции и большие суммы денег.

Еще при жизни отца в 1702 году Акинфий Никитич получил в управление Невьянские заводы, а после его смерти унаследовал заводы в Калужском уезде. Открыв месторождение асбеста близ своих сибирских заводов, Акинфий опытным путем нашел способ его обработки, который был известен в древности, но к тому времени совершенно забытый. Демидов представил Петру I уникальные изделия и приступил к промышленной разработке асбеста. Он же разработал и использовал горный лен, из которого изготавливали колпаки, кошельки, перчатки и шнурки.

Второй Демидов расширил добчу и обработку малахита и магнита. У него был магнит весом в 13 фунтов, который держал пудовую пушку. В церкви Нижнетагильского завода стояли два престола, сделанных из кубических магнитов, равных которым не было в мире.

Акинфий энергично разыскивал медную руду в Томском и Кузнецком уездах, проник до Алтая, где между Обью и Иртышом открыл Чудскую копь с признаками медной лазури и, исследовав затем руду, построил на реке Белой первый в Зауралье медноплавильный завод. Он же открыл во многих местах в Сибири свинцовые рудники и основал 17 железных и медноплавильных заводов.

В знаменитых Алтайских рудниках (в Змеиных горах), открытых Демидовым, в 1736 году были обнаружены богатейшие по содержанию золота и серебра руды, самородное серебро и роговая серебряная руда.

Плавка драгоценных металлов началась только в 1745 году. Первое же серебро по распоряжению императрицы Елизаветы Петровны употребили на раку Александра Невского.

Скончался действительный статский советник Акинфий Никитич 5 августа 1745 года на пути в Сибирь, на реке Каме, близ села Ицкое Устье. Погребен второй Демидов в Туле. Он был женат дважды: на Евдокии Тарасовне Коробковой, от которой имел двух сыновей, и на Ефимии Ивановне Пальцовой, которая родила ему сына и дочь.

Первоначально Акинфий распределил свое богатство между сыновьями поровну, но под влиянием второй жены отписал младшему Никите почти все, а старшему Прокофию, например, всего пять тысяч рублей. Прокофий Акинфиевич завел тяжбу, и несметные богатства перешли к нему.

Первые горнозаводчики Демидовы не стремились “в знать”, они по роду своей деятельности были привязаны к земле, трудились, совершенствуя и расширяя свое дело. Это были умные, своеобразные русские люди, сильной воли, принимавшие все лучшее из Европы, но в то же время упорно державшиеся коренных основ русского быта.

Внуки

Младший сын Акинфия Никитича Никита Акинфиевич родился 8 сентября 1724 года на берегу реки Чусовой во время возвращения родителей из Тулы в Сибирь. Видимо, это обстоятельство — рождение в пути — и определило его страсть к путешествиям.

Получив по сравнению с другими братьями после смерти отца незначительное наследство, он в короткий срок настолько увеличил состояние, что даже основал два завода.

Известным Никита был не только богатством и щедрой благотворительностью, но и “Журналом путешествия в чужие края”.

В Европе Демидова везде встречали с почтением. Дом его неизменно становился сборным местом не только русских, находившихся за границей, но и знаменитых иностранцев. Для поощрения русского скульптора Шубинского, бывшего в 1772 году в Париже, меценат заказал ему два мраморных бюста: свой и жены. Кроме того, Демидов взял скульптора с собой в Италию. Поездка оказалась чрезвычайно полезной для обоих: Шубинский получил возможность изучить мастерство античных ваятелей, а миллионер не просто познакомился с памятниками древности, но и получил квалифицированную консультацию по ним.

Никита Акинфиевич занимался не только заводами, но и науками. Изданный им в 1786 году “Журнал путешествия в чужие края” вызвал большой интерес. Объездив всю Европу, Демидов беспристрастно описал все, что видел. Вот, например, что он написал о секрете женской красоты парижанок: “Красота женского пола в Париже подобна часовой пружине, которая сходит каждые сутки; равным образом и прелесть их заводится всякое утро. Она подобна цветку, который рождается и умирает в один день. Все сие делается притиранием, окроплением, убелением, промыванием; потом прогоняют бледность и совсем закрывают черный и грубый цвет; напоследок доходит очередь и до помады, для намазания губ, и порошка для чинения зубов. Наконец, являются губки, щетки, уховертки и в заклю-

чение лоделаванд, разные духи, эссенции и благоухания. И всякой из сих чистительных составов и сосудов разное имеет свое свойство: надлежит сделать белую кожу, придать себе хорошую тень, загладить морщины на лбу, в порядок привести брови, дать блеск глазам, розовыми учинить губы; словом, надоно до основания переиначить лицо и из старого произвести новое".

Как помещик и заводчик Никита Демидов отличался крутым нравом и даже жестокостью. В 1756 году он купил у княгини Репниной имение в селе Русаново в Алексинском уезде Тульской губернии, но крестьяне, знаяшие крутой нрав Никиты Акинфиевича, "не дали себя отказать за Демидова", и только военной силой были приведены в повиновение.

Умер младший внук родоначальника династии в 1789 году.

Чудак

Старший внук Никиты Демидовича Демидова — Прокофий прославился не только несметными богатствами и благотворительностью, но и своими чудачествами. Именно благодаря им его имя было на устах не только в России, но и на Западе.

Прокофий Акинфиевич родился в Сибири 8 июля 1710 года. Ему было 34 года, когда умер его отец. После раздела богатства семьи с братьями Прокофий отправляется за границу — на мир посмотреть да себя показать.

Слава о русском Крезе, который в каждом городе устраивал пиры и делал в невероятном количестве закупки предметов роскоши, птицей летела впереди Демидова.

— Как он мотает! С чем-то он выедет отсюда?! — поражались саксонцы.

— Ну, Европа, мать твою, и какого рожна я сюды сунулся, — смеялся над бедностью европейцев Демидов. — Да мне здесь денег некуда тратить. Даже самое что ни на есть необходимое для себя достать не могу!

Везде его принимали, как принца, а вот англичане отнеслись довольно холодно, видя в нем лишь сумасбродного богача, не знающего, как прожить деньги, поэтому и старались прощать ему свои произведения по баснословным ценам. Подобную неучтивость Демидов не простил, он — обиделся. Расчетливость и жульничество Прокофия Акинфиевича не выносил. Он посчитал себя чрезвычайно оскорблённым и довольно оригинально отомстил чопорным англичанам.

Вернувшись в Россию, Прокофий Акинфиевич скупил у русских купцов всю пеньку, приготовленную на продажу за границу. Когда открылась навигация и английские торговцы приехали за пенькой, Демидов запросил с них впятеро дороже того, что стоил товар. Купцы уехали домой ни с чем. Так как до тех пор Англия закупала пеньку исключительно в России, то ей ничего другого не оставалось, как вновь прислать купцов к

Прокофию, надеясь, что он, для собственной выгоды, сделается сковорчивее или же распродаст пеньку другим купцам. Однако представители туманного Альбиона не знали толком Россию, а уж Демидова — и подавно. К кому ни обращались англичане, в ответ слышали одно и то же:

— Идите к Демидову — вся пенька у него.

А Прокофий, как ни в чем не бывало, называл цену вдвое большее прежней.

— Ваши действия, господин Демидов, противны правилам коммерческих оборотов!

— Плевал я на ваши правила, у меня свои коммерческие обороты. За сколько хочу — за столько и продаю, а захочу — другим задаром отдаю. Французам, к примеру, али гишинцам. Хотите, покупайте за ту цену, что я назвал, а нет — вот вам Бог, а вот и порог.

— В таком случае, господин Демидов, вы вынудите английское правительство в свою очередь поднять цены на английские товары, — угрожали торговцы.

— Воля ваша, а мне от этого ни тепло, ни холодно.

Демидов так и не поддался на уговоры, и англичане вновь уехали с пустыми руками.

Для России посещение Демидовым Европы знаменательно не только конфликтом с англичанами, но и учреждением ссудного банка. Вернувшись в Отечество, чудак убедил правительство в его необходимости и сам внес крупную сумму денег.

Развернуться широкой демидовской натуре в Петербурге было почти невозможно. За сумасбродства и чудачества императрица по головке не погладит, а ограничения богач не любил. Прокофий Акинфиевич уезжал подальше от двора, поселялся в Первопрестольной, где чувствует себя вольготно. Ну, кто бы ему позволил в Петербурге скупить всю соль у купцов и посыпать ею дорогу от усадьбы до большого тракта?! А здесь! Красота! В середине лета с ветерком да с колокольчиками прокатиться на санях с друзьями, шампанским и музыкой! Для большей иллюзии, говаривали злые языки, чудак приказал на протяжении всего “санного” пути выщипать все березы до единого листочка. А кому плохо от сей выдумки? Народ сбежался со всей губернии за дармовой солью.

Бедняки действительно любили чудака, он мог потешиться, но и обеспечить нуждавшегося. Королевская щедрость Демидова притягивала к нему множество нищих, юродивых и мошенников, которые всячески старались выманить деньги. Откуда только ни приезжали к нему! Демидов без разбора принимал каждого посетителя, вступал с ним в разговоры, высматривал о нужде, почти никогда не отказывал в помощи бедняку, нередко помогал плуту и бездельнику, но при этом непременно потешался и глумился над ними.

Как-то Прокофий Акинфиевич рассердился на полицейского офицера своего квартала и не послал ему обычного подарка. В отместку полицейский назначил в его дом на постой нескольких солдат. Демидов не показал своего неудовольствия на такое распоряжение, а, напротив, любезно пригласил стража порядка на обед. Чудак был мастер спаивать гостей до бесчувствия. Полицейскому обрили голову, раздели донага, вымазали все тело медом, а затем обвалили в пуху и заперли в комнате, где не было ничего, кроме дивана и огромного зеркала. Утром следующего дня хозяин через замочную скважину с удовольствием наблюдал за бешенством и отчаянием гостя. Демидов вошел к заключенному грозным судьей.

— Как! Ты, полицейский офицер, обязанный смотреть за общественным порядком, осмеливаешься являться ко мне в дом в таком безобразном виде?! Погоди, негодай, я научу тебя приличию. Сейчас же отправлю тебя к губернатору и буду просить, чтобы тебя без всякого милосердия наказали за все твои мерзости!

Несчастный на коленях просил прощения и клялся больше никогда и ничем не тревожить Демидова. Прокофий Акинфиевич потребовал подтвердить это обещание письменно. После этого полицейского вымыли и одели. При расставании хозяин подарил ему парик и мешок с червонцами. Страж порядка остался очень довольным.

Прокофий Акинфиевич владел несколькими домами в Москве, но они ему были не по нраву, и вот на Басманной, близ Разгуляя, вырастают хоромы самой затейливой архитектуры, да к тому же обшитые снаружи железом. В случае близкого пожара Демидов приказывал закрывать окна железными ставнями и продолжал спокойно заниматься своими делами.

Внутренняя отделка дома была великолепна и соответствовала его несметному богатству. Горы золота, серебра, самородных камней ослепляли глаза. На стенах, обитых штофом и бархатом, красовались редчайшие картины; зеркальные окна и лестница были уставлены редкими растениями. Мебель из пальмового, черного и розового дерева поражала своей тончайшей, как кружево, резьбой. На мозаичных полах лежали тигровые, соболи и медвежьи шкуры. Под потолками висели золотые клетки с птицами со всего света. По комнатам гуляли ручные обезьяны, орангутанги и другие звери. В мраморных бассейнах плавали диковинные рыбы. Мелодичные звуки органов, искусно вделанных в стены, услаждали слух посетителей, а в столовой фигурные серебряные фонтаны били вином.

Ездил Прокофий Акинфиевич по Первопрестольной не иначе как цугом, в ярко-оранжевой колымаге. Цуг состоял из двух маленьких лошадей в корню, точно таких же впереди и двух огромных лошадей в середине. Форейтор-карлик важно восседал на громадной кобыле. На одной из передних помещался форей-

тор столь высокого роста, что его длинные ноги тащились по мостовой.

Об изысканном вкусе Демидова свидетельствовала и полная гармония лакейских ливрей с упряжью: одна половина была спита из золотого галуна, другая — из самой грубой сермяги; одна нога лакея обувалась в шелковый чулок и лакированный башмак, другая — в онучи и лапоть. Сам же хозяин живописно дополнял эту картину: он был одет в поношенный выцветший сюртук петровского времени, перетянутый ярко красным кушаком. На голове его красовалась из золотой парчи чалма, в центре которой сиял на солнце огромной величины алмаз.

Когда в моду вошли очки, Демидов надел их не только на свою прислугу, но даже на лошадей и собак. Увидев как-то, что садовник дотронулся голыми руками до любимого им померанцевого дерева, которое с большим трудом привезли из Италии, Демидов приказал тотчас же его срубить и сжечь, потому что оно “загрязнилось”. Точно так же он поступил с дорогой каретой, выписанной из Англии, из-за того, что в нее вошел кучер, желавший стереть пыль с бархатных подушек.

Цветы Демидова известны были не только в Москве. Где уж дамам устоять перед соблазном? Вот и повадились благородные лазить в его сад за уникальными цветами. Демидов отвадил их по-своему, по-демидовски. В тот период сады и парки украшались скульптурами. Прокофий Акинфиевич же вместо статуй античных божеств поставил на постаменты голых мужиков.

Не боялся чудак шокировать и монархов. Во время визита в Москву австрийского императора Иосифа II генерал-губернатор устроил в Кремлевском саду парадное гуляние. Все приглашенные явились в дорогих и блестящих костюмах, а Прокофий Акинфиевич, притворясь больным, приехал в неизменной своей камлотовой изношенной шинели и сафьяновых сапогах, с толстой суковатой палкой в руке.

Эти чудачества создали ему много врагов и главным образом среди высокопоставленных чиновников и знати, с которыми он обращался без особого почтения. Благодаря богатству Демидов для многих был нужным человеком. Деньгами он ссужал самых высокопоставленных лиц. Процентов не брал, но если должники возвращали сумму не в срок, то он отводил душу, издаваясь над ними.

Когда статс-даме императрицы графине Румянцевой срочно понадобились пять тысяч рублей, она, в конце концов, вынуждена была обратиться к Демидову. Прокофий Акинфиевич, недолюбливавший аристократов, принял графиню чрезвычайно холодно.

— У меня нет денег для женщин вашего звания и происхождения, потому что мне некому жаловаться на вас, если вы не заплатите денег к сроку. Вы привыкли ставить себя выше закона, и сам черт с вами ничего не сделает!

Графиня, скрипя зубами, проглотила эту пиллюлю и, в надежде, что еще раз Демидов смягчится, повторила свою просьбу. Хозяин ответил ей очередной дерзостью. Обиженная до слез, Румянцева направилась к дверям.

— Послушайте! Я готов услужить вам, но только с тем, если вы дадите мне такую расписку, какую я хочу.

Румянцева опрометчиво согласилась. “Я, нижеподписавшаяся, обязуюсь заплатить дворянину Демидову через месяц пять тысяч рублей, полученные мною от него наличными деньгами. В случае же, если я сего не исполню, то позволяю объявить всем, кому он заблагорассудит, что я распутная женщина”.

Графиня взорвалась от негодования.

— Как хотите, — равнодушно ответил Демидов, — я не переменю ни одной буквы.

В конце концов нужда заставила статс-даму уступить. Тем более, что она должна была в ближайшее время получить деньги из деревни. К несчастью, Румянцева ошиблась в своих расчетах и, несмотря на все старания, не могла вернуть долг Демидову в указанный срок. Дождавшись назначеннной даты, богач во время бала в дворянском собрании собрал около себя молодежь и во весь голос прочел расписку графини.

Взрыв смеха обратил внимание государыни. Узнав, в чем дело, Екатерина II разгневалась не на шутку. Она приказала Демидову немедленно покинуть собрание, а на другой день поручила обер-полицеймейстеру уплатить ему пять тысяч рублей и отобрать расписку графини.

Прокофий Акинфиевич любил не только чудачить, но и заниматься серьезными делами. Страсть к ботанике являлась семейной чертой, но особенно ярко она выразилась в Прокофии Акинфиевиче. Особую нежность Демидов питал к цветам и пчеловодству. Он создал в Москве прекрасный Ботанический сад, который иностранцы считали одним из чудес неведомой России.

Держал Демидов марку и по части меценатства. В общей сложности за свою жизнь он пожертвовал около полутора миллиона рублей на различные богоугодные и общественные учреждения, в том числе 20 тысяч рублей серебром отдал на постройку императорского Московского Университета. За благотворительность императрица Екатерина II произвела Прокофия Акинфиевича, не имевшего никаких чинов, сразу в действительные статские советники.

Подобно отцу, Прокофий Акинфиевич был дважды женат. От первого брака у него было три сына, от второго — четыре дочери. Недовольный своими сыновьями, Демидов продал за бесценок четыре завода Савве Яковлеву.

Каждой из дочерей при замужестве Демидов делал значительный денежный подарок, хотя в рядной записке он писал, что назначает в приданое денег лишь 99 рублей 99 и 9/9 копеек

ек. Это обстоятельство дало им впоследствии повод начать против братьев тяжбу, длившуюся многие годы и известную под названием "Пирамидовского дела".

Прокофий Демидов скончался 1 ноября 1786 года и был похоронен с чрезвычайным великолепием в Донском монастыре, за алтарем Сретенской церкви. Московский университет прислал дежурить к гробу усопшего своих питомцев.

Правнуки

Сын Никиты Акинфиевича тайный Советник, действительный Камергер и Командор Св. Иоанна Иерусалимского, Николай Никитич начал службу адъютантом Потемкина во время второй русско-турецкой войны. Черноморский флот пополнился одним великолепным фрегатом, построенным и полностью оснащенным на его счет. А во время Отечественной войны Николай Никитич на свои средства сформировал полк солдат и офицеров, названный Демидовским.

В 1813 году Демидов подарил Московскому университету богатейшее собрание редкостей, которое стало фундаментом нового Музея естественной истории. В том же году Демидов построил в Петербурге 4 чугунных моста. В пользу гатчинского сиротского института он пожертвовал свой дом.

В 1815 году Николай Никитич назначается русским посланником во Флоренцию. Живя в Италии, дипломат, тем не менее, заботился о своих заводах, модернизировал их. В Крыму он развел виноград, тутовые и оливковые деревья.

Продолжалась и его благотворительная деятельность. В 1819 году он пожертвовал для инвалидов 100 тысяч рублей. В 1824 году в связи с наводнением в Петербурге Демидов отдает в пользу пострадавших бедных жителей 50 тысяч рублей. В 1825 году для "Дома трудолюбия" дипломат отдает собственный дом и 100 тысяч рублей.

Демидов заботился не только о своих соотечественниках. Во Флоренции он составил богатейшую картинную галерею. Здесь же основал детский приют и школу. Благодарные флорентийцы поставили Демидову в 1871 году памятник. Скончался Николай Никитич во Флоренции в 1828 году.

Сын его, Павел Николаевич, являлся егермейстером (1798-1841) и несколько лет был губернатором Курска. Во время холеры 1831 года он построил в Курске четыре больницы, на свой счет воздвиг памятник поэту Богдановичу, учредил "Демидовские награды", на которые жертвовал при жизни и назначил выдавать в течение 25 лет после его смерти по 20 тысяч рублей ассигнациями.

Другому сыну Николая Никитича — Анатолию Николаевичу итальянский король за большие заслуги пожаловал титул князя Сан-Донато и виллу Сан-Донато. Все это унаследовал после его смерти единственный сын Павла Николаевича Демидо-

ва Павел Павлович, который и стал основателем итальянской династии Демидовых князей Сан-Донато.

Правнук Никиты Демидовича — Павел Григорьевич (1738-1821) получил образование в Геттингенском университете и Фрейбергской академии. В погоне за знаниями он много путешествовал по Западной Европе. За это время Павел Григорьевич составил замечательную естественно-научную коллекцию, которую вместе с библиотекой и капиталом в 100 тысяч рублей подарил Московскому университету, ему же он подарил свой минец-кабинет, состоявший из нескольких тысяч монет и медалей. В 1803 году Павел Григорьевич на свои средства основал в Ярославле Демидовское высших наук училище (Демидовский юридический лицей). В Ярославле ему открыт памятник в 1829 году.

Капитан-лейтенант флота Василий Львович Демидов (1769-1861) под командой адмирала Грейга в 1788 году участвовал в кампании против шведов. На фрегате "Мстиславец" он принимал участие в сражении у острова Гогланд. На следующий год Демидов служит уже на черноморском флоте под командой генерал-адъютанта Д.Н. Сенявина. С турками же он сражался под командой контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова.

В 1795 году Василий Демидов выходит в отставку и поселяется в селе Быковка Васильевского уезда Нижегородской губернии. Демидов остается верен семейной традиции и посвящает себя общественному служению на пользу уезда и сельскому хозяйству, которое довел до совершенства. Особенное внимание он обратил на улучшение крестьянского быта. Предвидя освобождение крестьян и владея более чем 1000 душами, Василий Демидов выделил особый капитал, на который крестьяне, еще при его жизни, выкупили свой надел, организовали запасные хлебные магазины, исполняли рекрутские повинности. Умер Василий Львович в год отмены крепостного права. Память о нем как о благодетеле еще долго жила среди крестьян его имений. ■

Эdda ЗABAVСKИХ

Музыка -

Оперный тенор — явление особенное. Самые выдающиеся басы и баритоны никогда не могли соперничать с тенорами ни в изобилии сладкозвучных арий, ни в исступленно-горячей любви огромной армии поклонников. Поклонялись им ничуть не меньше, чем эстрадным знаменитостям. И было так долгие времена, пока все каналы вездесущего телевидения не заполнили столь же вездесущие поп-группы. Но вот появился певец, заставивший дрогнуть даже сердца железных фанатов "тяжелого металла"...

Совершенство —
красота

И покуда знатоки большой музыки рассуждали об актерской незрелости, нехватке мастерства и сценической культуры, о безнадежном падении уровня слушательских требований, публика, невзирая на кусачие цены, ломилась в Кремлевский дворец и Большой театр. И что самое удивительное, в эти "стариковские" залы потянулись фанаты, до вчерашнего дня не признававшие ничего, кроме оглушающих ритмов и микрофонных шептунов, бесконечно повторяющих кануюто нехитрую мыслишну.

А тут вдруг фантически ровесник, говорят, такое голосом вытворяет, и посмотреть есть на что — красивых девочек в концерте предостаточно. Интересно, а что же такой "крутой" в опере находит?..

Большой театр за свою историю принимал в свою труппу немало совсем молодых певцов. Бывали и тенора, ставшие знаменитыми. 24-26-летними вышли на прославленную сцену великие Собинов, Лемешев, Козловский... Басков побил все известные рекорды не только возрастом, дебютировав здесь в 22 (а даже один год — значительный период для начинающего певца). Его первая роль была не проходной и даже не второстепенной. Он впервые вышел на первую сцену страны в одной из сложнейших партий мировой музыки, спетой всеми величими русскими тенорами — в партии Ленского в опере "Евгений Онегин". Да еще в премьере новой постановки, на которую был выбран среди трех претендентов. Все случилось так неожиданно, что для Николая даже не успели

сшить костюм, и он выступал в одеяниях... Сергея Яновлевича Лемешева. Что тоже прибавило и без того сильных волнений.

— Волновался страшно, — подтверждает Николай, — впал в какое-то странное состояние — будто все помимо меня происходило. Помню только, что было ужасно жарко в шубе Лемешева. Думаю, и спел не так хорошо, как мог бы... Но зрители оказались снисходительными и поддержали меня аплодисментами. Наверное, сыграла свою роль моя молодость, соответствие героя по возрасту: ведь я совсем немного старше Ленского, который погиб "без малого в осьмадцать лет". А партия действительно безумно трудная: высота позиций, с скачки, обрывистые фразы — и после этого широкодиапазонная кантилена, вся на полутонах. Зато именно при исполнении такой музыки нарабатывается настоящее мастерство. Чувствую, что сейчас уже становится немного легче, хотя работать надо еще много. А критики, в отличие от зрителей, беспощадны...

— А вы не обижайтесь. Наконец-то вы ни был возраст, вы выходите на главную сцену России, которая требования предъявляет особые...

— Дело даже не во мне, — кипятится Николай. — Гораздо больше задели неуважительные высказывания в адрес таких заслуженных мастеров, как дирижер Марк Эрмлер, режиссер Борис Понровский...

Ну что тут снажешь, неуважительно, — это, конечно, плохо.

И не только со стороны прессы. Что же касается критиков...

Еще живы артисты старшего поколения, которые могли бы рассказать, как буквально после каждого спектакля они боялись открыть утреннюю газету: от придирчивых критиков не ускользали малейшие промахи и оплошности. Абсолютно все, независимо от возраста, звания и регалий, должны были наждодневно доказывать свое право представлять первую сцену огромной страны. "Каста непринасаемых", что вне всякой критики, образовалась гораздо позже, во времена знаменитого застоя.

Николай Басков только что окончил Музикально-педагогическую академию имени Гнесиных. С красным дипломом. Однако студентом был весьма своеобразным: экзамены по всем положенным дисциплинам сдал легко и заранее, и во время занятий приходил исключительно с концертмейстером, без педагога. Однако это не значит, будто он считал, что педагог ему не нужен. Напротив, вот уже восемь лет он практически ежедневно — за исключением гастрольных поездок — буквально в поте лица занимается со своим единственным педагогом Лилианой Шеховой. Дочь великолепного певца, учившегося мастерству бельканто у самого великого Мазини, она сама до преклонных лет сохранила красивый голос. Прослушав обратившегося к ней шестнадцатилетнего юношу с прекрасными природными данными, она сама предложила свою поддержку. Результат налицо, но только им двоим ведомо, сколько за этими успехами поистине каторжного кропотливого труда и упорства ученика, умения и тер-

пения педагога. Ведь голос — инструмент исключительно тонкий. Так легко загубить самый богатый природный дар и так невероятно сложно выявить все оттенки тембровой палитры, ровный диапазон, с красивыми и четкими верхами, отработать звучание гласных, четную динцию. Кстати сказать, динция Баскова выгодно выделяет его среди многих оперных певцов "с нашей во рту". Но сколько раз, уже на грани успеха, Николай срывался прямо на уроне: "Все, больше не могу, бросаю, ухожу!" "Уходи, уходи, — охотно и спокойно соглашалась только что измочалившая его учительница, — всего хорошего... до завтра". И завтра строптивый ученик вновь безропотно, терпеливо и настойчиво долбил изнурительные упражнения...

Между тем в детстве Ноля Басков вовсе не готовился в артисты. Как все мальчишки, гонял футбольный мяч, размахивал теннисной ракеткой, бегал на коньках и отменно плавал — имеет 2-й разряд по плаванию. Но было нечто, отличавшее его от сверстников. Как-то само собой получалось, что все на него равнялись, смотрели, как на заводилу, начинали и заканчивали игры, подчиняясь его желанию и настроению. И еще Николай рано начал ощущать, что у него в жизни есть какое-то особое предназначение, можно даже сказать, миссия.

Хотя родился он в Москве, часть детства прошла в Германии, где служил отец, ныне полковник сухопутных войск. Мама, по образованию преподаватель математики, работала там же по специальности: директором телеви-

фото Влада Буркина

дения. И еще мама очень любила музыку, вокал.

— Ее любимый певец — Карузо, — рассказывает Николай. — И когда мы гуляли в парке, она обычно просила меня петь итальянские песни.

Может быть, эти стихийные упражнения на воздухе и помогли сформировать большой голос. И уж совершенно точно именно там корни первого замечательного клипа Баскова "Памяти Карузо".

Открывшийся голос заставил подумать о сцене. Но, проучившись год в ГИТИСе, Николай решил, что главное его артистическое средство и богатство все-таки певческий аппарат, что голосом можно сназать больше, чем мимикой, жестом, мизансценами. И ушел в "Гнесину". Пример-

но тогда же судьба послала и встречу его с Лилианой Шеховой.

— Вы верите в судьбу?

— Сама моя жизнь заставляет верить. Хотя считаю, что во многом человек творит свою судьбу сам. И все же я чувствую Бога. Ведь разве мало людей талантливых, трудолюбивых, активных — а ничего у них не получается, как ни бываются. Мне же Бог дал замечательных родителей, которые ничего не жалеют для осуществления моей мечты. Удивительно свое временной оказалась встреча с педагогом и президентом продюсерского центра "Музыка-Совершенство-Красота" Борисом Шлигелем. Мы действительно встретились случайно на рядовом концерте для ветеранов в Доме Российской Армии, и Борис Исаако-

вич уже собирался уходить, когда один из его знакомых попросил задержаться, чтобы послушать мое выступление. С тех пор я наждаки чувствую, что есть люди, безраздельно в меня поверившие, что мне помогают, опекают, счастливо организуя мою творческую жизнь и даже быт. Таким заботам нет цены, мне остается только оправдывать ожидания поверивших в меня людей и приближать собственные мечты. А значит, работать и работать.

Судя по планам, работы действительно немало, ведь в Большом Николай Басков готовится петь в вердиевском "Набукко", партию Владимира Игоревича в "Князе Игоре" — да практически ему предлагают все теноровые партии текущего репертуара. В более далевых мечтах — Отелло, Радамес...

Баскову повезло и не повезло одновременно. К сожалению, Большой театр уже довольно долгое время, что называется, не в лучшем состоянии, достойных певцов там не хватает, и каждый объемный и красивый голос на вес золота. А на теноров и вовсе спрос особый. Но ведь в таких условиях легко снизить планку требований, тем более, что рядом практически не у кого учиться, не на него равняться: все лучшие поют за кордоном...

Время покажет, как дальше сложится судьба Николая в Большом театре. Ясно, что очень много зависит от него самого. Сможет ли молодой певец, получивший неожиданную счастливую и значительную фору, и дальше работать с тем же усердием, наполом, чтобы не просто занять одну из зияющих в труппе дыр, но

действительно покорить вершины оперного искусства, не про меняет ли свой дар на более быструю и сверкающую, но, думается, менее долговечную славу эстрадной звезды.

Мы с Николаем беседуем, а рядом уютно мурлычет белая кошка, персидская красавица с широко распахнутыми глазищами.

— Любите животных?

— Очень люблю, и собак, и кошек, но кошек больше.

— И неравнодушны к запахам?

— Точно. Но предпочитаю не накой-то один — есть гамма любимых. Вообще духи, туалетная вода могут много рассказать о людях. Бывают запахи ядовитые — и люди, их любящие, сами такие. Как и сладкие, экзотические, нежные... Нравится запах нежных роз. И самый любимый цветок — тоже роза. Люблю, когда розы дарят мне, и сам дарю близним и друзьям.

— А еще в каких маленьких слабостях можете признаться?

— Сладкоежка. И вообще люблю вкусно поесть. Может быть, даже когда-нибудь открою собственный ресторан с хорошим кондитером и необыкновенными десертами. Нравится водить машину, увлекает быстрая езда, однако голову не теряю.

— А чего не выносите?

— Неискренности, остро чувствуя в людях фальшь. Предпочитаю общаться с людьми открытыми, непосредственными.

— А одежду по какому принципу выбираете? Есть любимые фирмы, нутрюре?

— В быту — нет. Покупаю то, на чему в данную минуту душа ле-

жит. Выбираю все сам, но иногда могу послушаться совета кого-то из окружающих, кого люблю и чей вкус уважаю. Другое дело — сценический костюм. Здесь мои путеводители Версаче, Валентин Юдашкин, Бэла Супрун и Юлия Далакян... Вообще одежда должна быть удобной и красивой. Надо думать о том, как ты выглядишь, не только на сцене, но и дома, в магазине...

Однако пора. Николай собирается на репетицию. Без шарфа, меховой пиджак легкомысленно распахнут... А на улице сырое, неприятная изморось. Правда, внизу ждет машина, но вспоминаются тенора, зябко кутающие драгоценное горло при одной мысли об открытой форточке.

— А я морж, — смеется Николай. — К проруби бегать, конечно, времени нет, зато ледяные ванны — каждый день столько раз, сколько время позволяет. И для моего голоса это только хорошо: укрепляется, лучше звучит. Физическую форму надо поддерживать: чтобы петь оперные партии, нужна огромная физическая сила. А потому надо изыскивать возможности для занятий гимнастикой, теннисом...

— И как же вы все успеваете?

— Сам не знаю. Спасает, что быстро учю новый репертуар. Произведения для концертов — там просто по дороге, когда гастроли. Правда, у меня вечная мечта выпасть. Готов спать 24 часа в сутки.

Было и есть немало оперных певцов, исполнявших эстрадный репертуар. Все это любимые артисты Николая Баскова, в каком-

то смысле (не в буквальном, разумеется) пример для подражания: Юрий Гуляев, Дмитрий Гнатюк, Муслим Магомаев, Александр Ворошило... И знаменитые итальянцы и испанцы, кроме оперных арий, всегда пели песни своей родины: Паваротти, Каррерас и любимый тенор Николая Марио Ланца... И все же невозможно вообразить кого-то из них пританцовывающими в красочных световых эффектах среди полублаженных эстрадных девочек и цыган. По правде говоря, и чисто эстрадные певцы, умеющие много сказывать языком вокала, тоже не состязались с ресторанно-кабарешными солистами в блестящем антураже: они в нем просто не нуждались.

А потому непривычно и удивительно видеть Баскова с его оперным голосом — с микрофоном в красочном окружении "бэн-красоток", при всеоружии современнейших достижений шоу-режиссеров, звуко- и светотехники. Все это, конечно, красиво, эффектно, но, пожалуй, именно своей чрезмерной роскошью както принижает дар певца, ставит его на один уровень с теми, кто без этого шикарного блеска был бы никому не интересен. А может быть, дело даже не в пышности и эффектах самих по себе, просто они должны быть более адекватными, разительно отличающимися от других подобных зрелищ. Ведь хватило же вибрации не одеть Баскова в костюмы а ля Валерий Леонтьев или Филипп Киркоров... Несомненно, и все зрелище должно отличаться столь же значительно по своему существу, по самому принципу решения.

Однако Николаю все это нравится. Он искренне радуется таким праздникам — еще бы, он в них главный герой и творец. Он наслаждается блеском, разноцветьем, шумом и аплодисментами, упивается радостью, эффектами, собственной, бьющей через край, энергией... И вместе с ним радуются сотни юнцов, для которых настояще открытие — и мелодичная итальянская песня, и лемешевская русская народная "Ах ты, душечка", и даже

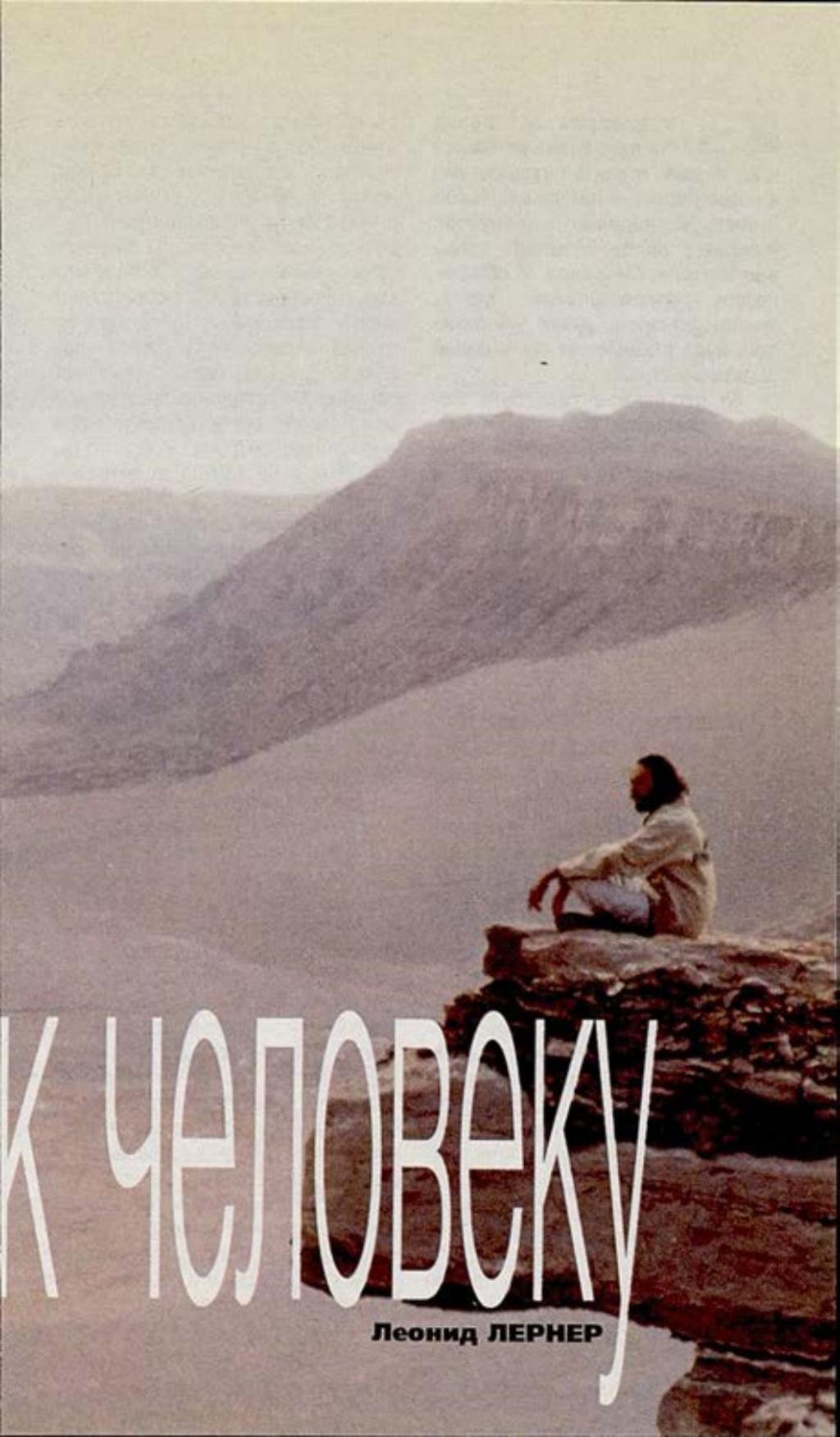
"старомодно"-цыганский романс "Дорогой длинною"... А поверив своему новому кумиру, они впервые открывают для себя "уставшую", "отживвшую свое" и "молодым не нужную" оперу. И это замечательно.

А потому очень и очень важно, куда пойдут Николай Басков и авторы его шоу дальше, куда они поведут молодежь. Если, конечно, сумеют вести. Сознают ли они, какую ответственность на себя взяли? ■

фото Натальи Логиновой

Представляя
читателю двух
совершенно
непохожих
людей — разных
судеб и даже из
разных веков, —
мы, тем не менее,
объединили их под
одним заглавием:
“Путешествие к
человеку”. Таков
девиз всемирно
известного ученого-
антрополога XIX
века Николая
Миклухо-Маклая и
нашего
современника
знатомитого
путешественника
Виталия
Сундакова.

ПУТЕШЕСТВИЕ

К ЧЕЛОВЕКУ

Леонид ЛЕРНЕР

Cто тридцать лет назад Миклухо-Маклай совершил первое в мире путешествие к каннибалам — папуасам Новой Гвинеи. А недавно у папуасов (впервые после Маклая) побывал Виталий Сундаков. И оба выявили удивительный факт: жизнь дикарей, даже каннибалов, куда стабильнее, чем людей цивилизованных.

То, что вы прочтете, быть может, покажется вам порой фантастическим. Но для обоих путешественников все увиденное и на себе испытанное — реальность. Нам кажется, что оба эти человека, обладая индивидуальным видением мира, блестящее овладели замечательной наукой, замечательным искусством — научились жить среди людей...

Глава 1. Миклухо-Маклай: "Я еще вернусь!"

...Командир корвета "Витязь" Павел Назимов говорил своим офицерам: "Мне приказано изменить маршрут корабля, тащиться бог знает куда, и, вопреки здравому смыслу, высадить больного истощенного человека на берег, населенный людоедами. Рассудок не хочет мириться с этим..."

Человек, о котором шла речь, стоял на палубе корабля, пристально вглядываясь в морскую даль. Он был молод (незадолго до отплытия исполнилось ему 24 года), над высоким лбом вилась буйная грива рыжеватых волос, усы, норотные баки и медная борода окаменели узное бледное лицо, изможденное болезнью. Звали его Николай Миклухо-Маклай.

Недавно вернулся он в Россию после шестилетних схватий по ев-

ропейским университетам, путешествий по островам Атлантики, Красному и Средиземному морям, по пустыням Аравии, Египта и Марокко. Вернулся, подарив миру блестящее исследование по зоологии губок и капитальный труд по анатомии головного мозга акул; уточнив местоположение города Суэца и составив первую карту дорог, ведущих к Суэцкому каналу; высказав гениальные догадки о происхождении Горных озер и собрав уникальную коллекцию фауны Красного моря. И вот, не успела еще пройти цинга, которой он переболел в Эфиопии, Миклухо-Маклай снова уже в пути, на этот раз к цели, которая станет смыслом всей его дальнейшей жизни.

В трех университетах — Петербургском, Гейдельбергском и Инсбрукском искал будущий учёный свое предназначение: изучал медицину и философию, биологию и психологию... Но все науки слились для него в одну, когда в трактате величного Бера обнаружил веющие слова: "Тело народа". В жизни человечества были первооткрыватели новых земель, хитроумных механизмов, вечных законов... Но никто еще не изучал то, что Карл Бэр называл "телом народа". Перед взором Маклая еще в юности проходили, таинственно тревожна воображение, разные типы людей: русские, китайцы, индузы, негры... Его манили путешествия. Мог ли он тогда предполагать, что то была вовсе не страсть к географическим открытиям, а желание открыть человека — самый неизведанный материк.

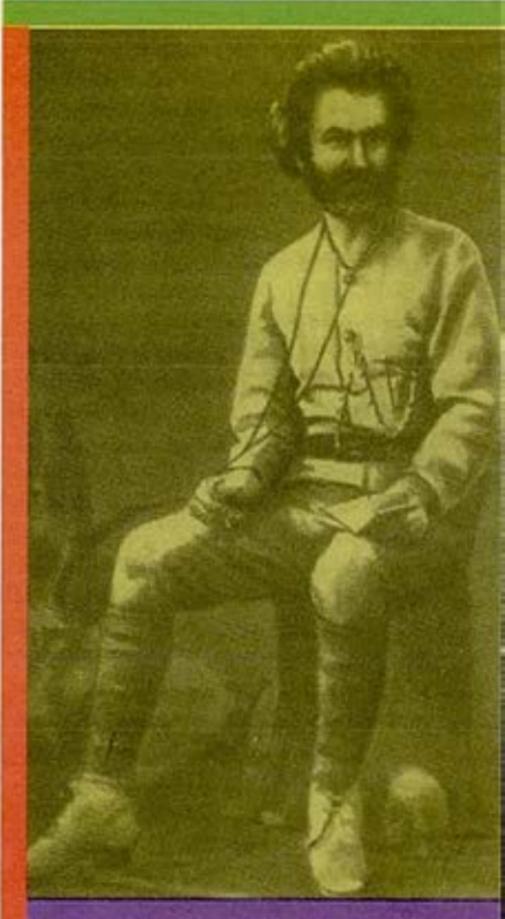
В Петербурге ему предложили университетскую кафедру — завидный пост для молодого учёного. Он отказался. Душа его рвалась на Тихий океан, к берегам не известных

науке людей. "Меня интересуют люди, только люди, — говорил он ближайшему своему другу князю Мещерскому. — Н черту зоологию, систематику, коллекции. Мне нужен человек! Человек в первобытном состоянии, живущий в каменном веке, совершенно незнакомый с цивилизацией".

"Где же вы найдете сегодня терра инкогнита, изолированную от всего мира?" — сомневались даже такие прославленные путешественники как Литке, Северцов, Семенов-Тян-Шанский... Есть такая страна: Новая Гвинея! Остров, открытый 300 лет назад, но по которому еще не ступала нога цивилизованного человека. Минлухо-Маклай поселится среди папуасов, чтобы наглядно показать, как изменяется внешний облик человека под влиянием различных условий жизни, географической среды, доказать идею единства человеческого рода. Идея, которая зародилась у него еще в те дни, когда, переодетый в мавра, он странствовал по древней Африке с нараваном берберов.

Мечта об этом путешествии стала подлинной страстью, в орбите которой, ища поддержки своим "безумным" планам, Минлухо-Маклай увлек чуть ли не весь научный и политический мир: Русское Географическое общество, Великих князей, виднейших натуралистов Европы и даже английского министра иностранных дел лорда Кларенсона. И вот наконец на военный корвет "Витязь" поступило Высочайшее разрешение: "Принять на борт естествоиспытателя Минлухо-Макла и высадить в Новой Гвинее".

...19 сентября 1871 года корабль вошел в залив Астролябии.

Минлухо-Маклай с волнением глядел в бинокль на высокие берега, прорезанные ущельями, где под белыми курящимися облаками темнели шапки дремучего леса. И вдруг... явственно увидел людей. Они стояли на полосне прибрежного песка — неподвижные, как изваяния, обнаженные и смуглые до черноты, с каменными топорами и копьями в руках.

— С вами на берег пойдет начальник с вооруженной охраной, — раздался голос капитана за спиной ученого.

— Ни в коем случае, — обернулся Минлухо-Маклай. — На разведку я пойду один.

Из дневника Минлухо-Маклая: "Разумеется, я не знал, какой прием ожидает меня, но, подумав, пришел к заключению, что револьвер не может принести пользы моему предприятию: пуля, пущенная неистати, может сделать достижение доверия невозможным, разрушить все шансы на успех. Сила моя должна заключаться в спокойствии и терпении..."

Он шел по тропе, будучи уверен, что она приведет его в селение. И так был погружен в раздумья о предстоящей встрече, что не заметил, как натолкнулся на мальчика-туземца. Мальчик глядел на него с величайшим испугом. Затем, издав громкий вопль, бросился в кусты. Желая успокоить его, Маклай последовал за ним, но путь внезапно преградила группа вооруженных копьем динарей. Он остановился. Одна за другой, рядом с ним пролетели две стрелы. Угрюмая встревоженная толпа, что-то выкрикивая, окружила Маклая. Один из динарей был так возбужден, что размахнулся и направил свое копье в лицо чужеземцу, но... остановил его в нескольких сантиметрах от глаз. Положение было отчаянное. Но странное дело: Минлухо-Маклай не почувствовал страха, а только огромную, внезапно свалившуюся на плечи усталость. И тут произошло невероятное: к удивлению своих новых знакомых, "человек в оденде" улегся под деревом, положив под голову охапку травы. "Если уж мне суждено быть убитым, — подумал он, засыпая, — то не все ли равно, произойдет это во сне или наяву". Проснувшись, он снова увидел вокруг себя туземцев, но теперь уже мирно беседующих. Они были без оружия и смотрели на него приветливо и с любопытством.

Из рапорта командира "Витязя" П.Назимова: "Господин Маклай прибыл на Новую Гвинею без всяких средств для устройства и существования. Местность, выбранная им для жилья, неудобная: в случае крайности, ему отрезаны все пути отступления. Кроме того, есть все данные для развития лихорадки: через пять дней после ухода корвета лихорадкой заболели все плотники и столяры, строившие для Маклая хижину на берегу..."

...В хижину на мысе Уединения стали наведываться гости из Горенду, Гумбу, Бонду и других окрестных деревень. Маклай дарил им зернала и ножи, пустые бутылки, гвозди, куски материи, пачки табаку, стеклянные бусы. Гости приносили коносовые орехи, сахарный тростник, клубни таро, собачье и свиное мясо, плоды хлебного дерева, бананы... Особенно сдружился ученый с Туем из Горенду. Тот учил его папуасскому языку, помог Маклаю составить карту местности, ибо был прирожденным следопытом: знал местонахождение и названия всех деревень, островков, заливчиков, ручейков, горных хребтов и подножий, лесных урочищ. Вместе с Туем Маклай совершал путешествия в самые отдаленные уголки побережья, наблюдая, как живут папуасы. Основой их хозяйственной деятельности являлось земледелие. Они выкапывали участки тропического леса, выращивали таро, бобы, сахарный тростник, бананы, ареновые пальмы. В тетрадях ученого появлялись все новые записи. "Рассматривая их постройки, пироги, утварь и оружие, я поранкался терпению и ловкости динарей: ведь все это было сделано каменным топором, осколками кремня и раковин..." Порой ему казалось сказочным сном,

что он живет среди людей неолита, что добрался, наконец, до заветной цели, которая ведет к истине.

Он вспоминал свою встречу с академиком Бэром, человеком, труды которого не охватить рассудком, предшественником Дарвина, крупнейшим антропологом и зачинателем антропологии в России. "Я хочу проверить вашу гипотезу о папусах, — сказал он великому старцу. — Новая Гвинея — единственное место на земле, где раса сохранилась в чистом виде". "Это только мечта, друг мой, — вздохнул Бэр. — Наши ученые вряд ли поймут вас..." И вот он здесь, живет в мире и согласии с людьми, которые находятся на низшей ступени варварства. Вокруг простирается девственный лес без конца и края. "Нан жаль, что огромное большинство моих современников, живущих в тесных каменных каморках, никогда не увидят этой ярости растительного царства, этой оргии красок, райских птиц и неба, пламенеющего над коралловыми рифами".

Но вот наступает сезон дождей. И дивный тропический рай превращается в ад. Дожди идут беспрерывно, ураганный ветер обрушивает веновые деревья. От ветра и постоянной сырости у Манлая и его слуг — темнооконного Боя и шведа Ульсона — не попадает зуб на зуб. Внутри все дрожит и кажется, что тело растет, голова увеличивается, руки делаются громадными. Снова бред Минкуха-Манлай слышит удары туземного барума, пронзительный протяжный вой, крики людей. "Не туземцы, не тропическая жара, не дремучие леса — страхи берегов Новой Гвинеи, — записывает Манлай в своем дневнике. — Могущественная

защита туземного населения от вторжения иноземцев — это холодная, бледная, дрожащая, а затем сникающая тропическая лихорадка".

13 декабря умирает Бой. Но, как ни жаль Манлаю своего слуги, он анатомирует мертвого. Дане тут срабатывает инстинкт подлинного ученого: обещал немецкому профессору Гегенбауму при случае добыть и прислать в Страсбург гортень темнооконного человека со всей мускулатурой. Лихорадка снигает и Манлая, но он имеет право болеть только по ночам. Утром, встречаясь с туземцами, старается быть бодрым и энергичным: большой разбитый человек у динарея, презирающих слабость, не может вызвать должного уважения.

Жизнь его фантастически напряжена. Он встает в пять утра, колет дрова, варит бобы, уханивает за прикованным к постели Ульсоном, вырезает из консервных банок серьги для папусов, измеряет температуру воздуха и воды, охотится на морских животных и насекомых, после чего препарирует и разглядывает добычу под микроскопом... Он совершает походы в деревни, рисует портреты папусов, собирает образчики волос для коллекции, производит сотни измерений черепов, изучает папусский язык... Немало времени занимает и огород: уже снят первый урожай и друзья-папусы отведали невиданные в этих краях блюда — варенную тыкву и кукурузу. И ни одного дня без записей в дневнике: "Кажется, я сам становлюсь понемногу папусом. Сегодня утром, увидев большого краба, поймал его и съел сырого... У меня теперь десяток профессий: зоолог, врач, аптекарь, плотник, маляр, прачка, матрос...

Одним словом, на все руки. Руки мои, явно увеличившись (особенно правая), сплошь покрыты мозолями и ожогами..."

Сахар давно уже кончился, его заменяет жесткий сахарный тростник. Фабричную посуду заменили туземные табиры и снорлупа кокосов. Белье сгнило от сырости. Он донашивает последнюю пару башмаков. Спички, запаянные в жестяных банках, испортились от сырости, и он круглые сутки поддерживает в хинине костер. Осталось не более сотни пистонов и совсем истощился запас хины. Тело покрыто незаживающими язвами от укусов исполненных гвинейских муравьев. Сам тяжело больной, он то и дело принимает больных папуасов: оперирует и бинтует раны, исцеляет головные боли, лечит детей... Благодарность туземцев не знает границ: папуасы называют Маклая отцом и братом, дают русские имена новорожденным, сплаивают о нем песни. И чем больше сближается Маклай с этими детьми природы, тем тверже и доказательнее становятся его научные выводы. Вопреки всем антропологам своего времени, он заявляет: "Изучив формы черепа у многих папуасов, я понял, что головной узатель не является определяющим расовым признаком и не имеет ничего общего с психическими свойствами его обладателя; волосы у папуасов растут не пучками, а точно так же, как и у нас; коня не жесткая, а гладкая и, кроме цвета, ничем не отличается от коня европейцев; инронжная мускулатура развита вполне normally, что не дает никакого права утверждать, будто папуасы лишь недавно встали с четверенем..."

20 сентября 1872 года, спустя ровно год после прибытия на Новую Гвинею, Маклухо-Маклай записал: "Я достиг полного доверия туземцев и теперь, в случае нужды, могу быть уверенным в их помощи. Боюсь, что эта помощь скоро понадобится, если в ближайшее время не придет корабль..." По ночам все чаще снятся родные: мать, сестра, братья. Снятся улицы и площади родного Петербурга, пронизанные синим туманом, сфинксы на набережной — те самые, что когда-то разбудили в нем мечту о странствиях... Снова начинается сезон дождей и снова Маклай снигает тропическая лихорадка. Домик ученого разрушен сыростью и подточен муравьями, комнаты заливают потоны воды. 19 декабря, с трудом поднявшись на ноги, он отправился в Бонгу, чтобы договориться о постройке новой хинини, и еще издали услышал тревожные крики туземцев: "Корвена русс гена!" (русский корвет идет!)

Не веря своим ушам, падая и спотыкаясь, Маклай из последних сил рванулся к берегу. Нлипер "Изумруд" входил в бухту Астролябии. Спустя несколько минут его подняли на палубу. На корабле гремело "ура". Русские офицеры трясли ему руки, без конца повторяя: "Так значит, вы живы!"

Оказывается, в австралийских газетах появилось сообщение о смерти русского путешественника. Русское географическое общество немедленно возбудило ходатайство, чтобы к берегу Маклая был послан военный корабль.

— Вы сказали — берег Маклая? — переспросил ученый.

— Да, — отвечал командир. — Так теперь называют это побережье. Берег Маклая! Ваш берег, Ни-

нолай Николаевич. Мы уже нанесли его на карту под этим именем.

В эту прощальную ночь к мысу Уединения сошлись туземцы из всех деревень. Пылали факелы, трещали барумы, из темноты неслась жалобные крики: "О Маклай, о отец, о брат!"

Самые близкие друзья — Туй, Бугай, Саул, Ланю, умоляли его остаться, обещая в нахой деревне построить ему дом, обеспечить едой, отдать в жены самых красивых папуасских девушек. На сердце у Маклая было тоскливо. Только теперь, в минуту расставания, он понял, как сроднился с этими бесхитростными людьми.

— Я еще вернусь, — обещал Маклай, обязательно вернусь. — Тента уно палабра, — заверял он друзей любимой испанской поговоркой, что означало: "Всегда держу свое слово".

Он вернется на берег Маклая раньше, чем вернется в Петербург. Еще десять лет подряд он будет ночевать по Меланезии и Минронезии, совершил труднейший поход по Маланке, побывает у карлиновых племен Малойи, у негритосов Филиппин, у аборигенов Австралии... До конца его короткой, но необычайно наполненной жизни Миклухо-Маклая будет волновать вопрос: не здесь ли, в Юго-Восточной Азии, в единственном в своем роде районе земного шара, где так близко сошлись все три расы человечества — белая, желтая и черная, — следует искать единый центр происхождения человека?

Жизнь этого самоотверженного человека, до последнего дыхания отданная науке, десятки раз будет висеть на волоске. Десятки раз приговоренный врачами, он напишет около пятидесяти завещаний,

в которых с такой же силой, как и в жизни, будет звучать забота о науке и человеке. Вот одно из них: "Князю Александру Мещерскому завещаю в память дружбы все мои рукописи, заметки и рисунки; музею антропологии в Санкт-Петербурге — мою коллекцию черепов, в том числе и собственную голову; русскому географическому обществу — этнологические и зоологические коллекции; моему маленькому другу, папасу по имени Ахмат — тысячу рублей серебром..."

До самой смерти он будет защищать свой берег и своих друзей — папуасов от пиратских экспедиций англичан, немцев и американцев. Он возьмет под свою защиту все туземное население островов Океании, рассказав миру о хищнических целях колонизаторов. Он всколыхнет всю Россию: две тысячи добровольцев, лучших людей России захотят отправиться с Маклаем на его берег, чтобы создать там коммуну... И, потрясенный этим гуманистическим актом, Лев Толстой из Ясной Поляны напишет Маклаю: "Вы первый несомненным опытом доказали, что человек везде человек, то есть доброе существо, в обращение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой. Вы доказали это подвигом истинного мужества. Ваш опыт общения с динами составит эпоху в той науке, которой я слушаю — науке о том, как жить людям друг с другом".

Глава 2. Виталий Сундаков: "Пройденная опасность — безопасна"

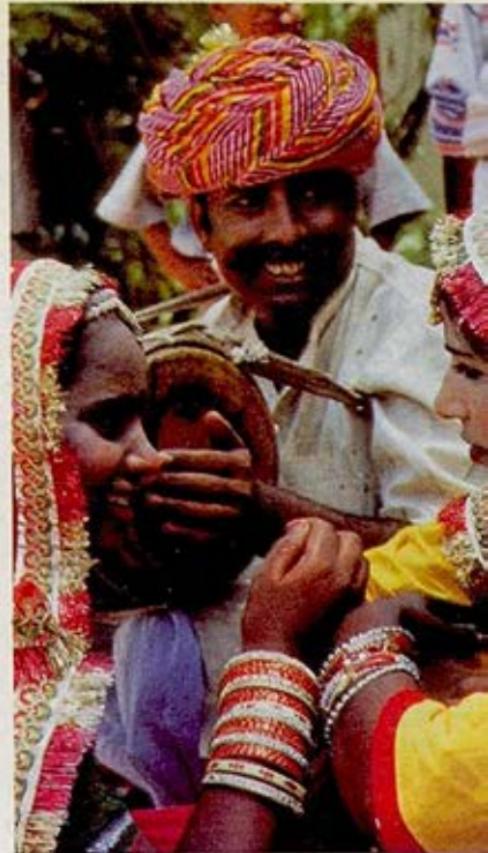
— Я же сорванцом рос: огороды, сады, пустыри... Мальчишкой

исколесил весь Советский Союз. В одиночку, без карт и никаких-либо средств пересекал Чукотку, Камчатку, Дальний Восток. С двенадцати лет стоял на учете в детской комнате милиции за "систематические побеги из дома". И когда я в очередной раз исчезал, родители знали, что опять куда-то "к папуасам" рванул. Впрочем, по бывшему СССР я и позже месяцами ходил, ездил, плавал, летал — без командировок и денег. Для этого достаточно было иметь талант общения. А вот как первое свое заграничное путешествие совершил — без денег, языка, визы и паспорта! Правда, когда все же поймали, то в КГБ с меня взяли слово, чтобы я даже под пыткой никому не раскрыл, как мне это удалось.

— Виталий, три дня назад вы вернулись из Америки...

— Прилетел в Вашингтон, взял машину и за десять дней проехал Америку. Наждую ночь в новом штате. Общался с новобоями, фермерами, индейцами в резервациях, побывал в китайских и негритянских кварталах... 1000 фотографий, 10 часов видео. Договорился с индейскими вождями — команчей, апачей, иронезов, сиу, некоторые готовы приехать в Москву и привезти экспозиции быта своих племен. Да, за десять дней можно многое. Глубочайшая иллюзия, что земной шар огромен. Можно через три дня оказаться в дебрях Амазонки, через два — в пустыне Атакама, через день — на Северном полюсе. Но в том-то и дело, что важно не где и как оказаться, а достойно прожить в любой обстановке и прежде всего среди людей.

Под Москвой, над Сходней, низко, с ревом летают самолеты.

Возле дома Сунданова, стоящего среди сосен, бегает эрдельтерьер Рэда. Где-то в глубине двора стучат топоры — строится баня.

Дом просторный, легкий и теплый, в нем органично уживаются современная электроника и боевой меч короля Бутана. В комнатах, как в музее, всюду оннультные предметы из разных стран, некоторые заныты стеклянными колпаками и футлярами. Хозяин объясняет причину: их духовная сила и в самом деле значительна, а воздействие — абсолютно реально. Иные не очень дружелюбны и, если их поместить рядом, начинают враждовать, падать, ломаться. А есть настолько опасные, что Сунданов и вовсе не решается внести их в

дом. Вот создаст в России первый в мире музей нолыбельных цивилизаций — туда и поместит всю свою огромную коллекцию.

В самой дальней комнате, застланной медвежьими и олеными шкурами, висят луны и стрелы — оружие индейцев племени яномами с Амазонки, прихваченное отнюдь не в качестве сувенира, но принадлежащее "белому воину", жившему среди красноногих, до него не имевших понятия о цивилизации.

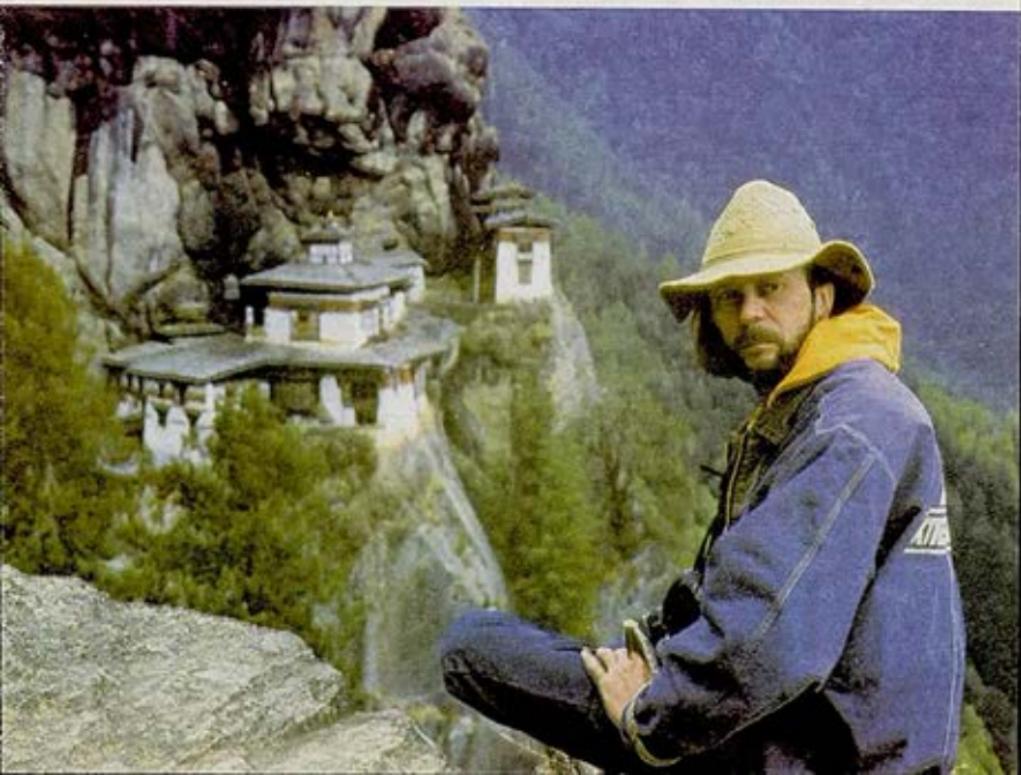
— А как вы чувствовали себя в тропиках, попав туда впервые?

— Меня всему учили индейцы. Я все делал, как они: ходил голым, охотился и воевал вместе с ними. Там не существует традиции норить гостя. Ты должен сам добывать себе еду. В первый раз я броненосца убил, то есть занопол. Вондь откусил кончик хвоста этого броненосца, вытянул жилу и повязал мне на шею. Это означало, что я побратался с броненосцем, отныне он — мой тотем.

Виталий показывает мне карту света, испещренную звездочками, — места, где он побывал. Прошлой весной вернулся от папуасов из Новой Гвинеи, нуда нога белого человека не ступала со времен Минлухо-Манлай. Мир, из которого приезжал Минлухо-Манлай, решительно изменился — папуасы остались прежними. Спустя более ста лет к ним явился Виталий Сунданов. Бог, спустившийся с небес — высокий, стройный, бесстрашный, — он поразил динарой неподдельным интересом и уважением к их жизни, обычаям. Сунданов возвратился к себе на Сходню, но простодушные наннибалы нашли его и здесь, прислав письмо: приглашают посетить их вновь.

— Минлухо Манлай там без конца снигала лихорадка. Он спасался хинином. А вы?

— Мне помогали колдуны и воинчи. Вылечивали даже от того, от чего я бы даже здесь не вылечился. Всякий раз, отправляясь в

джунгли, я подхватывал малярию. Пока шаман раз и навсегда не вылечил меня соком кури и занлинаниями.

— Может, вы и занлинания знаете?

— Конечно. Иначе не стал бы духовным внуком вондя Учоли. Учоли — очень занытое племя, живущее в Южной Америке. Я был первым из европейцев, кого они приняли. До меня все, кто к ним добиралась, загадочно исчезали. Вероятно, не могли пройти обряд посвящения, испытания. Главное испытание — "Выиграть жизнь". Оно проходит в пустыне Вирикута — самом большом нерунотворном храме, где живет Олень, невидимый непосвященным. В отпечатках его следов произрастает кантуз тхинури. А там, где лежал Олень, растет самый главный кантуз, пей-от-олень. Ты должен найти этот пейот. Найти, выпить сок этого ядовитого растения, после чего у тебя всего десять минут для того, чтобы найти противоядие. Не найдешь — погибнешь. Потому что ты впустил в себя жертвенную кровь Оленя, и теперь должен найти его тело, иначе твое станет бездыханным.

— Отправляясь в это племя, вы знали, что вам грозит?

— Что надо искать — знал, но что ставка будет так высока — нет. Не помню, на какой минуте я нашел и съел этот спасительный плод, но трое суток потом меня не было на этой земле и в этой жизни. Оназывается, все это время я общался с Татеваном, духом этой пустыни. И вондя был вынужден сам отправиться на мои поиски. Он дал клятву, что если Татеван отпустит меня из своего мира в наш, то он вновь приведет меня к алтарю в Вирикуте. И, спустя год, я вернулся,

чтобы вондя сдержал свое слово. Я был там уже пять раз. И теперь могу общаться с Татеваном не выезжая из Москвы, между нами существует духовная связь. Если мне нужен ответ на какой-то важный вопрос, например, нужно было найти убийц моего отца и брата, я связался с ним и нашел тани убийц.

— А что еще умеют индейские колдуны?

— На моих глазах шаман вызывал смерч и ... управлял им! Да и простые динари многое умеют. Подходят к ручью глубиной всего в двадцать сантиметров, уходят в него с головой — и вдруг являются на том берегу. Спрашиваю: "Как ты это сумел?" — "Стань водой", — отвечает.

Старший сын, двадцатидвухлетний Владислав, иногда сопровождавший отца в путешествиях, рассказывал мне, что Сунданова даже в чужих племенах принимают, как своего, допускают к святыням, разрешают присутствовать на самых сакральных ритуалах и церемониях.

— Если сложить километраж ваших путешествий — получится раз десять вокруг "шарика"? — предполагаю я.

— Я думаю, — отвечает Виталий, — здесь важны не столько расстояния, сколько протяженность этих путешествий во времени. Я ведь побывал и в далеком прошлом — у людей каменного века, и в будущем. И все это оказалось возможным без всякой "машины времени". Чтобы увидеть неизвестное, достаточно очень сильно этого пожелать. У меня есть посыл: я путешествую в поисках духовных и физических возможностей человека, остановившихся в своем развитии с началом "инвалидной" цивилизации. Человечество стало на "ностыли": тысячи хит-

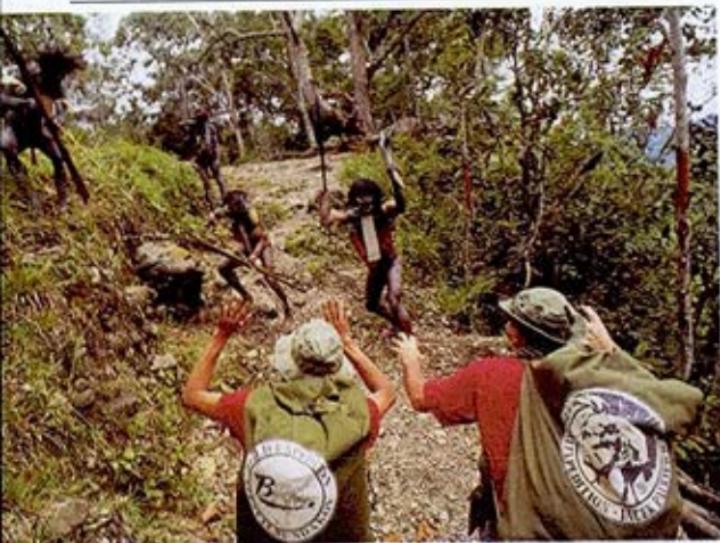
роумных технологий подменили то, что нам дано от рождения. Мы как бы заменили себе руку протезом, радуясь, что она так же сгибается, так же сильна, но не болит, не требует оденды... Нынче многие удивляются парапсихологам, не понимая, что это нормальные возможности каждого, которые мы растеряли. Я создал Школу выживания (Виталий Сунданов — президент Транснациональной ассоциации школ выживания — **Л.П.**) не ради сохранения биологического вида — я пытаюсь помочь вернуть человека к Человеку.

— Почти все люди, которые нашли свою методину, свой стиль жизни, как правило, имели на то веские личные причины. Брэгг, автор "Чуда голодания", к примеру, болел туберкулезом. Нашел свой путь оздоровления и предложил его другим. Сканите, что двигало вами?

— На первый взгляд, самое банные — книги: Вальтер Снотт, Фенимор Купер, Майн Рид... Было сумасшедшее желание сканать по прериям, спасать прекрасных незнакомок, увидеть северное сияние... Но что мог я, мальчик, родившийся в Казахстане, которомуказалось, что на Черном море отдыхают только члены Политбюро? Позже, изучая практическую магию славян, живя и участь у шаманов, я понял смысл многих магических формул, которые реально работают. Например, что такое настоящая мечта? Это когда ты так ярко и образно представляешь себе нечто, что Оно материализуется! Я мечтал: вот меня встречают индейцы, вот я пробиваюсь сквозь ледяные торосы, а вот сражаясь с анакондой, с крокодилом. И все это появилось в моей жизни. Если че-

ловек очень сильно чего-то желает, это и есть для него Цель. Так сказано и в духовных книгах. Правда, там нет слова "воображение", но есть — вера. "И по вере вашей воздастся вам".

Виталию Сунданову "воздалось" не только по его мечте — по подготовке к ее осуществлению, которая заняла почти двадцать лет! Еще в отрочестве он сочинил для себя жизненный кодекс, в котором было три главных пункта: уметь играть на гитаре, уметь драться и водить любой транспорт. Трудно поверить, что из этого мальчишеского кодекса вырос человек, владеющий тридцатью (!) специальностями. Вероятно, за ним и в самом деле стояло Провидение, ибо все его жизненные шаги, казалось бы, случайные, оказались необходимыми. В 16 лет, окончив ПТУ, он работал автослесарем, шофером, одновременно учась в вечерней школе. Отслужив два года в армии, написал заявление с просьбой отправить его еще на три года на флот. Здесь, на авианосце, Сунданов встретил капитан-лейтенанта Новленко, человека-легенду, знавшего все боевые искусства Востока, которым он обучал самых смелых и физически подготовленных моряков. Он создал оперативно-десантный взвод — известную на всем Тихоокеанском флоте "десятку", в которую вошел и Виталий Сунданов. (Позже, когда он был у индейцев и папуасов, владение рукопашным боем сослужило ему хорошую службу.) Окончив еще одно училище, он как буровой мастер добывал пресную воду для страдающего от ее нехватки Очакова. Одновременно, в качестве инструктора подводного плавания николаевского клуба "Садко", ищет и находит затонув-

шие корабли. Затем, учась в Киевском университете — на филологическом, в МГУ — на журфаке, совершает экспедиции в сибирскую тайгу, в среднеазиатские пустыни. И, наконец, только в 1989 году, когда ему было уже за тридцать, отправляется в первое уникальное путешествие.

— Вы в Бога верите?

— Он есть.

— В самых рискованных экспедициях молитва помогала?

— Конечно. Генерал Эйзенхаузер некто сназал: "В окопах не бывает атеистов". В тех отчаянных ситуациях, в какие иной раз попадают люди, они обращаются только к Богу. И в моей жизни, в моих хождениях по свету, бывали случаи, когда жизнь балансировала на грани. Только раньше в критических ситуациях молитва была моей последней опорой, когда уже ничего не могло спасти. Потом я понял, что это не последний, а первый фактор спасения. То, с чего надо начинать любое предприятие.

— Вы все делали, как туземцы. В частности, ходили голым. И как

вы себя чувствовали?

— Замечательно. Свобода приходит нагая. Самую протяженную и безводную пустыню мира Атакама я пересекал голышом. Если бы нам нужна была одежда, мы бы в ней рондались. Природа не дура. У народов колыбельной цивилизации совершенно другое от-

ношение к одежде, чем у нас. У них все функционально. Даже краска на лице у воина не просто так, а для того, чтобы этим насекомым отгонять. А наши взаимоотношения полов? Если хотим друг друга, такие кренделя выписываем! А у яномами в амазонской сельве женщина берет свой гамак, привязывает рядом с твоим, и она твоя жена.

— Жена не ревнует? Не хотела бы, на всякий случай, сопровождать вас в путешествиях?

— Нет, конечно. Ведь это тяжелейший труд: малярия, воспаленные лимфоузлы, кора болячек, травмы, физические перегрузки, бесконечная анкилматизация...

— Она легко смирилась с тем, что вы путешественник?

— Когда мы познакомились, я уже был путешественником. Да и вообще, сколько я себя помню, всегда им был.

— Вы создали мир (своего рода Дом), в котором живете. Что в нем главное?

— Не знаю, хватит ли жизни, чтобы ответить на этот вопрос. Хо-

телось, на максимум, чтобы в нем было хорошо всем.

— Похоже на утопию...

— Может быть. Но если мы от планетарных представлений спустимся, например, до моего дома на Сходне, то убедимся, что здесь бывает множество людей, исключительно приятных друг другу. Причем не только тех, имена которых широко известны. Здесь "великие" имеют возможность

учиться у "безвестных". И, быть может, в этом и заключается смысл жизни.

— Значит, главное — это люди. И вам столь же интересен динарь, который [нас нам наносится] ничего не знает, сколь и академик, который [нас многим сдается] знает все. И этот интерес к человеку настолько велик, что толкает на риск. Вот вы приходите один в племя папуасов, которые к тому же

каннибалы. Признайтесь, вам страшно?

— Есть короткий ответ: пройденная опасность — безопасна. Но есть и другой: страх — один из тех человеческих комплексов, преодолевая которые, человек растет. Я боялся всего: скорости, высоты, темноты, хулиганов, мертвецов, бедности... Но я исследовал свой страх. Боялся глубины — стал инструктором подводного плавания; бо-

ялся скорости — стал водителем-испытателем; боялся высоты — стал монтажником-верхолазом; боялся хулиганов — стал инструктором рукопашного боя... Страх — это большой учитель. Он обучил меня всему и отправил в путешествия.

— А что такое — путешествие?

— По словарю — это "передвижение за пределы постоянного места жительства с научной, спортивной или туристской целью". Но такой ответ меня не устраивает. Настоящий путешественник — человек не идущий, но шествующий, ощущающий особую значимость своего движения, свои особые полномочия. И шествует он не просто дорогами или тропами, а по пути, указанному согласием разума и сердца. Впрочем, даосская мудрость утверждает, что лучший путешественник — тот, кто странствует, не сходя с места. И я знаю человека, который уже много лет входит в тройку лучших мировых египтологов, хотя вырос и состоялся при "железном занавесе" и только недавно побывал в Египте.

— Вас сравнивают с Минлухо-Манлаем, потому что, как и он, вы пришли к папуасам один, без всякой свиты. Но Минлухо-Манлай жил отдельно, имел огнестрельное оружие, питался своими продуктами, употреблял европейские лекарства...

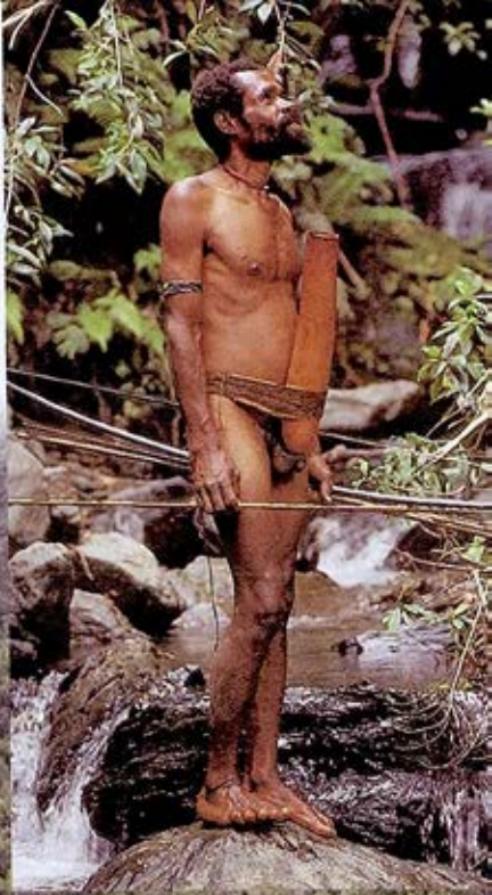
— Я вел жизнь папуасов: спал в их юнильцах, ел их пищу, охотился их оружием.

— Мне доводилось слышать, будто, когда вы приходите в племя, то становитесь как бы трехлетним ребенком, стирая в памяти опыт цивилизованного человека.

— Я называю этот процесс "уничтожением личной истории".

Охота на птиц.

Идя к туземцам, я оставляю наши "костыли" за порогом дома. Одна из моих главных рекомендаций: если не знаешь, как себя вести в экстремальных условиях, среди совершенно непонятных тебе людей, поступай так, как поступил бы маленький ребенок. Для дикарей слова не имеют особого значения, да я

этих слов и не знаю, потому что сколько диких племен — столько языков. Вся гамма твоих ощущений сразу становится достоянием всех, как бы ты хорошо ни играл. Поэтому будь просто искренним. Если что-то не нравится — пусть не нравится. Если что-то пугает — пугайся. И ни в коем случае не оцени-

вай с позиций своего опыта то или иное их действие, поступок.

— Иначе говоря, становиться — как они. Но ведь это величайшее перевоплощение.

— Я бы сказал — воплощение. Станиславский, вынривая из зала антеру свое знаменитое "Не верю!", призывал его не играть, а

Это — Новая Гвинея.

стать персонажем. Вот и я, вернувшись от папусов, еще долгое время ощущал себя воином этого племени.

— На некоторых фотографиях вы предстаёте этаким суперменом в шляпе "Индиана Джонс". Как вы к этому относитесь?

— У меня есть один знакомый, занятый достойными делами, который взял себе имидж супермена, ибо вся его работа выстроена на этом имидже. Существует категория молодых людей, для которых жизненным примером является только супермен. И когда человек, на которого они равняются, говорит: да, внешность и сила очень важны, но гораздо важнее духовная сущность, — то он вызывает куда больше доверия, чем иной проповедник или доцент по этике. Этот педагогический прием отражает известную мысль: единственное, чему я научился в этой жизни, — это то, чему научился по собственному желанию. Я вовсе не против, если мои приключения, моя ковбойская шляпа, высокие сапоги на шнурковке, заворанивая ребят, будут провоцировать их на благородные дела.

— Вы профессиональный путешественник. Но, мне кажется, то, чем занимаетесь, относится все же не столько к профессии, сколько к области частной жизни человека. Иначе говоря, это ваша личная жизнь, которую вы никому не навязываете.

— Попали в десятку: да, я профессиональный путешественник, но это моя глубоко личная жизнь. Имею ли я право навязывать другим свою технологию жизни? Я не даю ни рекомендаций, ни советов, пока меня об этом не попросят. Меня и самого раздражают люди, ко-

торые, добившись чего-то в этой жизни, предлагают всем: делай, как я. Помогая людям сформулировать их жизненные вопросы, я не даю готовых рецептов. Пусть каждый найдет для себя ответы сам: в своем прошлом, настоящем и будущем. Я не хочу врываться в жизнь человека или осуждать чью-то жизнь. Моя Школа выживания, в которую открыт путь всем желающим, показывая людям самые разные возможности, исповедует принцип: в любую минуту ты можешь изменить свое будущее.

Свою методику, испытанную, как говорится, на собственной шкуре, Сундаков изложил в книге "Инструкция по технической эксплуатации жизни", своего рода учебнике по спасению и безопасности человека. В этой книге анализируются все виды опасностей, правил и факторов выживания, даются рекомендации поведения в экстремальных условиях: как преодолеть боль, страх, жажду, одиночество, холод, голод...

Р. С. "Я не был с Виталием Сундаковым ни в тайге, ни в джунглях. Я встретился с ним в Италии, в необычайно цивилизованной стране, в маленьком городке под Венецией, куда он был приглашен поделиться своим уникальным опытом. Он был в Италии в первый раз, не знал языка, но вел себя так раскованно и гибко, что итальянцы понимали его с полуслова, с полууста. Особенно им нравилось то, что в их комфортабельнейшей стране Сундаков признавал лишь один транспорт — велосипед, на котором и разъезжал повсюду". Петр Климун, летчик-космонавт

Фото из архива Виталия Сундакова

Заходите к нам на сайт!

ітение,
риносящее
радость

Смена

тел. 212-15-07
факс: 250-59-28
E-mail: smena@garnet.ru

интернет-версия

ID•RU

Всероссийский литературно-художественный цветной иллюстрированный журнал

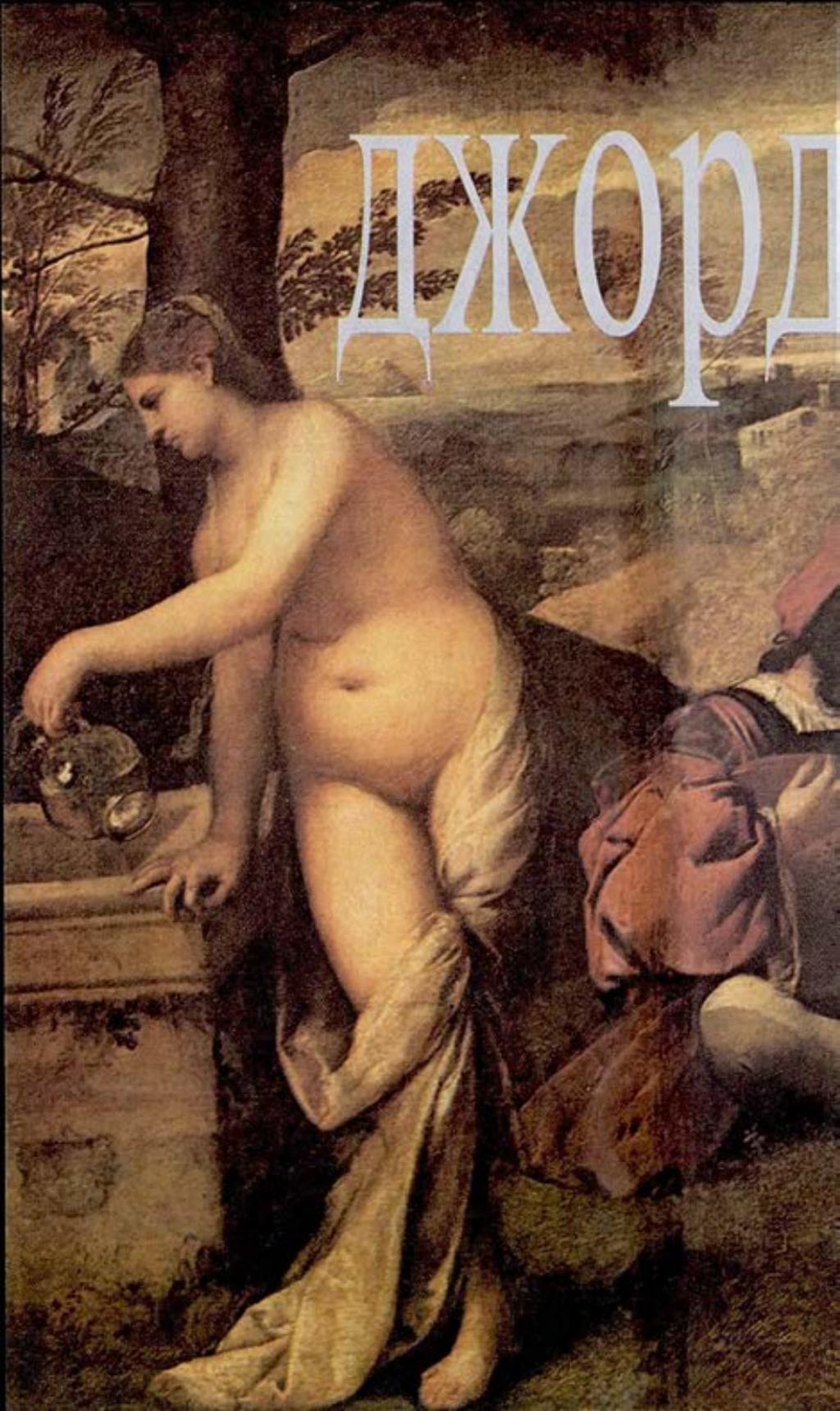

Издательский дом журнала "Смена" открывает свою страницу в Интернете. Теперь в любой стране мира пользователь компьютера, подключенного к Сети, может чуть ли не мгновенно узнать, например, что интересного можно прочесть в номере "Смены", выходящем в следующем месяце, познакомиться с содержанием номеров текущего и прошедшего года, узнать об условиях подписки и размещения рекламы в нашем журнале.

Уже в ближайшее время посетители сайта будут иметь возможность прочесть наиболее интересные читательские письма, сердитые или доброжелательные отклики на публикации. А в перспективе — электронная версия "Смены", создание виртуального клуба любителей детектива.

О других планах (до их реализации) говорить пока не будем, но постараемся, чтобы гостю сайта скучать не пришлось. Найти нас в Интернете можно по адресу:

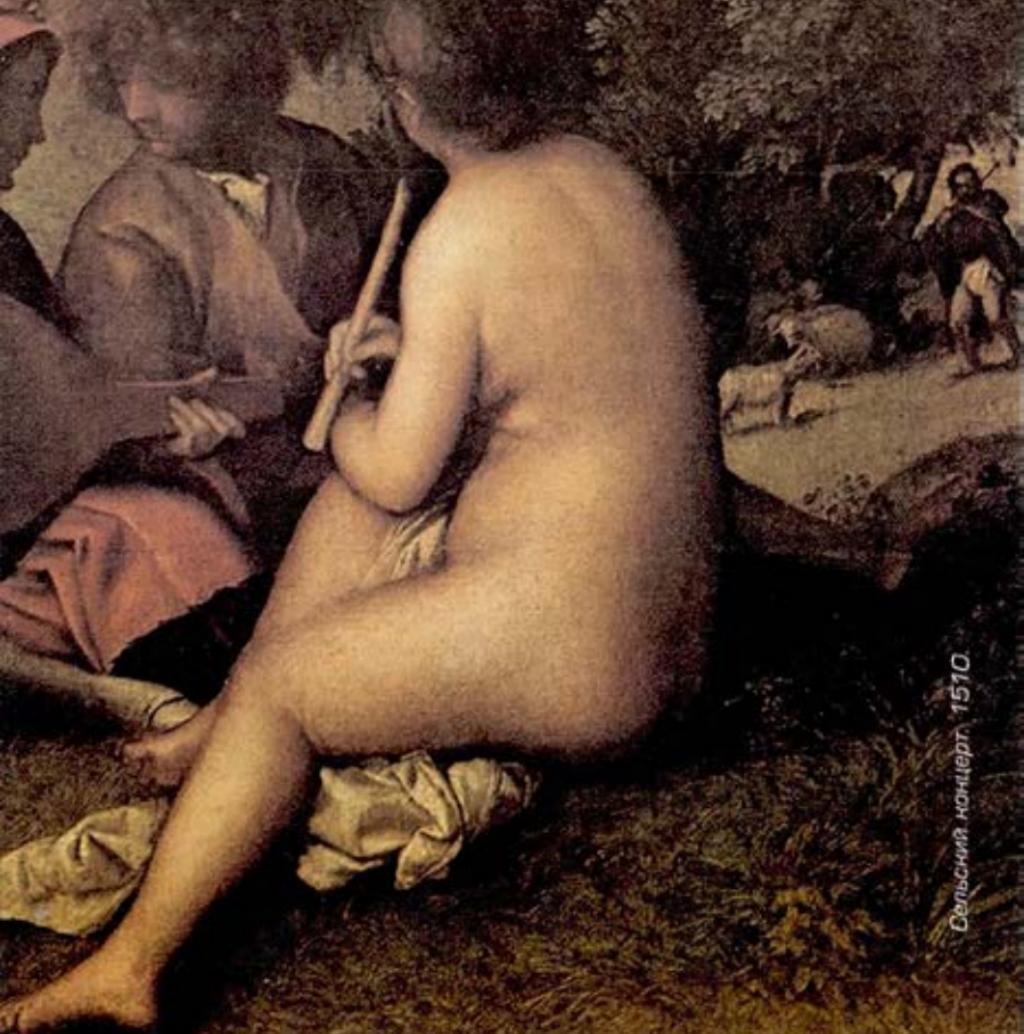
www.smena-id.ru

ДЖОРД

Жоне

Лилия БАЙРАМОВА

Сельский концерт, 1510

Венеция. Город туристов и влюбленных. Ровные линии узких каналов, ажурные мостики, медленные гондолы, разбивающие опрокинутые отражения великолепных дворцов. Сырые древние стены и осыпающаяся штукатурка. По вечерам в провалах темных окон мелькают тени великого прошлого.

Недалеко от Венеции, в маленьком и пыльном городке Кастельфранко родился один из самых нежных и пленительных художников итальянского Возрождения, вошедший в историю под именем Джорджоне. Историки искусств часто называют Джорджоне художником загадочным и таинственным, и это верно: биография его практически неизвестна, да и картины, их подлинное число и сюжеты, до сих пор остаются предметом острых полемик и дискуссий.

О его недолгой жизни известно буквально следующее: приблизительные даты рождения и смерти (около 1477 — 1510), ученичество у замечательного живописца Джованни Беллини, отношения с Тицианом, и несколько общих фраз, которые рисуют его как человека "благородных и добрых нравов", прекрасного музыканта, чья игра и пение "почитались в те времена божественными", и, разумеется, как превосходного живописца, чье искусство соперничало с самыми высокими образцами своего времени, включая гениального Леонардо да Винчи. И, пожалуй, все — никаких милых подробностей о его характере и привязанностях, об отношениях с заказчиками и властями, наконец, о семейном положении и причине столь ранней кончины. К сожалению, все это осталось за скобками даже знаменитого повествования Вазари об итальянских художниках.

Единственный материальный след, сохранившийся нам от Джорджоне, его картины — туманные, нежные и загадочные, за которыми лишь смутно угадывается очарованная и мечтательная фигура автора. Но и сами они вызывают скорее больше недоуменных вопросов, чем ответов. Скажем, до сих пор не выяснено до конца точное число вещей, принадлежащих кисти художника. Многие из его картин, очевидно, погибли или безнадежно затерялись и остались только в воспоминаниях современников, об авторстве же остальных спорят несколько поколений искусствоведов.

Сколько же на самом деле осталось подлинных произведений Джорджоне? До сих пор этого не знает никто. Количество приписываемых ему работ в разные времена колебалось от шестидесяти одной (цифра почти невероятная для столь непродолжительной жизни) и до... четырех, пока не остановилось на цифре в шесть-восемь картин. А если отбросить и не самые первостепенные и значительные и оставить все самое важное и "джорджоновское", то тогда получится и вовсе мизер, каких-нибудь,

страшно сказать, четыре-пять работ — “Юдифь”, “Гроза”, “Три философа”, “Спящая Венера” и “Сельский концерт” — и это и есть тот великий Джорджоне, классик, без которого уже невозможно представить себе историю всемирной живописи.

По этому поводу совершенно справедливо высказался наш замечательный искусствовед Александр Бенуа: “Достоверных произведений Джорджоне, — писал он, — крайне мало, однако они исполнены такой чарующей силы, такой глубинной позиции, такой подлинной красоты, что не остается сомнений относительно значения этого великого мастера в истории. Джорджоне был настоящим источником, из которого вылился торжественный поток венецианской живописи”.

Одними из первых произведений, приписываемых Джорджоне, являются три его небольшие работы: “Святое семейство”, “Поклонение волхвов” и “Мадонна с младенцем”. И если по поводу первой из них нам практически ничего неизвестно, то в отношении “Поклонения волхвов” сохранилось довольно любопытное свидетельство. Феррарская герцогиня Изабелла д’Эсте, большая приятельница Леонардо, как-то написала своему поверенному письмо, в котором просила закупить для нее в Венеции “прекрасную и единственную в своем роде” картину Джорджоне, которую она называла — “Una Noche”, что по-итальянски означает “Святая ночь”. Поверенный герцогини отвечал, что, к сожалению, ее любимый художник недавно скончался, и требуемой картины в его собрании он не нашел, но существуют две похожие работы в частных коллекциях других владельцев и что эти владельцы не расстанутся со своими сокровищами ни за какие деньги.

Знатоки искусства предполагают, что картина, о которой мечтала прекрасная Изабелла, и есть то небольшое полотно “Поклонение волхвов”, которое находится сейчас в Национальной галерее Лондона. В таком случае, интерес герцогини к картине Джорджоне вполне оправдан: этот, быть может, слишком традиционный для итальянской живописи сюжет в исполнении Джорджоне удивительно трогает сердце своей детской безыскусностью и мягкой грацией. Тихие и молчаливые фигуры самой Богоматери и умиленных волхвов растворяются в мирном пейзаже и создают настроение покоя и тихой сосредоточенности.

Как бы то ни было, но эта небольшая реплика из письма Изабеллы свидетельствует об известной популярности Джорджоне среди итальянской элиты и о высоком престиже его картин.

И еще одна небольшая работа, казалось бы, написанная на очень традиционный для Ренессанса сюжет, но вполне заслуживающая того, чтобы сказать о ней хотя бы несколько слов. Это все та же — неизменная итальянская мадонна с младенцем рядом, воспетая сотнями мастеров Возрождения, но выполненная Джорджоне несколько в ином, отличном от строгой тради-

ции, ключе. Художник изобразил здесь скорее не Божью Матерь и не святую Деву, а — красивую, добропорядочную и богатую патрицианку, из хорошей семьи, которая, оставшись дома одна, углубилась в серьезное чтение. Женщина и книга — тема, скажем, довольно неожиданная и редкая для той далекой эпохи, тем любопытней такое невольное свидетельство Джорджоне.

Глядя на его работу, легко представить себе реальную мирную картинку из жизни образованных венецианцев. Из широкого окна открываются красивые виды на Дворец дожей и прочие редкости итальянской архитектуры, туманится спокойное вечереющее небо, и юная матрона с лицом мадонны сидит в своей эффектной ярко-желтой накидке и перечитывает любимые места из Библии. Спокойно, хорошо и очень уютно.

Совсем в ином духе написана другая мадонна Джорджоне — “Мадонна да Кастельфранко”, алтарный образ, выполненный им по заказу для его родного города. В противоположность первой мадонне здесь все торжественно и строго, даже сам необычный интерьер исключает всякую интимность и семейственность. Высокий трон, уходящий куда-то высоко за пределы картины,

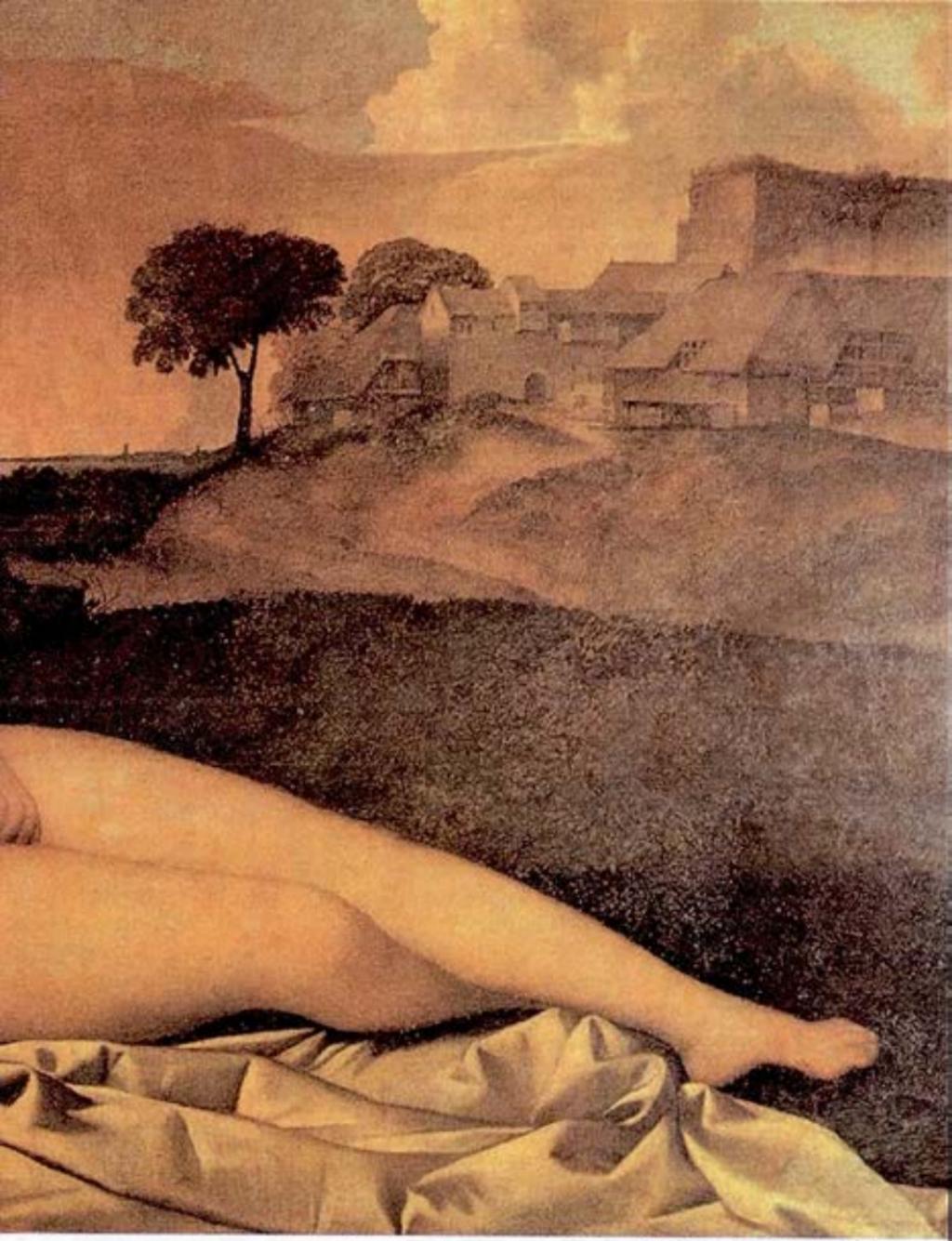
шахматный мраморный пол и какая-то странная композиция: не то часть какого-то великолепного дворца, не то элементы неизвестного сооружения. Во всяком случае, эта причудливая смесь из неожиданных элементов: высокого трона, на котором царственno восседает мадонна, унылого пейзажа за ее спиной и части интерьера, обращенного прямо к зрителю, рождает и странное впечатление — чего-то фантастического и не совсем реального, какого-то незримого присутствия высшей силы на этом свете.

Христос, несущий крест. 1504.

Кажется, что вся старинная итальянская земля, ее древние руины и холмистые пейзажи навсегда проникнуты чудным воздухом святости и благоговения, и что каждый путник, который когда-либо здесь бывал, мог свободно повстречать и эту печальную мадонну в ее красивой накидке и ее верных спутников — Георгия Победоносца, облаченного в блестящие железные доспехи, и Франциска Ассизского.

Венера. 1506—1508.

Однако на этом евангельские сюжеты в живописи Джорджоне практически и заканчиваются. Дальше начинается какое-то возрожденческое полуязычество, поклонение просто красоте без всякой примеси святости и церковности. Происходит какой-то новый поворот в его творчестве, говорящий о том, что Джорджоне становится художником зрелого Возрождения, позволяющим себе писать исключительно на светские темы.

Красота, ее мистика, тайна и обаяние, ее разлитость по всему подлунному, зрямому миру — вот что становится главной и единственной темой художника. Очарованный ею и влюбленный в нее, он пишет свои прославленные таинственные картины. Прекрасные нагие женщины с полуоткрытыми веками, застылые движения, музыкальная хрупкость жестов и манящие кущи деревьев — таковы теперь странные сны, которые снятся художнику, молодому мечтателю.

И первое из таких сновидений — его знаменитая "Юдифь", находящаяся теперь в Эрмитаже. Сюжет картины как будто подсказан художнику знаменитой библейской историей о героической девушке Юдифь, коварно прокравшейся в лагерь врагов и убившей полководца Олоферна. Действительно, все "страшные" атрибуты и действующие лица ветхозаветной трагедии как будто налицо — и сама Юдифь, и громадный меч, и позеленевшая голова Олоферна, на которую с такой непередаваемой грацией опирается нога прекрасной еврейки. Но, посмотрев внимательнее на картину, на полную неги и скрытого эротизма фигуру Юдифи, разве можем мы утверждать, что Джорджоне здесь вдохновлялся исключительно патриотизмом и отвагой Юдифи? Нет. Да и вряд ли бы смогла эта нежная слабая рука, которая с таким изяществом, словно шарфик или цветок, поддерживает боевой тяжелый меч, — убивать и заниматься преступным, кровавым и вовсе не женским делом.

Нет, не лапидарная драматичность известной истории занимала Джорджоне, в противном случае, это была бы просто банальная иллюстрация к библейскому тексту, а... что-то неуловимое и зыбкое, какая-то странная грязь, которая привиделась художнику на рассвете. Юное женское лицо с чуть лукавой улыбкой и эта прекрасная чувственная нога, кокетливо поставленная на мертвую голову убитого ассирийца. А позади — прекрасный пейзаж и все та же немая и "равнодушная природа", на фоне которой и разыгрываются все волшебные фантазии художника.

Да, действительно, "странная картина, — как совершенно справедливо писал о ней Бенуа, — такая же "двусмысленная" и "коварная", как и картины Леонардо. Да и Юдифь ли это?" — воскликнул Бенуа "про строгую, печальную красавицу, с лицом дрезденской Венеры, так спокойно попирающую отрубленную голову. Какими глазами взглянет на нас эта женщина, — спрашивал он, — если подымет свои веки?..."

И действительно — какими? Не будет ли заключена в них вся тайна и все откровение Бога о человеке? Как знать...

А дальше — следующие картины художника, в которых он снова путает все свои карты и заставляет ломать нас голову, разгадывая его странные сюжеты. "Гроза"... Венецианец Маркантонио Микиель, младший современник Джорджоне, собиратель картин и любитель живописи, написал об этой картине

Поклонение волхвов. 1505.

по-казенному лаконично: "Пейзажик на холсте с грозой, цыганкой и солдатом, сделанный рукой Дзордзи да Кастельфранко". И все. Насколько легче было ему определить содержание небольшого холстика, чем современным ученым, предложившим в качестве его трактования более двадцати вариантов.

И в самом деле, неужели же эта обнаженная женщина с прекрасным телом и внимательно-задумчивым, одухотворенным лицом — всего лишь простая цыганка, побирающаяся где-то в предместьях большого города? А странный и молчаливый солдат? Кого он охраняет с пикой в руке — возле древних руин и рядом с голой "цыганкой"? И что вообще здесь делают эти странные персонажи, почему молчат и о чем они думают?

"Что, собственно, происходит? — вопрошают один историк искусств. — В чем смысл этой полуобнаженной фигуры, кормящей ребенка, этого сверкания молний, этих разбитых колонн? Никто не знает; никто никогда и не знал".

Правда, дотошные искусствоведы предлагают свои, подчас очень диковинные и весьма экзотические версии. Кто-то считает, что в образе задумчивой женщины дана аллегория Милосердия, кто-то ассоциирует картину Джорджоне с поэмой Боккаччо, а кто-то и вовсе идет намного дальше и смело утверждает, что таинственная "Гроза" есть ни больше ни меньше, как иллюстрация к теории Аристотеля о четырех стихиях.

Но разве тайна живописи, ее обаяние и красота заключаются в простой шифровке научных или каких-то вполне конкретных понятий? Разве сама природа и жизнь не так же полны загадок и тайн и так же многозначительны и глубоки, как и лучшие создания великих художников? И разве нельзя предположить, что эти создания, как и картины Джорджоне, есть лишь одна из слабых попыток приблизиться к великой тайне?

И в этом смысле, не является ли некоторая нелогичность и бессюжетность картин Джорджоне лишь отражением такой же бессюжетности и хаотичности самой жизни, не поддающейся банальным и плоским трактовкам?

И словно в подтверждение этой догадки и в продолжение темы сохранилась еще одна чудесная картина художника, едва ли не очевиднее других толкующая все те же вечные темы. Три человека, три мужчины, три возраста. Самый юный из них, в белом хитоне, что-то чертит циркулем на бумаге, средний, в кроваво-красной хламиде, поддерживает третьего за руку, и, наконец, этот третий — прекрасный старец с пышной седой бородой, величественным жестом показывает какую-то астрологическую таблицу.

Куда идут они, о чем говорят? По традиции картину обычно называют — "Три философа". И действительно, что еще, какие другие персонажи и лица могут с такой же очевидностью изобразить и выразить состояние полной погруженности человека в себя, изолированность и отрешенность от внешнего мира...

Черные, словно вырезанные из картона, силуэты деревьев, безмятежное угасающее небо, какие-то песчаные ступени и три человека, погруженные сами в себя... Тишина, покой и безмолвие... Только природа и мысль, только неслышный диалог между человеком и Богом...

Вполне возможно, что влечение Джорджоне к спокойному созерцанию было бы невозможным без потребности времени. Люди нуждались в красивом и просветленном искусстве, и оно появлялось. Очень верно об этом заметил Павел Муратов: "Искусство Джорджоне свидетельствует, что на рубеже XV и XVI веков в Венеции возникло стремление к свободному душевному опыту. Искусство пожелало прислушаться к голосам человеческой души и к эху, звучащему в окружающем мире. Уже Беллини предчувствовал ту настороженность и созерцательность, которой, казалось, проникнуто искусство Джорджоне. Иные его поздние вещи так же безымянны и бесцельны, как те, которыми он и его последователи спешили удовлетворить вспыхнувшую жажду своих современников.

Комнаты венецианских дворцов наполнились тогда картинами, в которых зачастую тщетно пытаются нынешний критик увидеть тот или иной сюжет. Античные мифы, библейские предания, литературные эпизоды, жанровые сцены в равной мере здесь служат лишь предлогом к размещению бездействующих и остановившихся в какой-то вечной задумчивости фигур среди преисполненных нежностью пейзажей..."

Но, пожалуй, самой ясной и доступной пониманию зрителя является прославленная картина Джорджоне — "Спящая Венера". Казалось бы, сюжет этой работы не должен вызывать никаких сомнений и разнотечений: прекрасная обнаженная женщина лежит на фоне прекрасного, идиллического пейзажа. Но и здесь все совсем не так просто, как кажется. Джорджоне откровенно пишет обнаженную женскую плоть, но эта плоть так же прохладна, отстранена и бесчувственна, как и его печальные, задумчивые мадонны. В ней нет ни пола, ни греховности, ни соблазнительной прелести, она так же мраморно совершенна и хороша, как и холодные греческие статуи.

И если сравнить эту Венеру Джорджоне с такими же обнаженными красавицами Тициана, то сразу станет очевидной и понятной та пропасть и колоссальная разница, которая разделяет учителя и ученика — эти два не смыкаемых берега венецианской живописи. Для сладострастного, пылкого и темпераментного Тициана женская плоть есть главная мужская утеха и услада, она для него и есть то бесценное сокровище, без которого мир потерял бы половину своей цены и прелести. И как гурман на все лады толкует о своих любимых блюдах и яствах, так и Тициан на тысячу ладов воспевает, смакует и боготворит обожаемое им женское тело — белизну и нежность его кожи, округлость и мягкость форм, чувственность линий.

Для него нет никаких сомнений в том, что это и есть та главная святыня, то божество, которому стоит поклоняться. Вся чувственность Венеции, ее умение наслаждаться жизнью и устраивать из нее веселый карнавал выразились в преклонении Тициана перед женщиной, которая и есть для него олицетворение всей красоты и роскоши жизни.

Совсем не то Джорджоне. Для него прекрасное женское тело — вовсе не грех и не плоть, это такая же отвлеченная и божественная красота, как и полевой цветок, как безлесные итальянские холмы и как лицо мадонны. Текущие линии его лежащей Венеры как-то незаметно перетекают в гибкие и беглые линии застывшего пейзажа и создают особое впечатление очарованного, полусонного мира, еще не ведающего грехопадения Адама и Евы.

Именно поэтому, как писал Александр Бенуа, хотя искусство Тициана и “зрелее, полнее и по-своему тоже таинственно (как всякая подлинная красота), но Венеры Тициана, его библейские героини, его портреты не проникают, как то делают образы Джорджоне, к “последним затворам” души, не манят в какую-то даль безумия”.

И, наконец, самая последняя из известных картин Джорджоне, написанная им в 1509-1510 годы, вероятно, незадолго до его ранней кончины — “Сельский концерт”. Вещь, которая ближе других примыкает к искусству Тициана, настолько близко, что трудно даже отделить манеру одного великого мастера от другого. Предполагают даже, что весь замысел и часть живописной композиции принадлежит самому Джорджоне, а часть пейзажа и, возможно, обнаженная фигура у колодца написаны рукой Тициана.

Как бы то ни было, но эта удивительно красивая, гармоничная и музыкальная вещь кажется своеобразным переходом от одухотворенной застылости и мечтательности Джорджоне к полнокровию и жизненности Тициана. По сравнению с предшествующими пустынными и какими-то словно оцепенелыми пейзажами Джорджоне, в которых полусонные фигуры вечно пребывают в неподвижном бездействии, здесь ощутим поворот к реализму и действию. Деревенский пастух пасет своих овец, двое молодых господ, одетых в ярко-красные кафтаны развлекаются игрой на виоле — прародительнице гитары, им сопутствуют обнаженные женщины, каждая из которых занята своим делом.

И все же есть что-то и в этой живописной пасторали, что смахивает общее впечатление и путает привычные карты. Какая-то странная нестыковка, которая мешает отнести эту картину к обычному жанру. Почему молодые господа так оживленно беседуют друг с другом и так мало внимания уделяют своим обнаженным дамам? И почему у дам, как всегда у Джорджоне, такие замкнутые и отрешенные лица, как будто не они украшают собой веселую компанию, а кто-то другой?

Опять какая-то непонятная странность и вечная джорджновская загадка. К сожалению, версии искусствоведов мало что здесь объясняют, и их толкования, как зачастую бывает, переводят поэзию искусства в какую-то другую, более конкретную и приземленную плоскость. Кто-то из них полагает, что мечтательный "Сельский концерт" связан каким-то образом с "Поэтикой" Аристотеля, кто-то предлагает версию, что обнаженные женщины — просто невидимые глазу прекрасные наяды и нимфы.

Однако отчего-то кажется, что все эти бескрылые попытки современной науки договорить и доказать за Джорджоне его искусство и сделать его до конца понятным и взятым только разрушают очарование его волшебных картин. Ведь как знать, быть может, именно их недосказанность и нарушение привычных логических связей, их странная бессюжетность и ленивая созерцательность и сообщают этим удивительным грезам характер чего-то таинственного и манящего...

Во всяком случае, современному безрелигиозному человеку, давно научившемуся обходиться без всяких загадок и тайн, искусство Джорджоне открывает какие-то безграничные дали, какие-то новые горизонты, в которых есть место и мечте и фантазии. ■

Лариса МИЛЛЕР

* * *

*Все валится из рук в безвременье, в бездонность,
Все валится из рук,
И никакого “вдруг” — сплошная монотонность,
Давно очерчен круг.
Давно очерчен круг земной, мирской, предельный,
Житейский и земной,
И, выскоцину из рук, летит в тоске смертельной
Оброненное мной.*

* * *

*Где же выход? Там, где вход,
Там, где вход во дни не наши,
Где другие пьют из чаши
И едят запретный плод.*

*Где же выход? Там, вдали,
Там, где небо голубое,
Там, где нету нас с тобою
На поверхности земли,*

*Там, где нас и след простыл,
Где не давит больше бремя,
Где совсем другое время
Охлаждает чай-то пыл,*

*Где уже не мы, не мы,
А другие Божьи чада
Ждут, как выхода из ада,
Лета, осени, зимы.*

* * *

*Увы, увы, мне скучно без
Стихов, без строчек невесомых,
Ветрами к небесам несомых,
Летящих лесенкой с небес.*

*Мне скучно без словес, без тех,
Которые плела и пряла,
В которые всю жизнь играла...
Прости мне, Боже, этот грех.*

*Мне скучно. Скучно, говоришь?
Что ж, поскучай, скучать полезно.
Ты посмотри, какая бездна
Над головой, какая тиши!*

* * *

*Голос ломок, слеза солона,
Взгляд растерян — сии сантименты,*

*Сокровенные эти моменты
Не забудь, коли память дана.*

*Помни, помни, тетенько о ней —
Не о смерти, — о жизни, о жизни,
О моментах, что прочих капризней,
Прочих сладостней и солоней.*

* * *

*И бурый сор и желтый сор —
Весь этот мусор шелестящий,
Как туча по ветру летящий,
Весь этот хаос и разор —
В них есть гармония, в них есть
И лад, и стройность, и порядок,
И лист, что выпадет в осадок,
Прекрасен, как благая весть,
Пока летит, пока плывет
Путем извилистым и странным,
Пока шуршит о несказанном,
Верша замедленный полет...
Он точно ангел во плоти,
Не знающий земного гнета,
Бессмертен до конца полета
И вечен до конца пути.*

* * *

*На излете зимы, на излете
Века бедствий и века любви
Все тяну на излюбленной ноте
Ту же песню. И все ж улови,
Улови, улови перемену:
Песня та же, но в голосе — дрожь...
Впрочем, петь — значит биться об стену,
Ту, которую не прошибешь.
Разметает, — пою, — разметает
Вешний ветер, и все разорит...
Но сегодня чуть раньше светает —
Семь пятнадцать, а небо горит.*

* * *

*С землей играют небеса
И дразнят, и грозят обвалом,
Грозят в пожаре небывалом
Спалить жилища и леса,
А в тусклый день они опять
Покровом серым и смиренным
Висят над этим миром бренным,
И слез небесных не унять.*

Михаил ПОПОВ

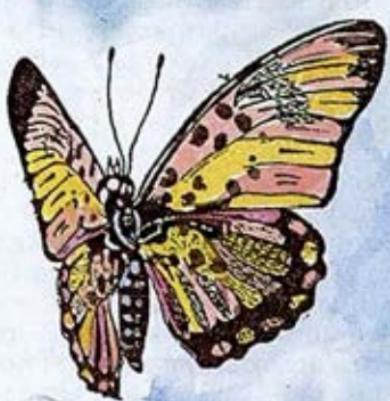
Что-то зазыбится в ближнем пространстве, затрепещет, как бы даже зарябит на твоем лице, точно потаенный солнечный зайчик; сердце твое, откликнувшись на безмолвный зов, учащенно и тревожно забьется, и ты, ослепленный и смущенный этой лукавой игрой, вдруг потеряешь ориентиры, равновесие и, кажется, даже саму житейскую устойчивость и опору.

Такое произошло со мной на двадцать пятом году жизни. Отчасти причиной моего тогдашнего состояния было окончание университета. Цель оказалась достигнутой. Я совершил промежуточный финиш и очутился на перепутье. Но случилось что-то еще, чему я, человек сугубо земного происхождения, воспи-

танцующая гал

танный в привычке к порядку и здравому смыслу, никак не находил объяснения. Рассудок твердил, что надо совершенствоватьсь в профессии, подниматься по служебной лестнице, достигать положения, авторитета и, само собой — сопутствующих им благ. А душа, шесть лет находившаяся у него не то в услужении, не то в крепостной зависимости, стала вдруг противиться, перечить, возражать, все куда-то рвалась и норовила. Потворствуя ее безусловно заслуженным прихотям, я выбирал всевозможные формы уступок. Гулял, колобродил, валяя дурака, кутил. Увы, маэста почему-то не проходила, а по осени и вовсе обострилась. Надо было решаться на что-то радикальное. Я надумал жениться или пойти в армию. Осень прошла в хлопотах и обустройстве. Однако ни того, ни другого не произошло. Тяга к избраннице у меня была, но, чтобы сделать решительный шаг, не хватало духа, а что больше мешало — трезвый рассудок или взваламученная душа, — я и сам не мог объяснить. В армию же меня не взяли только потому, что нашей уже сформированной команде дали отсрочку.

Короче, вернулся на круги своя. Рассудок мой удовлетворенно поуркивал, готовясь постепенно завоевать утраченные

атея

позиции. Все к этому как будто и шло. Больше того. Казалось, что рассудок уже опять взял верх, что и соответствовало его телесному положению. Но тут душа опять взбунтовалась и, не желая более уступать, так взбрекнула, что мой бедный рассудок едва не помутился. Что оставалось делать? Чтобы не потерять головы от душевных мук, я махнул в Заполярье и очутился на буровой, которая стояла на берегу Баренцева моря. Сердечная смута, точно нудная поземка, к следующей весне как будто улеглась. Рассудок заключил с душой перемирие. Тешась достигнутым паритетом, я собрался пробыть на буровой до их полного взаимопонимания. Однако в апреле, точно снежный заряд на голову, на меня свалилась повестка. И... Опять все смешалось в моем существе, аки в доме Облонских. Я куда-то заспешил, заторопился, словно боялся повсюду опоздать. И хотя рассудок все-таки, кажется, не терял — душа в том апреле явно не поспевала за перемещениями тела.

Последняя вахта у бурового станка прошла в ударном темпе. От свечки керна, извлеченного с глубины сто метров, я утайкой отломил аспидно-бурый цилиндр базальта, намереваясь подарить его своей избраннице. Черные и красные слои породы переплетались друг с другом, однако же не смешивались и полутоны не образовывали. Возможно, это был знак, некий символ, но я не внял его предупреждению. В ту пору я был еще юн и не прислушивался к голосам природы... Что там метка из преисподней, когда ты и на небо-то смотришь чаще лишь за тем, чтобы определить завтрашнюю погоду!

Четыре дня спустя в провинциальном латвийском городке состоялась тихая свадьба: регистрация была без свидетелей, застолье — почти без гостей. Однако сути этот упрощенный вариант не менял. Брачный союз, как оценил мой друг, был заключен вопреки рассудку ("Только идиот женится накануне армии", — написал он в письме), а главное, как впоследствии я осознал сам, — и душе.

Еще через два дня я был в Питере. Мне хотелось попрощаться с другом, которого тоже забирали в армию. Правда, мне предстояло служить год, а ему целых два. Ну а двумя днями позже я должен был вернуться в родные приполярные места, явиться на сборный пункт и оттуда отправиться в воинскую часть, которая, как потом оказалось, дислоцировалась в Поволжье.

Друга в Питере я не застал — его, увы, уже "забрали". Гулять в одиночку по слякотному городу мне не хотелось. Времени же до завтрашнего самолета была прорва, и я решил махнуть в Петергоф.

Год назад, в эту же пору, я писал дипломную работу. Она была посвящена одной боевой народнической газете, которая выходила в Казани сто лет назад. В университет на свой факультет я наезжал от случая к случаю, а все время пребывал в

Новом Петергофе. Комнату в общежитии мне как дипломнику предоставили на двоих с аспирантом. Соседа за два месяца жительства я, по сути, не видел. Он приходил поздно, а уходил рано, а чаще вообще не ночевал. С одной стороны это было хорошо — никто не мешал и не отвлекал. Но с другой — плохо, не с кем было перемолвиться словом, развеяться. В одну из таких пауз, когда никак не давался поворот в работе, я заглянул в самодельную картотеку, что стояла на тумбочке соседа. Она давно привлекала мое внимание своей изящной формой, а главное — содержанием. Большого греха я в таком своеобразии не видел: раз открыто — значит доступно. А объяснение было одно: не вижу человека живьем, так хоть заочно с ним пообщаться.

Первая карточка была посвящена фрагментам биографии Троцкого. На дворе стоял апрель 1972 года — в исторической науке глухая зима. Сведений о подобных фигурах в открытых источниках не водилось, и я, естественно, заинтересовался. В картотеке оказались записи о Рыкове, Каменеве, Зиновьеве... Я вытаскивал карточки по алфавиту сзаду наперед. Но обратил на это внимание только тогда, когда дошел до сведений о Бухарине.

Это было любопытно, что я обнаружил. От текстов исходила какая-то тайна, как от запретного, не ведомого для многих плода. Но самое интересное меня ожидало дальше. Закончив обследовать картотеку, я заглянул в папку, на которой стоял ящичек с карточками. Там оказались машинописные тексты. Листы были разного формата, разной плотности — от папиресной бумаги, на коих когда-то, наверное, печатали революционные прокламации, до ватманских чертежных. Иные тексты оказались настолько слепы, что с трудом различались отдельные буквы, не то что слова, — видимо, снимались из-под шестой — седьмой копирки. Другие были яснее, но оказались темны по смыслу — они представляли собой оценки малоизвестных мне исторических событий. Фрагменты из неведомого памфлета тоже особенно не завлекли меня. А вот дальше... Дальше оказалось несколько листов, сшитых почему-то розовой ниткой. Вот они-то и околовали меня.

“Сыздетства утренний блеск в окне говорил мне одно и только одно: есть солнце — будут и бабочки. Началось все это, когда мне шел седьмой год, и началось с довольно банального случая. На персидской сирени у веранды флигеля я увидел первого своего махаона — до сих пор аоническое обаяние этих голых гласных наполняет меня каким-то восторженным гулом! Великолепное бледно-желтое животное в черных и синих ступенчатых пятнах, с попугаичным глазком на каждой из парных черно-палевых шпор, свешивалось с наклоненной малиново-лиловой грозди и, упиваясь ею, все время судорожно хлопало своими громадными крыльями. Я стонал от желания”.

Никаких пояснений — ни источника, ни авторства — как я ни вертел листы, обнаружить не удалось. Я пытался угадать, напрягая память. Тургенев? Бунин? Пришвин?.. Однако отклика от текста не исходило.

“Он с особенной улыбкой обращал внимание мое на черных бабочек в нашем парке, с таинственной и грациозной нежданностью появлявшихся только в четные годы”.

Переворачивая листок, я машинально отметил, что нынешний год четный.

“Редкая бабочка, на днях пойманная среди гонобобля торфяного болота, еще не высокла на расправилке: он все трогал кончиком булавки ее брюшко, — увы, оно было еще мягкое, значит, нельзя было снять бумажных полос, сплошь закрывающих крылья, которые ему так хотелось показать отцу в полной их красоте. Он слонялся по усадьбе в каком-то тяжелом болезненном волнении, завидуя тому, как другие переживают эти крупные, пустые минуты. С речки доносились отчаянно-страстные вопли купавшихся деревенских ребят, и этот гомон, всегда игравший в глубине летнего дня, теперь звучал вроде дальних оваций. Таня восторженно и мощно качалась на качелях в саду, стоя на доске; по летящей белой юбке так мчалась фиолетовая тень листвы, что рябило в глазах, блузка сзади то отставала, то прилипала к спине, обозначая впадины между сведенных лопаток...”

Что-то пронзительно-чувственное исходило от этих картин, и я, завороженный и очарованный, немедленно переписал их, потом по много раз перечитывал, так что вскоре знал наизусть, и они звучали во мне, кажется, помимо моей воли. Загадочная пластика текстов неожиданно вторглась в мою дипломную работу. Где-то с половины явно поменялась стилистика, а главное — направление мысли. Оно не столько раскрывало тему, как заключил на защите один оппонент, сколько затемняло ее, уводило в идеалистические дебри экзистенциализма, что выглядело неуместно в принципе, а применительно к теме — и подавно. Правда, с этой оценкой согласились не все. Более того, другой оппонент, человек прогрессивных по тем временам взглядов, кумир студентов, фронтлер, встал грудью на защиту моей защиты. Это было продолжением всегдаших баталий, разгоравшихся на ученом совете. Я как бы очутился меж двух огней, не ожидая для себя ничего утешительного. Тем не менее защита прошла успешно. А после, уже на выпускном вечере, в застолье, я получил немало доброжелательных отзывов даже от тех, кто публично и порицал мое сочинение.

С банкета я возвратился в Новый Петергоф последней электричкой. Ноги слушались плохо. Решил сократить путь, я двинулся напрямик, то есть помойками, как выражается мой друг. В какой-то момент сбылся, потерял направление, отклонился в

сторону. Обнаружил это, когда очутился на берегу залива. Пара раз упал, споткнувшись о прибрежные каменья и валуны. Повернув от берега, углубился в перелесок, различив в июньских сумерках островерхие крыши. И...

...Очнулся я от какого-то звука. Он был настолько невнятным, что, похоже, просочился из сна. Не размыкая глаз, я определил, что лежу на земле. Смятения не было. Руки-ноги цели, нигде ничего, как будто, не болит. А что на земле — так эка невидаль. Доводилось ночевать и на кладбище, приклонив головушку к осевшей безымянной могилке. А тут-то! Воля, лето, травка-муравка. Даже спину, похоже, не настудило. Я слегка свел лопатки. Бока мягко облегала свежескошенная, видимо, в вечеру, клеверная перинка. Неведомый хозяин накосил ее для кролей или на подстилку хавронье. А тут — я. Об этот ворох я, не иначе, вчера споткнулся, запутавшись в охвостьях, упал, аки подкошенный, а потом уже, видимо, подгреб эту клеверицу под себя. Что и говорить, с умом я устроил свой ночлег. Хотя если трезво, какой там ум — инстинкт, скорее, сработал...

Под головушкой, еще не тронутой похмельем, что-то бугрилось, затылком, почти прямым касанием головного мозга, ощущал это нечто, точно рентгеном. Портфель! Вот это да! Ну, если не потерял портфель, тогда и подавно не о чем печалиться. Все на месте, все в целости и сохранности. Чего еще надо! От нового открытия стало совсем хорошо. Бражная волна, которая не спала до конца, а все еще тетешкала да нянчила, только что “баю-бай” не мурлыкала, приподняла меня, как воздушная подушка. В радостном порыве я наконец разлепил глаза. Пора было выразить благодарность белому свету. Белый свет оказался цвета золотистого какао. Солнце еще не взошло, оно только наполняло прозрачный сосуд утра, медленно разбавляя какао горячим топленым молоком.

Обзор оказался невелик. Тяжелы были на подъем веки. Но главным препятствием для обзора стала рука. Закинутая в изломе, она покоялась на лбу и заслоняла весь верх, кадрируя пространство до размеров амбразуры. Вдобавок ко всему мешали ресницы, обсыпанные какой-то пыльцой — не то березовым семенем, не то цветочной пудрой, а еще — волосяной пушок возле запястья. Короче, в поле зрения попадал небольшой кусок ближнего пространства, сравнимый, пожалуй, с изящной прозрачной чашечкой, наполняемой чуть дымящимся парным молоком. Тут я различил, что в сосуде этом что-то шевелится. Сначала решил, что это тилипается зрительная мушка, какие обитают в глазном яблоке. Чтобы проверить догадку, скосил глаза. Мушка, действительно, была. Под воздействием перемещения глазного глобуса она, подобно перепончатой китайской джонке, скрылась за горизонтом. Однако пятнышко перед глазами не пропало! Стоило это совершить, пришло прозрение. “Ба-бо-чка”, — протянул я, и два — ни дать, ни взять — молоч-

ных пузыря лопнули на моих губах, точно это были губы младенца. От этого лопанья мне стало смешно. Я чуть не прыснул от собственной благоглупости. Но губы настолько обленились и так умаялись от производства двух пузырей, что растягиваться более не пожелали, а так и замерли.

Бабочка была черная, однотонная. Но она не парила, как обычно парят бабочки, порхая с цветка на цветок, а кружилась в вертикальном положении, точно перепутала зенит с горизонтом. Подчас бабочка замирала, и тогда казалось, в воздухе висит гроздь винограда — того темного, что называют "изабеллой". Больше того, порой она выглядела совершенно плоской и напоминала карточного туза пиковой масти. Но тут опять затевалось движение, и крыльца бабочки наполнялись воздухом. То ли султанчик зарождающегося смерча, то ли вольный веерок в руках у кокетки, то ли смятенный сумрачный тюльпан: порхнет ветерок — он съежится, обласкает солнышком — вновь начнет раскрываться.

Следить за этим кружением было удивительно сладко, и я весь отдался блаженному созерцанию. Иногда бабочка вдруг на миг взмывала, иногда вновь опадала, а то на миг-другой вовсе исчезала из виду, словно пропадала в пенке тумана. Сердце начинало колотиться — неужто?.. Но тут бабочка вновь возникала из ничего, сперва как бы чуть зауженная, точно выныривала из школьной кабинетной проекции, а потом опять вся — в полном размахе своих пленительных лепестков-крылец.

Наблюдал я за этим призрачным танцем, находясь между явью и дремой. Засни я сейчас — век бы не поверил, что это был не мираж, а явь. Тем более, что дело к тому и шло. Первое изумление улеглось, веки опять чуть набрякли, накатив слегка на зрачки. Я уже мало что различал. Но тут в обзоре что-то стало меняться. Прилив солнечного света усилил порхание и посвисты птиц, свежий ветерок с залива потеснил бесплотные скульптуры тумана, изменив окрас неба, на фоне которого я лицезрел бабочку. Не менялось только одно — розово-золотистый цвет вокруг бабочки, точно это она удерживала своим силовым полем некое заблудившееся облачко. Сначала это облачко походило на продолговатую воронку, потом на подобие сосуда — кувшина, амфоры. Я никак не мог взять в толк, что это такое, пока разница цветов не достигла того предела, когда зрение мое отделило зерно от плевел. Женщина! Передо мной в свете раннего июньского утра представила нагая юная женщина. Она купалась в росных травах, должно быть, продолжая недавние русальные игрища. Это, наверное, ее восторженный вскрик разбудил меня, когда она окунулась в зеленую купель, а теперь, уже обтерпевшись, плескалась и кружилась, забыв обо всем на свете. И тут от восторга, от переполнявших меня чувств вскрикнул я. Вскрикнул и тут же пожалел, потому что счастливая картина вмиг изменилась. Женщина тотчас присела, вы-

нырнув из своего блаженного беспамятства. Бабочка пропала. Из травы мерцали только плечи, обхваченные руками, да тревожное испуганное лицо. Женщина опасливо озиралась, не находя источник своего испуга. Что оставалось делать? Я решил как-то успокоить ее, ободрить, чтобы она не обращала на меня внимания и продолжала бы свое языческое священнодействие. Для этого надо было приподняться, возвыситься хотя бы над травой. И я попытался это сделать; увы — попытка вышла неуспешной. При всей легкости моих чувств и порывов физически я был еще тяжел, и притяжение земли вернуло меня в первоначальное положение. Облепленный травой, я был, должно быть, страшен. За лешего могла принять. Она — русалка, я — леший. Правда ведь, смешно? Увы, поделиться своей немудреной шуткой я с нею не успел. Завидев зеленое чудовище, моя весталка вскрикнула и в чем мама родила помчалась куда-то на окраину поляны в кусты, унося прочь и себя, и свою потаенную бабочку.

Эта картина, зыбкая и невесомая, с тех пор не оставляла меня. Она возникала осенью, когда в городе сжигали палую листву, и наполняла сердце тонкой, как дым, грустью. Еще чаще она являлась среди зимы, когда я очутился на буровой. Она трепетала в сполохах огня, когда возвратившись с ночной смены, я отогревал руки возле печурки. Она чудилась в зыбуне поземки, когда я брел спозаранку на вахту. И даже в процессе работы она подчас мерцала перед глазами.

Это когда многометровая штанга уходила в преисподнюю, а сверкающий конец ее, вращаясь, создавал вокруг себя зоримое силовое поле. Эта картина предстала передо мной на рассвете в пространстве между Старым и Новым Петергофом. Не встретив друга, я устремился именно туда. И направляясь на вокзал, даже, каюсь, радовался, что со мной никого не будет.

Вокзал залучил меня в свои объятия, точно назойливый дальний родственник. Он пыхтел, создавал кутерьму, смущал заполошными криками. Не успев оглядеться, я был вовлечен в его суетный ритм и мигом очутился на перроне. На путях стояла электричка. К ней спешили последние пассажиры. Догадавшись, что она вот-вот тронется, я, не мешкая, кинулся следом. Билет куплю в поезде, а направление известно: с крайней платформы электрички уходят только туда.

Поезд тронулся, едва я заскочил в ближний тамбур. Довольный удачным оборотом, я, переводя дух, неспешно двинулся в глубь вагона. Он был переполнен. Я перешел в следующий, миновал еще один вагон, выбирая местечко побезлюдней. Наконец, в четвертом или пятом остановился и устроился у окна. В предчувствии долгожданной встречи, блуждания по заветным уголкам, я глядел на череду переменчивых облаков, на далекие строения и усадьбы, на перелески, холмы, пруды... Ничего не смущало, не беспокоило мой взор при виде открывающихся пейзажей, пока не объявили первую остановку. Не поверив соб-

ственным ушам, я кинулся к схеме движения, что пестрела возле дверей, и только тогда все понял.

За пять лет заочной учебы я так толком и не узнал Ленинграда. Точнее, узнал, но как-то отрывочно, фрагментарно, словно роман по хрестоматии. Путеводителем по этому роману, главным литературоведом был мой друг, в ту пору студент одного крылатого института. Наши прогулки, как правило, совершились по окончании очередной сессии, которую я в очередной раз умудрялся сдать досрочно. Чтобы отметить удачное окончание и мой отъезд в наши родные места, мы отправлялись в какой-нибудь конец города, где открывался новый пивбар или кафешка, и там просаживали все остававшиеся у меня к той поре деньги. В блужданиях по Питеру я целиком полагался на знания друга и совершенно не обращал внимания на номера трамваев, автобусов, названия улиц, маршруты метро. Шел себе и шел, зная, что друг все ведает и непременно выведет, куда надо.

Эта ли пассивная роль, роль ведомого, сыграла в тот день загадочную шутку. Или моя рассеянность была причиной, погруженность в собственные растрепанные мысли и чувства, которые усугубляли совершенная женитьба и грядущая солдатчина. Так или иначе, но я перепутал вокзалы. Мне нужно было на Балтийский, а ноги принесли на соседний, находящийся в каких-то пяти сотнях шагов, — Варшавский. Только и всего. Возможно, это произошло еще и потому, что Балтийский за минувший год как бы размылся в памяти. А на Варшавском я был дважды осенью, когда ездил к своей избраннице, а главное — уезжал с него четыре дня назад и сюда же вернулся нынешним утром.

Обнаружив ошибку, я кинулся в тамбур, чтобы выскочить на перрон. На пути оказалась какая-то баба с бидонами и полагушками. Пока я одолевал возникшее препятствие, двери захлопнулись, поезд тронулся, выскочить я не успел. Что оставалось делать? Пришлось вернуться назад. Мое место оказалось занято. Побрел в другой вагон — ближе к голове поезда. Места у окна не нашлось. Сел, где придется. Сзади переговаривались. Речь шла о ценах на овощи, потом заговорили о колорадском жуке, о каком-то огородном щитнике, заспорили, сколько стоит машина навоза. Я снова поднялся, пошел вдоль вагонов, подыскивая укромное местечко. Решил так: доеду до ближайшей станции, где окажется озерко или речушка, и выйду. Времени прорва — поброшу, посижу, а к вечеру вернусь назад. Захочется — переночую, а нет — махну в Пулково, наверняка можно будет переоформить билет на вечерний рейс.

Размышляя так, я достиг головы поезда. Дальше пути не было. Я огляделся. В вагоне оказалось пусто. Я вернулся чуть назад и сел по ходу движения. За окном мелькали сменяющиеся пейзажи — перелески, лощины, пестрящие первой зеленью

луга. Но огорченный досадной ошибкой, я никак не мог погрузиться в эту цветную киноленту. К тому же под ногами, как было в кинозале, противно шуршала подсолнечная шелуха, а шуршание это явственно доносилось даже сквозь колесную перепалку.

Через два пустых отсека от меня располагался крупный пожилой мужчина. На нем был светлый, дорогое края, плащ, элегантная шляпа цвета какао с молоком, на крупном носу — очки в тонкой золотой оправе. Облачение выдавало в нем человека нездешнего, дальнего. Но того больше об этом свидетельствовало лицо — породистое, холеное, чуть отстраненное. Время от времени, глядя в окно, я украдкой косился в сторону неизвестного. Его лицо было неподвижно, но за стеклами очков что-то то и дело мерцало. Сперва я подумал, что это отражаются оконные блики. Однако потом догадался — нет. Это мерцают глаза, то распахиваешься, то щуряешься. Радость увиденного, узнавание и изумление мешались в них с разочарованием. Так бывает, когда долго чего-то ждешь, держишь в памяти, тайком перебираешь свои драгоценности, а реальность почему-то отторгается и не совпадает с дорогими образами.

Окна в вагоне были полуоткрыты. Встречный воздух обдавал мое лицо, будоража чувства густым духом ожившей земли, волгой прелью, порывистым ароматом первых побегов, далеким струистым дымком и еще чем-то, что так сладко по весне кружит голову. Я незаметно успокоился, отдался во власть этим запахам, этим сменяющимся картинам, этим звукам, и на время забыл обо всем на свете. И тут случилось неожиданное. Момента появления я не уловил. Но вдруг увидел, как впереди, между мной и тем мужчиной, мелькает бабочка. Это было неведомое мне существо с черными бархатистыми крыльышками. Положение ее в воздухе противоречило законам земного притяжения. По всем правилам науки бабочка должна была парить в горизонтальной плоскости, а эта была устремлена в зенит. Но тут я догадался. Турбулентные потоки, видимо, так завихряли в вагоне воздух, что удерживали бабочку в вертикальном положении, заставляя танцевать ее на тонкой невидимой спице.

Я не искал сравнений. Я как завороженный смотрел на это чудо, а память, подготовленная ожиданием встречи, услужливо преподносила то, что осталось в минувшем июне. В воздухе стало что-то вызревать. Это две нити — серебряная нить памяти и золотая, из солнечной заоконной кудели, — накручивались на невидимое веретено. Соединясь воедино, они и являли мне то, к чему я так долго стремился. Сердце мое то опережало перестук колес, то совпадало, то отставало, то опять уносилось вскачь. “Неужели никто не видит?” — ужасался я. И тут же обмирал: “Только бы никто не увидел!” Боясь отвести взгляд и хотя бы на миг расстаться с чудесным видением, я украдкой стрельнул по сторонам, и тут, словно в зеркале, увидел себя.

Нет, это был не я. Но взгляд! Я увидел того мужчину, который сидел напротив. Черты его тяжелого лица оживились. Больше того — лицо стало одухотворенным. Еще больше — оно пылало восторгом. Наши с ним взгляды пересеклись. Легкая тень, словно облачная рябь, пробежала по его лицу, слегка притушив то, что только что мерцало. Но совсем от меня он не отгородился. Больше того, одолев первую настороженность, он даже улыбнулся. Правда, улыбнулся только кончиками усталых губ, отчего в улыбке мелькнуло нечто снисходительное или покровительственное, словно в число посвященных, в число заветных сообщников он меня не принял, но давал при этом что-то понять.

Мой взгляд метнулся к бабочке, как бы ища ответ на вопрос, и разом осекся. Бабочка выпала из турбулентного потока и теперь парила, как подобает бабочке, в горизонтальном положении. Но... Не успел я огорчиться, коснувшись ее одним только взглядом, как она вновь распласталась в вертикали, явив во всей наготе тот потаенный образ. И тут до меня наконец дошло: не турбулентные потоки вздымают бабочку в зенит, не воздушные струи из окна и вентиляционных отдушин удерживают ее в этом двусмысленном положении, а наши глаза — мои и мужчины напротив. Наши восхищенные, наполненные чувственной энергией взгляды возносят бабочку на невидимый пьедестал, творят вокруг нее телесное сияние, из которого каждый из нас лепит дорогой для сердца образ.

Разгадка всего прошедшего со мной приоткрылась спустя двадцать лет. Сперва я узнал, что автор очаровавших меня литературных этюдов — русский писатель-эмигрант, а сами этюды — это фрагменты из его давнего романа, призванного знатоками самым глубоким и проникновенным. Еще через пару лет мне попалась на глаза одна странная публикация. Молодежный еженедельник перепечатал послесловие к последнему роману писателя, вышедшего, естественно, за рубежом. Более того, в колонцифре стояло число “13”, чем публикаторы, видимо, подчеркивали его недостоверность. Однако я, стоило прочитать послесловие, ни на миг не усомнился в его подлинности.

“Мечта о возвращении в Россию жила во мне с той секунды, как пароход “Безнадежность” (пароход назывался “Надежда”. — Ред.) стал удаляться из Крыма, уменьшая в моих сухих глазах белый берег. В “Других берегах” я проговорился о том, как под фамилией Никербокер, по подложному паспорту прокрадусь на родину. Группа, в которую бочком прошел престарелый космополит Калмбруд, услужливо материализовалась из моего древнего русского рассказа, дабы посетить Санкт-Петербург, нового имени которого я, признаться, не упомню...

...Электричка отходила от Варшавского вокзала...

Везде, где ездит определенная категория русских людей, ездит и подсолнечная луга: семечки, — сказал Делаланд, — это четки простонародья...

...От усадьбы в Выре не осталось и камня, и это разительно странно среди неизменной, с детства затверженной топографии лесов, троп и телеграфных столбов. Из трех домов, стоявших над Оредежью, уцелел один флигель в Рождествено...

...Невозратимо! — стонало все во мне, пока, не стон издавая, а уже предсказанный прежде звон, подобный гудению проводов, шел я, мычащий от отчаяния, в Рождествено. Я не дождался до флигеля — единственного, что осталось... Но не только от того, что почувствовал край сил и старческое сердце умоляло о пощаде. Я увидел колдобину, на которой в 1913 году вывернулся руль своего велосипеда, упал на землю и зарыдал, не стесняясь, среди зеленоватого, призрачного морошенья. Почти невыносимая благость снизошла на меня".

Под текстом стояла подпись и дата: *Владимир Набоков, 30 апреля, 1973 года.*

Одно было странно в этой публикации — здесь не оказалось ни слова о бабочках. Я специально еще раз перечитал. Ни одного упоминания, ни единого намека. Я не поверил. Не может быть! Хотя бы одна да где-то меж строк затаилась. Например, здесь, где старое усталое тело соприкасается с родимой землей, душой почувствовав близость дедовских могил. Не бабочкой ли обернулась та душа? Не она ли это, облетев ближние пределы, родовые угodyя пращуров и вернувшись обратно, снизошла на старого человека "невыносимой благостью"?

Размышляя так, я сидел возле отворенного окна. Чувства мои зыблились и рябили. Я поймал себя на мысли, что верчу в руках маленько квадратное зеркальце. Глянув в него, я увидел сосредоточенный взгляд, а в нем какое-то отражение. А-а! — догадался я, подставил зеркальце к имени писателя. И тут случилось то, что и должно было произойти. Буква "В", обретя вторую половину, вдруг встрепенулась, взмахнула крыльшками, столь похожими окрасом и формой на крыльца Бархатницы Галатеи, что не успел я глазом моргнуть, она выпорхнула на волю. Ну, вот, — улыбнулся я, — а вы сомневались... ■

Dr. NEMO

рисунок Алексея Остроменецкого

Джон ДИКСОН КАРР

Загадка зеленой капсуль

Он помнил, как это началось в Помпеях. Ему никогда не забыть тихий жаркий полдень, тишину, нарушающую английской речью, красные олеандры в запущенных садах и девушку в белом. Она стояла среди туристов, которые в своих солнечных очках были похожи на людей, надевших маски.

Ему пришлось провести неделю в Неаполе, и, закончив неотложные дела, прежде чем отправиться в Рим и далее в Париж и Лондон, он решил посвятить свободное время осмотру достопримечательностей. Улица Надгробий привела его на окраину города. Он думал о возвращении домой, когда его внимание привлекло большое здание посреди могил. Очевидно, это была вилла, некогда принадлежавшая знатному патрицию. Заинтересовавшись, он поднялся по ступенькам и вошел в дом. В центральной комнате было мрачно и сырьо. Из нее вел проход в сад, украшенный пилястрами и залитый лучами осеннего солнца. Разрушенный фонтан окружали олеандры и пихты. У фонтана стояла девушка в белом — красивое овальное лицо, небольшие полные губы и серые широко расставленные глаза, придававшие ей добродушное выражение. Каштановые волосы были расчесаны на пробор и ложились на плечи локонами. Она стояла в непринужденной позе, разглаживая складки платья. И все же в ней чувствовалась какая-то нервозность. Молодой человек, невысокого роста, темноволосый, во фланелевом костюме и с кинокамерой в руках, прильнув к глазу, говорил:

— Ну, делай хоть что-нибудь, Марджори. Улыбнись или кивни головой, или зажги сигарету, только не стой, как истукан. Сделай что-нибудь! Если будешь все время стоять, у нас получится фотография, а не кинофильм.

— Откуда я знаю, что мне делать, Джордж!

— Я же говорю: улыбнись, кивни головой...

Она вымученно улыбнулась и беспомощно огляделась по сторонам, словно ища поддержки, потом подняла сумочку и помахала ею в воздухе. Во всех ее движениях чувствовалась скованность человека, не привыкшего держаться естественно перед кинокамерой. Наконец, не выдержав, девушка рассмеялась прямо в объектив.

— Мы только зря пленку тратим, — недовольным тоном режиссера с киностудии проговорил Джордж.

Стоя в дверях всего лишь в нескольких метрах от этой группы, он вдруг понял, что девушка была в неестественно нервном возбуждении, и румянец, заливавший ее щеки, совсем не свидетельствовал о крепком здоровье.

* Джон Диксон Кэрр (1906-1977) — классик английского детектива, написавший более семидесяти романов, несколько сборников рассказов и пьес. У нас известен как автор романа "Табакерка императора" и рассказов "Джентльмен из Парижа", "Тайна закрытой комнаты", "Рубин "Абас" и др.

— Ну, и что мне делать? — снова спросила она срывающимся голосом.

— Пройдись или что-нибудь в этом роде. Лучше иди направо. Я хочу снять колонны у тебя за спиной.

Наблюдавший за этой сценой пожилой джентльмен в очках, наполовину скрывавших его лицо, фыркнул в нос. Он был невысокого роста, худощавый, с обветренной кожей. Из-под панамы выбивались седые волосы.

— Экскурсанты, — проворчал он. — Вот вы кто на самом деле. Вам нужны колонны, а до Марджори дела нет. Вас не интересует вилла. Все что вам нужно, — это отснять Марджори в Помпейях, чтобы потом в Англии все видели, что вы побывали здесь. Это отвратительно.

— Что в этом плохого, Маркус? — прогремел стоявший рядом с ним крупный мужчина с короткой рыжей бородой. — Я решительно с тобой не согласен. Стоит нам оказаться в месте, где есть достопримечательности, как ты начинаешь их всячески избегать единственно потому, что это достопримечательности. Тогда, скажи на милость, какого черта ездить по свету и ничего вокруг себя не видеть? А между тем тысячи людей приезжают сюда, чтобы увидеть их, потому что они стоят этого.

— Веди себя прилично, Джозеф, — ответил человек в панаме. — И перестань орать. Ты не понимаешь и никогда не поймешь. Если ты такой любитель древностей, то скажи мне, что мы только что видели и где находимся.

— Это не сложно выяснить. Вы слышали вопрос, молодой человек? — Джозеф обратился к Джорджу.

Тот неохотно прекратил съемку и уложил камеру в футляр. Потом достал путеводитель из кармана и начал не спеша перелистывать страницы. Глядя на него, девушка рассмеялась. Откашлявшись, Джордж прочитал:

— Номер тридцать четыре. Вилла Арриуса Диомедеса, прозванного так единствено потому, что...

— Вздор, — перебил его Джозеф. — Это мы видели десять минут назад. В той вилле нашли скелеты.

— Какие скелеты? — взволнованно спросила девушка. — Мы там не видели никаких скелетов, доктор Джо.

Лицо доктора вспыхнуло румянцем, который не могли скрыть огромные темные очки.

— Я не сказал, что мы там видели скелеты, — ответил он, нахлобучивая на голову кепку из твида. — Я сказал, что там нашли скелеты. Это рабы, которые оказались в ловушке, засыпанные горячим пеплом. Когда их обнаружили, от них остались только скелеты, разбросанные по комнате, как кегли. Это произошло в доме с зелеными панелями.

Человек в панаме сложил руки на груди и язвительно заметил:

— Тебе это может показаться любопытным, Джо, только они не были...

— Что не были? — воскликнул доктор Джо.

— Не были зелеными! Я снова убеждаюсь в своей правоте. Средний, заурядный человек — ты или ты, или ты, — говорил Маркус, показывая пальцем на стоявших вокруг него людей, — не способен зафиксировать в сознании то, что видит собственными глазами. Ты лишен наблюдательности, Джозеф, не способен ничего увидеть. Вы согласны, профессор?

Только теперь человек, стоявший в дверях, обратил внимание еще на двух людей, очевидно, принадлежавших этой группе туристов. Один — пожилой, другой — помоложе. С помощью увеличительного стекла они рассматривали камень или кусок лавы, который подобрали на полу возле балюстрады. На обоих были темные очки.

— Забудем про Арриуса Диомедеса, — раздался голос из-за балюстрады. — Давайте выясним, чей это дом.

— Я нашел, — сказал молодой человек с камерой, держа перед собой путеводитель. — В тот раз я ошибся страницей. Это номер тридцать девять. Итак, номер тридцать девять, три звездочки. Дом Аулуса Лепидуса, отправителя.

В воздухе повисла тишина. До этого они казались обычными путешественниками, которые связаны между собой дружескими или родственными узами. О последнем свидетельствовало некоторое внешнее сходство и склонность иронизировать друг над другом. Доктор Джо и человек в панаме, Маркус, несомненно, были братьями. А девушка, Марджори, доводилась им родственницей. Атмосфера вокруг них продолжала сгущаться. Это заметили все, кроме самого Джорджа. Четыре пары солнечных очков устремились к девушке, на стеклах зловеще отражались лучи солнца.

— Кого, кого? — тревожно переспросил доктор Джо.

— Аулуса Лепидуса, отправителя, — ответил Джордж и дальше прочитал в путеводителе: — “По рисунку ивы с ободранной корой и меча в мозаичном полу при входе в главную комнату Молсен определил, что вилла принадлежала ...”

— Что он сделал? — перебил его Маркус.

— Секундочку. Вот, нашел. “Согласно Варро, отваром из ядовитых грибов он отравил пять членов своей семьи”. — Джордж с любопытством осмотрелся вокруг, как будто ожидал увидеть трупы. — Как видно, в то время можно было отправить на тот свет целую компанию и выйти сухим из воды, — добавил он от себя и замолчал, почувствовав воцарившуюся неловкость. После продолжительного молчания он спросил:

— Я что-нибудь не то сказал?

— О, нет, нет, — поспешило ответила Марджори, сохраняя удивительное самообладание. — Кстати, у дяди Маркуса есть хобби. Он исследует преступления. Правда, дядя?

— Да, это так, — подтвердил Маркус и повернулся к молодому человеку. — Скажите мне, м-р... Все время забываю, как вас зовут.

— Ты прекрасно знаешь, как его зовут, — воскликнула Марджори.

По тому, с какой почтительностью молодой человек ответил дяде Маркусу, было видно, что тот заменил ей отца.

— Хардинг, сэр. Джордж Хардинг.

— Итак, м-р Хардинг, не доводилось ли вам слышать про местечко, называемое Содбери Кросс, что неподалеку от Бата?

— Нет, сэр. А что?

— Мы живем там.

Маркус решительно отошел от всех и уселся на край фонтана. Сняв очки и панаму, он положил их на колено. Теперь стали видны его серые глаза и космы седых непокорных волос. Время от времени он потирал подбородок.

— Давайте смотреть фактам в лицо, м-р Хардинг, — продолжал Маркус. — Я полагаю, что у вас с Марджори не обычный флирт, который случается у молодых людей во время длительного путешествия на пароходе. Во всяком случае, вам так кажется.

Настроение в группе вновь изменилось, и тот, кто стоял вдверях, заметил это. С балюстрады послышался голос пожилого человека:

— Одну секундочку. Мы оставим вас одних.

Его фетровая шляпа на лысой голове съехала на затылок, а темные очки не могли скрыть круглого довольного лица, свидетельствовавшего о беззаботной жизни. Его спутник, молодой человек, был на редкость некрасив. Маркус посмотрел на них и резко произнес:

— Вздор! Вы не члены нашей семьи, но вам все прекрасно известно. Оставайтесь там, где находитесь. И оставьте неуместную деликатность.

— Вы считаете, дядя Маркус, что сейчас самое подходящее время и место, чтобы завести разговор на эту тему? — спокойно спросила девушка.

— Да, именно так я считаю.

— Браво, Маркус! — воскликнул доктор Джо. Его лицо выражало непреклонную решимость. — Ты, кажется, впервые в жизни прав.

— Хочу вас уверить в одном, сэр, — придав голосу твердость, начал Джордж, но Маркус перебил его.

— Я все знаю, м-р Хардинг. И, пожалуйста, не смущайтесь. Большинство молодых людей вступает в брак, и в этом нет ничего дурного. Но брак моей племянницы целиком и полностью зависит от моего согласия...

— И моего тоже, — упрямко вставил доктор Джо.

Маркус недовольно поморщился.

— Помолчи, пожалуйста. И согласия моего брата, — подтвердил он и продолжил: — Мы с вами познакомились на пароходе месяц назад, и, как только вы начали ухаживать за моей племянницей, я навел справки о вас через моего стряпчего в Лондоне. За вами ничего дурного не значится. На этот счет у меня к вам претензий нет. Но у вас нет ни денег, ни состоятельных родственников. Да, мне известно, что вы разработали технологический процесс, который может принести вам целое состояние. Но лично я не вложу в него ни пенни. Даже если от этого будет зависеть судьба моей племянницы. Меня ни в малейшей степени не интересуют "новейшие технологии". Тем более химические. Но если вы проявите терпение и благородство, возможно, и добьетесь успеха. Кроме того, вам с Марджори кое-что перепадет. Надеюсь, в этом вопросе у нас с вами полная ясность?

Лицо Марджори порозовело, но в глазах была твердость, и она полностью владела собой.

— Говори только — да, Джордж. Ничего другого от тебя здесь не ждут.

Человек в фетровой шляпе, до этого молчаливо наблюдавший за разговором с балюстрады, решительно замахал руками, как будто стараясь привлечь к себе их внимание.

— Секундочку, Маркус, — сказал он. — Ты хотел, чтобы Уилбер и я присутствовали на этом мероприятии, хотя мы не члены твоей семьи. Тогда позволь сказать. Если чувствуешь необходимость устроить перекрестный допрос молодому человеку...

Маркус холодно посмотрел на него.

— Мне бы хотелось, чтобы некоторые люди выбросили из своей головы странное представление о том, что задавать вопросы в любой форме непременно означает "перекрестный допрос". Достаточно того, что так считают писатели. Но, похоже, и вы, профессор, подвержены этому заблуждению. Я просто ближе знакомлюсь с мистером Хардингом. Понятно?

— Да, — тихо проговорил Джордж.

— Прекрасно. — Маркус поглубже усился на ограждение вокруг фонтана. На его лице появилась умирающая улыбка. — Значит, в этом вопросе у нас полная ясность. В свою очередь, вы имеете право ближе познакомиться с нами. Если полагаете, что мы богатые бездельники, которые три месяца в году проводят в путешествиях за границей, то вы решительно заблуждаетесь. Да, я богат, но терпеть не могу праздности. Сам не страдаю этим пороком и другим не даю. Я много работаю, но в большей степени считаю себя ученым, чем бизнесменом, хотя это нисколько не умаляет моих деловых качеств. Мой брат Джозеф — практикующий врач в Содбери Кроссе. Не бог весть какой, но его там любят. Он работает вопреки своей природной лени и отвращению к труду любого рода. Об этом я позабылся.

Доктор Джо покраснел от негодования.

— Успокойся, пожалуйста, — обратился к нему Маркус. — Дальше: Уилберт Эммет. Мой управляющий. — Он показал на некрасивого молодого человека, находившегося в обществе профессора. — Достаточно будет сказать, что жалование плачу ему я, и вы можете быть уверены, что он у меня работает. И, наконец, профессор Ингрэм. Он нигде не работает, но сие, увы, от меня не зависит. М-р Хардинг, я хочу, чтобы вы с самого начала поняли: я глава семьи. Я не тиран, более того, человек достаточно щедрый и рассудительный. Вам это каждый подтвердит. Но мне до всего есть дело. Я люблю докапываться до сути вещей. Вам это ясно?

— Да, сэр.

— Хорошо. — Маркус позволил себе улыбнуться. — Теперь вы можете спросить меня, что побудило нас отправиться в трехмесячное путешествие. Я вам отвечу: единственное то обстоятельство, что в Содбери Кроссе появился шизофреник, который находит удовольствие в массовом отравлении людей. — Снова воцарилось молчание. Маркус надел очки и шляпу. — Вы что, язык проглотили? Я не сказал, что у нас бьет фонтан с отравой. Я только сказал, что у нас появился шизофреник, который находит удовольствие в отравлении людей. Ради этого он отравил восемнадцатилетнюю девушку и трех ребятишек. Один из них скончался. Марджори была к нему особенно привязана.

Джордж с досадой посмотрел на путеводитель и поспешно засунул его в карман.

— Мне очень жаль, — расстроенно произнес он.

— Слушайте дальше. Марджори перенесла нервное потрясение и на несколько недель слегла в постель. Ее болезнь и некоторые другие обстоятельства заставили нас предпринять это путешествие.

— Она никогда не была особенно крепкой, — ни к кому не обращаясь, заметил доктор Джо.

— В среду из Неаполя мы отплываем домой, и я хочу, чтобы вы, м-р Хардинг, знали некоторые подробности того, что произошло в Содбери Кроссе семнадцатого июня этого года. У нас в городе живет миссис Терри. Она содержит кондитерскую лавку. Несчастные дети отравились стрихнином, который оказался в конфетах, купленных у нее. Полиция считает, что конфеты в лавке миссис Терри неизвестным образом были подменены на отравленные. Но все дело в том, что это мог сделать любой человек в Содбери Кроссе: конфеты свободно лежали на прилавке. И сделал это человек, известный в городке. Я ясно излагаю?

— Да, сэр.

— И сегодня я горю желанием как можно быстрее вернуться домой.

— К приличным сигарам и чаю, — мечтательно произнес доктор Джо.

— Я уверен, что могу разрешить загадку этого убийства, — продолжил Маркус. — Отчасти я знал ответ уже несколько месяцев назад. Но есть некоторые обстоятельства... Впрочем, сейчас об этом не стоит говорить. Если вы приедете к нам в Содбери Кросс, то окунетесь в не совсем обычную атмосферу. Вас не пугают всякого рода инсюниации и сплетни?

— Нет, сэр, — сказал Джордж.

Маркус поднялся с фонтана и пошел дальше по намеченному маршруту. За ним последовала вся группа.

Человек, стоявший в дверях, посмотрел им вслед. Они казались ему ожившей картиной в раме из античных пиластр. Он вышел из дома и, усевшись на мраморный блок, закурил. Из трещины высунулась голова ящерицы и тут же исчезла. Он задумчиво посмотрел на дымившийся Везувий.

Это был детектив-инспектор Эндрю МакЭндрю Эллиот из отдела криминальных расследований.

2

В ночь убийства в Беллегарде, в загородном доме Маркуса Чеснея, инспектор Эллиот выехал из Лондона в своей машине, составлявшей особый предмет его гордости, и прибыл в Содбери Кросс в половине двенадцатого. Стояла прекрасная и теплая ночь для начала октября.

В этом было что-то фатальное, подумал он. Ему не давали покоя случайно увиденная сцена в Помпеях и какое-то не совсем чистое дело в аптеке.

— Как всегда нам приходится идти по остывшему следу. Как будто нельзя было обратиться за помощью раньше, — с горечью в голосе сказал начальник отдела Хэдли, поручая расследование Эллиоту. — Ты хорошо справился с последним делом. Надеюсь, тебе удастся и здесь чего-нибудь добиться. Только не настраивай себя слишком оптимистично. Что тебе известно об этом деле?

— Только то, что в свое время прочитал в газетах, сэр.

— С тех пор как Чесней вернулись из поездки за границу, все закрутилось по-новой. Анонимные письма, надписи на заборах, и тому подобное. Что ни говори, грязное дело: отравленный ребенок.

Эллиот почувствовал нараставшее раздражение.

— Они считают убийцей кого-нибудь из семьи Чеснея, сэр?

— Не знаю. У майора Кроу, старшего констебля, свои идеи, и он обычно крепко за них держится. Так или иначе, он изложит факты. Майор хороший человек, и тебе будет неплохо работать под его началом. А если понадобится помочь, под рукой будет Фелл. Он в Бате проходит курс лечения. Ему все равно делать нечего.

У Эндрю МакЭндрю Эллиота, молодого серьезного шотландца, потеплело на сердце от мысли, что рядом с ним будет наход-

диться доктор Фелл, человек, с которым можно поделиться самым сокровенным, и Эллиот знал об этом.

В Содбери Кроссе, занимавшем промежуточное положение между городом и деревней и расположенным близ Лондонского шоссе, он без труда нашел полицейский участок, где его ожидали майор Кроу и суперинтендант Боствик.

— Извините за опоздание, сэр, — сказал он, входя в кабинет. — Я проколол шину, и мне пришлось повозиться, пока сменил ее на новую.

— Не беда, — сказал старший констебль. — Мы с Боствиком поздние пташки. Где решили остановиться?

— В Лондоне мне посоветовали “Синего льва”.

— Лучше места не придумать. С чего начнем: поднимете всех на ноги в гостинице или сначала поговорим о деле?

— Я бы начал с дела, если для вас не слишком поздно.

На минуту в кабинете стало тихо. Слышино было только тикание часов. Майор Кроу протянул коробку с сигаретами. Он был невысокого роста, с обходительными манерами, тихим голосом и аккуратно подстриженными седыми усами, из числа тех службистов, чьи успехи обычно вызывают удивление до тех пор, пока с ними не познакомишься ближе, и тогда невольно отдаешь им должное за их профессионализм. Старший констебль прикурил и, опустив глаза к полу, сказал:

— Это я должен перед вами извиниться, инспектор. Нам давно следовало обратиться в Скотланд-Ярд или не обращаться во все. Но, к сожалению, ситуация в Содбери Кроссе после возвращения Чеснэя с компанией из-за границы накалилась, и все требуют ареста девушки по имени Марджори Уиллс. Но для этого у нас нет веских оснований.

Эллиот, вопреки желанию, не стал комментировать слова майора Кроу.

— Вы поймете сложность расследования, если представите себе, как выглядит лавка миссис Терри, — продолжил майор Кроу. — Слева прилавок с сигаретами, справа — с конфетами и прочими сладостями. Между ними длинный и узкий проход, в конце которого находится библиотека с периодикой. Словом, едва развернешься.

Эллиот кивнул головой.

— Таких лавок всего три в Содбери Кроссе. И лавка миссис Терри самая посещаемая. У нее веселый нрав, и при этом она очень услужлива. После смерти мужа миссис Терри осталась одна с пятью малышами на руках. Можете себе представить, что это такое.

Эллиот снова кивнул головой.

— Вы, должно быть, знаете, как торгуют в таких лавках. Одни конфеты лежат за стеклянной витриной, а другие насыпаны в открытые коробки прямо на прилавке. У миссис Терри таких коробок было пять. В трех из них — конфеты с шоколадной начинкой.

кой, в одной просто шоколадные конфеты и в последней — карамель. Теперь представьте себе, что вы решили подбросить отправленные конфеты. Что может быть проще! Достаточно купить такие же конфеты, — а они везде продаются, — аккуратно ввести тонким шприцем стрихтин в начинку, — и этого никто не заметит, — и, наконец, явиться к миссис Терри (или в любую другую лавку) с отправленными конфетами, зажав их в кулаке. Дальше вы просите сигареты, и миссис Терри идет за ними к прилавку. Она поворачивается к вам спиной, и в этот момент вы подбрасываете отправленные конфеты прямо в коробку. За день в лавке проходит уйма народу, и кто сможет установить или доказать, что это сделали именно вы? Очень просто человеку, находящему в бесцельном убийстве удовольствие, проделать все именно так и остаться безнаказанным. Вот в чем наша трудность. — Майор Кроу остановился и, глубоко затянувшись, выпустил дым под потолок. После этого он продолжил: — Пожалуй, я начну с того, что расскажу о семье Маркуса Чеснэя и близких ему людях. Он живет примерно в четверти мили отсюда в большом доме. Вы могли его видеть по дороге сюда. Прекрасное имение. Все на высшем уровне. И называется оно Беллегард.

— Беллегард? — удивленно спросил Эллиот.

— Да, так называется сорт персиков, — ответил майор. — Вам никогда не приходилось слышать о теплицах Маркуса Чеснэя? Нет? У него пол-акра под ними. Его отец и дед выращивали персики, считавшиеся самым изысканным деликатесом по всей Англии. Теперь этим занимается Маркус. Причем он унаследовал секрет, который позволяет ему снимать урожай, когда для персиков еще не наступил сезон. Они продаются в самых дорогих ресторанах Вест-Энда по баснословным ценам. Маркус Чесней утверждает, что для выращивания персиков не имеют значения ни солнце, ни климат. И, как я слышал, его годовой доход выражается шестизначной цифрой. Что касается самого Маркуса, особой популярностью он здесь не пользуется. Неглупый, но крайне непокладистый человек. Или его откровенно не любят, или едва терпят, отдавая должное его уму и деловым качествам. Короче говоря, его избегают. Вообще, здесь принято считать, что семья Чеснэев не без странностей. Дальше Марджори Уиллс, племянница, дочь его сестры. Милая девушка, но с характером. Надеюсь, вас не обманет ее невинный вид. Иной раз она позволяет себе отпускать такие словечки, что уши горят. Джо Чесней, брат Маркуса. Врач. Он сполна искупает грехи всей семьи. Пользуется огромной популярностью у местных жителей. Шумный и добродушный. Хотя я лично не доверился бы ему как врачу. Но многие на него чуть ли не молятся. Живет отдельно от Маркуса. Тот терпеть не может пациентов. Теперь близкие к Маркусу люди, но не члены семьи. Как вы, наверное, догадались, их не много. Это, прежде всего, профессор Ингрэм. Он уже на пенсии. Живет в коттедже, недалеко от Беллегарда. И, наконец, Уилберт Эм-

мет. Не то управляющий, не то чернорабочий. О нем мало что известно, и никто им не интересуется. — Кроу сделал паузу и налил себе чашку кофе. — Итак, вернемся в недавнее прошлое. Семнадцатое июня, четверг. Базарный день. Народу в городе собралось предостаточно. До этого дня отправленных конфет в лавке миссис Терри не было. Это факт: накануне отмечали день рождения одного из ее малышей, и собирались его приятели. Миссис Терри угостила их конфетами из своей лавки. В том числе из коробки, в которой потом оказались отправленные конфеты. Никто не пострадал, и жалоб не было. Что касается непосредственно четверга, то нам удалось составить список посетителей за тот день. Это оказалось гораздо проще, чем может показаться, потому что почти все, кто приходил в лавку, брали также книги из библиотеки, а миссис Терри ведет регистрацию выданных книг. Среди посетителей в ней были Маркус и Джо Чесней. Приезжие в лавку не заходили.

Эллиот достал блокнот и, сделав несколько записей, спросил:

— А мисс Уиллс?

— Я как раз к этому подхожу. В лавку она не заходила, но в четыре часа дня после занятий в школе приезжала в Содбери Кросс на машине своего дяди с какими-то претензиями к мяснику. Выйдя от него, она заметила Френки Дейла, восьмилетнего мальчугана, сказала ему (это подтверждают свидетели): "Френки, сбегай в лавку миссис Терри и купи мне конфет с шоколадной начинкой на три пенса", и дала шесть пенсов. Мясная лавка находится примерно в пятидесяти ярдах от миссис Терри, и Френки сделал, как его просили.

— Одну минутку, сэр. — Эллиот перебил майора Кроу. — А до этого момента кто-нибудь покупал эти конфеты?

— Нет, — твердо ответил Кроу. — Раскупались конфеты с ликером, шоколадки, но только не конфеты с шоколадной начинкой. Итак, Френки получил от миссис Терри две унции конфет, что составило в общей сложности шесть штук. Вернувшись к мисс Уиллс, он отдал ей конфеты, находившиеся в небольшом бумажном пакете. В тот день шел дождь, и на мисс Уиллс был длинный плащ с глубокими карманами. В один из них она положила пакетик с конфетами, потом, словно подумав о чем-то, достала пакет из кармана, и, заглянув в него, сказала: "Френки, ты принес мне конфеты с белой начинкой, а я хотела с розовой. Беги к миссис Терри и попроси ее заменить конфеты". Миссис Терри высыпала конфеты с шоколадной начинкой обратно и дала Френки новые конфеты из другого ящика. Он отнес их мисс Уиллс, и та разрешила ему оставить сдачу. Дальше события развивались следующим образом, — продолжил майор Кроу, усевшись в кресло. — Френки купил себе тех самых конфет с белой начинкой из среднего ящика. После него в лавку пришла Лоис Картен, служанка Андерсонов, с их детьми и купила смесь конфет из трех ящиков. Все, кто пробовал конфеты из средней ко-

робки, потом жаловались на их исключительно горький вкус. Но чертенок Френки, истратив все свои деньги на конфеты, решил съесть их до конца. Примерно через час у него начались боли в желудке, а в одиннадцать часов несчастный мальчуган скончался. Малыши Андерсонов и Лоис Картен отделались легким испугом, если не считать того, что Лоис осталась без работы. Когда маленькая Дороти Андерсон откусила от своей конфеты, она тут же заплакала, жалуясь на горький вкус. Лоис из любопытства тоже откусила от этой конфеты, и теперь уже Томми Андерсон устроил скандал, требуя, чтобы и ему дали попробовать. Тогда Лоис решила проверить другую конфету, и та тоже оказалась горькой. Придя к выводу, что конфеты испорчены, она аккуратно сложила их в пакетик, чтобы потом пожаловаться миссис Терри. Итак, из них троих, к счастью, никто не умер, разве что Лоис всю ночь промучилась желудком. — Майор Кроу умолк. До этого он говорил спокойным и ровным голосом, но Эллиоту не понравилось выражение его глаз. Загасив сигарету, Кроу продолжил: — Я служу здесь двенадцать лет, но такого не видел. Сначала общее негодование, естественно, обрушилось на бедную миссис Терри. Ей выбили стекла. Она каталась в истерике. Отец несчастного Френки чуть с ума не сошел. Дня через два страсти поутихли, и люди стали задавать себе вопросы. Именно тогда доктор Джо громогласно заявил в пивной, что это было умышленное убийство. Френки съел три конфеты и в общей сложности проглотил шесть с четвертью гранов стrixhнина. Такое количество яда в конфете случайно оказаться не могло. Когда взяли на анализ конфеты из средней коробки, обнаружили среди них еще две отравленные конфеты. В пакете у Луиса их тоже оставалось две штуки. Если к ним прибавить три конфеты, которые начали есть он и дети Андерсонов, но выбросили из-за горького вкуса, то в общей сложности получится десять отравленных конфет. И в каждой из них доза, намного превышающая смертельную. Кто-то не просто шел на убийство, а хотел сделать смерть своей жертвы как можно более мучительной. Возможны три варианта. — Майор Кроу стал их перечислять, загибая пальцы. — Первый: конфеты отравила миссис Терри. Сегодня в это никто не верит. Второй: некто неизвестный незаметно подбросил отравленные конфеты в коробку, когда миссис Терри стояла к нему спиной. То, о чем я вам говорил раньше. И третий вариант: конфеты подбросила Марджори Уиллс. Когда Френки принес ей нормальные конфеты, у нее в кармане плаща уже лежали точно такие же, но отравленные. Она положила себе в карман первые и вынула вторые. Так произошла подмена. Потом, как вы помните, она попросила Френки вернуться к миссис Терри и взять другие конфеты. Та, ничего не подозревая,сыпала отравленные конфеты в среднюю коробку.

— Да, но... — хотел возразить Эллиот, но майор Кроу перебил его:

— Совершенно верно. Я знаю, что вы хотите сказать. В этом вся закавыка. Она вернула шесть штук, а в коробке оказалось десять отравленных конфет, и миссис Терри не могла не заметить разницы.

— Многие считают, что она могла ошибиться в спешке, — прощедил сквозь зубы молчавший до этого констебль Боствик. — Со Скотланд-Ярдом или без него, но мы доберемся до убийцы, — добавил он, скав в кулаки руки, лежавшие на коленях.

Майор Кроу посмотрел на Эллиота и слегка улыбнулся:

— Боствик обучен непредвзято подходить к расследованию любого дела. Но если он так считает, можете себе представить, что думают остальные. Обычно люди не склонны вдаваться в детали, а хватаются за то, что кажется очевидным. Их больше всего потрясла бессмыслица самого преступления.

— Значит, здесь считают мисс Уиллс убийцей, — задумчиво проговорил Эллиот.

— Вы помните аналогичное преступление Кристины Эдмундс? Тот же самый трюк с подменой конфет. Она вводила в них яд и отправляла ребенка точно таким же способом обменять их на другие.

— Но она была сумасшедшая и скончалась в Бродмуре, — возразил Эллиот.

— Многие считают, что мисс Уиллс окончит свою жизнь там же, — заметил Боствик.

— Но с другой стороны, невозможно доказать, что у нее был стрихнин, — продолжал майор Кроу. — Мы все проверили и не нашли никаких свидетельств, что она могла его похитить или купить, а стрихнин, как известно, на дороге не валяется. Надо сказать, местные жители выдвинули свою версию: Марджори — любимица доктора Джо, и тот, известный своей беспечностью, мог оставить яд у себя на столе, как пачку сигарет. Действительно, у доктора Джо имеется стрихнин, но он отчитался за каждый гран. Кроме того, миссис Терри божится, что Марджори Уиллс вернула ей шесть конфет. И, наконец, она не предприняла никаких мер предосторожности, в отличие от безумной Кристины Эдмундс. Та жила в большом Брайтоне и обращалась к случайным мальчишкам, которые ее не знали. Таким образом она старалась обезопасить себя от возможности быть узнанной. А что делает Марджори Уиллс? В таком маленьком mestechke, как наше, на глазах у свидетелей, она обращается с такой же просьбой к мальчишке, который прекрасно ее знает. Вы сами понимаете, с такими уликами любой адвокат в суде камня на камне не оставит от обвинения против мисс Уиллс. Нет, сегодня мы не вправе арестовать Марджори Уиллс только ради того, чтобы ублажить дядюшку Тома Коблей и компанию. Не стану скрывать, меня это нисколько не огорчает. Марджори симпатичная девушка, и, если не считать расхожего мнения,

что у всех Чеснек не все дома, сегодня ни в чем другом девушку обвинить невозможно.

— Но общее нерасположение к ней возникло еще до путешествия за границу? — спросил Эллиот.

— Да. Но после возвращения оно обострилось. Констебль Боствик опасается даже, что найдутся горячие головы, которые бросятся бить стекла в оранжереях Маркуса Чеснека. Впрочем, я этого не предвижу. Местные жители много болтают за пивом, но тяжелы на подъем. Они ожидают решительных действий со стороны полиции. И я готов сделать все, что в моих силах. — После недолгой паузы майор Кроу напряженно сказал: — У меня тоже есть дети, и я разделяю чувства жителей Содбери Кросса. К сожалению, надо сказать, что сам Маркус Чеснек подлил масла в огонь. Он всюду ходит и разглагольствует, что если мы не нашли убийцу, то он это сделает за нас.

— На днях он даже заходил ко мне с глупыми расспросами, — вставил Боствик.

— Какими? — живо спросил Эллиот.

— Хотел знать точный размер коробки, в которой лежали отправленные конфеты. Когда я его спросил, зачем ему это, он взорвался и замахал на меня руками. Тогда я посоветовал ему обратиться с этим вопросом к миссис Терри. На это он ответил, что у него был еще один вопрос, но коль скоро я такой дурак, он больше ни о чем спрашивать не станет, а ответственность за все последствия придется нести мне. Оказывается, мне всегда не хватало наблюдательности и, как теперь выяснилось, мозгов тоже. После этого он хлопнул дверью и ушел.

— Да, это его навязчивая идея: люди смотрят, но не видят, — усмехнулся майор Кроу.

— Я знаю, — проговорил Эллиот и тут же спохватился.

— Знаете? — удивленно переспросил майор Кроу.

Эллиоту не пришлось отвечать на вопрос, поскольку в эту минуту раздался телефонный звонок. Майор Кроу нетерпеливо посмотрел на часы. Стрелки показывали двадцать минут первого. Трубку взял Боствик. Майор Кроу и Эллиот погрузились каждый в свои думы. Боствик напряженно слушал, и лоб у него покрылся испариной.

— Это доктор Джо, сэр, — сказал он, обращаясь к майору Кроу. — Лучше вам поговорить с ним.

Майор взял трубку и тяжело уселся в кресло. Около минуты он внимательно слушал, и до Эллиота доходил звучный голос доктора Джо. Когда разговор закончился, Кроу осторожно повесил трубку и посмотрел на Эллиота.

— Маркус мертв, — сообщил он. — Доктор Джо считает, что отравлен цианидом.

В комнате наступила напряженная тишина, было слышно только, как идут большие настенные часы. Молчание прервал майор Кроу:

— Похоже, последним вздохом он подтвердил свою теорию. Насколько я понял, его отравили у всех на глазах, и никто не может объяснить, как это произошло.

3

Загородный дом Чеснеков не претендовал на то, чтобы казаться родовым имением, и, тем не менее, впечатлял своими размерами и архитектурой. Выложенный из желтого голландского кирпича, с голубым фронтом, он потемнел от времени. Сверху его венчала крутая крыша. Но эти подробности Эллиот узнал позднее, а сейчас в кромешной тьме он с трудом разглядел только общий силуэт здания с темным фасадом и невольно поразился яркому свету, лившемуся из одного из боковых окон.

Эллиот остановил машину, и майор Кроу с Боствиком вылезли из задней двери.

— Извините, — остановил их Эллиот. — Прежде чем мы войдем в дом, я хотел бы знать мой официальный статус. Меня направили сюда по делу об отравлении в кондитерской, но это...

— Я вижу, вы любите ясность, — улыбнулся майор Кроу. — Оно, пожалуй, к лучшему. Вы будете вести это дело, дружище. Вы и только вы. Я лишь узнаю, что здесь произошло, и сразу отправлюсь домой спать. Действуйте, инспектор.

Эллиот прошел мимо парадного входа и обогнул угол дома. Беллегард оказался не таким просторным, как этого можно было ожидать, глядя на него с фасада. По боковой стене располагались три комнаты с французскими окнами, выходившими на узкую лужайку вдоль дома, ограниченную посаженными в ряд каштанами. Первая комната была абсолютно темной. Зато свет из второй и особенно третьей комнаты придавал всему театральный эффект, вырывая из ночи чуть ли не каждую травинку, каждый листик на каштанах.

Эллиот заглянул в первую из двух освещенных комнат. Французские окна с тяжелыми портьерами были распахнуты. Рояль, граммофон и расставленные в беспорядке стулья — больше в комнате ничего не было. Позже он узнал, что это музыкальная комната. Двустворчатые двери (закрытые в тот момент) вели в третью комнату.

— Хелло, — крикнул Эллиот в распахнутое окно с толстыми портьерами.

Ему никто не ответил. Он пошел дальше и невольно остановился. На лужайке между домом и деревьями, возле самых окон, валялся поразительный набор вещей. Первым ему бросился в глаза высокий старомодный цилиндр с потертым ворсом. Рядом с ним лежал длинный плащ с глубокими карманами, тоже порядком поношенный. Потом он увидел шарф и темные очки. И, наконец, черную кожаную сумку размером больше саквояжа, но меньше чемодана, на которой было написано "Д-р Немо".

— Здесь, кажется, кто-то переодевался, — заметил майор Кроу.

Эллиот ничего не ответил. Как завороженный, он смотрел в глубь комнаты. Очевидно, это был кабинет. В центре его стоял широкий стол, на котором лежали блокнот и подставка для ручек. Позади стола стоял стул, на котором, лицом к двери, ведущей в музыкальную комнату, сидел человек. Бронзовая лампа была установлена на столе таким образом, что свет от нее падал исключительно на стол и сидящего за ним человека.

Это был Маркус Чесней. Его руки вцепились в край стола, как будто он пытался встать, но вздувшиеся на лбу вены, посиневшее лицо и следы пены в уголках губ выдавали в нем мертвеца. За спиной Маркуса Чеснея на камине стояли часы. Их маятник деловито раскачивался из стороны в сторону, а стрелки показывали 12.25.

— Он мертв, — сказал майор Кроу. — И посмотрите...

— Да, сэр? — спросил Эллиот.

— Похоже, он умер мучительной смертью.

— Вы правы, сэр.

— По словам доктора Джо, его отравили цианидом. А разве это не означает мгновенную смерть?

— Нет, сэр. Он действует быстро в том смысле, что проходят минуты, прежде чем...

Эллиот замолчал. Все увиденное ему казалось театральной постановкой: на сцене в свете рампы Маркус Чесней, за кулисами разбросан реквизит — цилиндр, плащ, очки, шарф и сумка, и не хватает только, чтобы за раздвижными дверями оказался зал, в котором сидят зрители. Эллиот сверил свои часы с часами на камине. Время сошло. Он записал его в блокнот и вошел в комнату.

Изо рта Макуса исходил сильный запах горького миндаля. Он умер совсем недавно. Рука в последнем усилии продолжала сжимать ручку кресла. На покойнике был смокинг, в нагрудном кармане которого виднелась сложенная бумажка. Кроме блокнота и подставки для ручек, Эллиот теперь увидел на столе плоский синий карандаш, лежащий на блокноте, и двухфунтовую коробку недорогих конфет, украшенную незатейливым рисунком из синих цветочков. На крышке коробки было написано "Шоколадные конфеты с кремовой начинкой".

— Хэлло, — раздался голос, и в распахнутую дверь вошел Джозеф Чесней. Его шаги заглушал толстый ковер. Находясь в свете яркой лампы, Эллиот с трудом разглядел его. — А, это вы, майор. И Боствик. Слава Богу, — сказал доктор, тяжело дыша.

— Куда все подевались? — спросил майор Кроу. — Это инспектор Эллиот. Он приехал из Скотланд-Ярда, чтобы оказать нам помошь. Надеюсь, вы расскажете нам, что здесь произошло.

— Вот как раз этого я не знаю! — воскликнул доктор Джо и с любопытством уставился на Эллиота. — Не могу же быть в двух местах сразу. Я наверху занимался другим пациентом.

— Другим пациентом?

— Да. Уилбером Эмметом.

— Уилбером Эмметом? — повторил майор. — Надеюсь, что он...

— О, нет. Он жив, хотя получил кошмарный удар по затылку. Сотрясение мозга. Послушайте, а не лучше ли нам пройти в соседнюю комнату? Он меня ничуть не смущает, — доктор Джо показал на Маркуса Чеснея, — но эта лампочка для фотоспышки не долго протянется и перегорит в самый неподходящий момент. Как раз тогда, когда вы найдете ключ к разгадке. Так, кажется, у вас это называется.

Эллиот достал носовой платок и осторожно вывернулся лампу. Первым в музыкальную комнату выскочил доктор Джо. Последним вышел майор Кроу и аккуратно закрыл за собой дверь.

— А теперь, если не возражаете, — обратился он к Джозефу Чеснею, — Боствик воспользуется вашим телефоном и вызовет эксперта и врача.

— Врача?! — возмутился Джо. — Я сам врач и заявляю официально: мой брат Маркус Чесней мертв.

— Послушайте, Джо, — поморщился майор Кроу, — вы прекрасно знаете, что таков порядок.

— Если вы ставите под сомнение мою профессиональную пригодность...

— Ерунда, приятель. Теперь дело за вами, инспектор.

Джо повернулся к Эллиоту.

— Значит, вы из Скотланд-Ярда? — Эллиот кивнул головой, и после короткого раздумья доктор Джо удивленно произнес: — Постойте, постойте, но как вы могли так быстро добраться сюда из Лондона?

— Я приехал сюда по другому делу, — ответил Эллиот. — Отравление в лавке миссис Терри.

— Ну и работенку вам подсунули, — вздохнул доктор Джо.

— Не могли бы вы, доктор, рассказать в общих чертах, что здесь произошло?

— Балаган! — взорвался Джо. — Сущий балаган. Маркус решил устроить маленькое представление, и это ему сполна удалось.

— Представление?

— Я не знаю, чем они тут занимались без меня, но могу рассказать, к чему они готовились. Об этом они спорили весь обед. Словом, старая песня. Маркус снова утверждал, что 99 процентов всех людей абсолютно не годятся в свидетели. Если даже у них на глазах случится пожар или произойдет катастрофа, потом они дадут такие противоречивые показания, что с ними нечего будет делать. Кстати, это верно?

— Очень часто — да, — ответил Эллиот.

— Никто не согласился с Маркусом. По разным причинам. Но все сошлись в одном: уж их-то не проведешь. Я и сейчас уверен, что из меня выйдет первоклассный свидетель, — с достоинством проговорил Джо. — Маркус решил нас всех испытать. Он сказал, что устроит небольшой спектакль, а потом задаст нам вопросы о том, что мы видели. Он был уверен, что мы ошибемся в ответах как минимум на шестьдесят процентов. — Джо повернулся к майору Кроу. — Ты ведь знаешь Маркуса. Если ему что взбредет в голову, он сразу берется за дело. Так вышло и с этим спектаклем. Он его поставил, и в самый разгар кто-то явился на сцену и отправил Маркуса на тот свет. Если я правильно понял, все это произошло у них на глазах, и, тем не менее, они говорят о разных вещах.

Доктор Джо замолчал. Лицо у него пылало, и, видя выражение его глаз, Эллиот на секунду испугался, что с ним может произойти нервный срыв и начнется истерика. Но в этот момент вмешался майор Кроу.

— Они могут описать убийцу? — спросил он.

— В самых общих чертах. Он был закутан с головы до пят, как человек-невидимка.

— То есть?

— Длинное пальто, воротник торчком, темные очки, большой шарф вокруг шеи, шляпа надвинута на самые уши. Страшно представить себе, как это чудовище входит в кабинет Маркуса... Они думали, что он участник представления.

— Извините, доктор Джо, вы все время говорите "они". А кто они? — спросил Эллиот.

— Как кто? Профессор Ингрэм, Марджори и Джордж, не помню фамилии.

— И это все?

— Да, насколько мне известно. Маркус хотел, чтобы я тоже присутствовал на спектакле, но у меня было много вызовов. Правда, он решил его устроить поздно вечером, но я не хотел связывать себя обещаниями и сказал ему, что если меня не будет без четверти двенадцать, пусть начинают без меня.

— Так во сколько начался спектакль?

— Говорят, около двенадцати. Хоть в этом все согласны.

— Значит, вы ничего не можете сказать про убийство?

— Нет. Как раз в это время я выходил от пациентки на другом конце города. Исключительно тяжелые роды. Я приехал в десять минут первого. Бедняга Маркус был уже мертв и не нуждался в моей помощи. — Он замолчал, задумавшись, и вдруг его лицо озарилось: — Вот что я вам скажу, инспектор, в этом деле есть одна положительная сторона: больше никто не посмеет сказать, что моя племянница — отправительница. Нет-нет. Мне об этом не говорили в лицо. Только посмели бы! Но за спи-ной... Теперь им придется прикусить языки. Кто бы ни убил

Маркуса, но только не Марджори. Одно это стоило смерти брата.

Он замолчал, и в этот момент вошла Марджори Уиллс. Она быстро и беззвучно прошла по толстому ковру к доктору Джо и положила руку ему на плечо:

— Поднимись наверх. Мне не нравится, как дышит Уилбер.

Она отвернулась от Джо и обвела взглядом остальных, кто находился в комнате. Сначала ее глаза ничего не выражали, но, остановившись на Эллиоте, они сузились, словно Марджори пытается что-то вспомнить.

— Мы с вами раньше нигде не встречались? — спросила она.

4

— Не думаю, мисс Уиллс, — резко ответил Эллиот. — Вы не присядете?

Его тон вызвал удивление у майора Кроу и замешательство у Марджори Уиллс. Она озадаченно посмотрела на него. Никогда раньше он так остро не ощущал присутствие другого человека. Ему казалось, что он заранее знал каждое ее движение, как она повернет голову или коснется волос.

— Успокойся, детка, — сказал доктор Джо, взяв ее за руку. — Это инспектор из Скотланд-Ярда.

— Из Скотланд-Ярда? — повторила девушка и разразилась истерическим смехом.

У Эллиота навсегда остались в памяти блестящие каштановые волосы, разделенные пробором и зачесанные за уши, широкий лоб, изогнутые брови и задумчивые серые глаза. Она не показалась ему такой прекрасной, как тогда в Помпеях, но сейчас для него это не имело значения.

— Извините, — сказала она, отрывая от него задумчивый взгляд, — боюсь, я вас не расслышала.

— Вы не присядете, мисс Уиллс? — повторил Эллиот. — Нам бы хотелось услышать, что вы можете сказать о смерти дяди.

Она быстро взглянула на приоткрытую дверь, которая вела в кабинет, потом опустила глаза к полу и, несколько раз сжав кулаки, подняла глаза на Эллиота. По крайней мере внешне она казалась спокойной. Она снова посмотрела на комнату, где находился Маркус Чесней, и озадаченно проговорила, как бы обращаясь к самой себе:

— Но ведь лампочка не могла перегореть так быстро, — и повернувшись к Эллиоту, добавила: — Вы приехали арестовать меня?

— Нет, — смутившись, ответил Эллиот.

— Тогда что вы хотите от меня?

— Чтобы вы рассказали все, что вам известно. А вас, доктор Джо, я попрошу подняться к своему пациенту.

Его спокойная учтивость и взвешенный подход начали приносить свои плоды. Марджори Уиллс успокоилась, дыхание ста-

ло ровным. Она взяла стул, предложенный Эллиотом, уселась на него, положив ногу на ногу, и спросила:

— Скажите, инспектор, мы можем остаться в этой комнате?

— Да, конечно, — ответил Эллиот.

Она вскинула на него глаза, и после едва заметного замешательства он продолжил:

— Насколько я понял, мисс Уиллс, все началось со спора за обедом.

— Да.

— Кто его начал?

— Дядя Маркус. У него была теория. А если у дяди была теория, он обязательно должен был проверить ее на практике. И он решил проверить нашу наблюдательность. Вот результат. — Она кивнула головой в сторону кабинета.

— Кто начал этот спор? Я имею в виду, завел разговор на эту тему?

— Дядя Маркус, — ответила девушка.

— И вы с ним не согласились?

— Нет.

— Почему?

— Какое теперь это имеет значение? — нетерпеливо сказала она, но, встретив твердый взгляд Эллиота, неохотно продолжила: — Почему? Скорее всего, от нечего делать. Здесь стало невыносимо после поездки за границу. Даже с Джорджем. Он мой жених. Мы познакомились на пароходе. И потом, дядя всегда был так уверен в своей правоте, что я не захотела с ним согласиться. К тому же, я действительно верю в то, что сказала ему однажды.

— Что вы ему сказали?

— Все мужчины крайне ненаблюдательны, — спокойно ответила Марджори. — Вот почему вы такие плохие свидетели. Вы вечно заняты своими проблемами, делами и ни на что не обращаете внимания. Не смотрите по сторонам. Хотите доказательство? Пожалуйста. Вы вечно шутите над тем, что каждая из нас придирчиво рассматривает все в туалете другой женщины, вплоть до малейшей детали на поясе или браслете. Неужели вы думаете, что мы не видим, как одеты мужчины? Конечно же, видим. Поэтому дело вовсе не в том, что мы, женщины, так ревниво относимся друг к другу. Это вопрос наблюдательности. Вы сами когда-нибудь обращали внимание на то, как одеты другие люди? Другой мужчина? Думаю, что нет. Если только он не одет во что-то выходящее за рамки приличий, вы просто не заметите, какой на нем костюм. А такие вещи, как ботинки или носки? Вы разве замечали их?

— Одну минутку, мисс Уиллс, — сказал Эллиот, спокойно выслушав девушку. — Если вы не против, давайте вернемся к нашему делу. Кто еще не согласился с мистером Чеснеем?

— Дядя Джо из принципа. Профессор Ингрэм — самым решительным образом. Он профессор психологии и заявил, что у

него профессиональная наблюдательность. Предложил даже дяде пари на пятьдесят фунтов.

Она посмотрела на стул, где сидел доктор Джо, но тот уже не заметно поднялся наверх к Уилберу Эммету. В комнате остались Боствик и майор Кроу.

— А ваш жених?

— Джордж? Он тоже не согласился и даже настоял на том, чтобы ему разрешили все заснять на пленку.

Услышав это, Эллиот чуть не подпрыгнул на стуле.

— Что?! Убийство заснято на пленку? — ошарашенно спросил он.

— Ну да. Именно поэтому мы ввернули лампочку от фотовспышки, а то освещение было слабым.

— Понятно. — Эллиот перевел дыхание. — Скажите, пожалуйста, мисс Уиллс, кто должен был присутствовать на представлении мистера Чеснэя?

— Профессор Ингрэм, Джордж и я.

— А Эммет? — спросил Эллиот, стараясь больше не думать о пленке.

— Нет-нет. Он был участником и помощником дяди Маркуса. Ему отводилась роль человека в цилиндре. Вот как это было. После обеда дядя и Эммет остались вдвоем, чтобы подготовить спектакль. Они выбрали кабинет как место действия, а мы должны были сидеть в этой комнате, как в зрительном зале, и наблюдать за всем, что происходит. Уилбер должен был явиться в немыслимом костюме, и чем немыслимее, тем лучше, чтобы нам труднее было потом его описать. Вместе с дядей они собирались разыграть какую-то пантомиму, а потом мы должны были ответить на вопросы, которые подготовил дядя, и при этом как можно меньше ошибиться. Около полуночи дядя позвал нас сюда и прочитал нам целую лекцию о том, что нам надо делать.

— Извините, — вмешался Эллиот, — вы сказали "около полуночи". Не поздно ли?

— Может быть, — поморщившись, ответила Марджори. — Во всяком случае, профессор Ингрэм был очень недоволен и хотел уйти домой, но дядя Маркус настоял на своем. Мы кончили ужинать в 9.15. А потом занимались кто чем мог. Я с Джорджем без конца играла в рами.

— Мистер Чесней объяснил вам, почему решил начать свой спектакль так поздно?

— Да. Он ждал дядю Джо. Но когда дядя не появился без пятнадцати двенадцать, он решил начать без него.

— Скажите, мисс Уиллс, в тот момент вам было известно, что Эммету отведена роль в этой, как вы сказали, пантомиме?

— О, нет. Мы не видели Уилбера с того момента, как закончился обед. Мы знали, что дядя заперся в двух комнатах и готовит спектакль.

— Продолжайте, пожалуйста, мисс Уиллс.

— Когда дядя Джо не пришел без четверти двенадцать, дядя Маркус собрал нас в этой комнате и объяснил, как мы должны вести себя во время спектакля.

— Вы в точности помните, что он сказал?

— Думаю, да, — кивнув головой, ответила Марджори. — “Во-первых, — сказал он, — вы будете сидеть в абсолютной темноте”. Но Джордж стал возражать, потому что в темноте невозможно снять фильм. Тогда дядя Маркус объяснил ему, что он взял у меня специальную лампочку для фотовспышки, которую я купила для него сегодня утром. Он установил ее в кабинете таким образом, чтобы свет от нее падал только на то место, где разыгрывается спектакль. — После некоторого раздумья она добавила: — И все-таки, в этом был какой-то подвох.

— Почему вы так считаете? — спросил Эллиот.

— Это было написано на лице у дяди Маркуса, — воскликнула девушка. — Невозможно прожить столько лет с человеком, сколько я прожила с дядей, и не знать его. И потом, он сам сказал об этом. “Во-вторых, вы не должны переговариваться или вмешиваться в действие, чтобы ни происходило у вас на глазах. Будьте внимательны. Вас ждут ловушки”. Вот его слова. Сказав это, он ушел к себе в кабинет и закрыл за собой дверь. Профессор Ингрем погасил свет, через несколько секунд дядя Маркус распахнул дверь на всю ширину, и представление началось. Сама не знаю почему, я очень волновалась. Сначала в комнате он был один. Медленно подошел к столу и сел к нам лицом. Лампа для фотовспышки была ввернута в настольную лампу с бронзовым абажуром. Свет падал на дядю Маркуса. Часы на камине показывали полночь. Перед дядей на столе лежали коробка конфет, блокнот, карандаш и ручка. Сначала он взял карандаш и сделал вид, что пишет им. Потом — ручку, и тоже что-то написал. Затем положил их на стол и повернулся лицом к окну. Вот тогда через французское окно со стороны лужайки и вошло ужасное существо в цилиндре и очках. Это был человек около шести футов ростом, не считая цилиндра. В грязном длинном плаще с поднятым воротником. В руках он держал что-то вроде саквояжа. Конечно, мы не знали, кто это был. Он мне сразу не понравился. Был похож на насекомое. Длинное и тонкое. Джордж, — он снимал все на пленку, — увидев его, сказал: “Тсс... Человек-невидимка”. Тот прошел на середину комнаты и повернулся к нам лицом. Потом поставил саквояж на стол и, повернувшись спиной, прошел к другой стороне стола. Все это время стояла абсолютная тишина. Дядя Маркус сказал: “Ты сделал сейчас то, что делал раньше. Что ты сделаешь теперь?”. Человек быстро достал из кармана небольшую коробку и вынул из нее зеленую капсулу — такие дают детям. Запрокинув дяде голову, он быстро засунул капсулу ему в рот. — Марджори замолчала и, положив руку на горло, откашлялась. Не в силах отвести глаз от комнаты, где находится Маркус Чесней, она раз-

вернула свой стул так, чтобы сидеть к ней спиной. Эллиот последовал ее примеру.

— И?

— Я ничего не могла поделать с собой. Я не то закричала, не то подпрыгнула на стуле или что-то в этом роде. Конечно, я не должна была этого делать, потому что дядя предупредил нас ни во что не вмешиваться во время его спектакля. К тому же, все выглядело пока нормально. Дядя проглотил капсулу с видимой неохотой и внимательно посмотрел в лицо этому существу. Тот быстро взял саквояж со стола и снова вышел в окно. Дядя Маркус просидел несколько секунд за столом, заглатывая капсулу. Потом сдвинул коробку с конфетами в сторону и вдруг упал лицом на стол. Нет, нет, он притворился, — воскликнула Марджори, заметив невольное движение Эллиота. — Это было частью представления и означало, что оно закончилось, потому что сразу после этого он встал и, улыбаясь, подошел к двери и закрыл ее. Как будто занавес опустил. Мы включили свет, и профессор Ингрэм постучал в дверь, требуя, чтобы дядя вышел на "бис". Дядя открыл дверь. Он выглядел довольным и в то же время обеспокоенным. Постучал себя по нагрудному карману и сказал: "А теперь, друзья, приготовьте ручки и бумагу. Вы будете отвечать на мои вопросы". Профессор Ингрэм спросил его, кто был этим чудовищем. "Всего лишь Уилбер", — ответил дядя. — Он мне во всем помогал. Уилбер, входи, — позвал дядя. Но Уилбер не вошел. Дядя снова стал его звать, но Уилбер так и не появился. Тогда дядя рассердился, и мы все вышли на улицу. Теперь уже свет горел в обеих комнатах. Нам сразу бросились в глаза цилиндр, очки и сумка с надписью "Д-р Немо", но Уилбера нигде не было видно. Мы нашли его за деревом. Он лежал без сознания, уткнувшись лицом в землю. Трава под ним была залита кровью, капавшей изо рта и носа, затылок на ощупь оказался мягким. Рядом с ним валялась кочерга. — Лицо Марджори ужасно исказилось, и она прошептала: — Человек в цилиндре был вовсе не Уилбер.

5

— Не Уилбер? — повторил за ней Эллиот. Он понял, что имеет в виду девушка, и фигура в нелепом одеянии ожила в его воображении.

— Я еще не все рассказала про дядю, — продолжила Марджори Уиллс. — Не знаю, когда это началось, но, помогая поднять Уилбера с земли, я вдруг заметила, что с дядей творится что-то неладное. Откровенно говоря, мне самой чуть плохо не стало. Он уперся рукой в дерево и стоял согнувшись. Свет из окна падал прямо на него, и я видела, как у него посинело лицо. Задыхаясь, он ловил ртом воздух. Я спросила: "Дядя, что с тобой?" Он только замотал головой и сделал движение, как будто хотел меня отпихнуть. Я, наверное, закричала в этот момент, и к нам подошел профессор Ингрэм. Он протянул дяде Маркусу руку, но дядя от-

толкнул ее и начал бить ногой по земле. — Она закрыла лицо руками. — Потом он начал бегать, не в силах терпеть боль. Вы понимаете, бегать. Я никогда не забуду этого. Вздохнув, мальчики шажками. Джордж и профессор пытались схватить дядю, но он вырвался из рук и бросился в кабинет. Возле стола он упал. Мы усадили его в кресло. За все это время он не сказал ни слова. Я пошла звонить дяде Джо. Я знала, где его найти. Он принимал роды у миссис Энсворт. Когда я звонила, он как раз вернулся домой, но было уже поздно. К этому времени по всей комнате распространился запах горького миндаля, и все-таки я на что-то надеялась. Джордж сказал мне: «Уходи. Ты ему ничем не поможешь. Я знаю, что это такое». — Она замолчала. Казалось, последние силы покинули ее.

— Не повезло, — пробормотал майор Кроу, может быть, не к месту, но искренне. Бостwick не проронил ни слова. После паузы Эллиот сказал:

— Мисс Уиллс, я понимаю ваше состояние...

— Ничего, ничего. Спрашивайте.

— Как вы думаете, не могли вашему дяде вместе с зеленой капсулой подсунуть яд?

— Конечно. Именно так все и было. Яд подействовал на дыхательные центры, и дядя не мог ничего сказать, только все время показывал на горло.

— Больше он ничего не глотал?

— Нет.

— Вы не могли бы подробнее описать эту капсулку?

— Да, конечно. В таких обычно детям дают кастрюльку. Размером она с виноградину, из густого желатина. У нас в Содбери Кроссе многие пользуются такими.

— Значит, вы считаете, что перед спектаклем кто-то оглушил мистера Эммета, надел его странный костюм, исполнил его роль и вместо обычной капсулы подсунул мистеру Чеснею отравленную?

— Да, — ответила Марджори.

— Благодарю, мисс Уиллс. Не смею больше вас задерживать. Вы знаете, где находятся профессор Ингрэм и мистер Хардинг?

— Да. Они наверху с Уилбертом Эмметом.

— Попросите их, пожалуйста, спуститься. Да, извините, еще один вопрос.

Девушка удивленно посмотрела на Эллиота.

— Вы довольно подробно описали нам, как был одет этот человек, но ничего не сказали о брюках и ботинках.

— О его...

— Да, именно о брюках и ботинках. Некоторое время назад вы сказали, что всегда обращаете на них внимание.

— Свет падал на стол, и возле пола было темно. Но, думаю, я могу их описать. Да, это были обычные вечерние брюки, в каких выходят к ужину, и черные лакированные туфли.

— Скажите, мисс Уиллс, за обедом все мужчины были в смокингах?

— Да, кроме дяди Джо. У него были вызовы, и он считает, что черная одежда плохо действует на пациентов.

— У вас в доме принято специально одеваться к ужину?

— Нет. Но дядя Маркус сегодня настоял на этом.

— Впервые?

— Впервые с тех пор, как у нас собирались гости. Хотя вряд ли стоит считать гостями профессора Ингрэма или Джорджа.

— Спасибо, мисс Уиллс. У меня больше нет к вам вопросов. Если их нет у мистера Кроу и мистера Боствика, то вы можете идти.

У них вопросов не было, и Марджори вышла из комнаты, плотно закрыв за собой дверь. Лицо Боствика приняло зловещее выражение. Оторвавшись от рояля, майор Кроу начал расхаживать по комнате.

— Должен признаться, — сказал он, — меня мало удовлетворил рассказ мисс Уиллс.

— Меня тоже, — подхватил Боствик.

— На поверхности все очень просто, — продолжал майор. — Кто-то подслушал, что готовили Маркус с Эмметом, потом этот кто-то убрал Эммета и занял его место, чтобы подсунуть отравленную капсулу. Расчет был прост. Пройдет минута-другая, прежде чем рассосется желатин, и яд начнет действовать, так что ничего удивительного, что Маркус не сразу понял, что его отравили. А когда понял, было уже поздно. После этого убийца скинулся с себя маскарадный костюм и скрылся. Но...

— Зачем покушаться на Эммета? — удовлетворенно подхватил Боствик.

Впервые за весь вечер Эллиот подумал, что в неуклюжем полицейском больше проницательности, чем можно было подумать, глядя на него.

— Вот именно, — согласился майор Кроу. — Зачем убивать Эммета, вместо того чтобы подсунуть ему отравленную капсулу и дать возможность сыграть свою роль до конца? Зачем весь этот риск: покушаться на него, переодеваться в его костюм — где гарантия, что Маркус Чесней не заметит подмены, — входить в кабинет Маркуса и у всех на глазах засовывать ему в рот отравленную капсулу, если можно было просто ее подменить и предоставить другому сделать всю грязную работу?

— Я думаю, сэр, — медленно проговорил Эллиот, — в этом ключевой момент всего преступления.

— Ключевой момент? — переспросил майор Кроу.

— Да, сэр. Мистер Чесней вовсе не собирался глотать капсулу.

— Гм... — пробормотал Кроу.

— Возможно, вы помните, как в колледже на лекциях по психологии разыгрывались аналогичные трюки. Преподава-

тель берет мензурку с какой-то жидкостью, пробует ее на язык и морщится. Потом передает ее вам. Все, что есть в мензурке, так это обычная подкрашенная вода. И если только вы не проявите внимательность, то будете готовы поклясться, что она горькая на вкус. Вас к этому подготовил преподаватель. Так и во время спектакля. Мистер Чесней предупредил их о ловушках. Вспомните, как, по словам мисс Уиллс, он удивился, когда ему засунули капсулу в рот. Я думаю, что у Эммета была инструкция сделать вид, что он дал капсулу мистеру Чеснею, а тот бы сделал вид, что проглотил ее. Когда убийца засунул ему капсулу в рот насильно, мистеру Чеснею ничего не оставалось, как проглотить ее. Иначе бы сорвался весь спектакль. Не удивлюсь, если у него был подготовлен вопрос: "Сколько времени я глотал капсулу?"

— Возможно, — согласился майор Кроу. — И если вдуматься, то мы имеем дело с умалишенным.

— Похоже на то, сэр, — заметил Эллиот.

— Но давайте смотреть фактам в лицо. Кто бы он ни был — сумасшедший или нет, в любом случае, он из этого дома.

— Почему вы так думаете? — спросил Боствик.

— Посторонний человек не мог знать заранее о предстоящем спектакле, раз сами Чеснеи узнали о нем только за обедом. Ведь не мог он в самом деле весь день болтаться у них под окнами незамеченным? И уж совершенно невероятно, чтобы на нем в этот вечер, по счастливому совпадению, оказались черные брюки и лакированные туфли, как это и ожидалось от присутствующих за обеденным столом.

— А если убийца из дома, то кто им может быть? Доктор Джо был на вызове. Эммет сам едва жив остался. Остаются две служанки и повар, которых вряд ли стоит брать в расчет. Значит, это был один из трех человек, которые сидели в комнате и смотрели, как убивают Маркуса. Каким бы фантастическим ни показалось это предположение, но из него следует, что кто-то из них, воспользовавшись темнотой, вышел из комнаты, оглушил Эммета, засунул Маркусу в рот отправленную капсулу и снова вернулся на место до того, как зажегся свет.

— Все это маловероятно, — сухо заметил Эллиот.

— А вы что предлагаете? — спросил его майор Кроу.

Эллиот ничего не ответил. Он не хотел рассуждать на эту тему до тех пор, пока не будет произведено вскрытие. Они до сих пор не знали, от чего умер Маркус Чесней, если не считать того, что скорее всего он был отравлен одним из ядов синильной кислоты. Однако слова майора Кроу произвели на него впечатление.

Он осмотрелся по сторонам. Комната была площадью около пятнадцати футов. Французские окна закрывали тяжелые серые портьеры из бархата. Кроме рояля и граммофона, здесь стояли четыре стула, скамеечки для ног и горка у стены возле выключателя. Центр комнаты был сравнительно свободен от мебели, и

при желании можно пройти к окнам, ничего не задевая, а толстый ковер наверняка заглушил бы шаги.

— Стоит попробовать, — пробормотал Боствик.

Эллиот молча прошел через всю комнату и погасил свет. Даже при раздвинутых шторах ничего нельзя было разглядеть на фоне темного неба.

— Я машу вам рукой, — послышался голос Боствика. — Вы меня видите?

— Нет, — ответил Эллиот. — Оставайтесь на месте. Я пойду в кабинет мистера Чеснея.

Он осторожно прошел к дверям, минуя стулья, и распахнул их. Они открылись легко и практически бесшумно. Подойдя к столу в кабинете, он ощупью нашел лампу и включил ее. Противоположная от двери стена осветилась ярким ровным светом. Эллиот вернулся в музыкальную комнату и повернулся лицом к кабинету. Отсюда четко вырисовывалась вся картина. Над головой убитого на камине, облицованном темным полированным деревом, безжалостные часы отсчитывали время. У них был довольно большой циферблат, около шести дюймов в диаметре, и маленький маятник. Они показывали без пяти минут час. Письменный стол был из красного дерева. На нем виднелась коробка конфет с синими цветочками. Встав на цыпочки, Эллиот увидел отсюда карандаш, но ручки, о которой говорила Марджори Уиллс, нигде не было видно. Слева в стене кабинета смутно вырисовывалось одно из двух французских окон. Справа от них у стены стояло высокое бюро с зеленою лампой и канцелярский шкаф с выдвижными ящиками. Судя по расположению стульев в музыкальной комнате, свидетели сидели в пятнадцати футах от Маркуса Чеснея.

Внимание Эллиота снова привлек аккуратно сложенный листок в нагрудном кармане Маркуса.

— Очевидно, это те самые вопросы, о которых говорила мисс Уиллс, — сказал он.

— Ну и что с того? — выпалил Боствик.

— А то, сэр, — спокойно отреагировал Эллиот, — что все представление было задумано как серия ловушек для свидетелей, и преступник этим ловко воспользовался. Даже сумасшедший не решится на убийство у всех на глазах, если не будет уверен, что его не опознают. План мистера Чеснея давал ему прикрытие, сбивая с толку свидетелей, обеспечивая алиби, направляя следствие по ложному следу, и черт знает, что еще! Неужели непонятно?

Майор Кроу внимательно посмотрел на Эллиота и с подчеркнутой вежливостью сказал:

— Извините, инспектор, ваша манера вести себя мне кажется по меньшей мере странной. Мне также хотелось бы знать, откуда вам известна фамилия жениха мисс Уиллс? При вас ее ни разу никто не называл.

“О, черт”, — подумал Эллиот, а вслух произнес:

— Извините, сэр.

— Ничего, — в том же тоне ответил майор. — Впрочем, вернемся к вопросам Маркуса Чеснея. Я с вами согласен, инспектор, мы можем извлечь из них много поучительного. — Вынув листок из кармана покойного, Кроу прочел его вслух:

“Дайте правильные ответы на следующие вопросы:

1. Была ли коробка на столе? Если да, то опишите ее.
2. Какие предметы я взял со стола? В какой последовательности?
3. Который был час?
4. Какого роста человек, вошедший во французское окно?
5. Опишите его костюм.
6. Что он держал в правой руке? Опишите этот предмет.
7. Опишите его действия. Он взял что-нибудь со стола?
8. Что он дал мне проглотить? Сколько времени я глотал это?
9. Сколько времени он находился в комнате?
10. Кто и сколько человек говорили? Что было сказано?

На каждый вопрос требуется точный ответ”.

— Н-да, вопросы с ловушкой, — усмехнулся майор Кроу. — Кстати, вы были правы, инспектор. Обратите внимание на восьмой вопрос. Судя по всему, Маркус не собирался глотать капсулу.

Сложив листок, Кроу передал его Эллиоту, и тот аккуратно положил его в записную книжку. Майор отступил на два шага и внимательно посмотрел на часы.

— И все-таки... — пробормотал он, не сводя с них глаз.

В этот момент распахнулась дверь из холла, и в ней обрисовался силуэт человека.

— Кто здесь? — раздался высокий голос.

— Полиция, — ответил майор Кроу. — Входите, профессор, и зажгите свет.

Профессор не сразу нашел выключатель, и когда Эллиот увидел его вблизи при комнатном свете, он показался ему ниже ростом, чем в Помпеях. У него были голубые глаза, нос пуговкой и привычка смотреть на все насмешливым взглядом, склонив голову немного набок, что придавало его облику ироническое выражение.

— Хелло, — сказал он. — Изучаете место преступления? Добрый вечер, майор, добрый вечер, констебль. — Он улыбнулся всем, в том числе Эллиоту, и тот сразу почувствовал, что за простодушным видом профессора скрывается человек огромного интеллекта. — А это, я полагаю, тот самый человек из Скотланд-Ярда, о котором говорил доктор Джо. — Профессор указал на Эллиота. — Добрый вечер, инспектор.

— Послушайте, профессор, вы наша последняя надежда.

— Вот как?

— Вы профессор психологии, и вас не провести на трюках. По крайней мере, как мы слышали, вы так сами заявили. Расскажите нам, что здесь на самом деле произошло.

Профессор бросил быстрый взгляд на кабинет и, пожевав губами, сказал:

— Охотно.

— Насколько мы поняли, вечер был задуман как серия ловушек для зрителей.

— Больше того, — усмехнулся профессор Ингрэм. — Маркус хотел показать, как убийца в лавке миссис Терри подбросил отправленные конфеты, и почему этого никто не заметил.

6

Не говоря ни слова, Эллиот прошел в кабинет и включил зеленую лампу на бюро. Когда он погасил лампочку от фотоспышки, то обычный свет по контрасту показался совсем тусклым.

Итак, за два дня до убийства Маркус Чесней расспрашивал Боствика о размерах коробки с конфетами в лавке миссис Терри, и теперь у него на столе лежала коробка дешевых конфет. Зачем? Какая ей была отведена роль в этом спектакле? Он вернулся в музыкальную комнату, где майор Кроу пытался решить ту же загадку с другого конца.

— Но как, — спрашивал он профессора, — Маркус собирался показать подмену в лавке миссис Терри, и зачем для этого нужно было, чтобы это чучело — как хотите, его назовите — засунуло ему в рот отправленную капсулу?

Профессор пожал плечами.

— Вряд ли смогу ответить на этот вопрос. Могу только высказать свое предположение. Капсула была частью спектакля и, возможно, не самой главной. Главное, мне кажется, связано с коробкой на столе.

— Мне, пожалуй, в это дело лучше не вмешиваться, — вздохнув, заметил майор. — Продолжайте, инспектор.

Эллиот показал профессору на стул и сел напротив него.

— Скажите, профессор, мистер Чесней сам говорил о своем намерении показать, как подменили конфеты в лавке?

— Он намекнул на это.

— Когда?

— Перед самым началом спектакля. Видите ли, инспектор, я сразу понял, что здесь что-то не так. За столом Маркус спровоцировал спор и хотел придать всему вид экспромта. Но я видел, как ухмылялся Эммет, когда думал, что на него не смотрят, и догадался, что Маркус продумал все заранее. Мы кончили ужинать в девять. И потом битых три часа ждали, когда он начнет свой спектакль. Я с пониманием отношусь к причудам, но ждать столько времени без видимых причин... Явный перебор. Тогда я спросил Маркуса, что стоит за всей этой затеей. Он ответил: «Смотрите, может, поймете, как отправленные конфеты попали к

миссис Терри. Но я готов биться об заклад, что этого никто из вас не заметит".

— У него была своя версия?

— Очевидно.

— Версия, которую он хотел доказать у вас на глазах?

— Очевидно.

— Он подозревал кого-нибудь в убийстве? — как бы мимоходом спросил Эллиот.

Профессор Ингрэм бросил на него быстрый взгляд, и в нем промелькнула озабоченность, на короткое мгновение придавшая ему вид преследуемого зверя.

— У меня сложилось такое впечатление, — подтвердил он.

— Вы не думаете, что убийца мог пойти на новое преступление, потому что мистер Чесней догадывался, кто это был?

— Вполне возможно, — заерзая на стуле, ответил профессор Ингрэм. — Скажите, инспектор, вы считаете себя умным человеком? Способным понять многие вещи? Одну секундочку, я сейчас объясню, почему спрашиваю об этом. При всем моемуважении к мистеру Боствику, я должен сказать, что ему не очень везло до сих пор с этим делом.

— Вас это не касается, мистер Боствик отменный полицейский, — сухо заметил майор Кроу.

— Конечно, — согласился профессор. — Дай Бог всем так относиться к своим обязанностям. Но само по себе это не гарантирует успеха. Я не хочу сказать, что в полиции существует заговор против Марджори Уиллс. Знаю, что нет. И тем не менее, сегодня племянница моего друга не может пройти по улице, не рискуя, что какой-нибудь мальчишка швырнет в нее камень. Никто не задал себе вопроса, зачем конфеты были отправлены. — Он ударил по ручке кресла. — Мистер Боствик придерживается той точки зрения, что преступление совершил сумасшедший... или сумашедшая. Для этого он нашел аналогию с преступлением, совершенным Кристиной Эдмундс. Хороша аналогия!

Майор Кроу воздержался от комментариев.

— А между тем у этих двух преступлений нет ничего общего. Взять хотя бы мотив. У Кристины Эдмундс он был. Если помнишь, она безнадежно любила некоего доктора и в припадке ревности пыталась отравить его жену стрихнином. Ее заподозрили и отказали от дома. Она совсем потеряла голову и замыслила безумный план: чтобы доказать свою непричастность к попытке отравления, решила вызвать панику в городе тем, что якобы в нем завелся маньяк-убийца. Для этого она подбросила в кондитерскую отправленные конфеты. Прекрасно! Теперь скажите мне, в чем аналогия? Что могла принести Марджори смерть несчастного ребенка? Ровным счетом ничего. Более того, ее жених, наслушавшись сплетен, того и гляди, унесет отсюда ноги.

— Извините, профессор, а раньше мисс Уиллс ни с кем не была помолвлена? — вдруг спросил Эллиот.

— Какое это имеет отношение к делу?

— Так да или нет?

Теперь уже профессор с любопытством посмотрел на Эллиота.

— Нет, насколько мне известно. Правда, в нее безнадежно влюблен Уилбер Эммет, но с такой внешностью, сами понимаете... — Профессор развел руками. — Надеюсь, у нас конфиденциальная беседа?

— Мистер Чесней, — вмешался майор Кроу, — не поощрял возможных претендентов на руку мисс Уиллс и отваживал их от дома.

— Нельзя сказать, что именно отваживал, но их присутствие отвлекало его.

— Интересно, — проговорил майор Кроу, — как молодому человеку... его, кажется, зовут Джордж... с которым Марджори познакомилась на пароходе, так легко удалось завоевать расположение Маркуса?

— Маркусу нравился мистер Хардинг. У молодого человека есть перспектива в жизни, а это Маркус всегда ценил в людях. И, наверно, не последнюю роль сыграло почтительное отношение мистера Хардинга к нему. Впрочем, это к делу не относится. Очевидно главное: Марджори не причастна к смерти своего дяди.

— А вам известно, что думает сама мисс Уиллс о смерти мистера Чеснея? — спросил Эллиот.

— Нет, инспектор.

— Она считает, что кто-то совершил покушение на Эммета, переоделся в его костюм и подсунул отравленную капсулу мистеру Чеснею.

— Логично, — задумчиво промолвил профессор.

— Следовательно, кто-то подслушал планы мистера Чеснея и мистера Эммета, находясь под окнами или за дверью.

— Понятно, — пробормотал Ингрэм. Несколько секунд на его лице играла улыбка. Потом он, скав кулаки, подался всем телом вперед и повторил: — Понятно. А теперь, инспектор, позвольте мне за вас задать следующий вопрос: «Где вы находились между 21 и 24 часами? Где были Марджори Уиллс и мистер Хардинг?» И далее: «Где вы находились во время спектакля, и не мог ли кто-нибудь из вас высокользнути из комнаты и исполнить роль человека в цилиндре?» Вот что вас интересует, инспектор, не так ли?

Глаза майора Кроу сузились, когда он смотрел на профессора Ингрэма.

— Да, — ответил он за Эллиота.

— Вопрос разумный и заслуживает прямого ответа. Я готов поклясться в суде, что никто из нас во время представления не выходил из комнаты.

— Не слишком ли сильно сказано? — заметил майор Кроу.

— Ничуть.

— Вам известно, как темно было в комнате? — спросил Эллиот.

— Да, известно. Но, во-первых, с той лампой, что стояла на столе Маркуса, здесь было гораздо светлее, чем вы думаете. Во-вторых, у меня есть другие доводы, которые, я надеюсь, поддержат мои компаньоны. Впрочем, у нас будет возможность их самих спросить об этом. — Профессор Ингрэм поднялся со стула и показал рукой на входящих Марджори и Джорджа.

Эллиот внимательно рассмотрел жениха Марджори Уиллс.

В Помпеях он видел его со спины, и теперь, встретившись с ним лицом к лицу, почувствовал смутное раздражение. Джорджу Хардингу на вид было не больше двадцати пяти — двадцати шести лет. Приятные манеры светского человека, привыкшего свободно чувствовать себя в любом обществе. Качество, которого напрочь был лишен выпускник школы полиции Эндрю Эллиот. Более того, Хардинг был красив на южно-европейский манер: темные вьющиеся волосы, широкое лицо и выразительные глаза.

Увидев тело Маркуса Чеснея, он взял Марджори Уиллс под руку и спросил:

— Не могли бы мы закрыть эту дверь?

Марджори, к его удивлению, высвободила руку и, глядя в глаза Эллиоту, проговорила:

— Ничего страшного.

Эллиот встал и молча закрыл дверь.

— Марджори сказала, что вы хотите видеть меня, — дружелюбно произнес Джордж, обращаясь к Эллиоту. — Чем я могу быть полезен?

— Вы — мистер Хардинг?

— Да. Я должен рассказать вам, что произошло?

— И не только это, — вмешался профессор Ингрэм. — Инспектор подозревает, что вы, или я, или Марджори...

— Одну минутку, сэр, — перебил его Эллиот. — Присядьте, мисс Уиллс. И вы, мистер Хардинг. — Уступив девушке свой стул, Эллиот стал размеренно расхаживать по комнате. — Да, мне понадобятся ваши показания, мистер Хардинг. Но еще важнее для следствия могут оказаться ваши ответы на вопросы, подготовленные мистером Чеснеем. Я хочу начать с них. Вы уверены, что сможете дать на них точные ответы? — обратился он ко всем.

— Конечно, — первой ответила Марджори.

— Но постойте, — воскликнул Хардинг, — я могу вам оказать гораздо большую услугу. Я заснял весь спектакль и убийство на пленку.

— Она цветная? — спросил Эллиот.

— Нет, черно-белая. Цветная пленка при таком освещении...

— Тогда, боюсь, она мало чем нам поможет. Кстати, где она?

— Я засунул ее в граммофон, когда началась вся эта кутерьма, — разочарованно протянул Хардинг.

Эллиот поднял крышку граммофона и увидел в нем черный кожаный футляр кинокамеры. Все, не отрываясь, смотрели на него. Он закрыл крышку и повернулся к присутствующим. Майор Кроу и Боствик обменялись недоуменными взглядами.

— Итак, вопросы мистера Чеснея. Я прошу вас как можно точнее отвечать на них.

Едва заметные брови профессора Ингрэма изогнулись, и он с тонкой улыбкой спросил:

— А вы не боитесь, инспектор, что мы успели сговориться?

— Я бы не советовал вам этого делать. Кроме того, по словам доктора Джо, в ваших показаниях полно противоречий. Итак, вернемся к тому, что я сказал: вы уверены, что полно и точно сможете ответить на вопросы мистера Чеснея, как вы это неоднократно заявляли?

— Да, — подтвердил профессор Ингрэм.

— Да! — резко бросила Марджори Уиллс.

— Не знаю, — после некоторого раздумья произнес Джордж Хардинг. — Я снимал фильм, и что-то могло ускользнуть от меня. Хотя род моих занятий требует особой внимательности. Валяйте, спрашивайте.

— А чем вы занимаетесь, мистер Хардинг? — спросил майор Кроу.

— Я — химик. — В ответе Хардинга послышался вызов.

Эллиот достал блокнот с листком мистера Чеснея. В глубине души он понимал, что в нем лежит ключ к разгадке. Теперь все зависело от того, хватит ли у него ума, чтобы правильно понять и оценить даже не ответы свидетелей, сколько сами вопросы Маркуса Чеснея?

— Итак, первый вопрос...

В наступившей тишине под кем-то заскрипел стул.

7

— Первый вопрос, — повторил Эллиот. — “Была ли коробка на столе? Если да, то опишите ее”. Мисс Уиллс?

Губы Марджори были плотно сжаты. Не отрываясь, она смотрела на Эллиота, и в глазах у нее стояла ненависть.

— Я могу ответить на этот вопрос, но не кажется ли вам кощунственным задавать сейчас его вопросы? — она кивнула головой в сторону кабинета, где в кресле сидел покойный Маркус Чесней.

— Извините, мисс Уиллс, но это крайне важно. Итак, “Была ли коробка на столе? Если да, то опишите ее”.

— Хорошо. Конечно, на столе у дяди лежала коробка для конфет. Двухфунтовая. Справа от него. Отсюда я не видела наклейки, но узнала ее по ярко-зеленым цветочкам.

— Ерунда, — хмыкнул Джордж, повернувшись к девушке.

— Что ерунда? — живо спросил Эллиот.

— Ничего не могу сказать о конфетах, но коробка была. Двухфунтовая, это точно. Только цветочки на ней были не зеленые, а синие.

Марджори повернулась к Джорджу:

— Милый, сегодня ужасная ночь, и я прошу тебя, не действуй мне на нервы. Цветочки были зеленые. Мужчины всегда путают зеленый цвет с синим.

— Хорошо, пусть будет так, — надув губы, сказал Джордж. В этот момент он был похож на избалованного ребенка. — Но, черт возьми, от нас ждут абсолютно точных ответов! Цветочки были синие. Точнее — темно-синие.

— Дорогой...

— Секундочку, — вмешался Эллиот. — Пусть ваш спор разрешит профессор Ингрэм. Скажите, профессор, кто прав?

— Оба правы, — профессор вытянул ноги вперед, — и в то же время оба не правы.

— Но такого не может быть! — негодующе воскликнул Хардинг.

— Может, — упрямко заявил профессор. — Сейчас я воздержусь от объяснений. Один из следующих вопросов все расставит по местам.

— Откуда вам известны следующие вопросы? — быстро спросил Эллиот.

В комнате стало тихо.

— Они мне не известны, — спокойно ответил профессор Ингрэм. — Просто я предвижу один из них.

— Вы уверены, профессор, что не видели этот листок раньше?

— Конечно, инспектор. Ради Бога, в такой момент не пытайтесь поймать меня на пустяках. Все это старые трюки. Я сам не раз проделывал их над моими студентами. Читайте дальше, и вы сами все поймете.

— Она была зеленой, — упрямко повторяла Марджори, сквозь полузакрытые глаза глядя в потолок. — Зеленой, зеленой.

Инспектор Эллиот снова посмотрел на листок.

— Второй вопрос: «Какие предметы я взял со стола? В какой последовательности?» — прочел он. — Мисс Уиллс?

— Я вам уже говорила. Сначала дядя взял карандаш и сделал вид, что пишет им. Потом взял ручку и снова сделал вид, что пишет. Он положил ее на стол перед самым появлением человека в цилиндре.

— Мистер Хардинг?

— Насчет карандаша все правильно. Только вторым предметом была не ручка, а снова карандаш. Того же цвета, но короче.

Марджори взглянула на него с ледяным спокойствием.

— Я вижу, Джордж, ты решил вывести меня из себя. Ты мне каждый раз будешь перечить? Это была ручка. Не то синяя, не то черная. С острым пером на конце.

— А вы что скажете, профессор?

- Ни то, ни другое.
- Боже милостивый, — прошептал майор Кроу.
- Неужели вы до сих пор не поняли, что Маркус ловко заманил вас в ловушку? — возмущенно произнес профессор Ингрэм. — Сначала он действительно взял карандаш и сделал вид, что пишет им. Так он подготовил вас к ошибке. Стоило ему взять в руки второй предмет и сделать вид, что он снова пишет, как вы решили, что это карандаш или ручка. А на самом деле это было ни то и ни другое.
- А что же? — спросил Эллиот.
- Не знаю, — вздохнув, ответил профессор.
- Но вы можете описать этот предмет?
- Более-менее. Он, действительно, похож на ручку. Только тоньше и короче. Думаю, темно-синего цвета. Маркус не без труда взял его со стола. Кажется, я знаю, что это было! Стрела от духовой трубы. Такие хранятся в музее естественной истории. Ими пользуются аборигены не то в Малайзии, не то на Борнео. Я не силен в географии.
- Мисс Уиллс, у вас в доме были такие стрелы?
- Никогда не видела, — пожав плечами, ответила Марджори.
- Отравленные стрелы, вы хотели сказать, профессор? — решил уточнить майор Кроу.
- Совсем не обязательно, майор. Но ваше замечание — блестящее подтверждение того, куда может завести воображение. Не пройдет минуты, как кто-нибудь вспомнит, что видел каплю яда на конце стрелы. И все мы окажемся в тупике, потому что это могла быть стрела, а могла и не быть. Читайте дальше, инспектор.
- Следующий вопрос, очевидно, относится к появлению неизвестного в цилиндре. «Который был час?»
- Полночь, — сказала Марджори.
- Около того. Может, чуть раньше, — согласился Хардинг.
- Без одной минуты двенадцать, — уточнил профессор.
- Эллиот отложил лист в сторону:
- У меня тоже есть вопрос. Скажите, вы судите о времени по наручным часам или по часам на камине? Сейчас они показывают точное время. Я проверил. Но кто знает, что было во время представления?
- Я тоже задавал себе этот вопрос, — ответил профессор. — В комнате было темно, и мы не могли видеть наручные часы. Но думаю так: Маркус затеял этот спектакль как проверку нашей наблюдательности и ни за что не пошел бы на прямой обман.
- Конечно, часы показывали точное время, — заявила Марджори. — Я знаю, но какое это имеет значение?
- Большое для алиби преступника, которого не было в комнате в момент убийства, — объяснил майор Кроу.
- Джо Чесней, — пробормотал себе под нос профессор.

— Дядя Джо? — удивленно спросила Марджори. — А он здесь при чем?

— Продолжайте задавать вопросы, инспектор, — перебил ее Ингрэм.

— Это мы пропустим, — пробормотал Эллиот. — А вот: “Какого роста был человек, вошедший во французское окно?”

— Шесть футов, — сказала Марджори. — Как Уилбер или дядя Джо.

— Да, наверное, шесть футов, — задумчиво произнес Хардинг. — Хотя в этом цилиндре он мог показаться и выше.

Професор Ингрэм откашлялся.

— Нет ничего более противоречивого, чем свидетельские показания о росте подозреваемого.

Глаза Марджори Уиллс вспыхнули холодным блеском.

— Надеюсь, вы не хотите сказать, что он был толстым коротышкой?

— Нет, дорогая, — ответил профессор и посмотрел на Эллиота: — Инспектор, вот мой ответ. В нем было пять футов девять дюймов. Как у мистера Хардинга или у меня. Или шесть футов при условии, что он ходил, согнув колени в этом длинном и просторном плаще.

Наступила тишина. Майор Кроу провел рукой по лбу и показал на свои заметки, которые делал на оборотной стороне конверта.

— Послушайте, профессор, вы постоянно всем противоречите. Или, лучше того, подбрасываете идеи, от которых все еще больше запутывается. Давайте подведем итог вашей деятельности.

— С удовольствием, — весело согласился профессор.

— Итак, все согласились, что на столе лежала двухфунтовая коробка конфет, и что первым из двух предметов, который взял Чесней, была ручка. Но смотрите, что получается дальше. Здесь я записал вопросы и ваши ответы. — Майор Кроу бросил конверт профессору Ингрэму, и тот внимательно прочитал, что на нем было написано. Потом он пустил этот замечательный документ по кругу, пока он снова не вернулся к майору.

— Вы внесли неразбериху в цвет коробки, в рост преступника, не говоря уж о втором предмете, который держал в руках Маркус, — продолжил Кроу. — Будьте любезны, объясните мне, как коробка одновременно может быть зеленого и синего цвета. Только я хочу вас сразу предупредить, что там, на столе, нет ничего, кроме двухфунтовой коробки синего цвета и карандаша.

Профессор привычно склонил голову набок и скептически улыбнулся.

— Придет время, я вам все объясню.

— Хорошо, хорошо, — махнул рукой майор. — Пусть будет по-вашему. Продолжайте, инспектор. Извините, что вмешался. Сегодня вы здесь главный.

На следующие вопросы — “Во что был одет неизвестный?”, “Что нес он в правой руке и что делал?” — были почти единодушные ответы. Все точно описали черную сумку, на которой большими буквами было написано “Д-р Немо” и добавили только одну новую деталь: на руках неизвестного были резиновые перчатки. Такое подробное описание предметов сначала насторожило Эллиота, но потом он вспомнил, что, подобно ему, они могли не раз видеть их в саду, когда оказывали помощь Уилберу Эммету.

Также подробно они описали действия неизвестного в кабинете Маркуса Чеснея и не забыли о реплике Джорджа Хардинга.

Эллиот прочел весь лист вопросов, приготовленных Маркусом Чеснеем, но ни на шаг не приблизился к разгадке его убийства. Действительно, в показаниях свидетелей были противоречия, но что можно было извлечь из них?

— И, пожалуй, последний вопрос, — сказал он. — “Он взял что-нибудь со стола?”

— Нет, — ответила Марджори.

— Нет, — подтвердил Хардинг.

— Да, — решительно заявил профессор Ингрэм, и вслед за этим раздался взрыв возмущенных голосов.

— Сэр, готов присягнуть, что он не касался стола, — безапелляционно проговорил Хардинг.

— Конечно, — вторила ему Марджори Уиллс. — Правда, на столе не хватает карандаша или ручки, или, как вы говорите, стрелы. Но этот предмет лежал перед дядей, когда неизвестный выходил из комнаты. Я видела его собственными глазами.

— Он взял со стола зеленую коробку для конфет, — хмуро промолвил профессор, — заменив ее на такую же синюю. Не спрашивайте меня, как он это сделал. Он поставил на стол свою сумку перед зеленою коробкой, а когда уходил из кабинета, на столе лежала синяя коробка. Я еще раз говорю: не спрашивайте меня, как он это сделал. Не знаю. Ломайте голову сами, но в этом, я уверен, лежит ключ к разгадке отравления в лавке миссис Терри. — Он неожиданно улыбнулся: — Никто не угостит меня сигаретой?

8

Эллиот так и не узнал, получил профессор Ингрэм сигарету или нет. Неожиданная мысль пришла ему в голову, и он, бросив на ходу: “Извините, я сейчас вернусь”, вышел из комнаты через французское окно, задернув за собой тяжелую портьеру.

В саду Эллиот поежился от холода. Лампочка, горевшая на столе в кабинете Маркуса Чеснея, бросала тусклый свет на аллею между домом и деревьями. Вдалеке раздался колокольный звон, но он его не слышал, сосредоточив все свое внимание на разбросанных вещах “Д-ра Немо”.

Черная сумка. Теперь он знал, почему она показалась ему знакомой. Такую же он видел среди экспонатов в музее Скотланд-Ярда. Эллиот присел на корточки рядом с ней. Она была покрыта лаком и казалась новой. Сбоку по трафарету довольно небрежно было написано "Д-р Немо". Он достал платок и аккуратно открыл сумку. Внутри лежала двухфунтовая коробка конфет, украшенная ярко-зелеными цветочками.

— Так оно и есть, — буркнул Эллиот, поднял сумку и осмотрел ее снизу. Первыми такие сумки начали применять фокусники, а потом они стали достоянием армии воришек, совершивших налеты на те магазины, где товар лежал открыто на прилавке. С тех пор их прозвали "друг магазинного вора." Входил такой воришко в магазин с невинной на вид сумкой и как бы невзначай ставил ее поверх заинтересовавшей его вещи. Специальное устройство затягивало эту вещь внутрь сумки, и он, как ни в чем не бывало, выходил из магазина.

Метод действия "Д-ра Немо" теперь стал ясен. Он вошел в кабинет, встал к зрителям спиной и поставил сумку не перед коробкой с зелеными цветочками, а поверх нее. Такую же коробку, но с синими цветочками, он незаметно положил на стол за сумкой. Проделав это, забрал сумку со стола, в которой находилась первая коробка. И все это на глазах у свидетелей, что и было частью плана Маркуса Чеснэя.

Неужели таким образом убийца заменил в лавке миссис Терри целую коробку с конфетами на свою коробку, в которой находились отравленные конфеты?

— Эй, — раздался голос прямо над головой Эллиота. От неожиданности он подпрыгнул, а подняв голову, увидел сердитое лицо доктора Джо, высунувшееся из окна на втором этаже.

— Вы что там, оглохли? — с едва сдерживаемым раздражением говорил доктор. — Уже минут пять кто-то звонит в дверь, и никто не чешется. Не могу же я все делать за всех. У меня здесь пациент, черт побери!

Эллиот понял, что приехали эксперт и фотограф, которым в эту ночь пришлось проделать путь длиной в двенадцать миль.

— Послушайте, — продолжал Джо, — пришлите сюда Марджори. Он все время зовет ее.

— Он пришел в себя? — спросил Эллиот. — Я могу его видеть?

Доктор Джо потряс кулаком в сторону Эллиота. Снизу своей острой бородкой клинышком он напоминал Мефистофеля.

— Нет, приятель, он не пришел в сознание, как это ты себе представляешь. И не сможешь ты его увидеть сегодня, а, может быть, и завтра, и через неделю, и через год. Понятно? А теперь пришли сюда Марджори. От этих служанок никакого проку. — Голова доктора Джо исчезла.

Эллиот не спеша собрал вещи "Д-ра Немо". Подул легкий ветер, и в деревьях зашумела листва. От земли поднялся запах пре-

льх листьев. Раздался звук открываемой двери, и в осеннем воздухе повеяло запахом лета, напомнившем Эллиоту про оранжереи Маркуса Чеснэя и его персики.

Он вернулся в дом с вещами "Д-ра Немо" одновременно с экспертами, которых встретил Боствик, и он же представил их Эллиоту. Ими оказались доктор Уэст и сержант Мэттьюз. Майор Кроу проинструктировал сержанта, где следует снять отпечатки пальцев, а доктор Уэст тем временем склонился над телом Маркуса Чеснэя.

— Любопытно, инспектор, куда вы так стремительно исчезли, — обратился майор Кроу к Эллиоту. — Что вам удалось обнаружить?

— Я понял, как подменили конфеты, сэр, — ответил тот и начал выкладывать свою версию.

Рассказ Эллиота произвел на майора Кроу большое впечатление.

— Ловко проделано. Ничего не скажешь, — восхитился он. — Но где Маркус мог достать такую сумку?

— В Лондоне есть специальный магазин для фокусников.

— Вы думаете, за ней кто-то ездил в Лондон по поручению Маркуса?

— Похоже на то, сэр.

Майор Кроу осмотрел сумку и задумчиво произнес:

— Из этого следует, что Чесней заранее продумал свое представление. Вы знаете, инспектор, чем больше мы занимаемся расследованием этого убийства, тем важнее мне представляется весь спектакль, затеянный Маркусом, и тем меньше я что-либо в нем понимаю! В списке Маркуса остались еще вопросы?

— Да, сэр. Три.

— Тогда задавайте их немедленно, инспектор. — Майор кивнул головой в сторону музыкальной комнаты. — Но, прежде чем вы пойдете к ним, я хочу вас спросить: вас ничего не поразило во всем этом балагане?

— Что именно, сэр? — спросил Эллиот.

Майор Кроу эффектно вытянул руку и показал на часы.

— Не знаю, как именно, но и здесь Маркус обвел всех вокруг пальца.

Часы на камине бесстрастно смотрели на них своим белым циферблатом. Стрелки показывали без двадцати два.

— Ого! — воскликнул майор. — Мне пора домой. И все-таки, предположим, что Маркус перевел стрелки. Он вполне мог сделать это до начала представления. Как вы помните, по его окончании Маркус закрыл за собой дверь в кабинет и не появлялся до тех пор, пока профессор Ингрем не потребовал, чтобы тот вышел на бис. У Маркуса было достаточно времени, чтобы спокойно установить стрелки на правильное время.

— Думаю, что мог, сэр, — задумчиво сказал Эллиот. — Если, конечно, хотел этого.

— Конечно, мог, — подхватил майор Кроу. — Что может быть проще! — Старательно обходя покойного, он подошел к камину и повернул часы задом наперед. — Смотрите, здесь головка для завода, а здесь — для перевода стрелок. Ого! — вдруг воскликнул он.

Эллиот подошел к нему и тоже склонился над часами. Они увидели медный ключ для завода, но в том месте, где должен был торчать шпиндель или маленькая ось для перевода стрелок, зияло пустое отверстие. Внимательно осмотрев часы, Эллиот заметил свежую царапину возле отверстия.

— Сэр, вы правы, здесь была специальная шпилька для перевода стрелок, но ее недавно сломали. Вот, очевидно, почему мисс Уиллс была так уверена, что часы показывали правильное время. Теперь, пока часовщик не починит их, никто не сможет перевести стрелки.

— Что за ерунда, — проворчал майор Кроу. — Это совсем просто.

Он повернул часы лицом к себе, открыл стеклянную дверцу и протянул руку к стрелкам.

— Осторожно, сэр! — воскликнул Эллиот.

Но тот уже сам отдернул руку от часов: стрелки были настолько тонкими и хрупкими, что от прикосновения к ним они были неизменно сломались или согнулись. Стало очевидным, что их положение нельзя было изменить ни на долю секунды. Вида растерянность Кроу, Эллиот едва сдержался, чтобы не рассмеяться.

— И все-таки, — упрямо продолжал майор, — помяните мое слово, Маркус проделал с ними какой-то трюк. Но какой — не знаю.

В этот момент лампочка ярко вспыхнула и перегорела. При свете зеленой лампы, что стояла на бюро, в комнате стало почти темно, но, к счастью, доктор Уэст успел закончить осмотр убитого. Он устало снял пенсне.

— Каким ядом его убили, доктор? — спросил майор Кроу.

— Синильная кислота или один из ее цианидов. Точнее смогу сказать завтра после вскрытия.

— Что значит “один из цианидов”? Доктор Джо определенно сказал “цианид”.

— Он, очевидно, имел в виду цианистый калий. Действительно, это самая распространенная соль, получаемая из синильной кислоты.

— Извините, доктор, мое невежество, — сказал майор Кроу. — Я хорошо знаком со стрихнином, но что касается синильной кислоты и ее солей, здесь я не мастак. Скажем, именно ее использовали для убийства Маркуса Чеснея. Тогда возникает вопрос: а где ее могли раздобыть?

— В практике крайне редко встречаются случаи отравления синильной кислотой. Именно поэтому в свое время я сделал записи при расследовании дела Билли Оуэнса. К счастью, я захва-

тил их с собой. — Доктор Уэст неторопливо достал блокнот. Перевернул несколько страниц и продолжил: — Синильная кислота в чистом виде практически недоступна для неспециалиста. Но, с другой стороны, мало-мальски толковый химик легко получит ее из веществ, не занесенных в список ядовитых материалов. Возьмем цианистый калий. Он широко применяется в повседневной практике. В фотографии, в инсектицидах при опылении фруктовых деревьев, в гальванике, в энтомологии...

— А там зачем? — перебил его мистер Кроу.

— При консервации насекомых. В растворе одной бутылочки содержится пять процентов цианистого калия. Такие бутылочки свободно продаются в мастерских по набивке чучел. Правда, покупатель должен расписаться в журнале регистрации товаров, содержащих ядовитые вещества.

— Извините, доктор, — вмешался Эллиот, — это правда, что синильная кислота содержится в косточках от персиков?

— Да, это так, — подтвердил доктор Уэст, проведя рукой по лбу.

— И для того, чтобы получить ее, достаточно размельчить косточки и прокипятить их в воде?

— Этот вопрос меня тоже интересовал. Но, по моим расчетам, необходимо примерно пять тысяч шестьсот персиков для того, чтобы получить смертельную дозу, что с практической точки зрения маловероятно.

В наступившей тишине раздался напряженный голос Боствики:

— И тем не менее, Маркуса Чеснэя отравили именно этим ядом. Мы перевернем всю Англию, проверим все журналы, но выясним, откуда он взялся.

— Кстати, доктор, вам известны большие зеленые капсулы с касторовым маслом? — спросил майор Кроу.

— Да.

— Скажем, вы решили ввести в такую капсулу дозу цианида. Как вы это сделаете? С помощью шприца?

После некоторого раздумья доктор Уэст сказал:

— Да, вполне реально. Если доза не слишком большая, то касторка и желатин удержат цианид и, более того, замаскируют его запах и вкус. Девять десятых грана безводной синильной кислоты будут смертельной дозой. В фармакологии используются, конечно, гораздо меньшие дозы цианистого калия. Но, я думаю, два или три грана окажутся достаточными, чтобы убить человека.

— Сколько времени пройдет, прежде чем человек погибнет?

— Все зависит от дозы. Первые симптомы появляются обычно не позже, чем через десять секунд. Но в данном случае нужно было время, чтобы растаял желатин. К тому же касторка задержала всасывание яда в кровь. Итого, прошло, скажем, две минуты до появления первых признаков отравления. За этим быстро

последует прострация. Остальное зависит от дозы. Человек может умереть и через три минуты, и через полчаса.

— Все совпадает с тем, что нам известно, — удовлетворенно проговорил майор Кроу. — Инспектор, теперь можете вернуться к этой "шайке" и закончить с вопросами. Выясните заодно, насколько они уверены в том, что это была обычная капсула с касторовым маслом, а не очередной фокус Маркуса.

Эллиот с облегчением вышел из кабинета, плотно закрыв за собой дверь. Его встретили напряженным взглядом.

— Я вас ненадолго задержу, — обратился он ко всем. — Осталось три вопроса.

Профессор Ингрэм внимательно посмотрел на Эллиота и спросил:

— Извините, инспектор, вам удалось установить, что коробку действительно подменили?

— Да, — после недолгого колебания подтвердил Эллиот.

— Ха! — удовлетворенно воскликнул профессор Ингрэм и откинулся на спинку стула. Марджори и Джордж Хардинг недоуменно посмотрели на него. — Это то, на что я надеялся. Теперь, по крайней мере, мы на пути к решению загадки.

Марджори хотела что-то сказать, но Эллиот перебил ее.

— Восьмой вопрос мистера Чеснея касается человека в цилиндре, — сказал он. — "Что он дал мне проглотить? Сколько времени я глотал это?" Все согласны с тем, что это была капсула касторового масла?

— Безусловно, — подтвердила Марджори. — У него ушло две или три секунды, чтобы проглотить ее.

— Да, это было похоже на капсулу, — осторожно заметил профессор Ингрэм. — И проглотил он ее с трудом.

— Ничего не знаю про эти капсулы, — сказал Джордж Хардинг, и его лицо показалось Эллиоту обеспокоенным. — Я подумал, что это виноградина. Большая зеленая виноградина. Я еще удивился, как он ею не подавился. Но если вы оба считаете, что это была капсула, то я с вами.

— Мы к этому еще вернемся, — продолжал Эллиот. — А теперь очень важный вопрос. "Сколько времени он находился в комнате?"

Заметив ухмылку на лице профессора Ингрэма, Марджори неуверенно спросила:

— Здесь тоже ловушка? Что вы имеете в виду? Сколько времени прошло между тем, как он вошел во французское окно и вышел через него обратно? Конечно, совсем немного. Я бы сказала, минуты две.

— Две с половиной, — уточнил Хардинг.

— Он находился в комнате ровно тридцать секунд, — заявил профессор Ингрэм. — У людей, как правило, плохо развито чувство времени. На самом деле, "Д-р Немо" мало чем рисковал. У вас почти не было времени как следует разглядеть его,

хотя вы можете думать иначе. А я по секунде готов расписать все, что здесь происходило. Начнем с того момента, как Маркус вошел в кабинет, и я погасил свет. Прошло двадцать секунд, прежде чем он раздвинул двери и начал свои манипуляции с предметами на столе. На это у него ушло сорок секунд. Таким образом, прошла целая минута до того, как появился человек в цилиндре. В кабинете он пробыл тридцать секунд и вышел. После его ухода Маркус просидел в кресле еще тридцать секунд, прежде чем упал лицом на стол, чтобы изобразить свою смерть. После этого он встал и снова закрыл дверь. Я не сразу зажег свет: всегда путаю, с какой стороны выключатель. Скажем, мне понадобилось еще двадцать секунд, чтобы отыскать его. Итого, на все представление с того момента, как я погасил свет и снова зажег его, ушло две минуты и двадцать секунд.

Хардинг пожал плечами, а лицо Марджори выражало откровенное сомнение, но возражать никто не стал. Эллиот понял, что они оба бесконечно устали.

— И, наконец, последний вопрос, — сказал он.

— Слава Богу, — облегченно вздохнула Марджори.

— «Кто и сколько человек говорили? Что было сказано?» Требуется буквальный ответ.

— Человек в цилиндре не произнес ни слова, — сказала Марджори. — В этом я абсолютно уверена. Надеюсь, вы не будете возражать мне, профессор?

— О, нет, моя дорогая. Ни в коем случае, — уверил ее Ингрэм.

— Говорил только дядя Маркус. Когда человек в цилиндре поставил свою сумку на стол и встал по правую сторону стола, дядя Маркус сказал: «Ты сделал сейчас то, что делал раньше. Что ты сделаешь теперь?»

Хардинг кивнул головой.

— Точно. Он сказал: «Ты сделал сейчас то, что делал раньше. Что ты сделаешь теперь?» Или что-то в этом роде. Я не ручаюсь за точный порядок слов.

— И это все? — настойчиво спросил Эллиот.

— Абсолютно все, — ответила Марджори.

— Я не согласен с вами, — возразил профессор.

— Черт возьми! — воскликнула девушка, вскочив на ноги. Эллиот был поражен переменой в ее лице. Выражение спокойствия, граничащего с безмятежностью, сменилось гримасой ненависти и озлобленности. — Чтоб вы все провалились!

— Марджори! — попытался одернуть ее Джордж Хардинг.

— Зачем так кричать, моя дорогая? — ласково произнес профессор Ингрэм. — Я только хочу нам всем помочь.

Несколько секунд Марджори стояла в нерешительности. Ее лицо покраснело, а в глазах стояли слезы. Несмотря на это она показалась прекрасной в эту минуту.

— Извините, — тихо проговорила девушка.

— Если быть буквально точным, — как ни в чем не бывало продолжил профессор, — то нельзя ограничиться только тем, что сказал Маркус. — Он посмотрел на Джорджа Хардинга. — Вы тоже говорили во время представления.

— Я? — удивился Джордж.

— Ну да. Когда появился “Д-р Немо”, вы ближе приблизились к камере и сказали: “Тсс... Человек-невидимка”. Я, кажется, не ошибаюсь, мистер Хардинг?

Джордж провел рукой по волосам.

— Да, сэр. Я просто хотел пошутить. Но, черт возьми, какое это имеет отношение к вопросам мистера Чеснэя? Ведь они касались только того, что происходило у него в кабинете, не так ли?

— И вы тоже, — профессор Ингрэм обратился к Марджори, — тихо, но отчетливо прошептали: “Нет, нет”, когда неизвестный запрокинул голову Маркуса и заставил его проглотить капсулу.

— Не помню. Может быть, — бросила она раздраженно. — Какое это имеет сейчас значение?

— Огромное, — облегченно сказал профессор. — Я хочу доказать наше алиби. Инспектора с самого начала волновал вопрос, не мог ли кто-нибудь из нас в темноте выйти из комнаты, совершив покушение на Уилбера, переодеться в его костюм и отравить Маркуса. Вот теперь я могу поклясться, что видел и слышал — вы оба находились в этой комнате, пока “Д-р Немо” был в кабинете у Маркуса. Я могу поклясться, что вы не выходили из нее. Если вы, в свою очередь, можете поручиться за меня, что я все время находился в комнате, то у нас будет тройное алиби, которое не под силу опровергнуть всему Скотланд-Ярду. Вы можете поручиться за меня? — спросил профессор.

Эллиот весь напрягся, поняв, что следующие несколько минут могут стать решающими во всем расследовании.

9

Джордж Хардинг вскочил на ноги. Его большие, “как у короля” (так определил их Эллиот), глаза выражали испуг. Руки тряслись.

— Но ведь я снимал фильм! — закричал Джордж. — Разве вы не слышали, как жужжала камера? Разве... — Он замолчал и вдруг разразился искренним смехом, обведя присутствующих взглядом, как бы приглашая присоединиться к нему. — Знаете, однажды я читал рассказ...

— Неужели? — перебил его профессор.

— Да, — серьезно ответил Хардинг. — Один парень обеспечил себе алиби тем, что все слышали, как в момент убийства стучала пишущая машинка в соседней комнате. И только потом выяснилось, что у него был специальный механизм, который был по клавишам в его отсутствие. Вы действительно думаете, что есть такое же устройство для кинокамеры?

— Но это же глупо, — с недоверием прервала его Марджори. — Я видела тебя, Джордж. Неужели вы, инспектор, подозреваете нас?

— Мисс Уиллс, — твердо произнес Эллиот. — Ничего подобного я не говорил. Все предположения исходят от профессора Ингрэма. Но мы не можем не принять и такую возможность. Раз о ней зашла речь, надо разобраться в этом раз и навсегда. Здесь было темно, не так ли?

На вопрос Эллиота раньше всех ответил профессор Ингрэм:

— По-настоящему темно было только в первые двадцать секунд, пока Маркус не открыл дверь. А потом свет от лампы отражался в нашу комнату, и можно было различить силуэты людей. Надеюсь, мои друзья подтвердят мои слова.

— Одну секундочку, профессор, — вмешался Эллиот. — Как вы сидели?

Профессор Ингрэм встал и тщательно расставил кресла, повернув их к двери, за которой находился кабинет.

— Их расставил сам Маркус до того, как мы пришли сюда, — объяснил он. — Мы их не переставляли. Я сидел здесь. Справа и ближе всех к свету. Марджори сидела в центре, а по другую сторону от нее мистер Хардинг.

Эллиот удивленно повернулся к Джорджу.

— А разве не лучше было поставить камеру в центре? Находясь так далеко слева, вы не могли заснять, как неизвестный вошел в кабинет.

Хардинг вытер пот со лба.

— Откуда я мог знать, чем все кончится? И потом, я сидел, а вернее стоял там, где мне указал мистер Чесней. Что мог возразить ему маленький Джордж? Кстати, у меня здесь не такой уж плохой ракурс, как вы думаете.

— К чему весь этот спор? — вмешалась Марджори. — Я видела Джорджа с камерой. Надеюсь, никто не сомневается, что я была здесь?

— Безусловно, — сказал профессор Ингрэм. — Я чувствовал вас.

— Как это? — поинтересовался Джордж.

— Я чувствовал присутствие Марджори, слышал, как она дышит. Я мог протянуть руку и дотронуться до нее. На ней, правда, было темное платье, но посмотрите, какая у нее светлая кожа. Краем глаза я все время видел мистера Хардинга с кинокамерой. Снова повторяю, инспектор, готов поклясться, что ни один из них не выходил из комнаты. Если вы готовы сказать то же самое про меня... — Он наклонился в сторону Марджори. Его лицо выражало крайнюю озабоченность.

— Конечно! — не задумываясь, проговорила девушка.

— Вы уверены в этом? — упрямко спросил Эллиот.

— Абсолютно уверена. Я видела рубашку профессора. Его лысину. Я слышала, как он дышал. Вам никогда не приходило

бывать на спиритическом сеансе, инспектор? Разве можно незаметно выйти из группы?

— А вы что скажете, мистер Хардинг?

— Честно говоря, я почти не отрывался от видеокамеры, — нерешительно произнес Джордж Хардинг. — Хотя постойте! Только не торопите меня, — он ударил кулаком по ладони. — Как только парень в цилиндре вышел из рамки, я остановил камеру, сделал шаг назад, напоролся на стоявшее сзади кресло и обернулся. Конечно, я видел Марджори. Она не отрываясь смотрела в кабинет. Ее глаза блестели, и я слышал, как она сказала: «Нет, нет». Вообще, что с нами происходит?

— А меня вы видели? — спросил профессор.

— Безусловно, — ответил Джордж. — Вы наклонили голову, как будто рассматривали время наручных часах. Конечно, вы были в комнате.

У Эллиота вдруг возникло чувство, будто он бредет на ощупь в кромешной тьме. Все окончательно запуталось. И тем не менее, он готов был поклясться, что эти люди говорят правду или думают, что говорят ее.

— Теперь вы сами видите, инспектор, что у нас коллективное алиби. Никто из присутствующих здесь не мог совершить это преступление. Вам придется искать убийцу в другом месте. Впрочем, если у вас остались сомнения, можно провести следственный эксперимент. Мы снова рассядемся по своим местам, выключим свет и включим лампу от фотовспышки в кабинете Маркуса, и вы сами убедитесь, что невозможно выйти из этой комнаты незамеченным...

— Боюсь, это невозможно сделать, — перебил его Эллиот. — Если только у вас нет запасной лампочки. Та перегорела. К тому же, алиби необходимо не только вам. Мисс Уиллс, я хотел спросить, почему вы были так уверены, что часы показывают точное время?

— Потому что они сломаны. То есть не сами часы, а эта... как ее называют? Что-то вроде головки для перевода стрелок. А так часы идут исключительно точно. За все время они ошиблись всего на одну секунду.

Профессор Ингрэм тихо рассмеялся.

— А когда отломили эту головку, мисс Уиллс? — спросил Эллиот.

— Вчера утром. Памела, наша служанка, прибирала в кабинете дяди Маркуса и, когда заводила часы, то подсвечником — он был у нее в другой руке — задела за головку и отломила ее. Я думала, дядя выйдет из себя, когда узнает об этом. Видите ли, нам разрешается убирать в его кабинете только раз в неделю. У него там хранятся счета и, главное, какая-то рукопись, над которой он работал. Но ничего, пронесло.

— То есть?

— Дядя не разозлился, даже наоборот. Когда я сказала, что часы можно отослать в мастерскую, он только рассмеялся и запретил нам их трогать. Часы показывали точное время, и стрелки нельзя было перевести назад или вперед. А их завода хватает на восемь суток. Он сказал Памеле, что она замечательная девушка и будет утешением родителей в старости.

“Обрадовался отломленной головке, — подумал Эллиот. — Почему?”

Его размышления были прерваны появлением майора Кроу.

— Вас можно на минутку, инспектор? — загадочным тоном спросил он.

Эллиот вышел в просторный холл, плотно закрыв за собой дверь. Стены холла были обиты светлым дубом, а полы настолько отполированы, что в них отражался край ковра. Майор Кроу придал своему лицу невинное выражение, но глаза его горели недобрый светом. Эллиот насторожился.

— Я только что разговаривал с Биллом Эмсвортом, — сказал Кроу, кивнув в сторону телефона.

— Билл Эмсворт? Кто это?

— Тот парень, у которого сегодня ночью родила жена. Роды принимал доктор Джо, помните? Понимаю, сейчас уже поздно, но я решил, что Билл еще не спит и отмечает это событие с кем-нибудь из своих друзей, и не ошибся. Конечно, я не стал объяснять ему, в чем дело. Просто поздравил его с рождением ребенка. Надеюсь, ему не пришло в голову задать себе вопрос, с какой стати я решил поздравить его в два часа ночи. Впрочем, так или иначе, но если часы показывают точное время, у доктора Джо железное алиби. Отпрыск Билла Эмсвorta появился на свет в четверть двенадцатого. Доктор Джо просидел с Биллом и его друзьями как раз до двенадцати часов ночи. Когда он уходил, они посмотрели на часы. Билл проводил его до двери, и как раз в этот момент часы на ратуше пробили полночь. Итак, мы знаем точное время, когда доктор Джо вышел от Эмсвортов. Дальше: они живут на другом конце Содбери Кросса, и Джо Чесней физически не мог быть здесь в момент убийства. Что вы скажете на это?

— У них у всех есть алиби, сэр, — вздохнул Эллиот и рассказал майору Кроу о своих результатах.

— Да... Чертовская ситуация. А вы им верите, что во время спектакля никто не мог незаметно выйти из комнаты?

— Конечно, мы должны проверить сами, — неуверенно проговорил Эллиот, — но я уже заметил, что яркий свет от лампочки в кабинете мистера Маркуса все меняет и в музыкальной комнате. Честно говоря, я готов им поверить, что при ее свете невозможно выйти из комнаты незамеченным.

— Вы не исключаете возможность сговора между ними?

— Все возможно, сэр. Но...

— Вы готовы им поверить?

— Во всяком случае, — осторожно начал Эллиот, — нам не следует ограничивать поиски убийцы только ближайшим окружением мистера Чеснэя. Неизвестный, который каким-то образом подслушал, что готовили мистер Чесней и Эммет, возможно, существует на самом деле.

— Нет, инспектор, — холодно сказал майор Кроу. — У нас с Боствиком есть доказательство, что убийство совершил член семьи или человек, тесно с ней связанный.

У Эллиота не в первый раз возникло ощущение, что в этом деле все искалось, как в кривом зеркале. Второстепенное стало главным, а главное растворилось в мелочах. Тем временем майор увлек его к лестнице на второй этаж.

— Это был не вполне законный шаг, но он принес свои плоды. Когда Боствик поднялся наверх проводить Эммета, он решил за одно заглянуть в ванную комнату. И там в медицинском ящичке нашел касторовые капсулы. — Майор Кроу вопросительно посмотрел на Эллиота.

— Это еще ни о чем не говорит, — заметил тот. — Ими здесь многие пользуются.

— Согласен, согласен. Но слушайте дальше. На самом краю полки рядом с зубной щеткой стоял на четверть заполненный пузырек с синильной кислотой... — Вдоволь насладившись ошеломленным видом Эллиота, майор Кроу продолжил: — Я испытал то же самое чувство и понимаю вас, инспектор. Особенно сейчас, когда вы сказали, что у них всех есть алиби. Заметьте, это был не водный раствор, а чистейшая синильная кислота. Самый быстroredействующий яд на земле, по крайней мере, из тех, что нам известны сегодня. Доктор Уэст взял его на анализ, но, признаться, сомнений нет, что это синильная кислота. Собственно говоря, на самом пузырьке была этикетка "Синильная кислота". Боствик не поверил своим глазам, когда увидел его. Ему стоило только приоткрыть пробку и почувствовать ее запах, как он тут же закупорил пузырек. Вы только полюбуйтесь на это. — Майор осторожно достал из кармана пузырек с бесцветной жидкостью. Поставив его на телефонный столик, он с видимым облегчением отошел в сторону. — Никаких отпечатков. — Не берите его в руки. Вы чувствуете запах?

Эллиот кивнул головой.

— Но где можно достать синильную кислоту? — спросил он. — Как вы помните, доктор Уэст сказал, что для неспециалиста она практически недоступна.

— Да, но, скажем, химику? Между прочим, чем занимается Хардинг?

Майор не успел договорить, так как в холл из комнаты, кстати или не кстати, вошел сам Джордж Хардинг. Он был явно в хорошем настроении, и даже вид пузырька с этикеткой "Синильная кислота" не испортил его.

— Это что, действительно синильная кислота? — беззаботно проговорил Джордж.

— Если верить этикетке, молодой человек, — ответил майор.

— Позвольте спросить, где вы его нашли?

— В ванной комнате. Не вы его там случайно оставили?

— Нет, сэр, — рассмеялся Хардинг.

— Но вы, кажется, с ней работаете, — не унимался майор Кроу.

— Нет, я работаю с цианистым калием. И в больших количествах. Я разработал такой процесс, который позволяет получать изделия с искусственным покрытием, имитирующим серебряное. Если я заручусь финансовой поддержкой и самостоятельно выйду на рынок без участия всяческих жуликов и проходимцев, то произведу революцию в промышленности. — Джордж говорил без похвальбы, всего лишь констатируя очевидный для него факт. — Но я не пользуюсь синильной кислотой. Она мне ни к чему.

— Откровенность всегда приятна, — смягчившись, произнес майор Кроу и тут же спросил: — Но при желании вы могли бы ее получить?

— Конечно. Как и любой другой человек.

— Я вас не понимаю.

— А вам известно, что необходимо для того, чтобы получить синильную кислоту? — возбужденно спросил Хардинг. — Вам нужно следующее: соль цианистоводородной кислоты — неядовитое вещество и везде продается; далее — медный купорос и обычная вода. Смешайте их и приступайте к перегонке. С этим справится и ребенок, используя подручные средства из бабушкиной кухни. Короче говоря, любой взрослый человек с элементарным учебником по химии под носом сможет получить синильную кислоту!

— Неужели так просто?

— Представьте себе. А теперь вот что я вам скажу: вы обнаружили пузырек с синильной кислотой в ванной комнате рядом с зубной щеткой, как будто это тюбик с пастой или с чем-то в этом роде, и я никакого этому не удивлен. И знаете почему? Потому что этот дом находится в распаде. Он выглядит вполне прилично, но в нем нарушены все нормальные химические процессы. Я здесь новый человек и ясно это вижу. Извините, я вас оставляю. Мне нужен глоток виски. Надеюсь, он будет чистым, без примесей. — С этими словами он удалился.

Наверху без сознания лежал Уилбер Эммет и бредил, а внизу в холле стояли два детектива, уставившись друг на друга.

— Да... Не простое дело, — протянул майор Кроу. — У вас есть две ниточки, инспектор. Во-первых, надеюсь, что Эммет завтра придет в себя, и вы сможете допросить его. И, во-вторых, кинофильм. Я прикажу, чтобы сегодня же его для вас проявили. В Содбери Кроссе есть парень, который занимается подобной ра-

ботой. Заметьте, я говорю "для вас", потому что сам умываю руки и больше не собираюсь вмешиваться в ваше расследование.

Эллиот, казалось, не слушал майора. Он стоял, погруженный в свои мысли. Похоже, убийство совершил кто-то из людей, находящихся в доме, и при этом у каждого из них неопровергимое алиби. Кто и как мог убить Маркуса Чеснея?

Майор Кроу взял Эллиота под локоть, чтобы привлечь его внимание.

— Меня больше всего занимают четыре вопроса, — сказал он.

— Какие, сэр? — словно очнувшись, спросил Эллиот.

Загибая пальцы, майор Кроу перечислил:

— Зачем подменили коробку конфет? Что на самом деле произошло с часами? Каков был настоящий рост человека в цилиндре? Откуда взялась и куда делась стрела от духовой трубы, которую вертел в руках Маркус? Я готов прямо сейчас выложить двадцать фунтов, если мне на них ответят.

10

На следующий день в одиннадцать часов утра инспектор Эллиот въехал на своей машине в Бат и остановился возле отеля "Бью Нэш", что расположен напротив древнеримских бань. Во-преки уверениям многих, в этом курортном городе часто бывает хорошая погода, но справедливости ради надо отметить, что в этот день шел проливной дождь. Старинные особняки смотрели на улицу подслеповатыми окнами, по которым урча неслись потоки мутной воды. Подняв воротник пиджака, он быстремко нырнул в здание отеля. Его привели сюда угнетенное состояние духа и необходимость исповедаться или отказаться от дальнейшего расследования, объяснив истинную причину начальнику отдела Скотланд-Ярда мистеру Хедли. Ночью он почти не спал, а в восемь утра начал допрашивать прислугу в доме Маркуса Чеснея. Все это время у него перед глазами стоял Уилбер Эммет — его перевязанная голова, красный нос и лицо в пятнах. Он в беспамятстве метался по кровати, произнося невнятные фразы.

У администратора Эллиот выяснил, где остановился доктор Фелл.

Он застал его в номере за завтраком. В фланелевом халате, просторном как парус, доктор Гидеон Фелл пил кофе, курил сигару и читал детективный роман. Очки Фелла на широкой черной ленте прочно держались на кончике носа. Мушкетерские усы ощетинились, и вся огромная фигура сотрясалась от глубокого сосредоточенного дыхания, вызванного усилиями доктора разгадать, кто убийца в романе... Увидев Эллиота, он поднялся, едва не опрокинув стол. Его широко, с хитринкой, лицо осветилось радостной улыбкой. От одного его вида Эллиот почувствовал себя гораздо лучше.

— Ха! — воскликнул Фелл. — Ужасно рад тебя видеть, мой мальчик. Ну, садись, рассказывай, с чем пришел.

— Мистер Хедли объяснил мне, где вас можно найти.

— Верно, — сказал Фелл, усаживаясь на место. — Я пью здесь воды. Замечательное словосочетание с превосходным сказать и посредственным прямым дополнением. Ты не поверишь, мне приходится выпивать до пятнадцати пинт этой жидкости.

— Зачем так много? — улыбнувшись, спросил Эллиот.

— Говорят, необходимая норма для нормальной жизнедеятельности организма. Впрочем, оставим это. Как твои дела, мой мальчик?

— Бывало и лучше.

— О. — Лицо Фелла приняло сосредоточенное выражение. — Подозреваю, тебя привело ко мне дело об убийстве Маркуса Чеснея.

— Вы слышали о нем?

— Конечно. В маленьком городе любые новости разносятся моментально. А такая и подавно. Мой официант в столовой — прекрасный парень, но глух, как тетерев. В двух шагах не услышит церковный колокол, но все прочтет по губам. Эту новость ему принес молочник. Кстати сказать, я знал Чеснея. — Доктор Фелл задумчиво посмотрел в окно и почесал кончик носа. — Мы познакомились полгода назад на приеме. Там было все его семейство. А несколько дней назад я получил от него письмо.

— Вы знакомы с его семьей? Тем лучше. Я хотел с вами посоветоваться не только по делу мистера Чеснея, но еще и по личному вопросу. Не знаю, как это случилось, но случилось... Короче говоря, вы знакомы с племянницей мистера Чеснея?

— Да, — ответил доктор Фелл, вперив в Эллиота маленькие проницательные глаза.

Эллиот встал, в волнении начал ходить по комнате и, наконец, выдавил из себя: — Я в нее влюблен!

— Не удивительно. Ну и что? — улыбнулся доктор Фелл.

— До сегодняшней ночи я видел ее всего лишь два раза: один раз в Помпеях и второй раз в... Впрочем, об этом позже. Я не хочу идеализировать ее. Может быть, она убийца. Лживая и расчетливая. Но когда я увидел ее в Помпеях, среди цветов, залитую солнцем, не знаю, что со мной произошло. Возможно, ее манера говорить, двигаться... Или все вместе. Не знаю. Словом, у меня не хватило мужества присоединиться к их группе, как, наверное, сделал этот парень, Джордж Хардинг, ее жених. Теперь у меня две проблемы. Первая: я влюблена. Вторая: как выбросить эту блажь из головы. Бряд ли вы меня понимаете, — закончил свою тираду Эллиот.

В комнате повисла напряженная тишина, нарушающая шумным дыханием доктора Фелла и потоками дождя за окном.

— Ты не очень высокого мнения обо мне, если полагаешь, что я не могу понять тебя, — серьезным тоном прервал тишину Фелл. — Но все равно, продолжай.

— Вот, собственно, и все, — смутившись, сказал Эллиот.

— Не думаю, что все, — возразил доктор.

— Хорошо. Вы хотите услышать, где и как я встретился с мисс Уиллс во второй раз. Наша встреча, наверное, была предопределена самой судьбой. На прошлой неделе, пять дней назад, чтобы быть точным, я был в лавке аптекаря в лондонском порту. Нам стало известно, что через него проходит слишком много лекарств, содержащих ядовитые вещества. Я отправился с обычной проверкой. Он дал мне регистрационный журнал и усадил меня за ширмой. Пока я просматривал его, в аптеку вошел покупатель. Это была она. Нас разделяла ширма, но я узнал ее голос. Она попросила цианистый калий для фотографических целей. Аптекарь стал подробно расспрашивать мисс Уиллс, как она собирается пользоваться им, и я понял, что девушка разбирается в фотографии точно так же, как я в китайской грамоте. Окончательно запутавшись в ответах, она случайно заглянула в зеркало, висевшее на боковой от нас стене, и увидела меня. Не уверен, что она как следует меня разглядела. Она вскрикнула и назвала аптекаря... Не важно, как. И выскочила на улицу. Неплохая ситуация, а?

Доктор Фелл воздержался от комментариев.

— Конечно, за аптекарем водятся нечистые делишки, — продолжил Эллиот, — но с отчетностью у него все в порядке. И теперь представьте, мистер Хедли поручает мне, а не кому-нибудь другому, расследование дела об отравленных конфетах в лавке миссис Терри.

— Ты не отказался от него?

— А как я мог, не рассказав обо всем мистеру Хедли? Вы, наверное, считаете, что меня надо гнать из полиции?

Доктор Фелл вытаращил глаза.

— Не говори глупостей, мой мальчик, и выбрось эту чушь из головы, пока совсем от нее не свихнулся.

— Я старался вести дело беспристрастно, — облегченно проговорил Эллиот. — Надеюсь, что майор Кроу ничего не заметил, хотя несколько раз он смотрел на меня более чем подозрительно. Но хуже всего то, что мисс Уиллс чуть было не узнала меня. Она уверена, что видела меня раньше, но где и при каких обстоятельствах, не может вспомнить.

— Забудем на время о деле в лавке миссис Терри, — после недолгого раздумья сказал доктор Фелл. — И ответь мне на такой вопрос: у тебя есть основания считать, что Маркуса Чеснея отравила мисс Уиллс?

— Ни малейшего. Напротив, у нее железное алиби.

— Тогда не пойму, чем ты терзаешься?

— Я и сам не знаю. Просто у меня такое чувство, что все в этом деле может рухнуть в любой момент, как карточный домик.

Доктор Фелл откинулся в кресле и несколько раз глубоко затянулся сигарой. Его лицо выражало предельную сосредоточенность, даже ленточка на очках напряглась.

— Хорошо. Давай сначала решим твой личный вопрос. Нет, нет, не уклоняйся от него. Это может быть случайное увлечение, а может, и нет. В любом случае хочу задать тебе один вопрос. Предположим, что девушка — убийца.

Эллиот хотел запротестовать, но доктор Фелл не дал ему вставить ни слова.

— Минутку! Я сказал, предположим. Ты готов установить этот факт?

— Не знаю, — честно признался Эллиот.

— Из твоего ответа не следует, что ты не готов это сделать, — улыбнулся доктор Фелл.

— Наверное.

— Хорошо. Теперь представим, что девушка невиновна. Что следует из этого?

— Я вас не понимаю, сэр.

— Но ты же сказал, что влюблен в нее.

Когда Эллиот понял, что имел в виду доктор Фелл, он в отчаянии вскочил на ноги.

— Забудем об этом! У меня нет ни малейшего шанса. Вы бы только видели, как она смотрит на этого Хардинга. Честно говоря, я думаю, это обычный хлыщ. Охотник за приданым. Но с виду вполне приличный парень. Я столько раз представлял себе, как защелкиваю наручники у него на руках. Это хуже, чем глупость. Это ревность. Но даже тогда я понимал, что невозможно одновременно находиться в двух комнатах. Нет, о нем можно не думать. Так же, как и обо мне, — уныло закончил Эллиот.

Доктор Фелл недовольно переменил позу в кресле.

— Скромность и совестливость сами по себе замечательные качества, — сказал он, — но ни одна женщина в мире не способна терпеть их. Знаешь что, Эндрю, ты стоишь перед выбором: либо рассказать все мистеру Хедли и выставить себя полным идиотом, либо рассказать мне все про убийство Чеснея и вместе со мной заняться его расследованием.

Эллиот улыбнулся.

— Сэр, я сделал свой выбор. Надеюсь на вашу помощь в расследовании.

— Ну, и как ты себя теперь чувствуешь?

— Гораздо лучше, сэр, — искренне сказал Эллиот. — У меня будто гора с плеч свалилась.

— Прекрасно. Тогда садись и рассказывай все по порядку. У меня самое общее представление о том, что этой ночью произошло в Беллегарде.

На то, чтобы посвятить доктора Фелла во все подробности дела, ушло около часа. Эллиот не упустил ни одной детали, подробно описывая реакцию свидетелей на его вопросы и чуть ли не словно повторяя их ответы. Закончил он рассказом о синильной кислоте.

— Как и следовало ожидать, никто ничего не знает о ней и раньше ее в доме не видел. Я заглянул к Уилберу Эммету, но сейчас от него никакого проку. Словом, я окончательно запутался в этом деле, — подвел итог Эллиот. — Он говорит без умолку, но ничего нельзя разобрать кроме "Марджори". Вот, наверное, и все. Я ничего не могу понять и надеюсь только на вашу помощь, сэр.

— Кажется, я могу тебе помочь, — сказал доктор Фелл.

11

— Для начала, — продолжил он, размахивая сигарой, — давай уточним одну деталь. Или я тебя неправильно понял, или кто-то допустил чудовищную оплошность. Вспомни, Чесней открыл дверь и объявил всем, что представление окончено. Верно?

— Да, сэр.

— И тогда профессор Ингрэм спросил его, кто был человек в цилиндре. На это Маркус ответил: "О, это был Уилбер. Он помог мне все организовать". Правильно?

— Да.

— Это все подтвердили? — настойчиво спросил доктор Фелл.

— Да, сэр, — озадаченно ответил Эллиот.

Доктор Фелл изменился в лице. Его сигара застыла в воздухе, и он смотрел на Эллиота, широко открыв рот.

— Но такого не может быть.

— Почему?

— Достань лист с вопросами и прочти его снова, — возбужденно продолжал доктор Фелл. — Разве тебе ничего не кажется странным?

Эллиот перечитал лист и недоуменно посмотрел на Фелла.

— Боюсь, что нет, сэр. Или мои мозги отказываются работать, или...

— Вовсе нет. Соберись с мыслями, мой мальчик. Разве не видишь, что Чесней задал совсем нелепый вопрос?

— Какой?

— Четвертый. "Какого роста был человек, вошедший во французское окно?" Сразу после окончания представления Чесней раскрыл инкогнито человека в цилиндре. Это был Уилбер Эммет! Ты следишь за моей мыслью? (Эллиот кивнул головой). Так как же после этого они могли разойтись в показаниях относительно его роста, хотя видели Эммета в Беллегарде изо дня в день? Зачем он подвел их к ответу еще до того, как задать свой вопрос?

Эллиот, подумав, сказал:

— Возможно, здесь была ловушка. Скажем, мистер Чесней проинструктировал Эммета, как ходить, согнув колени, чтобы казаться на три дюйма ниже своего роста. И назвав его, он подталкивал зрителей к ошибке: те автоматически должны были указать шесть футов, хотя в этом конкретном случае рост человека в цилиндре был пять футов девять дюймов.

— Не исключено, — согласился доктор Фелл. — Но, положа руку на сердце, я считаю это большой натяжкой. Если человек такого роста в плаще, каким ты описал его, длинном и тесном, начнет ходить, согнув колени, то при каждом шаге они будут выступать вперед, как поршни. Это сразу бросится в глаза.

— Вы думаете, пять футов и девять дюймов настоящий рост неизвестного?

— Не спеши. Два свидетеля показали шесть футов. По каждому пункту профессор Ингрэм противоречит другим свидетелям, и ты каждый раз принимаешь его точку зрения. Возможно, он прав, но давай не будем из него делать оракула.

— Может быть, мистер Чесней был взволнован и случайно проговорился? — предположил Эллиот.

— Вряд ли. Он не произвел на меня впечатления человека, способного развлечься по пустякам. Как настоящий фокусник, он никогда бы не засветил карту случайно, а только с умыслом. Вспомни. Чесней не просто назвал Эммета, но стал звать его в комнату и поднял шум, когда тот не явился. Нет, это не была оплошность.

— Пожалуй, вы правы, сэр. Но это только добавляет нам еще одну загадку. А для вас хоть что-нибудь прояснилось?

— Многое. Теперь, по крайней мере, мы знаем, как, по мнению Чеснея, подменили конфеты в лавке миссис Терри, не так ли?

— Так как же?

Доктор Фелл нетерпеливо заерзal в кресле.

— К сожалению, Эндрю, твоя личная проблема отбила у тебя охоту думать. Разберемся с конфетами. Что нам известно? Во-первых, отравленные конфеты оказались в лавке семнадцатого июня. Во-вторых, их подбросил либо один из покупателей, либо они попали туда через маленького Френки. Следствием установлено, что накануне, то есть шестнадцатого июня, отравленных конфет в лавке не было, поскольку в тот день миссис Терри спрашивала день рождения одного из сыновей, и у него собирались приятели. Правильно?

— Да, сэр.

— Вздор! — едва не закричал доктор Фелл. — Я решительно не согласен с тем, что отравленные конфеты могли попасть в лавку только семнадцатого июня. Версия майора Кроу, по которой убийца явился в лавку миссис Терри, отвлек ее внимание и незаметно подбросил отравленные конфеты в коробку, не лишена логики, но она не единственная из возможных. Мне кажется, мы недооцениваем убийцу. Если исходить из того, что предложил майор Кроу, число подозреваемых ограничится одним днем, что на руку убийце, если он подбросил конфеты раньше. Почему? Потому что список посетителей лавки за один день можно составить достаточно точно, и убийцы в нем не будет. Теперь спрашивается, можно ли было подбросить конфеты до семнадцатого ию-

ня? Отвечаю: да, можно. И вот как. Убийца приготовил точную копию коробки с конфетами в лавке миссис Терри, и в своей коробке отравленные конфеты он положил не сверху, а в середине, чтобы прошло время, прежде чем до них доберутся. Потом он явился в лавку миссис Терри и заменил ее коробку на свою. И не случайно он выбрал конфеты с шоколадной начинкой. Они довольно дорогие для сорванцов из близлежащих домов, которые, собственно говоря, и составляют основную клиентуру этой почтеннейшей женщины. Если они их покупают, то понемногу, и, следовательно, было крайне маловероятно, что до отравленных конфет доберутся в тот самый день, когда убийца заменил их. Расчет убийцы оправдался. Поэтому даю голову на отсечение, что замена конфет произошла до рокового семнадцатого июня.

Эллиот задумался. Поднявшись из кресла, он подошел к окну и, постояв немного возле него, обернулся к доктору Феллу.

— Очень интересная мысль. Только я не представляю, как можно разгуливать с коробкой конфет по Содбери Кроссу у всех на виду.

— Очень просто. Это понял Маркус Чесней. Ты сам видел его сумку с надписью "Д-р Немо". Она снабжена специальным захватывающим устройством. Но ведь оно может работать и в обратном порядке. Убийца пришел в лавку с саквояжем или сумкой, в которой это устройство уже держало точно такую же коробку с конфетами, как и у миссис Терри. Он поставил саквояж на прилавок и нажал кнопку. Саквояж освободился от своей коробки с конфетами. Потом он отвлек внимание миссис Терри какой-нибудь просьбой, накрыл пустым уже саквояжем ее коробку и втянул ее внутрь этим устройством. Сняв саквояж с прилавка, он подвинул свою коробку с отравленными конфетами на то место, где только что стояла коробка хозяйки лавки. Когда Чесней понял, как это должно было произойти, он затеял весь этот спектакль. В Лондоне он раздобыл аналогичную сумку, потом, на глазах у трех свидетелей, сделал подмену, и никто этого не заметил. Таким образом он убедился в правоте своей догадки. И прими во внимание, Эндрю, Чесней предупредил своих зрителей, чтобы те следили за всем, что происходит на сцене. А что говорить о ничего не ведающей миссис Терри!

Раскрасневшийся Эллиот не сводил глаз с доктора Фелла и, когда тот закончил свою речь, взволнивенно проговорил:

— Спасибо, сэр. Вы вправили мне мозги и вернули желание работать и думать.

— Не стоит благодарности, — усмехнулся доктор Фелл.

— Но теперь дело окончательно запуталось.

— Почему?

— Раньше, по крайней мере, мы думали, что знаем, когда конфеты были подменены, и соответственно у нас был список подозреваемых, а теперь все так запуталось, что неизвестно кого подозревать.

— Я с тобой не согласен, Эндрю. Ты где родился?

— В Глазго.

— А я в провинциальном городе вроде Содбери Кросса и прекрасно знаю его нравы и обычаи, особенно любопытство хозяев маленьких лавок. Скажем, ты появился у миссис Терри с саквояжем в руке. Она первым делом спросит тебя: "Уезжаете, мистер Эллиот?" Для нее непривычно видеть тебя с саквояжем. Она обратит на него внимание, и этот случай ей запомнится. И наоборот...

— Убийца имеет обыкновение ходить по городу с саквояжем, — подхватил Эллиот. — И когда он в очередной раз пришел с ним в лавку миссис Терри, она не придала этому ровным счетом никакого значения.

— Совершенно верно, мой мальчик.

— Доктор Чесней? — тихо спросил Эллиот.

— Кто еще из этого дома ходит по городу с сумкой или саквояжем?

— Говорят, Уилбер Эммет. Я сам видел у него в комнате небольшой чемодан.

— Небольшой чемодан! Он вполне годится для такого устройства. Должен сказать, на основании того, что нам сейчас известно, наиболее вероятным убийцей является Уилбер Эммет. Хочешь знать, почему?

12

Эллиот еще раз убедился в том, как трудно вести разговор с доктором Феллом. Его мысли спонтанно меняли направление, делали самые неожиданные скачки и повороты, и уследить за ними стоило огромного труда и напряжения.

— Секундочку, сэр, — хотел он запротестовать, но Фелл перебил его.

— Нет, сначала выслушай меня. Как ты, возможно, помнишь, я начал свою карьеру школьным учителем и ежедневно имел дело с личностями, для которых вранье является естественным образом жизни. Мне пришлось выслушать тысячи самых разнообразных историй и объяснений, почему пропущены уроки в школе или не подготовлено домашнее задание. В этом отношении я имею бесспорное преимущество перед лондонской полицией. Говорю это затем, Эндрю, что ты, на мой взгляд, слишком безоговорочно принял на веру алиби Уилбера Эммета. Будь любезен, докажи мне его.

— Гм... — неуверенно пробормотал Эллиот.

— Фактически, его никто не видел, — продолжал Фелл, — до тех пор, пока не обнаружили его лежащим без сознания под деревом. Мисс Уиллс заявила: "Он там лежал уже некоторое время", и этого оказалось достаточным. У тебя же нет медицинского заключения, сколько времени он мог пролежать там без сознания. Десять секунд? Три минуты?

— Я действительно об этом не подумал, — признался Эллиот. — Выходит, человек в цилиндре действительно был Уилбер Эммет? Исполнив свою роль по сценарию мистера Чеснея, он дополнил ее тем, что вместо нормальной капсулы засунул ему в рот отравленную и после этого нанес себе удар кочергой, чтобы обеспечить алиби и направить расследование по другому следу.

— Совершенно верно.

— К тому же он был единственным посвященным во все подробности предстоящего спектакля. Но вся беда в том, что у меня до сих пор не было возможности допросить его. Я не знаю, кто он и чем занимается. И главное: зачем Эммету смерть мистера Чеснея? Что он выигрывает от этого?

— А зачем ему смерть восьмилетнего мальчишки?

— Значит, он маньяк-убийца?

— Не знаю, — проговорил доктор Фелл. — Над мотивом преступления всегда стоит подумать. Уилбер Эммет... — Он погасил сигару и задумчиво продолжил: — Я помню его на том приеме. Высокий темноволосый парень с красным носом, с манерами и голосом привидения отца Гамлета. Он опрокинул себе на брюки стакан с водой. О нем говорили не иначе, как "старый бедный Уилбер". Кстати, цилиндр и плащ годятся только Эммету?

Эллиот достал блокнот.

— У меня записаны все размеры, и можно совершенно точно сказать: цилиндр и плащ могли надеть все и не казаться в них странными, кроме мисс Уиллс. Но у всех, кроме Уилбера Эммета, есть железное алиби. И все-таки я не могу понять, почему именно Эммет?

— Наши друзья психиатры, несомненно, сказали бы, что Эммет был обуян жаждой власти. Кстати, я слышал, что Эммет страдает от неразделенной любви к мисс Уиллс, а на этой почве с любым человеком может произойти какой угодно сдвиг. Но не следует упускать из виду и другую возможность.

Эллиот насторожился.

— Ему уготовили роль козла отпущения.

— Козла отпущения?

— Да, да, — быстро сказал доктор Фелл. — Эта сумка с захватывающим устройством и отравление конфетами в лавке миссис Терри допускают иную интерпретацию. Мне не дает покоя определенное сходство с тем, что совершила Кристина Эдмундс в 1871 году. Мне всегда казалось, что в той истории заключена определенная мораль... Но забудем об этом. Лучше расскажи, что ты собираешься теперь делать?

— Прежде всего просмотреть фильм, отснятый Джорджем Хардингом. В Содбери Кроссе есть кинолюбитель, хозяин небольшой лавки по продаже химических товаров. Майор Кроу поднял его на ноги сегодня ночью в половине четвертого и добился от него обещания, что к ланчу он проявит плёнку. У него же есть кинопроектор. По словам майора Кроу, на этого парня впол-

не можно положиться. Мы собираемся у него сегодня в час дня. Сэр, я очень рассчитываю на ваше присутствие. (Доктор Фелл кивнул головой). Подумать только! — Эллиот потряс кулаками. — Убийство, отснятое на пленку. Просто не верится. А вдруг она не проявится? — обеспокоенно закончил он.

Доктор Фелл переоделся, и они вышли из отеля. Всю дорогу до Содбери Кросса волнение не покидало инспектора Эллиота. К дому, где на первом этаже находился магазин Хобарта Стивенсона, он подъехал в полной уверенности, что с пленкой непременно что-нибудь случилось, или она просто не проявилась. Выйдя из машины, он посмотрел вдоль улицы и увидел длинный ряд магазинов и лавок, в витринах которых преимущественно были выставлены всевозможные продукты питания. Среди них виднелась лавка миссис Терри. Дальним концом улица упиралась в гараж и автозаправочную станцию. Было пустынно и тихо, но Эллиота не покидало чувство, что он оказался в центре внимания людей, которых не было видно за окнами.

Колокольчик над дверью возвестил о приходе инспектора Эллиота и доктора Фелла. Внутри было сумрачно, стоял запах химикатов. Из-за прилавка вышел Хобарт Стивенсон, пухлый молодой человек невысокого роста, преисполненный важности от возложенного на него поручения. В этот день он даже закрыл магазин для покупателей.

— Инспектор Эллиот? — серьезным тоном, не соответствующим его внешности, спросил он.

Эллиот внимательно посмотрел на него и решил, что ему можно доверять.

— Да, — кивнув головой, ответил он. — А это доктор Фелл. Извините, что нам пришлось потревожить вас сегодня ночью.

— О, нет, ничего страшного, — поспешил заверить Эллиота Хобарт Стивенсон.

— С фильмом все в порядке? — стараясь скрыть волнение, спросил Эллиот.

— О, да. Он уже в проекторе.

— Проявился нормально?

— Вполне сносно, если иметь в виду условия, при которых он снимался. Может быть, чуточку недоэкспонирован, — тоном профессионала сказал Стивенсон и, словно забыв про свою солидность, с мальчишеским азартом добавил: — Я немного посмотрел фильм... Хотелось увидеть, как он проявился. О, мистер Эллиот, вас там ждут интереснейшие вещи.

— Какие, например? — улыбнувшись, спросил Эллиот.

— Например, — оглядываясь по сторонам, произнес Стивенсон, — предмет, которым мистер Чесней якобы писал на бумаге. Мне пришлось даже взять лупу, чтобы разобраться в нем. Все оказалось так просто, что я обхочтался.

— И что это было?

— Ни за что не догадаетесь. Это бы...

— Тсс! — зарычал доктор Фелл, и со звоном колокольчика в магазин вошел профессор Ингрэм.

На нем был костюм из твида и темная кепка. Его лицо не выражало ни малейшего смущения или замешательства. Напротив, он с удовлетворением обвел всех взглядом и закрыл за собой дверь.

— Добрый день, инспектор. А это, очевидно, доктор Фелл. Наслышишан о вас, сэр, наслышишан. Не уверен, что мы встречались раньше, но вы были знакомы с Маркусом Чеснеем, и он много рассказывал о вас. Если не ошибаюсь, несколько дней назад он отправил вам письмо.

— Я его получил, — подтвердил доктор Фелл.

— Я чуть было не проспал сегодня, — продолжал профессор Ингрэм, обращаясь к инспектору Эллиоту. — Мне помнится, вчера вы сказали, что собираетесь у мистера Стивенсона на просмотр фильма, отнятого мистером Хардингом. Надеюсь, я не опоздал, и вы не будете возражать против моего присутствия?

— Извините, сэр, — твердо проговорил Эллиот, — но, боюсь, это невозможно.

— Почему?

— Следствие еще не закончено, сэр. Возможно, потом.

После непродолжительной паузы профессор Ингрэм сухо произнес:

— Вам не кажется, инспектор, что это несправедливо. Вы сами обратились ко мне за помощью как к эксперту, и я со своей стороны сделал для вас все возможное. Естественно, теперь я хочу сам увидеть, в чем был прав, а в чем не прав.

— Извините, сэр, — проговорил Эллиот и сделал несколько шагов назад. К своему удивлению, слева от себя он увидел точно такое же зеркало на стене, как и неделю назад во время инспекции в аптеке. Только теперь в нем отражалось насупленное лицо профессора.

— Должен признаться, инспектор, вы сильно задели мое самолюбие, — сказал Ингрэм. — С вашего позволения, я сделаю несколько покупок и откланиюсь. Мистер Стивенсон, дайте мне, пожалуйста, пачку лезвий для бритья и таблетки от кашля. — Он прошел вдоль прилавка и, повернувшись к инспектору Эллиоту и доктору Феллу, сообщил: — Сегодня я снова буду в Беллегарде. После вскрытия начнутся приготовления к похоронам Маркуса, и, насколько я понял, приедет мистер Викерс из Бата, чтобы ознакомить всех с завещанием покойного. Интересно, Уилбер Эммет пришел уже в сознание?

— Скажите, профессор, у вас есть своя гипотеза по поводу убийства? — спросил доктор Фелл.

— Если и есть, сейчас не время и не место обсуждать ее, — резко ответил профессор.

— И все же? — не сдавался Фелл.

— Хорошо! Вы кажетесь мне умным человеком, и я вам скажу следующее. Я говорил уже не раз, в том числе, инспектору Эллиоту, что до сих пор расследование ведется не с того конца. Никого не интересует основа основ любого преступления — мотив. Считаете ли вы, что преступление у миссис Терри и убийство Маркуса Чеснэя совершены разными людьми?

— Нет, я почти убежден, что в обоих случаях действовал один и тот же преступник.

— Тогда что общего между этими убийствами? — Хобарт Стивенсон пробил чек и передал сверток профессору Ингрэму. Тот, не глядя, взял сверток и ответил:

— Отсутствие мотива. Ни в том, ни в другом случае убийца ничего не получал ни от смерти несчастного Френки, ни от смерти Маркуса. Я имею в виду, с материальной точки зрения. Как всем известно, доктор Джо и мисс Уиллс станут наследниками огромного состояния, а убийца не получит ничего. До свидания, джентльмены. — Профессор Ингрэм вышел из лавки, неплотно закрыв за собой двери. Вместе с шумом дождя в комнату проник влажный осенний воздух. Фелл, равнодушным взглядом проводив профессора, принял насищивать арию из «Тоски».

— Чрезмерная подозрительность вредит, — наконец сказал он, — но у этого джентльмена действительно есть алиби?

— Да, коллективное, — ответил Эллиот. — И в этом вся трудность. Для трех человек оно полностью исключает возможность совершения преступления. Все происходило в одной комнате, и трое готовы поклясться, что ни один из них не выходил из нее. Для четвертого человека, доктора Джо, алиби служит бой часов, которые невозможно перевести ни вперед, ни назад. А что касается... — Эллиот замолчал, вспомнив о присутствии Хобарта Стивенсона, лицо которого в этот момент выражало искреннее любопытство.

— Скажите, милейший, — обратился к нему доктор Фелл, — у вас в продаже имеются ядовитые вещества?

— Обычный набор, не более того.

— А синильная кислота или цианистый калий?

— Нет, нет. — Хобарт впервые проявил признаки беспокойства. — У меня нет синильной кислоты. Есть только одна или две заготовки цианистого калия. Но я сегодня утром отчитался за них мистеру Боствику.

— Хорошо идет тоговля?

— За полтора года я не продал ни одной заготовки. — После короткого замешательства, смущенно глядя на доктора Фелла, Хобарт Стивенсон сказал: — Если вы позволите, сэр, я должен заметить, что никто в Беллегарде не станет покупать цианистый калий для того, чтобы опылять деревья. Это крайне сомнительно. Распылять его в оранжерее при температуре 10° — 25° — это самоубийство. Если хотите, я могу показать вам регистрационный журнал.

— В этом нет необходимости, мистер Стивенсон, — уверил его доктор Фелл. — По правде говоря, меня больше интересует фотография. — Он обвел взглядом полки, уставленные химикатами. — У вас здесь прямо рай для фотолюбителя.

Хобарт Стивенсон скромно потупился.

— Кстати, у вас есть лампочки для фотоспышки?

— Да, сэр, — живо ответил Стивенсон.

— Тогда скажите мне, если такую лампочку ввернуть в настольную лампу, как долго она будет гореть?

— Но, сэр! Она служит совсем другим целям. Такими нельзя пользоваться, — округлив глаза, сказал хозяин лавки.

— Знаю, знаю, но я оригинал. Так как долго она простоянет?

— Да уж больше часа, — подумав, ответил Стивенсон.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно уверен, сэр.

— Хорошо. Кто-нибудь из Чеснеев покупал такие лампочки в последнее время?

— Да, мисс Уиллс. Вчера она пришла сюда около десяти часов утра и купила такую лампочку. Только, сэр, мне бы не хотелось, чтобы мое имя упоминалось в связи с этим делом, — смущенно добавил Хобарт.

— Мисс Уиллс часто покупает такие лампочки? — Доктор Фелл, казалось, не придавал значения последним словам хозяина лавки.

— Нет, весьма редко.

— Для себя?

— Нет, сэр. Для мистера Чеснея. Он изредка делает снимки своих персиков для рекламы.

Доктор Фелл повернулся к инспектору Эллиоту.

— Насколько мне помнится, мисс Уиллс сказала тебе, что в лампу Маркуса Чеснея была ввернута новая лампочка. — Эллиот кивнул головой, и доктор снова обратился к Хобарту Стивенсону: — Скажите, любезный, а мисс Уиллс не занимается фотографией?

— Нет, насколько мне известно. Она никогда ничего не покупала у меня в лавке для фотографических целей.

Вдруг Эллиот окаменел, увидев в зеркале то же отражение, что и пять дней назад. Марджори Уиллс приложила палец к губам, и он понял по выражению ее глаз, что она узнала его.

В этот момент стекло в витрине разбилось вдребезги от брошенного в нее камня.

13

Армейская выучка и служба в полиции сработали моментально: перепрыгнув через прилавок, Эллиот бросился к двери. К тому же, ему не хотелось встречаться глазами с Марджори Уиллс.

Моросил мелкий промозглый осенний дождик. На улице никого не было, если не считать посыльного, находившегося так да-

леко от лавки, что при всем желании он не смог бы докинуть сюда камень.

Едва сдерживая раздражение, инспектор вернулся в лавку. Марджори Уиллс стояла, закрыв лицо руками.

— За что? Я никому ничего плохого не сделала, — говорила она сквозь рыдания.

— Они не имеют права бить мне стекла, — вторил ей бледный Хобарт Стивенсон. — Это я никому ничего плохого не сделал. Мне нельзя бить стекла. Инспектор, вы должны принять меры.

Не обращая на него внимания, Эллиот подошел к Марджори.

— Мисс Уиллс, вам нельзя выходить сейчас на улицу. Я даже не подозревал, что все так ужасно. Присядьте, пожалуйста.

Марджори повернулась к Эллиоту. Он физически ощущал ее присутствие и возникший между ними контакт, который не требует слов.

— Успокойтесь, все не так страшно, как кажется, — сказал доктор Фелл. — Лучше расскажите нам, что привело вас сюда.

— Меня? Сюда?

— Ну да. Вас. Вы хотели купить зубной порошок, или мыло, или пасту?

— О, нет. Я пришла за инспектором. Майор Кроу ждет его в Беллегарде. Немедленно. Мы пробовали дозвониться сюда, но телефон не работает. И я решила приехать за инспектором на своей машине. Заодно и самой проветриться. Машина стоит на улице возле лавки. Если только они не порезали шины, — добавила она.

— Майор Кроу? Но при чем здесь Беллегард? Он сам должен был находиться здесь в час дня.

— Разве вы не знаете?

— Что не знаем?

— Уилбер умер.

Доктор Фелл от неожиданности сдвинул шляпу на лоб и забыл опустить руку. Она, как козырек, прикрывала ему глаза.

— Очень жаль, — пробормотал он. — Значит, удар оказался смертельным.

— Вовсе нет. Его отравили. Он умер во сне. Дядя Джо сказал, что ему шприцем ввели синильную кислоту.

В наступившей тишине Фелл, словно в забытьи, достал огромный платок и громко высморкался.

— Прошу прощения. Когда это случилось?

— Никто не знает. Мы поздно легли спать и встали в одиннадцать. Дядя Джо ночью отпустил Памелу, а когда утром она снова пришла к Уилберу в комнату, он был уже мертв.

— Ваш телефон испорчен? — спросил Фелл, резко повернувшись к Стивенсону.

— Нет, насколько мне известно, — озабоченно ответил тот. — Все утро я провел в лавке. Ничего не понимаю...

— Хорошо. — Фелл повернулся к Эллиоту. — Немедленно звони в Беллегард и пригласи сюда майора Кроу. Я должен увидеть этот фильм.

— Но я не могу приказать майору Кроу приехать сюда, если он ждет меня в Беллегарде, — запротестовал Эллиот. — Он начальник местной полиции.

— Я прекрасно знаком с майором Кроу, — перебил его Фелл. — Должен тебе признаться, он с самого начала просил меня заняться расследованием убийства в лавке миссис Терри, но я отказался, потому что мои выводы мне самому показались тогда слишком невероятными. Но теперь вижу, что я ошибся. Напротив, они были очевидны, как ясный день. И по моей вине погибли еще два человека. Я сам позвоню майору Кроу, а ты тем временем пригласишь мисс Уиллс наверх и выяснишь у нее, что пять дней назад привело ее в аптеку в лондонском порту. Мистер Стивенсон, если не ошибаюсь, ваши комнаты над лавкой? — обратился доктор к хозяину лавки. — У вас найдется свободная комната?

— Да, сэр, — с готовностью ответил Стивенсон. — Как раз в ней я собирался показать вам фильм.

— Ну и прекрасно. Проводите туда инспектора и мисс Уиллс. Марджори молча проследовала за ними. Хобарт Стивенсон ввел их в маленькую удобную комнату с окнами на улицу. Она соединялась со спальней раздвижной дверью, за которой виднелась натянутая простыня. В центре комнаты на столе стоял проектор. Занавески на окнах были приспущены. В камине горел огонь, наполняя комнату теплом.

Марджори села на софу. Она была бледна и не сводила глаз с Эллиота. Никогда раньше он не чувствовал себя так плохо, разрываясь между чувством и долгом.

— Я оказалась права, — холодно произнесла девушка. — Мы раньше встречались.

— Да, в аптеке "Мейсон и сыновья". — Эллиот решил до конца исполнить свой долг. — Где вы пытались купить синильную кислоту.

— Вы арестуете меня?

— Там видно будет.

— Но если человек хотел купить кислоту и не купил — это не преступление.

— Я не вижу смысла в подобном разговоре, мисс Уиллс.

— А если я скажу вам правду, вы мне поверите?

— Если правду — да.

— Главное не в этом. Вы обещаете, что никому не расскажете, зачем я хотела купить синильную кислоту?

— Ничего не могу обещать, мисс Уиллс. Идет следствие.

— Но это не имеет никакого отношения к убийству.

— Итак: зачем вам понадобилась синильная кислота?

— Я хотела отравиться, — спокойно произнесла девушка.

Наступила тишина, и было слышно, как в камине потрескивают поленья.

— Почему? — растерянно спросил Эллиот.

— Мне страшно было возвращаться домой.

— Не понимаю.

— Наверное, это трудно понять, если вас не обвиняют в убийстве и не собираются арестовать с минуты на минуту. Возвращаться к такой жизни после фантастического путешествия по Средиземному морю было выше моих сил. Как я слышала, цинистый калий действует мгновенно и безболезненно. Оставалось только придумать правдоподобную историю и купить его где-нибудь в Уэст-Энде, где меня никто не знает.

Эллиот отложил ручку и спросил:

— А ваш жених?

— Что мой жених?

— Вы решили отравиться накануне свадьбы? — с едва скрываемой иронией спросил Эллиот.

— Как вы не можете понять. — Марджори нетерпеливо махнула рукой. — Это был порыв. Человек не всегда способен контролировать свои чувства. Все было так прекрасно до этого. Когда я познакомилась с Джорджем в Лондоне...

— В Лондоне? — удивленно спросил Эллиот.

— О, черт, — она прикрыла рот ладонью, затем неожиданно вскинула на него дерзкие глаза. — Да, в Лондоне. А почему вам, собственно, не знать об этом? Мы с Джорджем давным-давно знакомы. Я встретилась с ним на вечеринке в один из тех редких случаев, когда дядя Маркус отпустил меня в Лондон одну. Я сразу без памяти влюбилась в Джорджа и потом использовала каждую возможность, чтобы увидеться с ним. Не думайте ничего плохого, — усмехнулась Марджори. — На это у меня смелости не хватило. Не похоже, правда? Мы тогда решили, что Джорджу пока не следует знакомиться с дядей Маркусом. Во-первых, дядя всегда был против моих знакомств и против того, чтобы ко мне приходили друзья. Я хорошая домохозяйка, — покраснев, добавила она. — И такое положение дел его вполне устраивало. Во-вторых, узнай дядя Маркус, что мы познакомились за его спиной, все бы кончилось грандиозным скандалом. Вам это понятно?

— Понятно, — кивнул головой Эллиот.

— Мы решили снова познакомиться как бы невзначай. Лучше за границей. У Джорджа, конечно, не было денег для такой поездки, но, слава Богу, мама оставила мне двести фунтов на мое имя в страховой компании. Я отдала эти деньги Джорджу, и он смог отправиться в путешествие на том же пароходе, что и мы.

— Свинья. Умная свинья, — пробормотал Эллиот.

— Неправда! — воскликнула Марджори. — Он не свинья. Он исключительный человек. Я таких не встречала. Умный, блестящий, уверенный в себе...

— Извините, — смутился Эллиот.

— Я так надеялась, что Джордж на корабле понравится дяде Маркусу, и все изменится в моей жизни. Но Джорджа словно подменили. Его угодливость и покорность стали невыносимы. Однажды в Помпеях дядя решил при всех обсудить наши виды на будущее и обрисовал его нам тоном, не терпящим возражений. И Джордж принял все это как должное. Тогда я поняла, что в моей жизни ничего не изменится. Снова будет дядя Маркус и только дядя Маркус.

— Вы не любили мистера Чеснэя?

— Конечно, любила. Но дело не в этом. Он был замечательный, в своем роде. Сделал все, чтобы я забыла о Содбери Кроссе во время путешествия. Но если бы вы поговорили с ним хотя бы пять минут. И потом, эти вечные споры с профессором Ингрэмом! Его криминалистические исследования... На этой почве они подружились. Дядя часто говорил профессору: "Вы считаете, что практикующий психолог мог бы стать величайшим в истории преступником. Докажите это. Совершите во имя науки немотивированное убийство". У меня иной раз мурашки по коже пробегали, когда я слышала подобные разговоры.

— А что отвечал профессор Ингрэм?

— "Нет, спасибо, — говорил он. — Без абсолютно надежного алиби только сумасшедший пойдет на преступление". — Она умоляюще посмотрела на Эллиота. — Помогите мне. Прошу вас. Я долго не выдержу.

В этот момент из коридора донесся шум, как будто на водопой двигалось стадо слонов, и в дверях появился Фелл.

— Извините, вынужден вас прервать. Свою беседу вам придется отложить на потом. Скоро здесь будут майор Кроу и Бостик. Боюсь, мисс Уиллс, вам придется поехать в Беллегард. Вас будет сопровождать на всякий случай помощник мистера Стивенсона.

14

— Доброе утро, инспектор, или, вернее, добрый день, — сказал майор Кроу, когда за Марджори Уиллс закрылась дверь. — Сегодня утром мы не смогли вас отыскать.

— Извините, сэр.

— Не знаю, насколько это вам интересно, — учтиво продолжал майор, — речь идет всего лишь еще об одном убийстве.

— Сэр, я сказал, извините.

— Но поскольку вы были у мистера Фелла, с моей стороны нет никаких к вам претензий. Вам больше повезло: мне так и не удалось заинтересовать его этим делом. Ему оно казалось слишком неинтересным. Ни таинственных исчезновений, ни загадочных находок. Ничего сверхъестественного. Всего лишь отравление стрихнином. Теперь же прибавилась еще одна смерть. На этот

раз Уилбер Эммет. Инспектор, вам было бы любопытно осмотреть его.

— Я уже извинился дважды, сэр, и не вижу необходимости делать это в третий раз. Более того, я не считаю, что пренебрег своими служебными обязанностями. Кстати, в Содбери Кроссе полицейские дежурят на улице?

Боствик, набивавший до этого трубку, поднял глаза на Эллиота.

— Дежурят, приятель, дежурят, — хмыкнул он. — Почему вы об этом спросили?

— Единственно потому, что я не видел ни одного из них, когда камнем выбили витрину в магазине мистера Стивенсона, а грохот был такой, что его могли и в Бате услышать.

— Что вы имеете в виду?

— Только то, что сказал.

— А я хочу сказать следующее: думаю — заметьте, думаю, — что в ближайшее время нам придется арестовать некую молодую леди — не называю ее имени — по подозрению в убийстве.

— Хватит! — яростно прорычал доктор Фелл, и всем показалось, что от его рыка в окнах задрожали стекла. — Это надо прекратить немедленно, или мы никогда не раскроем преступление.

— Совершенно с вами согласен, — сказал майор Кроу. — Извините, инспектор, у нас слишком напряжены нервы. Необходимо успокоиться.

— Теперь, когда восстановлен мир, — убийственным тоном произнес доктор Фелл, — приступим к делу.

— Со своей стороны, единственно могу добавить, — сказал майор Кроу, — что убийцей Эммета мог быть кто угодно: в Белегарде, впрочем, как почти во всех домах в Содбери Кроссе, на ночь никогда не запирают двери. Достаточно было войти в дом, подняться наверх и сделать укол. Кстати, я заходил к доктору Уэсту за медицинским заключением. Маркуса отравили синильной кислотой. Это все, чем мы располагаем.

— Вовсе нет! — воскликнул доктор Фелл. — Вы забыли про мистера Стивенсона. У него, кажется, все готово. Действуйте, дружище.

Стивенсон, осознавая свое значение, придирчиво осмотрел экран и, поправив его, подошел к проектору. Немного подумав, он решил подложить под него еще несколько книг. Тем временем сыщики расселись по местам и закурили трубки.

— Ничего не выйдет, — заявил вдруг майор Кроу.

— Что не выйдет? — взволнованно спросил Эллиот.

— Не знаю, — искренне ответил тот. — Только все слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Наступила тишина. Стивенсон продолжал колдовать над проектором.

— А теперь, джентльмены, — наконец он обратился к присутствующим, — с вашего позволения, я задерну шторы.

Доктор Фелл, сидевший на диване, подался всем телом вперед. Эллиот передвинул стул ближе к экрану. Боствик весь обратился во внимание.

— Одну минутку! — вмешался майор Кроу.

— Ну что еще? — недовольно проворчал Фелл.

— Я хочу уточнить вопросы, которые нас всех интересуют. Например, рост "доктора Немо". Кто им был, по вашему мнению, Боствик?

Боствик не спеша вынул трубку изо рта и, смерив взглядом доктора Фелла, ответил:

— У меня на этот счет нет сомнений. Это был Уилбер Эммет.

— Эммет? Но ведь он мертв!

— Но не тогда, — возразил Боствик.

— А вы как думаете, Фелл?

— Я думаю, — с подчеркнутой вежливостью произнес доктор Фелл, — что нам пора увидеть фильм, отснятый мистером Хардингом.

Задернув шторы и погасив свет, Стивенсон вернулся к проектору. Раздалось ровное стрекотание, и в темной комнате на экране появился светлый квадрат. Потом он погас и снова зажегся. Эллиот узнал музыкальную комнату и увидел, как Маркус Чесней открывает дверь в свой кабинет. На экране, словно из темноты, вырос силуэт человека, прошедшего к столу. Камера Хардинга сдвинулась влево, французские окна не попали в ракурс. Освещение было тусклым, но часы на камине и стол в кабинете виднелись ясно. Потом на экране появилось лицо Маркуса Чеснея. Белое, с черными тенями под глазами, оно уже тогда казалось лицом мертвеца.

— Часы! Смотрите на часы! Какое время они показывают? — услышал Эллиот возбужденный голос майора Кроу.

— Черт возьми, — прошептал Боствик. — Они все ошиблись. Была не полночь или около того, а одна минута первого.

— Тсс... — раздалось в темноте.

Маркус Чесней, отодвинув стул, уселся за стол. Коробку с конфетами он сдвинул влево. Затем взял плоский карандаш и сделал вид, что пишет им. После этого, отложив карандаш, он с трудом зацепил ногтями какой-то предмет на блокноте. Эллиот вспомнил, как его описал профессор Ингрэм. Он в самом деле был похож на ручку, только тоньше и короче.

— Я знаю, что это! — закричал майор Кроу. Сорвавшись с места, он побежал к экрану, наполовину закрыв его своей головой, и потребовал: — Остановите кадр! Я знаю, что это. Это стрелка от часов.

— Что? — недоверчиво спросил доктор Фелл.

— Минутная стрелка от каминных часов, — удовлетворенно проговорил майор Кроу. — Ее Чесней снял до начала своего представления, и на часах осталась только маленькая стрелка, которая показывала полночь. А то, что свидетели принимали

за минутную стрелку, на самом деле была тень от часовой. Они сидели под разным углом, и тень, естественно, падала для них под разным углом тоже. Вот почему все называли разное время. Разве я не говорил вам, что с часами какое-то надувательство?

— Да, сэр, — согласился Боствик. — Тогда возникает другой вопрос: сколько времени было на самом деле?

— Что вы имеете в виду?

— Часовая стрелка стоит вертикально, не так ли?

— Да, — сказал Кроу.

— При таком положении часовой стрелки минутная может показывать от без пяти минут двенадцать до пяти минут первого. Из этого следует, что...

— Что алиби доктора Джо лопнуло, как мыльный пузырь, — подхватил майор Кроу. — Он ушел от Энсвортов ровно в полночь. А неизвестный появился в кабинете Чеснея, возможно, в пять или даже шесть минут первого. От Энсвортов до Беллегарда ехать на машине от силы две минуты. Я ничего не имею против доктора Джо, но мне кажется, это тот, кого мы ищем. Отдерните шторы, в конце концов.

15

Шторы отдернул Эллиот, и комната наполнилась сереньким светом осеннего дня. Майор Кроу стоял у экрана, распаляясь все больше и больше.

— Я никогда не считал себя аналитиком, но здесь все ясно, как божий день. Знаете что? Бедняга Маркус фактически написал сценарий своего убийства. Доктор Джо несомненно знал про трюк с часами. Он мог подслушать, что планировали Маркус с Эмметом. Ему оставалось только обеспечить себе алиби у Энсвортов и успеть вернуться в Беллегард, пока часовая стрелка находилась в вертикальном положении. Что он и сделал. — Майор Кроу хлопнул себя по лбу. — Черт возьми! Как я раньше не подумал об этом? Убив Маркуса, он просто обязан был убить Эммета. Тот тоже знал про трюк с часами. И скажите мне, кто еще в доме Чеснеев мог пользоваться шприцем? Да, этот парень с головой. Кто бы мог его заподозрить?

— Вы, — спокойно произнес доктор Фелл.

— Что? — недоверчиво спросил майор Кроу.

— Я уверен, что с самого начала Джо казался вам подозрительным, и в первую очередь, своими шумными, подчас необуздаными манерами. Они находились в вопиющем противоречии с вашей армейской дисциплиной. Но все равно продолжайте.

— Видит Бог, я ничего не имею против доктора Джо, — запротестовал майор Кроу и, перейдя на официальный тон, обратился к Эллиоту: — Это ваше дело, инспектор, и я больше в него не вмешиваюсь. Но, черт побери, всем известно, как Джо ненавидит

свою работу, Маркус просто вынудил его заниматься частной практикой. Что касается оснований для ареста...

— Чьего ареста? — вмешался доктор Фелл. — Доктора Джо? Но вы забыли про одно обстоятельство: Маркус Чесней проделал трюк с часами, а вовсе не доктор Джо. И теперь вы собираетесь арестовать человека единствено потому, что алиби, построенное для него другим человеком, оказалось несостоятельным. Я не буду сейчас говорить о других слабостях вашей версии.

— Я не говорил об аресте, — надулся майор. — Я понимаю, нам нужны улики. А вы что предлагаете?

— Не лучше ли посмотреть фильм дальше? — спросил Боствик, вынув изо рта трубку. — Мы еще не видели человека в цилиндре.

— Надеюсь, нам больше никто не помешает, — проворчал доктор Фелл. — Валяйте, старина, — обратился он к Стивенсону.

Проектор снова заработал. Эллиот ясно увидел, что на циферблате была всего одна стрелка. Потом в кадре появился убийца. “Доктор Немо” медленно повернулся к ним лицом. Он был одет так, как его описали свидетели. В руке он держал сумку с надписью “Д-р Немо”. Его брюки и ботинки находились в тени, и разглядеть их было невозможно. Дальше все произошло молниеносно, но Эллиот, готовый к этому, не упустил ни одного движения. Убийца подошел к столу, быстро поставил сумку позади коробки с конфетами. Через мгновение, словно передумав, он взял сумку в руку и поставил ее поверх коробки.

— Вот как он подменил коробки, — не удержался майор Кроу.

— Тсс... — прошипел доктор Фелл.

Убийца вышел из кадра и появился уже по другую сторону стола. Маркус Чесней что-то беззвучно сказал ему. “Доктор Немо” вынул из кармана плаща небольшую коробку, быстрым и точным движением достал из нее капсулу. Схватив левой рукой Маркуса за горло, он мгновенно засунул капсулу ему в рот. Черты Чеснея исказились от испуга.

— В этот момент Марджори прошептала: “Нет, нет”, — заметил Боствик.

Обойдя вокруг стола, убийца взял сумку и направился к французскому окну. В кадре отчетливо стала видна его фигура в полный рост. Несмотря на тусклое освещение, можно было разглядеть его брюки, туфли и без труда определить рост “доктора Немо”.

— Остановите проектор! — закричал майор Кроу.

Но в этом не было необходимости: лента кончилась, и на экране появился залитый ровным светом белый квадрат.

— Это все, — послышался напряженный голос Стивенсона.

Майор Кроу сиял от удовольствия, Боствик раскуривал новую трубку, улыбаясь своим мыслям. И только Фелл сидел, как парализованный. Заметив это, майор Кроу расхохотался.

— Кто-то получил порядочную встряску. Скажите, инспектор, какого роста человек в цилиндре? — обратился он к Эллиоту.

— Не меньше шести футов, — ответил тот. — Конечно, придется провести экспертизу, но он оказался на одной прямой с камином, и сравнительные размеры дадут нам точный ответ.

— Да уж, шесть футов в нем есть. Никак не меньше, — согласился Боствик. — А вы заметили, как он ходит?

— А вы что скажете, доктор Фелл? — спросил майор.

— Скажу — нет! — прогремел Фелл.

— Вы не верите своим глазам?

— Нет, не верю. Стоит им поверить, и мы оказываемся в тупике. Все в этом деле сплошное надувательство. Если Маркус придумал трюк с часами, то он на многое способен. Нет, я не верю своим глазам.

— Но какое у вас для этого основание?

— Самое простое: в списке Чеснея есть лишний вопрос. И заметьте, двое — Марджори Уиллс и Джордж Хардинг, не бояться какие свидетели, — дают на него правильный ответ, а профессор Ингрэм — такого свидетеля еще поискать надо — безнадежно ошибается на целых три дюйма, когда называет рост человека.

— Значит, вы настаиваете, что “доктор Немо” ниже шести футов? — не сдавался майор.

— Я ни на чем не настаиваю, — устало произнес Фелл. — Я просто говорю, что здесь что-то не так. — Он снова достал платок и громко высыпался. — Меня больше всего занимает другой вопрос: почему убийца не уничтожил пленку? После гибели Чеснея все они были заняты переносом раненого Эммета на верх. На первом этаже никого не осталось. Была масса возможностей уничтожить ее, и, тем не менее, она осталась цела. А что убийце нужно было сделать? Всего лишь достать камеру, открыть дверцу и засветить ленту. Но он этого не сделал. Почему? Только не говорите мне, что он хотел передать ее на экспертизу в полицию.

— Доктор Джо... — начал майор Кроу, но Фелл перебил его.

— Хорошо, предположим, что он убийца. Но ведь не сумашедший. Он не мог не знать, что Хардинг все снимает на пленку, и на этой пленке сразу выплынет трюк с часами, и он останется без алиби. Когда он позвонил в полицию?

— В 00.20.

— Когда вы выехали в Беллегард?

— В 00.25.

— Отлично! Он звонил из музыкальной комнаты, находясь один в двух шагах от пленки, и не уничтожил единственную улику, которая пошлет его на эшафот!

Майор Кроу покраснел.

— Вас, кажется, достали, — заметил Боствик.

— Что значит, достали! — взорвался майор. — Может быть, он камеру не нашел.

— Та, та, та, — язвительно пробурчал Фелл.

— Хорошо, констебль, — сдался майор Кроу. — Я вижу, у вас есть своя версия. Объясните нам, почему убийца не уничтожил пленку.

— С удовольствием, — отозвался Боствик. — Один убийца не в состоянии был сделать это, а другой не захотел.

— Что?! Убийц было двое?! — воскликнул Эллиот.

Боствик выбил табак из трубки.

— Да, сэр. Убийц было двое. Мисс Уиллс и Уилбер Эммет.

Доктор Фелл с любопытством посмотрел на него.

— До сих пор я молчал, — сказал Боствик, — зато много думал. Я обсосал это дело со всех сторон и пришел вот к каким выводам. Начнем с фильма. Любой вам скажет, что это был Эммет. Никто больше так не ходит. Я никогда всерьез не верил, что на него могли покушаться. Эту историю нам подсунула мисс Уиллс, и мы, не задумываясь, заглотали ее. — Он сделал глубокую затяжку и выпустил дым колечком. — Сегодня я долго не мог заснуть, и вдруг меня осенило: а где вторая капсула?

— Вторая капсула? — спросил Эллиот.

— Да-да. Вторая капсула. Мы верим тому, что нам сказала мисс Уиллс: Эммета оглушили, и во время спектакля Чеснею вместо обычной капсулы в рот засунули отравленную. Хорошо. Пусть будет так. Но где другая, безвредная, капсула? Мы все обыскали, но ее не нашли. Следовательно, второй капсулы никогда не было, а была только одна — отравленная. Та, что Эммет засунул в рот Чеснею. Мы не нашли также коробочки от капсулы. Кстати, ее прекрасно видно в фильме. Я долго ломал голову над тем, где она может быть. И сегодня нашел там, где и ожидал. — С этими словами Боствик не спеша достал коробочку из кармана.

— И где же она была? — спросил Эллиот.

— В пиджаке Эммета, который висел на стуле у него в комнате.

— Это уже серьезно, — тихо промолвил майор Кроу.

— Позвольте продолжить, сэр, — сказал Боствик. — Этой ночью кто-то убил Эммета, и этот кто-то был в сговоре с ним. Все знают, что он был готов на все ради мисс Уиллс. Возможно, она подсунула ему отравленную капсулу, и он об этом даже не знал. Хотя вряд ли. Скорее всего, он выполнил ее поручение и потом уже ударил себя кочергой по голове, чтобы обеспечить алиби. И не случайно мисс Уиллс поспешила сказать, что вместо Эммета роль человека в цилиндре исполнил кто-то другой. Объясните мне, почему она говорила “нет, нет” во время представления, когда человек в цилиндре засунул Маркусу в рот капсулу, а потом отрицала это? Потому что не могла не знать, что происходит у нее на глазах, и нервы у нее не выдержали. — Боствик перевел дух.

— Действительно, против Эммета есть веские улики, — согласился Эллиот. — Но что мы имеем против мисс Уиллс? Только то, что она сказала “нет” и забыла об этом.

— Есть против нее улика, — удовлетворенно проговорил Боствик и повернулся к Стивенсону. — Хобарт, если из этой комнаты наружу просочится хоть одно словечко, я сверну тебе шею. Ты меня знаешь. Я это сделаю.

— Клянусь, никто от меня ничего не услышит, — поспешил уверить Боствика Стивенсон, до этого жадно ловивший каждое слово, произнесенное в комнате.

— Хорошо. — Боствик обратился ко всем присутствующим: — Пока у меня не было полной уверенности, я не хотел говорить об этом. Недавно, сэр, вы упомянули, что кроме Джо никто не сможет в доме Чеснег сделать укол шприцем. Так вот, Марджори Уиллс шесть или семь лет назад во время эпидемии гриппа помогала доктору Джо делать прививки. А теперь смотрите сюда. — Боствик не спеша достал конверт из внутреннего кармана пиджака и вынул из него тонкую иглу от шприца.

— Где вы ее нашли? — напряженно спросил Эллиот.

— В спальне мисс Уиллс. В шкатулке с двойным дном. — Передав конверт с иглой Эллиоту, Боствик удовлетворенно сложил руки на груди.

— Это уже неопровергимая улика, — сказал майор Кроу и повернулся к Эллиоту: — Вам нужен ордер на арест?

— Не раньше, чем я допрошу мисс Уиллс.

— Мы только тем и занимаемся, что ее допрашиваем, — возмутился Боствик. — Это ее рук дело, черт возьми. Она виновна.

16

В тот же день Фелл, инспектор Эллиот и Боствик вошли в спальню комнату Марджори Уиллс. Первые двое перед поездкой в Беллегард в полном молчании съели обед в “Синем льве”. В полном молчании единственно потому, что компании им составил майор Кроу.

К счастью, Марджори не было дома. Как сказала Памела, ее служанка, она вместе с женихом уехала в машине не то в Бат, не то в Бристоль. Кроме Памелы, в доме находилась еще Лена, вторая служанка Чеснег, и миссис Гринли, повариха. Ночевавший в доме, по их свидетельству, доктор Джо убыл в неизвестном направлении.

Спальня Марджори Уиллс занимала просторную комнату с мебелью из светлого ореха. На окнах висели золотисто-коричневые занавески. Рядом с кроватью стояли стеллажи с книгами. Эллиот начал рассматривать их корешки. Здесь были путеводители по Франции, Италии, Греции, беллетристика и несколько учебников, в том числе, по химии. Боствик их тут же заметил.

— Ну, что я вам говорил?

— Да, любопытный подбор книг, — согласился доктор Фелл. — Молодая леди представляет куда больший интерес, чем я думал сначала.

— Смотрите сюда. — Боствик показал на туалетный столик, стоявший между окнами. В глаза сразу бросилась стоявшая перед зеркалом золотая шкатулка итальянской работы с изображением мадонны с младенцем на крышке. Второе дно в ней открывалось специальной пружиной, кнопка от которой была запрятана в одной из ножек. Боствик показал, как она действует.

— Здесь я нашел иглу от шприца.

— Возможно, она купила шкатулку во время путешествия, — сказал Эллиот.

— Какое это имеет значение? — возразил Боствик.

— Шкатулку могли видеть все и знать про двойное дно.

— Ну и что? — пожал плечами Боствик.

— А то, что иглу могли подбросить.

— Возможно, — согласился доктор Фелл и, как бы невзначай, выдвинул верхний ящик туалетного столика. Его внимание привлекла небольшая картонная коробка. Надев очки, он осмотрел ее, словно это была бутылка вина. — С вашего позволения, мне хотелось бы поговорить со служанкой, — сказал он.

Эллиот привел обеих девушек: Лену и Памелу. За уборку комнаты отвечала Лена, а Памела пришла с ней для моральной поддержки.

— Здравствуйте, красавицы, — встретил их Фелл.

— Здравствуйте, — с достоинством проговорила рыженькая Лена, а Памела, чтобы не рассмеяться, прикрылась фартуком.

— Кто убирает здесь?

— Я, — ответила Лена и присела.

— Ты раньше это видела? — спросил доктор Фелл, держа коробку от лампочки.

— Да. Мисс Уиллс принесла ее вчера. Я как раз убирала в комнате.

— Что она с ней сделала?

— Положила сюда, — девушка показала на выдвинутый ящик.

— А потом ты видела ее?

— Нет.

— Я видела, — вызвалась Памела.

— Ты? Когда?

— Вчера вечером. Без пятнадцати двенадцать.

— Ха! — воскликнул Фелл. Девушки в испуге переглянулись. — Извините меня, ради Бога. Я не хотел вас напугать. — Он взял Памелу за руку. — Милая девушка, расскажи мне, как это было.

— Я слушала радио на кухне и потом пошла спать. У лестницы я столкнулась с мистером Чеснеем. Он спросил: «Почему ты до сих пор не спишь?» Я говорю: «Слушала радио.» Он о чём-то

еще хотел спросить меня, но в этот момент из библиотеки вышел профессор Ингрэм, и мистер Чесней спросил: "Ты знаешь, где лежит лампочка для фотовспышки?" Я ответила: "Да". Лена как-то говорила.

— Только меня не впутывай, пожалуйста, — рассердилась Лена.

— Не бойся, дуреха. — Памела повернулась к Феллу: — Ведь я ничего плохого не делаю, правда?

— Правда, правда, — успокоил ее Фелл.

— Мистер Чесней велел мне принести лампочку. Я принесла и пошла спать. Вот и все.

Неожиданно Лена взорвалась:

— До чего ж мне надоели эти разговоры! Я вам скажу, что честно думаю. Я не верю ни одному словечку про нее. Иначе бы я ни дня здесь не работала. Ее просто не любят в Содбери Кроссе, потому что она ни на кого не похожа. Она совсем не страшная, а просто одинокая. Скажите мне, зачем она ездила в Лондон, когда всем говорила, что едет в Рединг к миссис Мориссон? К мужчине, вот что я вам скажу.

— В Лондон? — заинтересовался Боствик. — А кто этот мужчина?

— Я за ней не слежу, — обиженно протянула Лена. — Да и давно это было. А если бы знала, все равно не сказала бы. Ни за какие деньги. Мы не так воспитаны и знаем, как вести себя в приличных домах. Одно могу сказать — он работал в лаборатории. Потому что письма писал. Только не думайте, что я читала их. Там на конверте был такой штамп. Вот откуда я знаю.

— В лаборатории, — задумчиво произнес Боствик и повернулся к девушкам: — Выходите за дверь и ждите, когда вас позовут.

Девушки вышли в коридор.

— В лаборатории! Как вам это нравится?

— Вы находите это интересным? — спросил Эллиот.

— А вы нет? У этой леди прямо-таки страсть к химикам. Сначала неизвестное лицо в Лондоне, теперь Хардинг.

— Это одно и то же лицо, — сказал Эллиот.

— Откуда вы знаете?

— Мисс Уиллс сегодня утром рассказала мне, как она познакомилась с мистером Хардингом.

— Во всяком случае, теперь мы знаем, откуда взялся яд. — Боствик поджал губы. — Мисс Уиллс бывала у него в лаборатории и оттуда могла взять что угодно. Или постойте... — он задумался. — А не слишком ли Хардинг обходительный джентльмен? Нет, это гораздо глубже, чем мы думали сначала. Нет ли между нимиговора, как вы считаете?

— Вам не кажется, Боствик, — раздраженно проговорил Эллиот, — что, в зависимости от обстоятельств, вы каждый раз меняете версию, но всегда виновной остается мисс Уиллс? То убий-

ство она совершила одна, то в сговоре с Эмметом, то, наконец, с Хардингом. Не слишком ли много для одной девушки?

— Вы отказываетесь верить, что она убийца? Я правильно вас понял?

— Да, вы поняли меня абсолютно правильно.

Наступила напряженная пауза, которую прервал стоявший у окна доктор Фелл.

— В данную минуту мисс Уиллс, доктор Джо и мистер Хардинг въезжают в Беллегард. Нам просто необходимо сплотить свои ряды перед лицом неприятеля. — Он повернулся к Эллиоту и, улыбнувшись, добавил: — Я рад, мой мальчик, что ты сказал это.

— Почему?

— Ты прав: мисс Марджори Уиллс не убийца. А вы, почтенный, — обратился он к Боствику, — забудьте о своем намерении и не вздумайте трясти перед бедной девушкой шприцем и требовать признания.

— Значит, вы тоже... — напряженно проговорил Боствик.

— Да, я тоже! И вы ничего подобного не сделаете, если не хотите, чтобы помимо трех убийств на вас еще висело одно самоубийство. Запомните: у мисс Уиллс и, к сожалению, у мистера Хардинга никогда не было яда.

Из окна они увидели, как машина с открытым верхом медленно въезжала в Беллегард. Сидевший за рулем Хардинг не сводил глаз с Марджори и, судя по всему, пытался в чем-то убедить ее. На лице девушки было написано сомнение. Сзади с полупьяной улыбкой сидел доктор Джо. Его руки были сжаты в кулаки и лежали на коленях. Он вынул из петлицы цветок и выбросил его в канаву. Дальше произошло неожиданное. Доктор достал из кармана револьвер и, приставив его к затылку Хардинга, нажал на курок. Раздался выстрел, с деревьев сорвались перепуганные вороны. Машина сделала рывок и остановилась. Мотор заглох.

17

Констебль Боствик, который был на добрых два десятка лет старше инспектора Эллиота, ни на шаг не отставал от него, когда тот побежал к машине. Эллиот ожидал увидеть Хардинга с пристреленной головой, но тот сидел на траве, держась рукой за шею, — воротничок его рубашки окрасился в красный цвет, — и бормотал:

— Убили меня, убили...

— Лежите спокойно, — громко сказал Эллиот, склонившись над ним.

— Он выстрелил. Честное слово, выстрелил, — недоуменно говорил враз пропрозвевший Джо, держа в руках револьвер.

— Мы это видели, — сухо заметил Боствик.

— Вы живы. — Эллиот взял Хардинга за плечи. — Пуля прошла мимо. У вас только царапина. Слышиште меня?

— Да, — жалобно ответил Хардинг и с вымученной улыбкой добавил: — Мне грех жаловаться.

— Вы можете заняться раной? — спросил Эллиот у доктора Джо.

— Сумка. Моя сумка. Она там, под лестницей, — пробормотал Джо, указывая на дом.

— Ну и ну! — Хардинг рассмеялся.

Эллиот повернулся на смех. Жених Марджори Уиллс, оправившись от испуга, сидел на траве, приложив носовой платок к ране, и, как ни в чем не бывало, смеялся. В эту минуту Эллиот не мог не восхититься им.

— Доктор, вы никудышный стрелок. Промазать с такого расстояния, — сквозь смех выдавил Хардинг.

— Бог мой, неужели вы думаете, что я выстрелил нарочно?

— А почему бы и нет. — Хардинг встал на ноги, поддерживающий Марджори. — Конечно, я так не думаю, но согласитесь, мало приятного, когда в тебя стреляют.

— Боствик, вы же не думаете, что я пытался убить мистера Хардинга? — спросил доктор Джо, повернувшись к констеблю.

— Не знаю, что вы пытались сделать, — мрачно ответил Боствик. — Я был у окна и видел своими глазами, как вы достали револьвер и выстрелили мистеру Хардингу в затылок.

— Но это была шутка!

— Неужели?

— Он не был заряжен, — возбужденно говорил доктор Джо. — Могу поклясться. Я несколько раз нажимал на курок в... — доктор замолчал.

— Где? — быстро спросил Боствик.

— Неважно, где. Констебль, неужели вы верите, что я могу убить человека?

— Если в барабане револьвера был хоть один патрон, то, несколько раз нажав курок, вы загнали патрон в ствол. Скажите, доктор Джо, на каком основании вы носите при себе оружие? У вас есть разрешение?

— Не совсем!

— То есть как "не совсем"?

— У меня его нет, но я легко его могу получить, черт возьми. В конце концов, я бы не промазал с такого расстояния, если бы захотел убить мистера Хардинга. И не мешайте мне работать, Боствик! У меня на руках раненый. Смотрите, из него хлещет кровь, как из недорезанного поросенка. Пошли домой, Джордж. Если ты мне еще доверяешь.

— Рискну, пожалуй.

Джо подхватил Хардинга под руку и поволок его через лужайку к дому. Боствик повернулся к Марджори.

— Итак, мисс...

— Да? — холодно сказала девушка.

— Вам было известно, что ваш дядя имел при себе револьвер?

— Он же сказал, что это была шутка. Вы же знаете дядю Джо. На Боствика она больше не смотрела и только мельком взглянула на Эллиота, затем несколько раз провела туфлями по гравию, пытаясь снять комочки земли, приставшие к каблукам.

— Куда вы ездили? — спросил Эллиот.

— Прогуляться.

— Где вы останавливались?

— В одном или двух пабах. Еще мы заезжали к профессору Ингрэму.

— Вы видели револьвер у доктора Джо до того, как он вынул его и выстрелил?

— О револьвере говорите с дядей Джо. Я к этому не имею никакого отношения, — равнодушно бросила Марджори.

— Тогда у меня есть вопрос, к которому вы имеете самое прямое отношение, — вмешался Боствик.

Лицо Фелла, стоявшего за спиной у Боствика, потемнело от гнева. Он наполнил легкие воздухом, чтобы разразиться убийственной тирадой, но Марджори его опередила.

— Так вы рылись у меня в комнате? — гневно спросила она.

— Теперь я все понял, — сказал Эллиот, и девушка повернулась к нему. Никто, кроме него, не видел, как из окна ее спальни высунулась Памела, беззвучно произнесла что-то одними губами и снова захлопнула ставни.

— Что поняли? — спросила Марджори.

— Вы читаете по губам.

— Да. Это, как видно, единственное, что я умею делать.

— Кто вас научил?

— Один человек, который живет теперь в Бате.

— И зовут его Толеранс, не правда ли? — спросил доктор Фелл.

— Да.

— Как тесен мир! — воскликнул Фелл. — Сегодня утром я рассказывал о нем инспектору Эллиоту. От почтенного мистера Толеранса я услышал про убийство вашего дяди, мисс Уиллс. Не забудьте поздравить его с Рождеством и пошлите ему пять фунтов. Он это заслужил.

— О чем вы говорите?

— Сам того не зная, он поможет нам разоблачить убийцу.

— Но вы же не думаете, что это сделала я? — со слезами на глазах спросила Марджори Уиллс.

— Нет. Теперь я знаю, кто убийца, — удовлетворенно ответил доктор Фелл.

Марджори медленно подошла к машине и достала из нее сумочку. Неуверенной походкой она пошла к дому, но, сделав несколько шагов, остановилась и повернулась к ним.

— А что они думают? — спросила она, указав на Боствика и Эллиота.

— Мы думаем, мисс Уиллс, что вы должны ответить нам на парочку вопросов, — сказал Боствик. — И в частности...

— Об игле, — подхватила Марджори. — Сегодня утром я нашла ее у себя в шкатулке. Не знаю, откуда она там взялась. Мне стало страшно. Я не могла придумать, куда ее спрятать. Как можно избавиться от вещи, чтобы этого никто не видел? — в отчаянии спросила она. — Я не клала ее в шкатулку!

Эллиот достал конверт и вынул из него иглу.

— Вы раньше ее видели?

— Не знаю. Такие же есть у дяди.

— Давайте забудем об игле, — вмешался доктор Фелл. — Каждая разница, чья она и как попала в шкатулку. Пусть мисс Уиллс расскажет нам о револьвере.

— О револьвере? — переспросила девушка.

— Или лучше о том, куда вы вместе с доктором Джо и Хардингом ездили сегодня днем.

Марджори посмотрела на доктора Фелла и произнесла:

— А то вы не знаете.

— Не вам судить об этом, — возмутился Фелл. — Я не слепой котенок, но все хочу услышать от вас. — Он посмотрел на ее туфли. — Я так и думал. Тротуар возле мэрии никогда не убирают от конфетти. Они легко прилипают к обуви в ненастный день.

Марджори непроизвольно сделала шаг назад и усмехнулась:

— Да, мы с Джорджем сегодня вступили в брак.

В наступившей тишине из дома донесся неясный шум.

— Мы хотели сохранить это в тайне, — нервничая, продолжала девушка. — Хотя бы год. Но разве от таких умных сыщиков что-нибудь скроешь? Да и мы такие вшивые преступники, что нас сразу раскололи.

Боствик, не веря своим ушам, уставился на Марджори.

— Марджори! Как ты могла? Твоего дядю еще не предали земле, а ты...

— Вы не одобряете мой брак? — вызывающе спросила она.

— Не одобряю твой брак? Разве в этом дело? Когда тебе в голову пришло именно сегодня выйти замуж?

— Давно. Мы с Джорджем решили, что вступим в брак именно сегодня, несмотря ни на что. В мэрии. Джордж терпеть не может церковное венчание. Слишком много суеты и звона. К тому же, у меня есть свои причины для замужества. — Она повернулась ко всем и спросила: — Неужели некому поздравить меня и пожелать счастливого замужества?

— Я желаю вам счастья, — расстроенно протянул Эллиот. — Вы это знаете.

— Миссис Хардинг, — поддержал его доктор Фелл. — Своей невоспитанностью я снискнул недобрую славу и сегодня, как никогда раньше, жалею об этом. Мне остается только с опозданием принести вам свои поздравления. Позвольте выразить мою убежденность, что вы непременно будете счастливы.

Настроение Марджори резко изменилось. Лицо осветилось счастливой улыбкой.

— Да, я теперь, слава Богу, замужем. Вам этого не понять.

— Я только хочу сказать... — начал Эллиот, но Марджори оборвала его:

— Вы уже все сказали. А теперь, если хотите, оставайтесь со своими надутыми лицами, как профессор Ингрэм, когда мы приехали сегодня просить его, чтобы он стал у нас вторым свидетелем. — Она повернулась к Феллу. — Вы хотели знать про револьвер. Это в самом деле была шутка. Возможно, у дяди Джо не слишком тонкий юмор, но он такой, какой есть, и ничего с ним не поделаешь. Он взял револьвер с собой в мэрию и несколько раз показывал его нам, пока регистрировали наш брак, но так, чтобы мэр его не видел. Он хотел разыграть сцену, будто принуждает Джорджа к браку со мной под дулом револьвера, чтобы спасти мою честь.

— Милое дитя, почему ты нам сразу не сказала об этом? — спросил Боствик.

— Вы опять ничего не поняли, мистер Боствик, — с грустью в голосе ответила Марджори. — Если я скажу, что вступила в брак, чтобы не дать вам возможность накинуть мне петлю на шею, вы мне не поверите. А стоило упомянуть про честь, как вы сразу наполнились умилиением. Мистер Боствик, несмотря на все ваши обвинения в преступлениях, которые я не совершала, я с чистой совестью могу сказать: я так же невиновна, как и невинна. — Она повернулась к Феллу: — Это все, что мне известно про револьвер. Как туда попала пуля, не знаю. Скорее всего, обычная дядина беспечность. В одном я уверена: никто никого не хотел убивать.

— Вы так считаете? — спросил Фелл.

— А вы думаете, снова убийца? — побледнев, проговорила Марджори.

Фелл наклонил голову.

Над Беллегардом сгущались сумерки. В последних лучах заходящего солнца ярким светом пылали окна в доме Маркуса Чеснэя. Эллиоту вдруг вспомнилось, как в одном из них, прямо у него над головой, торчало лицо доктора Джо. Это было прошлой ночью, но сейчас ему казалось, что с тех пор прошла целая вечность.

— Я вам еще нужна? — тихо спросила Марджори. — Если нет, то позвольте мне уйти.

— Конечно, можете идти, — уверил ее Фелл. — Но вы непременно понадобитесь нам сегодня вечером.

Эллиот даже не заметил, как ушла Марджори. Он стоял, ошеломленный своим открытием. Как он раньше не понял?! Теперь все сходилось. Почувствовав на себе взгляд, он вскинул голову и увидел маленькие проницательные глаза доктора Фелла, устремленные на него.

-
- Ты, кажется, все понял, мой мальчик?
— Да, сэр. Думаю, что да.
— В таком случае, нам пора в гостиницу. Там мы все обсудим.

18

Вечером в номере Эллиота у камина собирались четыре человека.

— Теперь нам известно, кто убийца, — говорил Фелл, загибая пальцы, — как он совершил свои преступления и почему. Мы собрали против него неопровергимые улики.

Майор Кроу удовлетворенно кивнул головой:

— Подумать только: такой человек среди нас.

— Да, майор, я вас прекрасно понимаю, — согласился с ним Фелл. — В тихую размеренную жизнь Содбери Кросса он внес столько тревог и сомнений, как брошенный камень, от которого кругами расходятся подозрительность и страх. Сейчас я хочу прочитать выдержку из письма Маркуса Чеснэя, которое он написал мне за несколько дней до своей смерти.

Фелл бегло просмотрел письмо и, найдя нужное место, прочел вслух:

— “Образно говоря, очевидцы ходят в темных очках. Они все видят в искаженном свете, а то, что видят, не способны понять. Они не знают, что происходит на сцене, и, менее того, что происходит в зале. Если им потом представить отчет, где черным по белому им расскажут, что они якобы видели, то они всему поверят, так ни в чем и не разобравшись. В ближайшее время я собираюсь устроить для моих друзей небольшое представление. Если оно пройдет успешно, я буду рад видеть вас у себя, чтобы вы ознакомились с ним тоже. Надеюсь, мой спектакль не только развлечет вас, но и озадачит. Поскольку вы у нас будете новый человек, то я считаю необходимым сделать маленький намек: внимательно следите за моей племянницей Марджори”.

Майор Кроу присвистнул.

— Совершенно верно, — подтвердил Фелл. — Письмо поможет нам поставить точку в этом деле.

В дверь осторожно постучали, и Фелл, посмотрев на часы, кивнул головой:

— Да, это он. Входите, мистер Стивенсон.

19

В Беллегард они приехали на двух машинах. Эллиот привез доктора Фелла, почти целиком занявшего заднее сиденье, и Стивенсона с кинопроектором. Майор Кроу и Боствик приехали отдельно. Дверь им открыла Марджори.

— Я получила вашу записку, — сказала она. — Мы все дома. — Пожав плечами, добавила: — Где ж еще нам быть.

Марджори бросила взгляд на огромную коробку, в которой находился кинопроектор, и ввела их в дом. Эллиот успел заме-

тить, что щеки у нее порозовели, должно быть, от выпитого за обедом бренди. Она проводила их в библиотеку, где в камине из грубого камня ярко пылал огонь. За карточным столиком профессор Ингрэм и доктор Джо играли в трик-трак. Забинтованный Хардинг, глубоко погрузившись в кресло, читал газету. Когда они вошли в комнату, все повернулись к ним.

— Явились — не запылились, — проворчал доктор Джо.

Майор Кроу в знак приветствия кивнул головой, а Эллиот обратился к присутствующим:

— Добрый вечер, джентльмены. Вам уже приходилось встречаться с доктором Феллом, а мистера Стивенсона все вы прекрасно знаете.

— Еще бы, — сказал Джо. — Что притащил, Хобарт?

— Кинопроектор, — ответил за него Эллиот. — Сегодня, профессор, вам очень хотелось увидеть этот фильм. Но я думаю, что его любопытно будет увидеть всем. Мистер Стивенсон любезно согласился нам снова помочь.

— Вы решили провести следственный эксперимент, — сказал профессор Ингрэм. — Надеетесь, что преступник выдаст себя? Я не верю в эту чушь.

— О нет, сэр. Наша задача гораздо скромнее. Надеюсь, увидев этот фильм, все поймут, кто убийца. Вам легче будет разобраться, чем нам.

— Вы решили кому-то затянуть петлю на шее, — мрачно заметил доктор Джо.

— Нет, это будет решать суд присяжных, — возразил Эллиот. — Никто не возражает против показа фильма?

— Нет, — сказал доктор Джо.

— А вы, мистер Хардинг?

Хардинг, распустив галстук, откашлялся и спросил:

— Удачный фильм? Я имею в виду резкость.

— Вполне.

— Тогда давайте смотреть.

— А Марджори тоже должна увидеть этот фильм? — недовольно спросил Джо.

— Как никто другой, — сказал Фелл. — Мы даже попросим ее сесть поближе к экрану.

— Вы готовы, профессор? — спросил Эллиот.

— Сегодня утром мне не давал покоя маленький предмет в руках Маркуса. А сейчас хочется сказать: убирайтесь к черту. Скажите, из фильма ясно, какого роста был человек в цилиндре?

— Да. Шесть футов.

— Это точно? — резко проговорил профессор.

— Вы сами сможете убедиться в этом, сэр. — Эллиот повернулся к Марджори: — Не возражаете, если мы поставим проектор в музыкальной комнате?

— Да где угодно! — прогремел доктор Джо. — Вас проводить?

— Спасибо, сэр, я знаю дорогу. Мы с мистером Стивенсоном все приготовим и пригласим вас.

В музыкальной комнате было прохладно. Пока Стивенсон устанавливал проектор, Эллиот задернул портьеры на окнах и подготовил экран. Только теперь он понял, в каком возбужденном состоянии находился. Убийца был известен, и сейчас его изобличат.

— У нас все готово! — крикнул он в дверной проем.

В комнату вошла небольшая процессия. Доктор Фелл усадил Марджори с Джорджем по одну сторону экрана, а профессора Ингрэма и доктора Джо напротив них. Майор Кроу, как и в прошлую ночь, встал, облокотившись на рояль. Боствик расположился по одну сторону двери, Эллиот — по другую.

— Я понимаю, что для всех это будет малоприятное зрелище, — сказал он. — Особенно для вас, миссис Хардинг. И все-таки прошу вас подвинуть стул ближе к экрану.

Марджори беспрекословно подчинилась.

— Спасибо. Ну, с Богом.

Боствик выключил свет, и Эллиот снова убедился, что темнота немного рассеялась, как только Стивенсон включил проектор. Стали видны бледные лица, застывшие в немом ожидании. Воцарившаяся тишина нарушилась только напряженным дыханием зрителей. Снова на экране Маркус Чесней распахнул двери своего кабинета. Эллиота не покидало чувство, что все это происходит наяву, а не в фильме, тем более что экран висел в кабинете перед самым столом Чеснея. Эта иллюзия поддерживалась тиканьем часов на камине.

Маркус поднял голову и посмотрел на них. Марджори вскрикнула. Он снова начал манипулировать предметами за столом. На втором предмете раздался возглас профессора Ингрэма:

— О черт! Я был слеп, как котенок. Подумать только. Стрела от духовой трубы!

— Смотрите влево! Сейчас появится человек в цилиндре. Кто он? — властно спросил доктор Фелл.

— Уилбер, — сказала Марджори. — Это его походка. Это он.

— Девочка права, — пробормотал доктор Джо. — Но такого быть не может. Ведь он лежал без сознания.

— Да, похоже на Уилбера, — согласился профессор Ингрэм. — Но здесь что-то не так. Готов поклясться, что это...

— Постойте, — оборвал его доктор Фелл. — Сейчас начнется самое интересное. Через несколько секунд ваш дядя скажет что-то человеку в цилиндре. Читайте по губам, Марджори.

Она подалась всем телом вперед и прочитала:

— Я не люблю вас, доктор Фелл, сам не знаю почему, но...

— Черт возьми, что это значит, Марджори?

— Я повторила то, что он сказал.

— Я не сошел еще с ума. Я был здесь и все слышал собственными ушами. Ничего подобного он не говорил.

— Конечно, нет, — сказал доктор Фелл. — Сейчас мы видели не ту ленту, что была снята в ночь убийства. Нам подсунули совсем другую. Следовательно, убийца тот человек, который выдает ее за настоящую. Это... — Доктору Феллу закончить не довелось. Джордж Хардинг вскочил на ноги. Эллиот надеялся, что он не будет сопротивляться, и почти оказался прав: порыв Хардина иссяк, и он повис у него на руках. Затем медленно съехал на пол и, стоя на коленях, словно в мольбе, потянулся к Марджори. Из глаз его брызнули слезы. Лицо исказилось гримасой жалости к себе. Им пришлось откачивать его бренди, прежде чем Эллиот смог надеть на него наручники.

20

Через час они снова собирались в библиотеке вокруг камина. Не было только Марджори, Хардинга и Боствика по вполне понятным причинам. Молчание нарушил Джо Чесней, сидевший за карточным столиком, подперев голову руками.

— И все-таки убийца был человеком не из нашего круга. Я всегда печенкой чувствовал это.

— А не вы ли, милейший доктор Джо, уверяли нас в том, какой замечательный человек мистер Хардинг?

Доктор Джо покраснел до корней волос.

— Черт возьми, но я был вынужден делать это по вполне очевидной причине: он был женихом Марджори!

— Друг мой, вы всегда были плохим психологом. Неужели вы думали, что она любит его или любила? Я не случайно так бурно протестовал сегодня против вашей безумной затеи.

Професор положил кости для игры в трик-трак в чашку, потряс ими и выбросил на стол. Выпало 1 и 2.

— Я думаю, джентльмены, — обратился он к доктору Феллу и майору Кроу, — что мы заслужили, чтобы нас посвятили в подробности этого дела.

— Безусловно, — сказал майор Кроу. — К сожалению, в раскрытии убийства нет моей заслуги.

Он выразительно взглянул на Фелла, который с задумчивым видом смотрел на камин. Закончив курить, тот грузно перевалился на другую сторону кресла и заговорил:

— Раскрытие этого преступления стоило гораздо больше сил, чем можно было ожидать. И не последнюю роль в этом сыграл Маркус Чесней, который задумал провести всех и вся своими трюками. Мне столько раз казалось, что я знаю ответ на вопрос, кто убийца, и в самый неожиданный момент в следствии возникал неожиданный поворот. Четыре месяца назад, когда я впервые услышал про убийство в лавке миссис Терри, я с большим сомнением отнесся к версии местной полиции и, размысливая над тем, как могли подменить конфеты, пришел к тем же выводам, что и мистер Чесней, подтвердивший их потом экспериментальным путем. Поэтому, когда инспектор Эллиот привлек меня к

расследованию этого дела, я спросил себя, кто имеет обыкновение ходить по Содбери Кроссу с сумкой или саквояжем, не привлекая к себе внимания? Естественно, я ограничился кругом людей, тесно связанных с мистером Чеснеем. Так в поле моего зрения попали вы, доктор Джо, и мистер Эммет. Но при зрелом размышлении я увидел еще одну категорию людей, для которых сумка или саквояж такие же естественные предметы, как для доктора или несчастного Эммета.

— Кто же это? — нетерпеливо спросил профессор Ингрэм.

— Туристы. Их сотни проезжает через Содбери Кросс, и для каждого лавочника они случайные люди. Он никогда не вспомнит, если один из них поставит на прилавок свой саквояж. Так к доктору Джо и Уилберу Эммету я добавил еще одного, пока гипотетического, постороннего человека. Ознакомившись с вопросами Маркуса Чеснея, я, в частности, задумался, почему он включил вопрос: "Кто и сколько человек говорили?" И, заметьте, он требовал буквального ответа. В чем же здесь ловушка? Был в списке Чеснея и просто абсурдный вопрос: "Какого роста человек в цилиндре?" Ответ на этот вопрос с самого начала представлялся достаточно ясным: человек в цилиндре не Уилбер Эммет, иначе вопрос теряет смысл. Отсюда следует, что у мистера Чеснея был еще один никому неизвестный помощник. В своем письме ко мне он писал: "Они не знают, что происходит на сцене, и менее того, что происходит в зале". Одна эта фраза заставила меня думать, что этот помощник находился среди вас, наблюдавших из музыкальной комнаты, как из зала, за тем, что происходило в кабинете мистера Чеснея. Теперь становится понятным требование, чтобы все были одеты в вечернее платье: даже длинный плащ не смог бы скрыть брюки и туфли, а потому они должны быть у всех одинаковыми. Итак, имея двух помощников, Эммета и кого-то среди вас, Маркус Чесней поменял их местами. Можно ли это сделать? О, да. Для этого было двадцать секунд, пока вы сидели в абсолютной темноте. Так чье же место занял Эммет? Мисс Уиллс отпадала по вполне понятным причинам. Профессор Ингрэм? Вряд ли. И вот почему: во-первых, он дальше всех сидел от окна — а подмена была возможна только через окно, во-вторых, его блестящая лысина невольно бросается в глаза даже при слабом освещении, и, в-третьих, и быть может, самое главное, навряд ли Чесней возьмет себе в помощники человека, с которым постоянно спорил и которого хотел провести в первую очередь. Остается Хардинг. Я легко мог представить Эммета на его месте. Оба худые и темноволосые. Разница в росте? Но, по словам того же Хардинга, человек у камеры стоял согнувшись, и вам, сидевшим на стульях, было совсем не просто оценить его рост, тем более, что такой задачи перед вами не стояло. Уилбер Эммет отличался на редкость некрасивой внешностью, а Хардинг, напротив, красив. Но вспомните, лицо человека у камеры наполовину скрывала рука. В пользу моего предположе-

ния говорило и то обстоятельство, что Хардинг ближе всех стоял к окну. Кстати, место совершенно нелепое для киносъемки, и ни один оператор не встал бы туда. Но его поставил сам Маркус. Значит, ему это было надо. — Фелл сделал небольшую паузу и продолжил: — Для меня было совершенно очевидно, что Уилбер Эммет вполне мог поменяться местами с Хардингом. И поэтому, уважаемый профессор, когда вы говорили, что краем глаза постоянно видели Хардинга, на самом деле вы видели силуэт человека, прильнувшего к киноаппарату и наполовину закрывшего свое лицо рукой. Мое предположение подкрепила фраза, якобы брошенная Хардингом: "Тсс... Человек-невидимка". Кстати, профессор, с вами шутку сыграла темнота — в ней даже шепотом сказанная фраза кажется произнесенной в полный голос. А шепот обезличивает голос. Он звучит одинаково у всех. И дальше, заинтересовавшись этой фразой, я подумал, а мог ли Хардинг, угодливый и безропотный перед мистером Чеснеем, или тот же Эммет, находившийся у него под пятой, сказать по собственной инициативе столь опрометчивую фразу, которая при других обстоятельствах могла бы вызвать смех в зале и сорвать представление, к которому так тщательно готовился мистер Чесней? Конечно же, нет! Вот вам и ответ на вопрос, кто и сколько человек говорили. Таким образом, для меня была очевидна сомнительность алиби Хардинга, но тогда я еще не мог подать надежду инспектору...

— Надежду инспектору? — изумился майор Кроу.

— Извините, оговорка, — поспешил ответил доктор Фелл. — Потом мое внимание привлекли слова Хардинга: "Как только парень вышел из кадра, я остановил камеру". Но ведь представление на этом не кончилось! Чесней еще некоторое время просидел за столом, потом упал на него лицом, симулируя смерть, и опять-таки некоторое время находился в таком положении, потом встал и задвинул двери. Снова прошло некоторое время, прежде чем он открыл их. Зачем? Все объясняется очень просто, если исходить из моего предположения о подмене. Чесней хотел выиграть время для обратной подмены. Таков был в общих чертах план мистера Чеснея, каким я его видел. Но Хардинг внес в него ряд существенных изменений. Вопреки намерению Маркуса Чесней не глотать капсулу, он насилием засунул ее тому в рот, и не просто капсулу, а капсулу с синильной кислотой. Чеснею ничего не оставалось, как проглотить ее, чтобы не сорвать свой спектакль. Потом Хардинг нанес тяжелой кочергой удар Эммету и встал у камеры вместо него.

— Будь он проклят! — воскликнул доктор Джо. — Парень играл наверняка.

— Да, — согласился Фелл. — Так я рассуждал сегодня утром. Естественно, я ожидал увидеть фильм, отнятый Эмметом, в котором роль человека в цилиндре исполняет Хардинг. Преступником мог быть только он. Но как разоблачить его? Не по-

леднюю роль в этом сыграл разговор инспектора Эллиота с мисс Уиллс, подслушанный мною... — Доктор Фелл обвел всех взглядом, полным некоторого недоумения. — К сожалению, должен признаться, джентльмены, что на этот счет меня не мучат угрызения совести... Из него я узнал, что мисс Уиллс и Хардинг были знакомы задолго до путешествия по Средиземному морю и что мисс Уиллс неоднократно ездила к нему в Лондон... Доктор Джо, прошу вас, не смотрите на меня такими глазами. Об этом все знали в доме, кроме вас с братом. Значит, вопреки расхожему мнению, Хардинг давно уже знал о существовании Содбери Кросса. Так возник мостик между предполагаемым человеком с саквояжем в лавке миссис Терри и Хардингом. И снова на передний план вышел вопрос, который не давал мне покоя все это время, почему преступник так любезно всовывал нам в руки этот фильм? Ответ очевиден: он обеспечивал алиби одному только Хардингу. С тем большим нетерпением я смотрел его во второй раз, и он подтвердил мою смутную догадку. Я обратил внимание на то, что человек в цилиндре с первых же кадров стоит к зрителям лицом, тогда как, по вашим словам, он сначала прошел кабинет и только потом повернулся к вам. Далее Хардинг якобы говорит: "Тсс... Человек-невидимка", как только тот появляется во французском окне, но из того положения, где он стоял, снимая фильм, он не мог его видеть. И наконец, письмо мистера Чесней убедило меня в существовании двух лент. Он пишет: "Если им потом представить отчет, где черным по белому им расскажут, что они видели, то они всему поверят, но ни в чем разобраться не смогут".

Размышляя в этом направлении, я вспомнил, как была удивлена мисс Уиллс, когда перегорела лампочка. От силы она горела в тот вечер полчаса, хотя рассчитана, как минимум, на час бесперебойной работы. Все встало на свои места — ею пользовались до того, как мистер Чесней начал свой спектакль в двенадцать часов ночи. И не случайно коробка от лампочки осталась в ящике стола мисс Уиллс, когда Чесней попросил Памелу принести ему лампочку. Девушка принесла ему только лампочку, потому что коробка была уже распечатана. Когда и зачем пользовались ею? Днем. Когда доктора Джо, занимавшегося своей обычной практикой, и мисс Уиллс — она была у профессора Ингрэма — не было дома. Зато были три остальных участника представления: Маркус Чесней, Хардинг и Эммет. Вот тогда они отсняли репетицию спектакля. Мистер Чесней собирался задать вам свои вопросы, и после ваших ответов он бы сказал: "А теперь смотрите, что было на самом деле. Камера солгать не может". Но в том-то и дело, что у мистера Чесней она именно и должна была солгать. Он собирался показать вам репетицию с Уилбером Эмметом в роли человека в цилиндре, тогда как на самом деле вы видели Хардинга. Но здесь он внес маленький нюанс: памятую о приглашении, которое послал мне, он на репетиции сказал одну

фразу, а вечером вы услышали другую, но приблизительно такую же по количеству слогов. Я думаю, мистер Чесней сделал выпад в мою сторону: я должен был все услышать, со всем соглашаться, и только он, Маркус Чесней, тихонько посмеиваясь в кулак, знал бы, что снова всех провел и, в первую очередь, меня, потому что в фильме была другая фраза. Сейчас самое время отдать должное энергии и настойчивости мистера Боствика. — Фелл указал на него, и тот снисходительно улыбнулся. — Ему удалось найти вторую ленту — ту, что отснял Эммет, и на которой запечатлен Хардинг, совершающий убийство. Непостижимое самомнение и самонадеянность! Он не удосужился уничтожить ленту, и теперь она затянет у него петлю на шее.

— Но зачем? Зачем все это? — развел руками доктор Джо.

— Дорогой доктор, — ответил Фелл. — Хардинг держал в руках жар-птицу, сулившую ему огромное состояние. Он разработал свой технологический процесс, который, однако, требовал весьма крупных капиталовложений. Хардинг был беден, и, несмотря на это, крайне далек от мысли создать акционерное общество — он ни с кем не хотел делиться прибылью. Он увидел возможность получить необходимые ему деньги, вступив в брак с мисс Уиллс, но понял, что очень богатый мистер Чесней и не подумает раскошелиться на приданое своей племяннице. По логике Хардина оставалось одно — убить Чеснея.

— Уважаемый мистер Фелл, — проговорил профессор Ингрэм, — насколько я помню, вы связали воедино убийство в лавке миссис Терри с убийством Маркуса Чеснея.

— Совершенно верно, профессор. В обоих случаях один убийца — Хардинг. Преступление в лавке миссис Терри он совершил единственно с той целью, чтобы в последующем отравлении мистера Чеснея никто не мог заподозрить его, потому что отравления начались до того, как он появился в Содбери Кроссе. Вот в чем сходство этого преступления с тем, что совершила Кристина Эдмундс. Но догадка мистера Чеснея о том, как были подменены конфеты, могла направить следствие в новое, невыгодное для Хардина русло. Это заставило его немедленно приступить к выполнению второй части своего плана. И как нельзя кстати пришло представление, задуманное мистером Чеснеем. Это был его шанс, и он не собирался упускать его. Потом был убит несчастный Эммет, и Хардинг не без умысла подбросил шприц в шкатулку мисс Уиллс. Он заметил, что девушка стала охладевать к нему, и брак с ней становился весьма проблематичным. Он, скорее всего, постарался убедить ее, что с такой уликой против нее полиция обязательно докопается до ее поездок в Лондон к нему в лабораторию, где в избытке имеется яд. И только брак с ним избавит его от необходимости свидетельствовать против нее в суде...

Фелл замолк, заметив в дверях Марджори. Она была бледна и в подавленном состоянии.

— Ничего, — произнесла девушка, — продолжайте. Я вас слушаю уже несколько минут.

— Хотите сигарету? Бренди? — предложил майор Кроу.

— Прими пилюлю, — со своей стороны предложил доктор Джо, протянув Марджори ладонь.

— Спасибо вам всем. Со мной все в порядке. Все было так, как говорил мистер Фелл. Он даже показал мне книги по химии, которые я купила для того, чтобы иметь представление, чем занимается мой будущий муж. Но самое ужасное, он знал о том, что было известно полиции: о моей попытке купить синильную кислоту, чтобы отравиться.

— Что?! — прорычал Кроу.

— А разве инспектор Эллиот вам ничего не рассказал?

Все посмотрели на Эллиота. Тот густо покраснел.

— Ладно, забудем об этом, — проворчал майор Кроу.

— Он знал и о письме, посланном дядей Маркусом мистеру Феллу, в котором тот советовал приглядывать за мной. Я совсем потеряла голову. А когда вы, профессор, подвергли меня психоанализу и сказали, что я не люблю и никогда не любила мистера Хардинга, что он не мой тип, у меня как пелена спала с глаз. Но что оставалось делать? Я была одна. В отчаянии. Я боролась за свою жизнь. Особенно противен он мне стал, когда дядя Джо стрелял в него и не попал... Он был просто отвратителен. — Марджори покраснела. — Никогда. Никогда больше я не выйду замуж. Ненавижу мужчин.

— Надеюсь, это не относится к присутствующим, — произнес профессор Ингрэм и задумчиво добавил: — Я думаю, весьма разумный принцип исповедуют в авиации: если летчик остался жив после авиакатастрофы, его тут же отправляют в полет, чтобы в нем не закрепилось чувство страха. А что касается типа мужчины для Марджори, думаю, это должен быть человек, в котором реакции торможения соответствуют...

— Вздор! — перебил его майор Кроу. — Ее тип мужчины — полицейский. Теперь, когда убийца найден, клянусь, я больше ни во что не вмешиваюсь. Решительно ни во что. Но вот, что я вам скажу... ■

Перевод с английского
Станислава САВИЦКОГО.

Эдуард СТРЕЛЬЦОВ...

Замечательный футболист 50-х и 60-х годов, игрок московского "Торпедо" и сборной Советского Союза. Когда нашу команду встречали за границей, обязательно спрашивали:

"А Стрельцов приехал?"

Его боялись на поле

и им восхищались в жизни.

Его сравнивали с великим Пеле и говорили, что этот человек родился в рубашке

и с серебряной ложечкой во рту.

Леонид РЕПИН

Все оборвалось в одну ночь: Стрельцова арестовали за изнасилование и приговорили к длительному сроку заключения. Футболиста направили на "исправительные работы" — на лесоповал.

Прошло много лет с тех пор, и только теперь раскрылись факты, позволяющие сделать заключение,

что дело против Стрельцова было сфабриковано. Во всяком случае, следствие велось с поразительной скоростью, одни следователи то и дело уступали место другим, а главное, на суде не было приведено фактов, однозначно доказывающих прямую вину Стрельцова.

Многие годы пытался я найти уголовное дело, на основании которого был осужден Стрельцов. Узнал, что хранится оно в недрах Московской областной прокуратуры, но добраться до самих папок "Дела" все не удавалось.

Прошло больше сорока лет с того дня, как все случилось. Стрельцова не забыли. Поэтому так актуально, так волнующе звучит сегодня то, что до последнего времени хранилось словно бы секрет большой государственной важности.

Я попытался перелистать страницы уголовного дела с единственной целью: найти все-таки истину и сделать явным то, что от нас, многочисленных поклонников таланта Стрельцова, скрывали столь долгое время.

Но сначала о том, кому же это было нужно — валить Стрельцова? Кому позарез было нужно, чтобы он остался в Москве и не поехал на чемпионат мира в Швецию вместе со сборной? Стрельцов — наша главная ударная сила, не пустить его на чемпионат — значит, лишить сборную страны всякой надежды на успех. Так кому же...?

Сразу скажу, что не было одного, накого-то конкретного чело-

Охота

вена, которому это было нужно. В этом нуждалась Система. Тогдашняя система нашей политической и общественной жизни. Помните "Моральный кодекс строителя коммунизма"? На виду у всех, на сцене общественной жизни он свято поддерживался, а вот о том, что происходило за кулисами, в среде тех, кто эти законы устанавливал, — об этом до нас доходили лишь слухи. Оттуда мусор за порог не выносили.

Зато если видели слегка подвыпившим в ресторане известного актера (как было с Борисом Чирковым, с Мар-

ком Бернесом) — прессу заставляли гнать мутную волну. Если в поле зрения оказывались знаменитые спортсмены, с ними поступали точно так же. Считалось, что эти знаменитости бросают тень на весь великий советский народ.

И тогда на примере Стрельцова решили устроить показательный процесс и заодно показать всем, что кан бы ни были блестательны звезды, сбить их с небосклона — плевое дело. А Стрельцов, к тому же, и сам себя частенько подставлял. То подерется с кем-нибудь на улице, то в поддатом виде покажется и что-нибудь этакое вытворит... Фель-

на форварда

етон "Звездная болезнь", опубликованный в центральной газете, стал увертюрой к тому, что вскоре случилось.

Министр культуры Фурцева уже подготовила письмо на имя генсека Н.С. Хрущева, в котором предлагала остановить развитие "звездной болезни", используя самые решительные меры. На лица не взирать: закон для всех один, зло неминуемо должно быть наказано.

И занутилось. Жаждущих крови псов спустили с цепи.

Действующие лица и исполнители

Эта компания складывалась как будто случайно — отчасти это так, но на самом деле те, кому предстояло сыграть главные роли, были определены заранее и невидимыми силами подталкивались навстречу друг другу.

1958 год. Сборная Советского Союза по футболу собиралась на чемпионат мира в Швецию и все члены сборной шили форменные костюмы по личным меркам в одном ателье — на проспекте Мира, неподалеку от Рижского вокзала. Именно отсюда должны были развиваться дальнейшие события.

25 мая в ателье встречаются Борис Татушин, Михаил Огоньев, московские спартаковцы, ведущие игроки сборной, и с ними — Эдуард Стрельцов. Ближе к Татушину держался не знакомый Стрельцову человек — худощавый, черноволосый, с редкими зубами. Татушин познакомил: "Эдин Караканов, друг детства". Этому человеку в деле Стрельцова предстоит сыграть хотя и занулившую, но главную роль.

Из допроса Стрельцова 26 мая: "Мы договорились погулять, и Караканов сказал, что можно поехать к нему на дачу, где можно будет искупаться, мы согласились".

Поехали на двух машинах. В первой за рулем сидел Огоньев, рядом с ним Стрельцов и сзади Караканов. Вторую вел Татушин. Рядом — его девушка Инна Ефимова и девушка Караканова Ира Попова. Компания почти в сборе, однако кое-кого не хватает: Стрельцов с Огоньевым пока без девушек. Татушин обещал добыть девочек в Пушкино. Он уехал и в самом деле привез двух искушательниц приключений — Марину Лебедеву и Тамару Тимину.

Ехали не с пустыми руками: в магазине "Российские вина" основательно отоварились, в другом магазине накупили всяких консервов. Важное обстоятельство: две последние девушки попали в компанию, конечно, случайно, им отвели роль статисток. Только одна из них вопреки задуманному сценарию выбилась в приму. Это — Марина. Она не верила, что эти веселые, уверенные в себе ребята — знаменитые футболисты. Ей казалось, что они лишь выдают себя за тановых.

Все натягивались беззаботно и радостно. Заехали на дачу родителей Караканова, прихватили там новер, посуду и двинули в Тишково купаться. Едва расстелили на пляже новер, как к ним стали подходить незнакомые люди — улыбались, всем хотелось поговорить со спутниками Марины. Тут уж она убедилась в том, что они ее не обманывают.

Из допроса Марианны Лебедевой: "На новре, когда мы стали занусывать, я сидела со Стрельцо-

вым. Я пила коньяк — четверть граненого стакана, потом из четырехугольной бутылки с "Особой водной" выпила опять четверть граненого стакана, четверть граненого стакана шампанского".

Надо полагать, девушка от такого контейнера изрядно похорошела. Как, впрочем, и все остальные. Ребятам показалось мало, они вскочили в машину и поехали за добавкой.

Лебедева: "Они привезли две три бутылки пива и две три бутылки "Старки". Я выпила четверть граненого стакана "Старки". Занусывала я фаршированным перцем, яблонами, апельсинами, маринованными огурцами".

Оставив в стороне изысканный вкус скромной девушки из Подмосковья, проследим за тем, как ведет себя человек, создавший эту ситуацию и ее контролирующий, — Эдуард Карабаханов. Он держится ненавязчиво, но постоянно в центре событий, умело поддерживает безалаберное веселье. Нужно сгонять за водкой — он с теми, кто едет. Если ему поручено развлечь всю компанию, то он делает это безусловно. Если он снолотил основное ядро действующих лиц и исполнителей, то он неприметно направляет их навстречу друг другу. Если ему нужен Стрельцов — тот постоянно у него на глазах.

Однако, кто же он такой, Эдуард Карабаханов? Чтобы ответить на этот вопрос, придется заглянуть в 20-е годы, в Ереван. Там его отец был хозяином известного в городе ювелирного магазина. Началась гражданская война, и семья бежала в Москву. И, видно, была не бедна, раз в ближнем Подмосковье, на станции Правда,

большую дачу купили. Сын его Эдуард Карабаханов, старший лейтенант, летчик, служит в Амурской области. Чтобы оказаться в Москве 25 мая Эдуард Карабаханов взял срочный отпуск по семейным обстоятельствам. Никаких таких обстоятельств у него не было: папа с мачехой здоровы. Видимо, он оказался кому-то очень нужен в Москве как человек, близкий Татшину. Он его на Стрельцова и выведет. Неминуемо должен был вывести. Просчитано безошибочно, точно.

А дальше, имея задачей попутать Стрельцова, и делать нечего: как говорится, наливай да пей...

Однако, нужна была к занусне и выпивке девочка. Без десерта в таком мероприятии не обойтись. Девочка — это напинан на медведя. То есть на знаменитого форварда. Когда появились две новые девушки — Марина и Тамара, одна из них уже предназначалась Стрельцову, и он выбрал Марину. Как мы увидим позже, Тамара без дела тоже не останется. Она — запасной вариант задуманной операции. Надо полагать, проинструктирована она была соответствующим образом.

Стрельцову деться некуда, все за него продумано, определено. Он поступает так, как поступал в любом другом подобном случае. На это и был главный расчет. Только этот случай был тщательно подготовлен.

В половине седьмого вечера жара уже спала, собирались возвращаться на дачу. Марина нырнула в машину Огонькова, тот сам сел за руль.

Из первого допроса М. Лебедевой. "На заднем сиденье сидела Ира, рядом с ней Карабаханов

и Стрельцов, у которого я сидела на коленях... Стрельцов меня держал за талию, а другую руку положил мне на голову, чтобы я не ударялась головой о крышу машины. По дороге он меня целовал..."

У молодых людей, как мы видим, полное взаимопонимание. Свою обоюдную симпатию они скрывают и не думают. Зачем? Все ведь свои.

А на даче Марина с Ирой то ли надумали немного понокетничать, то ли заговорило в них что-то доселе дремавшее, но они изъявили желание разойтись по домам. Девчонки пошли на станцию.

И что же, рушится весь тщательно построенный план? Как бы не так.

Лебедева: "На даче нас дождали на машине Карабанов и Стрельцов. Карабанов стал о чем-то говорить с Ирой, а Стрельцов взял меня под руку и повел к даче".

Карабанов, как видим, по-прежнему в центре событий. Он начал, ему и вести эту партию.

Что было потом? Да так, ничего особенного. Погоняли пинг-понговый шарик, потом хозяева пригласили всех попить чайку в саду. Все очень мило, чудесно. Только время идет, уж стемнело, девочкам и в самом деле пора бы домой.

Лебедева: "Я замерзла и попросила у Стрельцова пиджак... Хозяева ушли в дом. Вместо чая нам на стол подали консервы рыбные, маринованные огурцы, котлеты жареные. Ребята пили водку. Они выпили раза два-три по полстакана. Я выпила глотка два "Старни" и половину маленького стаканчика "Нагора".

А уж 12 ночи. Марина опять заговорила о том, что и домой пора бы. Только, судя по всему, не очень-то ей и хотелось.

Лебедева: "Все говорили, что отвезут нас домой завтра утром. Ногда хозяева уходили спать то хозяйка сказала, что "вы сейчас пойдете спать или еще повернете? Постели вам постелены".

Вот как оно. Дверь захлопнулась. Карабанов и на этот раз обустроил все, как было задумано. Вот теперь случайностей быть ужне не должно.

И все же Инна одна отправилась на станцию. Видно, Татушкин ее отпустил. Отношения давние. Ушла — и ушла, в другой раз сама придет. Но Марина сделала попытку уйти вместе с ней и догнала ее. Догнал и Стрельцов — не хотелось ему отпускать девушку, с которой получалось все так хорошо.

Лебедева: "Он сказал, чтобы мы пошли обратно. Я вырвалась и пошла по дороге по направлению к даче. Я решила отнести пиджак Стрельцова, который был на мне, и уйти домой..."

Ну, Марина... Зачем нести куда-то пиджак, ведь Эдик — вот он, рядом. И если уж уходить домой, то только сейчас, а тебя несли ноги обратно... Или, может быть, ты не знаешь еще, зачем молодые люди приглашают девушек ночью на дачу? Не сказки же про Красную Шапочку сказывать...

Она вернулась. И Инна тоже. Итак, снова собрались. Фигуры расставлены. Пора начинать.

Тихо. Только собака где-то залаяла. Впереди — долгая, бурная ночь. Она переноренит судьбы многих людей.

За кулисами

Итан, постели постелены, что с ним — предопределено. Мягкие постели, да только не жестко ли будет спать...

Листаю страницы уголовного дела, вникаю в ответы допрашиваемых — и события той ночи восстанавливаются в своей первозданности. И совсем не так, как их трантовало следствие.

Возможно, и в самом деле Марина Лебедева хотела бежать с этой дачи, но и остаться тоже хотела. Стрельцов ей успел понравиться. И, к тому же, она очень рассчитывала на Инну Ефимову, подругу Татушина и свою подругу тоже: они вместе учились, сидели за одной партой. Дружили и после окончания школы — ходили на танцы, в кино. За Инной она и поехала в эту компанию. А Инна ее подставила.

В доме Марина, как она уверяла на следствии, старалась держаться поближе к Инне, только той это было совсем ни к чему. Инна со Стрельцовым прошли через террасу в комнату — и Марина за ними. Но только ли за Инной она потянулась? Минут за двадцать до этого Стрельцов откровенно предложил ей провести вместе ночь, и она, по ее словам, отказалась. Но, в таком случае, зачем же она пошла за ним, как на привязи? Ну да, Инна. А рядом — молодой, статный парень, знаменитый футболист, который сказал ей: "Все равно ты будешь со мной!"

Ладно, вошли все трое в комнату. А Стрельцов взял да исчез, оставив девчонок одних. Вот тут Инна и "создала условия": что-то бурнула подруге — та даже не поняла, что — и тоне вышла из комнаты. И тут же появился

Стрельцов. Марина позвала громко Инну — та не успела уйти далеко, но ни звука в ответ.

Стрельцов подошел к ней вплотную. Волшебным образом в нужное мгновение в комнате погас свет. Это не мог сделать Стрельцов — вот он, совсем рядом. Полоса слабого света падала через приоткрытую дверь и верхнюю, застекленную часть этой двери. Марине показалось, что кроме них в комнате еще кто-то есть. Сначала ей это только показалось, но потом она уже не сомневалась: мужчина лежал на матраце, постеленном на полу возле кровати. Позже она поняла: на полу лежал Карабанов.

От себя замечу: он — в доме родителей, то есть в своем доме. Что, ему другого места не нашлось? Значит, там ему было нужно.

Из допроса Лебедевой:

"Стрельцов стал меня уговаривать, говорил, что я стану его женой, приеду к нему на дачу в Тарасовку. В это время он держал меня за плечи, а я упиралась ему руками в грудь. Он целовал меня..."

А дальше, как она рассказывала следователю, Стрельцов толкнул ее на кровать, она села с маxу и уцепилась обеими руками за спинку. Когда Эдуард подошел, она стала бить его руками, ногами, а он старался разжать ее пальцы, вцепившиеся в железную спинну кровати.

Лебедева: "Я оттолкнула его ногой. Он отлетел от меня к столу, я легла на живот наискосок на кровать. Ноги у меня были навесу. Я кричала, а Стрельцов стал закрывать мне рот руками. Я задыхалась. Когда я кричала, то рот был открыт и его палец попал мне в рот. Я укусила его за палец. Пос-

ле этого я ничего не помню. Прошла как будто вечность, потому что я была в забытьи. Потом я почувствовала, что с меня снимают одежду. Я опять потеряла сознание. Когда я очнулась, то увидела, что лежу голая".

Далее она в деталях рассказывает, как Стрельцов ее изнасиловал. На его левой щеке она оставила три царапины в добавление к укусу на пальце. И сразу же, на следующий день, на стол следователя легло ее заявление: "25-го мая 1958 г. на даче, которая находится в поселке Правда напротив школы, я была изнасилована Стрельзовым Эдуардом. Прошу привлечь его к ответственности. Лебедева".

В тот же день еще одно точно такое же заявление в милицию подала Тамара Тимнина, так же, как и Лебедева, неосмотрительно потерявшая самое дорогое: обе были девственницы. Умелец Огоньков добрался до святой святых девушки, даже не снимая с нее трико. Причем, сделал он это в машине.

Однако вернемся к месту главных событий. Раз основная ставка делалась на Стрельцова, значит и все, что связано с ним, приобретало первостепенное значение.

Из допроса Лебедевой: "Ногда я проснулась, то долго не могла понять, где я и что со мной... Я решила бежать. На столе я увидела свою одежду. На полу лежал Карабанов".

На этом же допросе она заявляет: "За совершенное насилие надо мной прошу привлечь к ответственности Стрельцова и бывших с ним". А это что за намек? Что значит — "бывших с ним"? А то, что Марина прямо указывает,

что ее насиловал кто-то еще. Кто же? В комнате ведь был только Карабанов.

А тому вздумалось и вовсе все отрицать! Не было его в той чертовой комнате! Если же он был и просто спал, крепко спал и ничего не слышал, то с чего бы ему называться?

Из примечания следователя: "После ответов на заданные вопросы свидетель Лебедева заявила, что она уверена по всем обстоятельствам — Карабанов присутствовал на ее изнасиловании. Кроме того, Стрельцов один не мог ее раздеть, ему кто-то помогал, так как одежда была снята аккуратно".

Так кто же этот помощник? Опять никого другого, кроме Карабанова, поблизости не найти. Может, поэтому, уходя от ответственности, он и принял уверять, что его вовсе в комнате не было?

А дальше — еще интереснее. Лебедева вовсе не уверена, что с ней был один мужчина: "...мне все же кажется, что насиловал меня один Стрельцов". Девушке "кажется"!.. И основания для сомнений у нее, значит, есть. Крепкие напитки привели ее в такое состояние, что она вообще плохо помнила и сознавала, что с ней происходило. На очной ставке со Стрельцовым 2 июня она поназывает: "Через некоторое время я совсем замерзла, потому что была нем-то раздета, и Стрельцов спросил у находившегося в комнате лица, можно ли меня укрыть покрывалом. Получив ответ "конечно", он меня укрыл и я заснула". Насильник, как видим, чрезвычайно заботлив.

И все равно Лебедева требует на очной ставке, чтобы Стрельцов прояснил в ее воспоминаниях один

очень важный для нее вопрос: "Я настаиваю, чтобы ты ответил, кто же меня все-таки раздел?"

Следователь ее спрашивает, а кричала ли она? Звала ли на помощь? Кричала и звала. Так она утверждает. Но почему же никто не слышал? В тихом спящем доме, где и полет комара можно было бы услышать. Бывает, что человеку в шоковой ситуации кажется, что он кричит, зовет на помощь — таких случаев сколько угодно. Здесь — тот самый случай?

Из допроса Лебедевой 10 июня: "Вера Нараханова (мать Эдика Нараханова) расспрашивала, как все случилось. Я ей рассказала и спросила, почему мне никто не пришел на помощь? На мой крик? Я ей еще задала вопрос: "Никто не слышал?" Вера ответила: муж болен, ребята крепко спали, а она сама легла, сразу крепко уснула. Да еще по ночам она сама, якобы, сильно вскрикивает. Вера утверждала, что она ничего не слышала".

Но одна девушка показала, что да, действительно слышала, как Марина звала Инну. Это было сразу после того, как все разошлись по комнатам. Не кричала, не призывала на помощь, а просто звала. Это, согласитесь, существенно меняет ситуацию.

Нет, что-то все-таки не так в этом изнасиловании. Одно к другому не вяжется. Марину тянуло к Стрельцову. Одно только смущает — те царапины на лице Стрельцова и тот несчастный укрученный палец. Что ж, и это можно понять: девушка крепко выпила. Она первый раз в жизни с мужчиной. Все не так, или не совсем так, как ей хочется: в комнате есть посторонний человек...

И Инна, оказывается, слышала, как Марина ее звала, но не отклинулась. Такая подруга. Однако же через несколько дней совесть ее заела и с букетом цветов она пришла к Марине домой. Увидев ее, Марина поднялась и вышла из комнаты. Теперь она уже понимала, какую роль сыграла той ночью ее недавняя подруга.

Потом в доме Марине появилась мать Стрельцова с его товарищем, принесла два батона белого хлеба, банку варенья, немного фруктов. Она пришла уговаривать Марину простить сына, говорила, что это испортит всю его жизнь. А как же? Конечно, испортит. Она ушла ни с чем.

И вдруг — словно землетрясение. Все столь тщательно продуманное, затянутое и осуществленное неведомой спецслужбой "дело" едва не рухнуло. В прокуратуру пришла мать Стрельцова и принесла заявление Марине Лебедевой. Привожу его дословно:

"В Московскую областную прокуратуру от гражданки Лебедевой М.О., проживающей в г. Пушкино

Заявление

Прошу прекратить дело Стрельцова Эдуарда Анатольевича, т.к. я ему прощаю. 30/V-58 г. Лебедева".

И во второй раз грянул гром среди ясного неба следствия, когда такое же заявление поступило от Тамары Тиминой, изнасилованной Огоньковым.

Просьбу Тиминой простить Огонькова удовлетворили без звука. Прошение Лебедевой отклонили без объяснений.

Уголовное дело против Стрельцова стали стремительно раскручивать.

Не суди — да не судим будешь?

Что ж, первая часть операции завершилась великолепно. Форвард сбит с ног, валяется на земле. Теперь его надо потоптать.

Сразу спустили цепных собак центральной прессы. Ротационная машина, выплевывающая в свет обвинительные публикации против Стрельцова, высвечивала случившееся так, как было узано свыше. Каражанов свое дело сделал и больше не нужен. Разве только как свидетель. Но это ненадолго. Так, надо полагать, рассчитывали организаторы всего этого действия. Но вышло иначе.

Теперь пора задаться вопросом: а что же сам Стрельцов? Как он ведет себя все это время? Все отрицает, ни в чем не сознается, возмущается? Требует справедливости, наконец? Он-то как обо всем происшедшем рассказывает?

Ну, Эдуард, колись.

Из допроса Стрельцова 26 мая:

"Марина добровольно вошла со мной в одну из комнат дачи. Марина спокойно, по моему предложению легла на кровать в платье, я лег вместе с ней, предварительно я снял пиджак. По-моему, как я пью, я был в более чем средней степени опьянения. Лежа на кровати, я стал Марину обнимать и целовать, предложил ей совершение со мной половой акт, но она отказалась. Затем я стал снимать с нее штаны, она сопротивлялась, оцарапала мне лицо, унисила за палец... После этого я ударил ее два раза..."

Ну и ну... Он и в самом деле рассказал, как все было, ничего

не утаивая, ничего не скрывая. Дело-то совсем плохо, оказывается... Добавлю к этому мнение специалиста...

Из кассационной жалобы адвоката Миловского С.А.:

"О том, что Лебедева девушка, Стрельцов не подозревал, а сама Лебедева ему об этом не говорила. Вот почему Стрельцова не остановило и не отрезвило неожиданное сопротивление, которое он считал притворным. По тем же причинам он иронически отнесся к предупреждениям Лебедевой, что она будет кричать... Когда в ответ на его домогательства она причинила ему острую боль (нанесла глубокие царапины и пронутила палец), — Стрельцов был взбешен и последовала мгновенная рефленторная реакция на боль с его стороны: он ударил Лебедеву. Так что нанесение Стрельцовым побоев Лебедевой было вовсе не расчетливым насилием с целью ослабить сопротивление и привести Лебедеву в беспомощное состояние, а реакцией на причиненную боль".

Вот, оказывается, как надо все это расценивать. Оба они, сами того не предполагая, зашли слишком далеко.

Как видим, Стрельцов виновным себя признал. Он даже и не пытался уходить от прямых ответов. Он вел себя так, словно вообще не верил в случившееся. Точнее — будто то, что было — было не с ним. Да ведь и заявил он следователю в день ареста: "Легли спать вместе. Я уснул и больше ничего не помню". А через несколько дней уже признает себя виновным. С чего бы вдруг?

В Комитете по реабилитации Стрельцова располагают досто-

верными сведениями о том, что произошло. Первый следователь — Муретов, а было их всего за короткое время аж пять, обещал Стрельцову выпустить его, если он подпишет свои показания, заранее уже приготовленные. Такая подпись — просто формальность, убеждал он. Следователь сообщил также, что за него хлопочут очень высокие люди и что в обиду его не дадут. Стрельцов хотел в это поверить и, конечно, поверил. Он подписал признание. А это был ему приговор.

Выполнив свое предназначение, следователь Муретов исчез, и "дело" стал гнать дальше следователь Марков.

Марков не видит, не хочет видеть в деле множества фактов, говорящих в пользу подозреваемого — ибо Стрельцов пока что подозреваемый.

Третья девушка в той компании, Ирина Попова, сообщила, что, войдя в комнату, "видела, что Марина лежит со Стрельцовым и, обняв его, спит". И знакомая старших Карабановых Ульяна Но-яндер, тоже бывшая в ту ночь на даче с мужем, показала на допросе: "Я заметила у девушки обнаженные плечи и руку, положенную на Стрельцова". Насильников, как известно, не обнимают. Значит, все было по согласию. Но у следователя есть указание вести дело к другому концу.

Ну, а теперь, пожалуй, самое главное. А что же экспертиза? За ней ведь в подобных случаях последнее слово. И тут выясняются такие факты, которые иначе как дьявольским замыслом не назовешь. Но зато лишний раз убеждаешься, что те, кто сконструировал все это "дело", на Караба-

нове остановили выбор не только потому, что он друг Татушина, значит — прямой выход на Стрельцова, а еще и потому, что у того со Стрельзовым одна группа крови!

Что из этого следует? Если по каким-либо причинам Стрельцов сам себя не загонит в ловушку, тогда черное дело должен довершить за него другой человек — с точно такими же данными, а уж переложить вину — проще простого в таком-то раскладе. Это — предположение, но как естественно, логично прикладывается одно к одному... Экспертиза показала наличие крови и спермы Стрельцова (и крови Карабанова!) на белье Марине — на ее желтой комбинации, сиреневых трико. На ее розовом бюстгальтере следов таких нет. На белых трусах Стрельцова тоже обнаружены такие же пятна. Карабанов — в стороне, его никто ни в чем не подозревает. Но в заключении экспертизы, тем не менее, в самых первых строках подчеркивается тот факт, что кровь Стрельцова и Карабанова абсолютно идентична: она принадлежит к одной группе, к одному типу и содержит один и тот же групповой фактор! А обвиняется один — только Стрельцов.

Замечу: экспертиза только констатирует факты, она не устанавливает состав преступления. Ни в чем она не обвиняет и не может обвинить и Карабанова: это задача следователя. Если, конечно, он стремится объективно провести расследование. А в данном деле следователь, как мы видим, был шестерней в той швейной машине, которая "шила" приговор Стрельцову, а ручну ее крутили другие люди.

Однако ж и обстоятельства случившегося сами по себе столь сильны, что следователь все же вынужден задать вопрос Карабанову: "Помогали ли вы Стрельцову раздеть Марину"? Тот отвечает: "Я утверждаю, что Марину не раздевал, никакой близости с ней не имел". А что еще он может сказать? И что это он вдруг стал энергично отказываться от того, что всю ночь был в той же комнате, ведь несколько человек его видели там?

Следствие, как видим, допустило много просчетов, скорее всего — сознательных, но было в его ходе и совершенно уж вопиющее нарушение. Вспомнили вдруг одну историю, происшедшую со Стрельзовым за год до того: якобы в пьяном виде вломился он в квартиру незнакомых людей, стал бить посуду, материться и драться. А было все по-другому: на него напала какая-то пьянь, а встретив отпор, кинулась в бегство. Стрельцов нагнал обидчика в чужой квартире, где тот пытался спрятаться. Битья посуды не было. Но самое важное, что и дело было пренебрежено! С какого, извините, ронка приплели теперь его? Какое это имеет отношение к тому, что случилось на даче? Отношения, разумеется, не имеет никакого, а приплели для того, чтобы увеличить Стрельцову срок.

Так что же теперь, по прошествии многих лет, можно сказать об этом деле? Накие выводы сделать? Ведь, как мы видели, во всем многотомном деле нет прямых, доказанных обвинений в адрес Стрельцова. А заявление самой М.О. Лебедевой о прощении?

Вот что по этому поводу говорит доктор юридических наук

В. Ашуралиев: "Заявление потерпевшей не может считаться единственным основанием как для квалификации тяжести преступления, так и для установления самого события преступления. Показаниями свидетелей событие преступления со стороны Стрельцова ни следствием, ни судом не установлено. Любые правомерные сомнения транслются в пользу обвиняемого. Свидетельские показания по делу Стрельцова приводят к выводам прямо противоположным выводам следствия. Совершенно очевидно, что в части обвинения в изнасиловании суд был обязан направить дело на дополнительное расследование".

Не могу здесь не привести и выводы, сделанные "Стрельцовским комитетом" о наиболее грубых нарушениях и фальсификациях по этому делу.

"На экспертизу был направлен биологический материал подозреваемого Стрельцова и свидетеля Карабанова, при этом без признания Карабанова подозреваемым. Вывод экспертизы — биоматериалы могли принадлежать в равной степени Стрельцову и Карабанову. Эксперты не указывают именно на Стрельцова. Следствие и суд вписывают в обвинительное заключение и в приговор: "Вина Стрельцова доказывается заключением экспертизы"... Не была сделана спермограмма. Эксперты также обязаны были исследовать телесные повреждения Лебедевой с целью выявления механизма их образования. Такого запроса следствия не было".

Вот еще относительно приговора: "Вина Стрельцова доказана

показаниями свидетелей, слышавших крик потерпевшей Лебедевой о помощи". В протоколе судебного следствия в показаниях свидетелей не содержится ни малейшего упоминания, что Лебедева звала на помощь. Часть лиц, на которых ссылается следствие, заявили, что вообще не слышали голоса Лебедевой... Суд произвольно сделал такой вывод и на этом основании установил вину Стрельцова".

И, пожалуй, самое важное: "Из показаний Лебедевой на следствии, включая протоколы очных ставок, можно с уверенностью сделать вывод, что она подозревает в изнасиловании Нараханова, который использовал состояние Лебедевой, находящейся в стадии тяжелого алкогольного опьянения... В то же время свидетели указывают на добровольность отношений Лебедевой и Стрельцова... В судебном заседании эти материалы не были исследованы, что понимает заведомую предубежденность суда, а также иные мотивы..."

Приговор полностью лишен доказательной базы и должен быть отменен как необоснованный и незаконный".

Эдуард Стрельцов получил 12 лет лишения свободы и отправился на лесоповал. На его деле стояла приписка: "Использовать на тяжелых работах".

ЭПИЛОГ

Прошло пять лет. 26 ноября 1963 года Стрельцов отбыл наказание за преступление, которое так и не было доказано. Как сказано в определении народного суда Тульской области: "Стрельцов

в работе относился добросовестно, за что ему начислено 1207 зачетных рабочих дней. Вне рабочего времени принимал активное участие в работе, связанной с благоустройством колонии, в аварийных работах, за что имел несколько благодарностей от администрации колонии. Являлся участником слета передовиков труда".

Он вернулся. Но, конечно же, уже другим человеком. Еще полтора года его не выпускали на футбольное поле. Был прямой запрет. За него боролись: футбольный народ требовал вернуть своего кумира. Секретарь парткома ЗИЛа Арнадий Вольский на свой страх и риск разрешил ему выйти на поле. Тогдашний секретарь ЦК по идеологии Ильичев его испепелил: "Что вы хулиганите?! Бандита, развратника, насильника выпустили на поле. Мы вас накажем!"

Партком написал письмо на имя Брежнева, не особенно надеясь на успех. Нескольких человек, депутатов с ЗИЛа во главе с Вольским, пригласили в Верховный Совет СССР. Брежnev их просто потряс: "А я не понимаю... Если слесарь отбыл срок, почему ему нельзя работать слесарем?" Зиловцы, услышав эти слова, аж зашлись от радости: "Дорогой Леонид Ильич!" А он: "Ильичев, говорите? Ну, на Ильичева мы управляем найдем".

Эдуард Стрельцов снова вернулся на поле и играл за сборную страны. Его называли лучшим футболистом СССР. Говорят, что если бы не те пять лет в его жизни, у нас бы был свой, русский Пеле.

А я считаю, что он у нас и так был.

Браслет

Владимир ВИНОГРАДОВ

Автор предлагаемых очерков Владимир Виноградов — полковник милиции, бывший следователь по особо важным делам Московского уголовного розыска, член Союза писателей, любезно согласившийся рассказывать нашим читателям интересные истории из своей следственной практики.

Если бы ты не была третьей леди в посольстве, то вполне могла бы зарабатывать большие "бабки" на подиумах Европы, рекламируя колготки", — прокинул я, оглядев супругу секретаря посольства.

Направляя меня в Управление по обслуживанию дипкорпуса, полковник Поляков предупредил: "Не допрос, а беседа. Записывать можешь, но без подписи". Я полагал, что старший опер с Петровки, 38, уж никак не ниже старшего

го инспектора Скотланд-Ярда, хотя тот получает зарплату в фунтах, и довольно высокую для полицейских. Однако аристократкам все едино, что полиция, что милиция.

Леди носила фамилию с вкладышем "честер". Произросла из особ, чья юность прошла на фоне охоты на лисиц, скачек "дерби", игры в крокет на лунайнах у замка. О том свидетельствовал прежде всего браслет, доставшийся леди от прабабки, блиставшей на приемах еще у королевы Виктории, и похищенный из резной шкатулки в будуаре миссис на ее московской квартире. О чем нотой через МИД сообщило посольство.

Она отказалась от переводчика, умно подумав, что разговор тет-а-тет со следователем скорее приведет к разгадке. Ее произножение не отличалось безупречностью, но радовало, что леди не пренебрегала языком страны пребывания. Огорчало другое: ее версия, что браслет могла унаследовать горничная, русская девушка. Я не стал убеждать миссис, что наши "соседи" с Лубянки "пропустили" заподозренную бедняжку, как лимон через соковыжималку.

— Сударыня, я не защищаю соотечественницу, но на чем основана ваша уверенность? Или она раньше в чем-то была замечена?

— Уважаемый, — "Могла бы и сэром назвать", подумал я, — я

леди "Честер"

не слежу за прислугой, — и подбросила в синеву глаз пригоршню льда, будто в напиток, который долго тянула, держа в теплой руке, — но эта девушка одна допускалась в мою спальню. Убирается, нанрывает постель, вытирает пыль повсюду, в том числе и на трельяже, на той же шкатулке.

— Ларец не запирался? Или был заперт, а ключ потерян?

— Он запирался, и ключи у меня. Но, помнится, я не положила браслет в шкатулку, когда сняла в последний раз. Она же не взломана.

— Уже хорошо. А муж не мог взять?

— Для чего?

— Вот именно. — Я пожал плечами. — И когда это случилось?

— Когда сняла, помню, но когда пропал... — Она тоже приподняла плечи. — Обнаружила пропажу, когда хотела надеть на прием у посла Эфиопии. Все перерыла...

— И не нашли?

— Нет, не нашла. — Льдинки подтаяли. За чопорностью английских дам могло скрываться все что угодно.

— Простите, мадам, вы с мужем спите поврозь? То есть в разных спальнях?

— Обычно — да, — призналась она, приобретя легкий румянец на щеках. Ее глаза высекли

при этом искры. — Вы полагаете, он тайно сам мог его похитить?

Мой намек прозвучал для нее так, будто я предположил, что ее муж мог рыться в спальне жены, словно в мусорном баке.

— Отношения супругов, леди, когда кража или, точнее, пропажа случается в семье, немаловажны. Но я не смею требовать от вас полного откровения, — сказал я, закончив предложение достаточно твердо. Легкая краска на ее щеках возобновилась, и я уже подумал, что она, не дай Бог, пришлет кляузу на меня. У нашей бабы я бы просто спросил, есть ли у нее с мужем близкие отношения, и вообще, нет ли у них любовников и любовниц. Она не оказалась дурой и произнесла негромко:

— Я понимаю вас, сэр... Мы с мужем верны друг другу.

— Уверяю вас, я нисколько в этом не сомневался, — сказал я, слегка улыбнувшись и посмотрев на нее весьма теплым взглядом. Чуть не сказал: "Такой красоте и изменять? Нем же надо быть?" Наконец, она что-то прочла в моих глазах: ее глаза точно потептели. Я спросил после маленькой паузы:

— Ваш браслет застрахован? В Англии? Если да, то на какую сумму?

Она назвала четырехзначную. Первой цифрой была из последних в десятине.

— Но мне не нужны деньги. Мне нужен мой браслет. Это память от прарабки, фамильная ценность. Я буду вам очень приятельна, если вы вернете мне его. — В сдержанном тоне леди слышалась мольба. Она уже перестала быть отстраненной от следствия и того, кто вел его. Но что это могло мне дать? Вход в ее жилище мне все равно запан.

— Ну что же! Постараюсь разбиться если не в лепешку, то в пудинг, — засмеялся я. — Сделаю все, что в моих силах и возможностях.

Она тоже засмеялась. Встала и протянула ладошку. Оказавшуюся влажной. Я нахально ее придерживал, и она, между прочим, не попыталась вырвать.

Первый секретарь, ее муж, оказался парнем старше меня, тридцатипятилетнего, года на четыре, не больше. В меру лошечный, не подобен тем, кто вышагивает по коридорам здания на Смоленской площади. В нем я не заметил высокомерия, снобизма, отчужденности. Он был довольно прост и с юмором. Но следствию он ничем не помог.

Ему же я сказал, что буду трясти всех, в том числе и гостей, посещавших его квартиру. Он возразил:

— Они же — порядочные люди! Пойдут разговоры, сплетни. Скандал! Вмешается, не дай Бог, пресса. Вы что, не знаете этих прохвостов?

— Ну наши-то будут молчать, а с вашими друзьями обещаю обращаться как можно деликатней. Начну, конечно, с дам. Они особенно пристрастны к дорогим безделушкам и завистливы. Разве не

так? Потом перейду на тех, о ком вы сами нелестного мнения. Многие, небось, бывали у вас за тот период?

— Бывали, — уныло протянул дипломат. — Вы знаете, в принципе, инициатива подачи ноты о краже браслета была проявлена женой... а у меня есть, как у вас говорят, рабочее предложение, если на то пошло. Компромисс.

— Компромисс? Какой же, сэр?

— Разве я не понимаю, что искать эту вещь, что иголку в стоге сена? Так вот: вы закрываете дело по моему заявлению, а я взамен получаю от вас справку, что кража имела место, но, несмотря на все принятые меры, преступника, как и вещь, найти не представлялось возможным. Годится, сэр?

— Не годится, сэр. — Я откинулся на спинку стула и посмотрел ему в глаза. — Понимаете, сэр, у вас — частная лавочка, а мы обязаны искать своих воров до посинения. Чтобы они и других не обижали... Да и что вам эта бумага?

— А то, что страховая компания в Лондоне выплатит жене всю стоимость браслета, до пенса.

— Выплатит, значит.

— Да, сэр.

“Вот куда ты клонишь”, — подумал я, но не сказал, что надо еще доказать сам факт кражи, именно кражи, а тут одного заявления мало. Да к тому же дипломатическая неприносимость избавляет его от ответственности за ложный донос.

— Буду думать, — ответил я уклончиво дипломату. Не стоило обострять отношения. Но следствие повел.

Сначала перелопатил всю при-
слугу. Ее было немного, а до го-
стей еще не добрался. Вызвал лич-
ного водителя дипломата. Хотя
что ему было делать со своим
бензинным духом в аромате уют-
ной спальни?

Шофер, разбитной малый, на-
шего возраста, держался спокой-
но. Браслетов он не носил и не со-
действовал кому-либо в этом, в
машине не находил, а нашел бы — отдал хозяину или хозяйке.

— Хорошо помните, куда их
возили? С кем? Адреса назовите.
Ного подсаживали или высажива-
ли? Накою-нибудь смазливую ба-
бенку не приходилось? — напирал
я на него. — Нстали, принимали
подарки от хозяина?

— О подарках докладывал,
как положено. Да подарки-то!
"Мерседес" не подают. А что ко-
го-то подвозил, не припоминаю.

— А вы постараитесь припомнить... И обо всех ли подарках до-
кладывали? — Он заметно занер-
вничал. Ирония с ударением на
"всех" сработала. — Не слышу
уточнений... Едем-ка к тебе на ха-
ту.

— Зачем?

— Для шмона. Все фирмен-
ное шмотье заберу и буду уточ-
нять. Обнаружатся излишки —
сам понимаешь...

— Не надо обыска. Кто вас
интересует?

— Особы женского пола. Все
до одной. Понял?

— Всех его особ женского по-
ла я не мог знать, да, похоже по
нему, у него их и не было, а возил
несколько раз одну блондиночку,
лет двадцати пяти, хорошеньку,
Машенькой зовут.

— Поподробней о ней. Все,
что знаешь.

— Где работает, не знаю. А
живет... Подвозил его к ней до-
мой, ждал часа полтора-два, по-
на они... — он ухмыльнулся, —
и — обратно. К супруге. Ну и
что?

— А то, что ты, брат, содей-
ствовал разложению высшего анг-
лийского общества... Ладно, это
мы замнем. Однако есть неприят-
ная закавыка: девица Маша ни-
где не показана тобой в писуль-
ках. А если она из секретного
НИИ? Если тебя завербовал дипломат? — Парень пошел жел-
тым, тюремным цветом.

— Да вы что! Да я... мы... Ро-
ман у них в чистом виде.

— Романист нашелся.

— Дом могу показать и квар-
тиру Машину. Как-то в ливень де-
вушку у ее подъезда высадил,
чтобы не вымокла. Время позд-
нее, они — из ресторана, почти
все окна темные, а ее засвети-
лась, когда на лифте поднялась,
я и приметил.

— Контрразведчик! Про запас
держал. Опиши ее приметы.
И... — я выдернул паузу, — брас-
лет на руке у нее был? С синими
камнями.

— Видел. С синими на голубо-
ватом металле.

Дверь открыла светловолосая
босоногая девушка в розовой пи-
жаме, штанишки в обтяжку, до-
щиковтон. Зеленые глаза, рас-
ширенные удивлением, пушистая
прическа. Она отступила, переве-
дя взгляд на знакомого водителя.
Значит, визитер не грабитель и не
насильник. Пропустила в комнату.
Книжные полки от потолка до по-
ла. Письменный стол с пишущей
машинкой, бумаги. Новенький узорный
на полу. Из ветвистой подставки у
окна перед балконом топорщи-

лись и вились цветы. Полуторная тахта с парой расписных подушек.

— Маруся, давай на браслет! — я сразу, без увертюры. — Да, подарок сэра Арчибальда.

— Хорошо-хорошо, — занимала, словно только ждала этого момента, маялась. Что-то подсказали мне, что она не знала о краже. И на шлюху не тянула. Для порядка я все же сунул ей под вздернутый носик красные корочки.

Она кивала головой доверчиво и приговаривала, дрожа губами: "Понимаю, понимаю". Запорхнула в соседнюю комнату и тут же вернулась, протягивая искумую вещицу. Браслет с синими сапфирами.

— Из-за такой побрянушки... — некстати влез водила. Но я его оборвал:

— Заткнись, Фалалей! Это — природные сапфиры. Цены нет. Оправа из чистой платины... А ты...

Маруся уже плакала. До меня дошла вся чистота ее романа с нездачливым дипломатом, и я спешно сплел легенду:

— Браслет, верно, краденый. — От моих слов белоснежка вспыхнула костерком. — Но сэр Арчибалд не крал его, а доверчиво купил у ювелира, скупщика краденого.

Очень мне не хотелось разрушать в сердце этого ангелочка образ щедрого любовника-иностраница.

— Вижу, книг у вас много на английском. В чем состоит ваше основное занятие? Одной любовью живете или...

— Я аспирантка Института мировой литературы...

— Возьмите бумагу и напишите заявление о добровольной выдаче браслета. О том, что он унра-

ден, вы, естественно, не знали. — Маша при моих словах не покраснела: действительно не знала о краже. — Навалеру пока звонить не стоит. О дальнейшем советов не даю, сами думайте. Альбион туманен. А завтра жду вас на Петровке, 38. Возьмите повестку.

В полдень, в часы так называемого ланча, мы снова встретились с сэром Арчибалдом. Я выложил на стол браслет с сапфирами, синими и холодными, как глаза его законной половины.

— Взгляните, сэр. Он?

Первый секретарь не смог остановить прилива крови к лицу, но мог гордиться дипломатической выдержанкой.

— Он самый, — ответил.

Я толкнул браслет в его сторону. Он проскользил по гладкому столу, как упавший на лед фигурист, теряющий набранные очки.

— Страховая компания не понесет убытка в девять тысяч пятьсот...

— И что Мария?

— Отдала сама, добровольно... Она не знала, что он краденый. А от вас хочу получить один документ, расписку о возврате ценной вещицы.

— Конечно-конечно.

— И обещайте, что жена лично извинится перед оболганный девушкой, горничной...

— В простом человеке скорей приобретешь друга... Могу я к вам обращаться просто — Владимир? А вы ко мне — Арчи?

— Валяйте, Арчи так Арчи...

— Мария заменила мне все на свете... Владимир, сейчас бы в самый раз выпить, ты как? Свободен?

— У меня в портфеле бутерброды с красной рыбкой и копчен-

ной колбаской. Завернула тоже, между прочим, блондинка. Бутылку возьмем по дороге. И — на Гоголевский. На скамеечку. Тихо и скромно.

— Отличная мысль! Только я прихвату из "бардачка" бутылку шотландского виски. Годится?

Мы вышли на Кропотинскую. В четыре опытных глаза убедились, что "хвоста" не было. Арчибальд достал из машины большую бутылку.

— Владимир, ты у нее, моей супруги, глаза видел? — спросил после второго стананчика Арчибальд.

— Как сапфиры на браслете, очень красивые.

— Красивые, но — холодные, ни унции тепла, чувства... Извини за откровенность, ссылается на фригидность.

— Фригидность, Арчи, это когда мужчина не способен развесить огонь из сырых дров, — сказал я и понял его одиночество. А говорят, что британцы невозмутимы и неоткровенны.

Он вздохнул и промолвил:

— Дольем?

— Дольем, — ответил я, хотя в бутылке была еще половина. Если полковнику Полякову донесут — не убьет, отмажет. Скажет: "Для пользы дела". Главное — держаться на высоте и в рамках.

Две заначки

Мы обыскивали квартиру крупного растратчика. Угрюмый, но внешне спокойный и замкнутый, он тихо сидел в углу большой комнаты, одетый к выезду, и прикуривал папиросу от папиросы. Когда преступления растянуты во времени, их вершители подсознательно готовятся к расплате, лишь умоляя судьбу оттянуть ее как можно дальше. Расплата для них не более неожиданная, чем для родственников кончина обреченного тяжкой болезнью близкого человека.

Его дражайшей половине недлинная дорога с тупиком в наземном доме не грозила. Разбу-

женная спозаранку визитом следователя с понятыми тридцатилетняя блондинка, без подкраски, с формами на самый придиричивый вкус, нанинула тонкий, крохотный халатишко, ромашки вперемежку с васильками, и, глубоко утонув в мягким кресле, искусно смущала визитеров красивыми голыми ногами, занизнув одну на другую, побалтывала тапком без пятки с пушистым помпоном. Номер был не смертельный, но впечатлял и отвлекал.

Я мог поняться сразу в двух вещах. Под синими и белыми цветочками не было ровным счетом ничего из белья. Как и пользы для дела от нашего шмо-

на. Ясно, что золотые побрянушки хозяина успела перепрятать, как и "бабки". Дорогие меховые шубки, пальто, костюмы и платья — все заказное — соседствовали с неброской мужской одеждой, но никто бы их не стал описывать. Мы не мелочились. Хозяин же, похоже, был скромен в быту и на людях, хотя был директором шикарного, известного в Москве ресторана.

Он был старше жены на двадцать лет, чем, видимо, и объяснялась многозначная недостача. Лакомый кусочек мало схватить, его надо и удерживать.

Обыск, фактически формальный, подходил к концу. Обошел все, порылся всюду, остались приноровленные тумбочки супружев. Фланоны, баночки, сияючики, часики. На мужской — пельница, книга, будильник, призывающий хозяина по утрам к честному труду.

Выгребал обычное содержимое. Бельишко, нитки, коробочки с тем-другим, ничего такого. И вдруг (у нас всегда — вдруг) зацепил большой бумажный пакет, и посыпались... Не бумажные купюры или патроны к автомата. Презервативы! Целая нуча.

— Любовный запас, — съязвил, глядя на россыпь. И — к мужчине: — Соберите.

Мужин,казалось, вывалился из морозильника и застыл в позе "Мыслителя" Родена. В смертельной белизне. У жены лицо пошло красной. Будто их присоединили друг к другу донорским аппаратом и тот стал перекачивать кровь. Не понял: в чем страшная загадка? Для кого из двоих?

— Сука! — просвистел муж сквозь зубы и поперхнулся "Маль-

боро", словно пятиклассник в школьном сортире. — Не мои. Не пользуюсь. Не имею привычки.

Я чуть не поддернул его, как единомышленника. Поднял пакетик. Прочитал на упаковке:

— "Третий размер".

— У него — первый! — громко выдала жена, как обвинение вместе с самооправданием, и стала вылезать из обхватанной коляки кресла. Сильно натянутый халатик едва не треснул по швам. Встала на длинные нижние конечности. Они могли принести ей ворох очков на конкурсах красоты. И, поигрывая круглым задом, усыпаным ромашками, как ее белые зубы, и васильками, как ее наглые глаза, пересекла комнату в направлении находки. Присела и стала неторопливо подбирать презервативы, открывшие глаза мужу на ее изменения. Собирала и раздумчиво бросала в пакет, словно элегантными щепотками досыпала соль в любимую мужем лапшу. Не знаю, считал ли эти пособия любви муж, но один из понятых, первокурсник юрфака МГУ, не сдержал законного любопытства:

— А правда, зачем так много?

Женщина подняла к студенту лицо, с которого сошла розовая заря, и смахнула золотистую прядь. Обнажив в изогнутой улыбке зубы крупной хищницы, разъяснила:

— Я их надуваю, милый мальчик, вместо воздушных шариков. Ногда мне бывает сучно.

Мальчик стал цветом как парниковый помидор. До него дошла истину, которую дерзко высказала полуобнаженная кра-

сотна: чем больше мужчины швыряют им "бабок" за обладание, тем меньше получают любви. Так уж устроено в этой, менее всего справедливой сфере человеческих отношений. "Гребет, как снегоочиститель", — подумалось.

Растратчин прорычал:

— Уведите меня поскорей!
Куда угодно!

Я уже выбрал ему надежное убежище от всех соблазнов, но разъяснил, что сначала обязан оформить протокол, что ничего не обнаружено. А про себя произнес: "Обнаружена сломанная жизнь с изъятой любовью". Даже учитывая подлинную драму, вслух прозвучало бы слишком мелодраматично.

...Водитель-ас Володя Зимин гнал "Волгу" к управлению. Задержанный был зажат на заднем сиденье мной и понятыми.

Зимин притормозил у метро, чтобы высадить ребят, но молчавший всю дорогу "просвещенный" муж проговорил:

— Не отпускайте понятых и поворачивайте назад.

— Зачем?

— Хочу кое-что выдать следствию. Добровольно.

Дверь открыла жена, удивленная нашим возвращением. В квартире еще царил беспорядок, но женщина успела одеться и подкраситься. Искусный маникюр набавил пару лет, но и подчеркнул природные данные.

Муж решительно прошел к тому месту, где сидел, и попросил понятого принести нож из кухни. Я нивунул. Парень принес нож для мяса.

— Бейте сюда, — растратчик очертил квадратик на стене.

Я прорезал обои. Нож без труда вошел в невидимую щель и пошел по ней. Хозяин нивал. Я вырезал нусон обоев с картонной подкладкой и в небольшой нише увидел плотно вложенный в нее ящичек из фанеры.

Выругал себя за халтурный шмон — косил на прелести красотки, а стены не проступали. "Молодец баба, а я — фраер. Спасибо презервативам, первой заначке". В ящике лежали плотными слоями золотые монеты царской чеканки. Они в полтора раза покрывали растрату.

Мы испытали разные чувства. Я — ликовение. Он — месть и облегчение. Она закричала на мужа:

— Подлец!

Ее реакция подзадержалась. Конечно, знала о тайнике. "Чего не заорала с первым ударом ножа, будто в алчное сердце?"

— Спокойно, мадам. Человен раскаялся. Или вы против?

Мадам перечеркнула свою смазливость злобной гримасой. Муж спросил:

— Это зачтется?

— Бессспорно. Скажите, она знала про эту заначку?

Он вначале пожал плечами, но ответил. Вынужденно:

— А для кого лежала? На черный день. Вот и наступил. Пять лет прожили. — И, горько усмехнувшись, добавил: — Душа в душу. День вышел черней черного. — И отмахнулся рукой, отрезав прошлое. Отрезав с кровью.

— Попытаюсь убедить прокурора, чтобы отпустил вас до суда под подписку о невыезде, — заверил его. — Растрата погашена, вы полностью признались.

— Не стоит. Отпустите — не выдерну и прибью. ■

Колыбельная для мамы

Наталья МАРКИНА

Они очень разные, эти девочки. Красивые и не очень, умненькие и глупышки, душевно-щедрые и откровенно эгоистичные. За их наигранной бравадой или горькими безутешными слезами — судьбы детей, которым они дали жизнь, не достигнув собственного совершеннолетия. В ноябрьском номере "Смены" мы начали разговор на тему "Дочки-матери". Потрясающие статистические данные об опыте сексуального общения несовершеннолетних, приведенные в очерке — "Сирота с Казанского", вынуждают нас продолжить тему. Как свидетельствует статистика, большинство "запетевших" девчонок делают аборты. А что происходит с теми, кто решается рожать? Как складываются судьбы детей, которые рожают детей?

СВЕТКА

Предположить ее былую провинциальность практически невозможно. Ухоненная, умная, целеустремлённая. Единственное, что выдаёт в ней немосквичку — едва улавливаемый мягкий волжский говорок. Детство её прошло в крошечном провинциальном го-

родне. Старшая дочь в многодетном семействе, где традиционно тяжело внашивается мать и столь же традиционно тяжело пьёт отец. Цель одна — вырваться, вырваться любым способом, и, конечно, — в Москву.

Светла, золотая медалистка и гордость школы, в шестнадцать лет оказалась в грохочущем, столь желанном "новом Вавилоне", легко поступив в столичный вуз.

Свободные нравы общежития, искушения большого города, все составляющие воспетого студенческим фольклором быта — всё было не про неё. Светла училась. Но, как справедливо заметил любимейший Светлану поэт, "пора пришла — она влюбилась". Избранника немало позабавил светящийся влюблённый взгляд, неотступно преследующий его в аудиториях, столовой и в институтских коридорах. Светла с готовностью смеялась над его шутками, прилежно конспектировала для него лекции и сутками просиживала в библиотеке, стряпая любимому бесконечные рефераты. Он иногда забегал в общежитие к однокурсникам, заглядывал и к ней в комнату — поболтать, попить чайку и забрать свежие конспекты. Однажды, после бурных возлияний на предмет сданного жестокому преподавателю зачёта, он снова заглянул к ней, насмешливо протянув: "А, мать, ты всё учишь, смотри, всю жизнь за книжками просидишь..." Потом уверенно притянул её к себе и погасил свет. С тех пор его визиты стали повторяться с определённой периодичностью, всегда заканчиваясь холодным чаем в общаговской кух-

не, во время которого он упорно избегал смотреть Светла в глаза, сидел как на иголках и всё время как будто порывался сбежать. Но Светлана была счастлива и столь мимолётными встречами, ведь это Он — любимый, единственный.

Она не задумывалась, к чему приведут их отношения, жила одним днём. Институтские заботы и драгоценный возлюбленный занимали всё её время. И вот уже первая сессия позади, впереди долгожданные каникулы, грандиознейшие планы совместного отдыха на зимней турбазе, но вдруг в безоблачном, казалось бы, существовании возникла брешь. Выходя из метро на станции, где располагалась их институтская общага, Светла столкнулась со своим героем и его спутницей — Татьяной, самой красивой девчонкой курса. Они, нежно обнявшись,шли вдоль улицы никого не замечающая, погрузившись друг в друга. Сердце у Светлы сжалось, губы задрожали, безудержные слёзы размыли по щекам тушь...

А в конце февраля Светла обнаружила, что беременна. У неё будет ребёнок, от Него — кровь от крови, плоть от плоти! Но здравый голос рассудка вмешивался резонными вопросами: а что делать с институтом, ведь ещё даже первый курс закончить не успела? А где им жить, и, главное, что скажет Он?

Она собралась с духом и разом выдохнула ошеломляющую новость прямо ему в лицо. Он, как всегда, — светлые очи, затушил сигарету и, сославшись на срочные дела, быстро ретировался. И всё. Визиты прекратились. Идея поездки на турбазу канула в Лету.

Встречи в институте он сокращал до банального "хай, извини, чуть позже поговорим". Очарование первых дней любви плавно улетучивалось, и до Светки по-немногу начинал доходить весь унас происходящего: одна, в чужом городе, с ребёнком и без гроша в кармане. Надо с кем-то поделиться, если не посоветоваться, то хоть пожаловаться. Мама далеко, да ей и не до Светки, на ее руках — ещё двое пацанов, а отец — не опора. Подруга Наташка с третьего курса, соседка по общаге, долго не раздумывала над советом:

— История стара, как белый свет: она залетела, он улетел, — констатировала она, затягиваясь сигаретой. — Делай аборт — какие вопросы? — деньги я тебе помогу найти, будут — отдашь. Не ты первая, не ты последняя.

— Спасибо, Наташ, я пойду. Я найду тебя, если что.

Медленно, на ватных ногах Светка добрела до своей комнаты — слава Богу, там никого. Прислонилась лбом к окну — в висках стучит, а стекло холодное, остужает...

Она нашла подработку, не бояться накие деньги, но прожить можно. Общежитие покинула. Поселилась у новой подруги с работы и теперь с нетерпением ждет появления на свет своего малыша, уже совсем скоро. И она точно знает, что это будет мальчик.

МАША

Первое, что бросается в глаза — резная, экзотическая красота. При взгляде на нее поневоле начинаешь слышать щелканье настанет или зажигательные мелодии "латинос", исполняемые на-

ним-нибудь сладкоголосым мачо. Внучка испанских переселенцев, юнная птичка, неведомыми ветрами занесенная на просторы зараженной России. Впечатление второе — ни малейшей усталости, обреченности в глазах, а уверенности в себе — дай Бог нандому. При нашем разговоре мне назалось, что она — старше, опытнее, смелее меня. Подросшие дети, твердо знающие, что в этой жизни почем, вызывают во мне смешанное чувство восхищения, испуга и жалости.

Маше — шестнадцать. Ее мальчишному сыну нет еще двух. Ничего сверхъестественного ни Маша, ни окружающие ее люди в этой ситуации не видят. На интервью она согласилась легко, но от родителей свою профессию предпочла скрыть. На все мои вопросы отвечала спокойным, ровным, уверенным голосом.

— Я не знаю, что тебе рассказывать. Все не слишком интересно. Как стала матерью в неполные пятнадцать? Тебе что, не известно откуда дети берутся? Любовь? Ну, наверное, была любовь. Он старше, ему двадцать четыре года. О беременности узнала от его мамы, она гинеколог, я к ней и обратилась. Я сразу знала, что ребенок оставлю, да и мой молодой человек не возражал. Сначала только все твердил: "Подумай, подумай". Чего тут думать? Беременность первая, мало ли накие последствия будут после аборта.

Он и в роддом пришел, и помогал на первых порах. А потом сназал, что у мальчика не тот цвет глаз и вообще он не уверен, что ребенок от него. (Смеется.) Периодически все-таки забегает или

денег подбрасывает. Да и фиг с ним.

В районной гинекологии я сразу сказала, что буду рожать. А папа мой вообще был ужасно рад. Мама поворчала для виду, но тоже довольно быстро успокоилась. Ну что теперь поделаешь? Самое серьезное было подготовить бабушку. Она у нас старой закалки — и крики были и слезы. Бабушка очень сильно на меня давила, и я взяла направление на аборт. А потом, как представила, — нет, не могу и все. Зато сейчас бабуля в правнуне души не чает. Так что с семьей у меня особых проблем не было. Моя сестра тоже родила рано, ей, правда, тогда уже исполнилось восемнадцать. В общем, мне все помогали. Пришлось полежать в 1-ой Градской больнице, вот только там врачи косились, грубили. Как рявкнут иной раз... Но они, наверное, со всеми такие. Работа у них нервная.

Как со школой? Я в девятом классе успела поучиться, до пятого месяца в школу ходила. Никто не шушукал у меня за спиной, с чего ты взяла? Одноклассники? Им что, делать больше нечего? У всех своих проблем полон рот. Рожать или не рожать — личное дело каждого.

Вообще-то обычно девчонки аборты делают. У меня все подружки через это прошли. Ну ладно, почти все. Зато некоторые по два раза. Одна даже... Как это называется, когда на большом сроке? Искусственные роды? Вот, вот. Идиотка. Потом ко мне приезжала, ревела. Ее мать заставила, она рожать хотела. А та говорит — из дома выкину, а куда идти-то? Вот и пришлось. Вообще,

насколько я знаю, из всех моих подружек только одна считала, что ей еще рано рожать. Остальные просто родителей боялись.

Теперь, наверное, в вечернюю школу пойду. Учиться-то все равно надо. Главное сейчас — деньги. Не будут же меня родители кормить всю жизнь..."

Что стоит за видимой жизнерадостностью? Искренность или напускная бравада, стремление не ударить в грязь лицом? Или просто неумение по-взрослому оценить ситуацию, непонимание изменившихся жизненных реалий и тяжкой ноши ответственности, легшей на ее хрупкие плечи? Или чего-то не понимаю уже я?

Машин папа, как выяснилось, недавно вышедший из тюрьмы, вызвался проводить меня до метро. На мою невинную реплику он отозвался бурной тирадой: "Кто взрослый? Она взрослая? В шестнадцать лет? Господи, да будь у меня сын, я давно бы с ним разобрался по-своему. А у меня девочка. Бить нельзя, запрещать что-либо — бесполезно. Кричать — она сама кого хочешь переорет. Ничего по дому не делает, у нее своя жизнь, подруги, друзья. Мы с матерью тащим всю семью, отдачи — ноль".

Девочка, забеременевшая в подростковом возрасте, подобна слепцу, изучающему жизнь на ощупь, на расстоянии вытянутых рук. Беззащитность, зависимость от окружающих. Мир вокруг глух и враждебен. Образование получить не успела, из школы обычно выдавливают — не место, дескать, "шлюхе" рядом с чистыми светлыми детьми. Отец ребенка, как правило, либо вообще существо

ствует гипотетически и ничем своего нового статуса не подтверждает, либо его отсутствие даже желательно.

Американские психологи Шелдон и Шейла Левич в книге "Ребенок и стресс" приводят шкалу стресса для подростков. Перечень событий, а рядом — балл, означающий степень страха, боли и отчаяния. Отправная точка — 100 баллов (безусловная возможность суицида). Первое место, 95 баллов, занимает беременность. Она на шкале стресса опережает даже смерть родителей, распад семьи, несчастный случай, приобретенное уродство и тюремное заключение.

Как же уберечь девочку от столь страшного для нее потрясения? Увы, просветительские программы проблемы не решают. "В ходу" две тенденции. Первая: не пускать, запрещать. Вторая — учить осознанному выбору. Звучит, безусловно, красиво. Вопрос только в том, что "свободно выбирать" мы предлагаем нашим детям?

Врачи убедительно доказали, что проблема ранней сексуальности у девочек достаточно надумана (если это не патология). Современным Джультеттам вполне достаточно тех самых воспетых поз том "прогулок при луне". Политы встречаются крайне редко, да и набоковское порочное дитя, помнится, лишь принимало навязанную ей роль. Поэтому когда кто-то на голубом экране призывает "выбирать безопасный секс", а кто-то другой пронатывает программы контрацепции по школам и чуть ли не по детским садам, — тем самым они ненавязчиво приглашают детей в мир взрослых. Вот

тебе средство — иди и предохраняйся. Выбор контрацептива — это, мол, и есть осознанный выбор. Но слишком ранний приход во взрослу жизнь — мощный удар по психике. Можно научить подростка манипулировать презервативом, но невозможно целиком запаковать его в резину, чтобы уберечь от проблем, изолировать от жизни, от общества.

"Он нам не нужен. Я знаю лучше..."

...Истощный крик дворничихи привлек внимание постового милиционера. В мусорном баке нашли тельце новорожденного младенца, обернутое в синюю бумагу. Бумага оказалась обложками от школьных тетрадей, по которым быстро установили владелицу свертка — ученицу 8-го класса. Семья девочки принадлежала к городской элите: отец — профессор местного университета, мать преподавала музыку. Милиционеров встретили с возмущением: "Это какая-то чудовищная провокация! Ребенок? Нашей ребенок? Где наша дочь? Машенька плохо себя чувствует, прилегла..."

Девочка забеременела от одноклассника, а потом исправно посещала школу, решала задачи на контрольных. Родителям открыться побоялась, а те, погруженные в свои гаммы и конспекты, попросту ничего не заметили. Преждевременные схватки начались у Маши во время чинного семейного обеда, когда все домочадцы сидели за столом. Сославшись на рези в желудке, девочка заперлась в туалете и там родила. Ребенок погиб из-за не оказанной вовремя акушерской помощи. Юная мать завернула его в

первые попавшиеся листки бумаги и выбросила в контейнер для мусора.

Не надо думать, что подобные случаи бывают только в социально неблагополучных, пьющих, проблемных семьях. Просто там вся жизнь — на виду, и Бог знает, что может твориться за плотно закрытыми дверями образцовых семейств. Родители нередко просто... не замечают своих детей. Дежурные вопросы, готовые ответы. Сыт, обут, одет — и ладно. А выросший ребенок плачет по ночам в подушку, прекрасно понимая, что до самых, назалось бы, близких людей ему не достучаться.

А когда надвигающееся материнство дочери становится очевидным, родители срочно активизируют "воспитательный процесс". Начинается домашний ад, оскорблений сыпятся на голову юного человека, у которого и так почва уходит из-под ног. Так теряется контакт между поколениями, а может быть, в каких-то семьях его никогда и не было. Говорят, "если девочка в младенчестве перешла из рук в руки, то велика вероятность того, что в отрочестве она пойдет по рукам". Грубовато, конечно, но верно по сути. Дело в том, что девочки, которую мать ласкает часто, проще контролировать свою сексуальность. Она привыкает к нежности и любви, и первая ласка сверстника не вызовет у нее взрыв эмоций и выброс половых гормонов.

Но для многих девчонок материнская ласка — несбыточная мечта. Вот, например, жила-была девочка Оля. Проникала на свете пятнадцать годков и ни разу за это время не услышала свою

маму, Ирину Петровну. Ирина Петровна была женщиной волевой, целеустремленной, занимала престижное место в правлении крупного столичного банка. Дочку держала в ежовых руках и из-под всевидящего она не выпускала. Только спустя некоторое время после того, как девочка забеременела, Ирина Петровна заметила изменения в ее облике и поведении. Раздавшуюся талию приписала эндокринным изменениям в юном организме и принялась усердно бороться с ненужными процессами. Девочку пичкали гормональными препаратами и плотно затягивали в бандаж. Ей стало плохо на уроке физкультуры, и "скорая" увезла Олю со школьного стадиона.

Малыш родился на удивление здоровым, и маленькая мама, оправившись от шока и боли, начала уже понемногу улыбаться. Но тут в больнице появилась Ирина Петровна. Печатая командный шаг, она обошла кабинеты врачей и заклеймила их позором: "Не просигнализировали, не уследили". Поняв, что претензии несколько не по адресу, мама взяла ситуацию под свой контроль. Дочери, не смевшей даже помыслить о том, чтобы возразить матери, было заявлено в ультимативной форме: "Напишешь заявление об отцовстве. Он нам не нужен. Я лучше знаю". Оля послушно взяла ручку и бумагу, потом отвернулась к стене и сказала в комок. Когда врачам удалось вывести ее из ступора, веселой 15-летней хохотущими больше не существовало. Защитные функции мозга дали побочный результат: девушка по уровню развития в секунду снатаилась к трехлетним детям. Иные

слова кроме "дядя", "тетя", "бяна", "ам-ам" были ей отныне не доступны. Сейчас за здоровье Оли бьются психиатры.

У нас нет законов, защищающих детей, роняющих детей. Родители могут выгнать их на улицу, всячески третировать и унижать, отказать в содержании (что, истинно, обязаны делать согласно "Семейному кодексу"). В огромной Москве почти некому помочь девочкам-подросткам, попавшим в подобную ситуацию. Журналист Лора Великанова в статье "Сирота с Казанского" упоминала, что единственная организация в Москве, которая пытается помочь несовершеннолетним женщинам, — Служба помощи "Голубь". Эта организация — общественная, ее возглавляет педагог по образованию Марианна Вронская. Группа энтузиастов во главе с Марианной не получает ни малейшей поддержки от государства. У "Голуби" нет даже своего помещения, она находится в однокомнатной съемной квартире, забитой тюками с детской одеждой и игрушками. Хозяева квартиры не разрешают публиковать номер стоящего здесь телефона. Марианне негде поселить ни одну из девчонок, обратившихся в "Голубь" за помощью, а ведь многие из них нуждаются просто в элементарной тарелке горячего супа и чистых простынях. Некуда привести школьниц для разговора, негде отвечать на их вопросы, которые зачастую им просто некому больше задать.

— Треть детей, находящихся в домах ребенка Москвы, рождены несовершеннолетними матерями, — с болью говорит Марианна

Вронская. — Над обществом довлеют стереотипы. К нам обращаются с готовой установкой: "Мне 16 лет, помогите сделать аборт". Иного, мол, не дано. Мы не "за" и не "против" абортов — ситуации в жизни бывают разные. Страшно, что девочки не видят иных выходов из положения. Недавно звонила дочка консула одной из западных стран. Та же проблема, плюс страх огласки. Ребенок становится помехой для всех. Он не вовремя появляется в жизни своих родителей и меняет их жизнь. Им не хотят заниматься бабушки и дедушки. В обществе твердо закрепляется установка, что ребенок — это очень трудно. Мне кажется, сегодня дети не входят в категорию первостепенных жизненных ценностей у современных юношей и девушек. Это страшно.

Предложенное "Голубой" сотрудничество неожиданно было с благодарностью принято московской Службой спасения. Люди, ежедневно сталкивающиеся с почти безысходными, кризисными ситуациями смогли оценить необходимость такого контакта. "Голубь" на тренингах и семинарах готовит специалистов, ориентированных на решение проблем несовершеннолетних женщин. В числе слушателей — педагоги из детских домов, врачи, психологи, социальные работники — профессионалы, в принципе уже владеющие ситуацией. Но проблема требует решения и на более широком, общественном, государственном уровне.

— Девочки, попавшие в беду и сумевшие достойно выйти из кризисной ситуации, вызывают у меня чувство глубочайшегоуважения, — продолжает Марианна.

Это настоящие, зрелые Личности. Юный человек, нашедший выход из безысходности и отчаяния, не пошедший по пути наименьшего сопротивления обязательно когда-нибудь будет счастлив. Об этом говорит вся моя многолетняя практика.

ТАНЯ

Сейчас Татьяне двадцать семь. Мишка родился более десяти лет назад. Его появление на свет сдвинуло все колесики и шестеренки Таниной судьбы.

— Не слишком я люблю все это вспоминать, — говорит Татьяна. — Ну, да ладно, слушай. В девятый класс я не пошла, — и школа надоела, и у родителей на шее сидеть не хотелось. Устроилась на временную работу, на лето, тогда открывался художественный вернисаж. Работенка не пыльная, тан, подай-принеси. Он был художником из небольшого провинциального города. Мы как-то очень быстро подружились, гуляли по ночной Москве. Ему было около тридцати. Я заходила к нему в гостиницу на чай, уже понимая, что влюбилась до безумия и если вдруг что, то не устою. С ним было очень интересно. В Москву он приехал всего на неделю, и все произошло в последнюю ночь. Утром он уехал, оставив мне адрес и телефон. Когда я сказала, что жду ребенка, мне показалось, он обрадовался. Но в роддом не приехал, хотя на электричке ему до Москвы — рукой подать. Требовать что-либо, бомбить его письмами я не собиралась — не в моем характере. Мне оставалось только ждать. Выдержала атану мамы, заверив ее, что он скоро приедет, и дальше мы будем вме-

сте. Об aborte я не думала ни секунды. Родила. Мне делали несарево сечение. Нет, в глаза знакомые, подруги не осуждали, хотя бестантности и хамства хватало. Могли прямо в лоб долбануть: "Ну ты даешь! А кто папа-то?". Я, дура малолетняя, что-то испуганно лепетала в ответ. Отпор научилась давать позже.

Вот и ходила с пузом и принченной улыбкой на физиономии, — продолжает свой невеселый рассказ Татьяна. — В свидетельстве о рождении Мишка в графе "отец" получил прочерк. А я была официально зарегистрирована как "мать-одиночка". Нас в послеродовой палате лежало четырнадцать мамаш, и но всем, кроме меня, приходили мужья. Девчонки леняли, заваленные цветами, смеялись, читали вслух записки с признаниями в любви и словами благодарности. Но мне, зареванной и порезанной, приходили подружки и мама с грустной, всепонимающей улыбкой. В палате я что-то наплела о длительной командировке супруга, но, конечно, мне никто не поверил. Тяжело было. Потом — детская поликлиника, собес, ЗАГС, и везде, во всех документах — одно и то же: в графе "отец" — прочерки. Очень жалко было и себя, и Мишку, которого предали еще до его рождения. И все равно я ждала. И отец ребенка приехал. Увидел сына, наобещал манны небесной и золотые горы и снова исчез. А через какое-то время в нашем салоне выставлялся его друг-художник, от которого я совершенно случайно и узнала, что мой драгоценный женат. Вот как все банально. Это был страшнейший удар. И тогда я решилась позвонить его родите-

лям. Хотела просто рассказать им о внучке. Надо было слышать те оскорбительные слова, которые прозвучали в ответ!

Он потом звонил еще раз. Сказал, что разводиться с женой не собирается и не собирается, а у меня просит за все прощения. Прости, мол, так получилась. Вечный мальчик.

Дальше — эпопея, как у всех одинокен. Трудности, страхи, обиды. А потом появился Саша. Мишна не знает сейчас, что отец ему не родной. Он даже похож на него больше, чем на меня. Повторяет все папины словечки, унимки, ходить старается как он. Мы семья. Но все это тяжелое время я пыталась учиться понимать и принимать жизнь такой, какая она есть. И одно я знаю абсолютно точно: любая боль ничто по сравнению со знанием того, что ты поступила правильно, родив сына. Это знание позволило обрести гармонию и любовь, — закончила свой рассказ Татьяна.

Можно как угодно относиться к проблеме ранней беременности и ранней псевдо-сексуальности, а только корни их стоит искать в неблагополучии внутри семьи. Общество чаще всего виной всему склонно считать отсутствие у молодых знаний о контрацептивах, "распущенность" подростков, а, может, важнее другое — отсутствие любви между их родителями,

психологический гнет взрослых, публичное одиночество подрастающих детей? Если девочка-подросток не чувствует, что она нужна семье, то она всем и вся будет доказывать, что нужна кому-то другому. Что комунибудь — нужно! Быть может, поэтому часто подобные трагедии случаются и во внешне благополучных семьях? Ведь "благополучие" мы, как правило, измеряем материальным достатком семьи, но не любовью, не атмосферой, царящей в доме, оборудованном умопомрачительной электроникой и ультрамодной мебелью. Нередко для того, чтобы самые родные люди обратили на тебя внимание, нужно, как минимум, забеременеть в шестнадцать лет. Но и тогда не добьешься ни любви, ни понимания, ни помощи... Нельзя же назвать любовью к дочери поиски правых и виноватых, "разборки" в семье, ярлык "шлюха" и презрительное "принесла в подоле". Подобная реакция общества, родных и близких людей, а не сама беременность порой ломают жизнь несовершеннолетней женщине. И тогда нередко "ошибка молодости" толкает ее на новые ошибки... Быть может, прежде чем осуждать, поучать и выгонять из дома, стоит попытаться понять?

Хотя бы ради того, чтобы дети несовершеннолетних мам не повторяли их судеб... ■

Уважаемые читатели!

Обращаем ваше внимание на то, что и в первом полугодии 2001-го года купить "Смену" в розницу почти невозможно — основной тираж журнала традиционно распространяется по подписке. Если вы не хотите расстаться со своим любимым изданием, советуем продлить подписку.

Цена за один номер журнала — 31 руб., за три — 93 руб., полугодовая подписка — 186 рублей (по каталогу «Роспечать» без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

Подписной индекс — 70820.

Оформить подписку на "Смену" можно и непосредственно в редакции. Цена одного номера тоже 31 рубль, но такая подписка все-таки дешевле, чем в почтовом отделении, поскольку вы будете приезжать за журналом в редакцию.

Ветеранам войны и труда при подписке в редакции (по предъявлении удостоверения) мы делаем скидку. Для них цена одного номера — 26 рублей.

Если вы не можете забирать журнал ежемесячно — ничего страшного, — ваша "Смена" будет ждать, сколько понадобится, и вам не придется волноваться, что журнал пропадет из почтового ящика. Кстати, наши постоянные читатели из других областей, стран СНГ и даже дальнего зарубежья, оказываясь в Москве, заходят к нам, чтобы купить журналы. Позвоните, и мы соберем для вас комплект "Смены". А если вы не бываете в столице, мы можем выслать любой номер или комплект журналов после того, как вы оплатите стоимость и доставку. Напишите в редакцию, мы сообщим вам банковские реквизиты.

Телефоны для справок: 212-15-17, 212-15-07.

Наш адрес: Бумажный проезд, 14.

Москва А-15, ГСП-4, 127994.

**Звоните, пишите, приезжайте —
мы всегда рады вам.**

вниманию рекламодателей!

**Информация
о размещении рекламы
в журнале
"Смена"
по телефонам
257-30-55,
257-39-45.**

**Приглашаем к сотрудничеству
региональные рекламные
агентства и менеджеров
по рекламе.**

Великолепный урод

Майя ОРЛОВА

Сегодня, в свои 67, он выглядит великолепно — зданий лев с седой гривой, загорелый и подтянутый. А ведь когда-то сын знаменитого французского скульптора Поля Бельмондо, студент парижской Школы драматического искусства, Жан-Поль частенько слышал от своих преподавателей: "Нет, парень, не обнимать тебе на сцене женщин!"

Оценивая молодого Бельмондо, режиссеры первым делом обращали внимание на его вывороченные губы (мода на черноножих еще не пришла) и перебитый нос (память о юношеских занятиях боксом, когда нумиром Жан-Поля был Марсель Сердан, чемпион и любовник Эдит Пиаф). Может быть, поэтому актерская судьба Бельмондо поначалу не задалась. До того, как он попал в Алжир, где должен был проходить военную службу, Жан-Поль успел поучаствовать в нескольких сценических постановках и приобрести малоудачный опыт первых кино проб. Из армии юношу комиссовали

ли после автомобильной аварии, и неудавшийся защитник отечества вернулся в кинематограф.

В 1959-м на Бельмондо обрушилась слава — после того, как он исполнил главную роль в фильме Жан-Люна Годара "На последнем дыхании". Молодой актер искренне удивлялся:

"Раньше я думал, что моя рожа никому не понадобится, а оказалось, что она в самый раз".

Успех фильма был столь оглушительным, что Бельмондо поначалу даже забеспокоился — не придется ли ему до конца дней играть маленьких пугающих (в картине Годара Жан-Поль сыграл бандита по имени Мишель Пугарак). Начался период активных съемок: в 1963 году Бельмондо даже выпустил книгу "В 30 лет — 25 фильмов". Но если дебют в фильме Годара сделал его культовым актером "новой волны", то в середине 70-х, играя в комедиях и боевиках, Жан-Поль стал "лицом" другой Франции, олицетворением уже не бунтаря 60-х, а классиче-

сного француза — обаятельного, жизнерадостного, изящного, элегантного и демократичного.

Хотя попытки "высочить" из образа Бельмондо предпринимал постоянно. Взять хотя бы его серьезную работу 1973 года в картине Алена Рене "Стависский", о предшественнике Сергея Мавроди, создавшем первую финансовоую "пирамиду" — Байонский банк. "Стависского" даже отобрали в конкурс Каннского фестиваля, но жюри встретило фильм с ледяным равнодушием. Да и публике в конечном итоге всегда были ближе "Великолепный", "Чудо-вище", "Нартуш", "Профессионал". И если в истории кино Бельмондо останется исполнителем двух-трех ролей в фильмах Годара и Рене, то в сердцах зрителей — смелым и решительным героем жанра "action". На съемках он сам бегал по крыше мчащегося поезда метро, висел на трофе, сброшенном с вертолета, влезал в комнату через окно. Однажды, стоя на капоте автомобиля, мчавшегося на полном ходу, Бельмондо не успел схватиться за канат, спущенный с вертолета, и свалился на землю. Пять месяцев Жан-Поль был прикован к постели, ему грозил паралич. К счастью, все обошлось, но этот случай нисколько не охладил его пыла — актер и в дальнейшем обходился без дублеров.

Сейчас Бельмондо снимается вместе с Аленом Делоном в фильме "Полшанса", где ему приходится столкнуться с русской мафией. Поэтому Жан-Поль ежедневно занимается в спортивном зале, оборудованном в его парижской квартире на улице Святых Отцов (где раньше жил сын Пикассо), играет в теннис и боксирует. Вообще-то,

Бельмондо и Делон всю жизнь были друзьями-соперниками, ревновавшими к успехам друг друга. Вслед за Делоном Бельмондо основал собственную компанию "по постановке фильмов" и назвал ее "Серито" (девичья фамилия бабушки Жан-Поля). До сих пор они снимались вместе только один раз — в фильме "Борсалино". Бельмондо настаивал, чтобы на афишах их имена были набраны одинаково. Но хитрый Делон, продюсировавший фильм, написал сверху огромными буквами: "Ален Делон представляет". Возмущенный Бельмондо подал в суд и выиграл.

Вообще-то, Жан-Поль уже заявлял, что не собирается превращаться в "летающего дедушку французского кино". В картине "Неизвестный в доме" (1992) он сыграл роль пожилого адвоката, который так же, как и ранние герои актера, восстанавливает справедливость — правда, на этот раз обходится без мордобоя. Впрочем, благородство, юмор и фантазия с самого начала были главным оружием всех героев Бельмондо — даже тех, кто при первом удобном случае пускал в ход кулаки и не расставался с пистолетом.

Законы боевика требуют, чтобы мужественный победитель в finale получал в награду пышногрудую красотку. Герои Бельмондо тоже не исключение, но вот самого Жан-Поля, как ни странно, одно время подозревали в известном интересе не только к женщинам, но и к мужчинам.

Он начал свою кинокарьере как убежденный гетеросексуал. Когда Годар пригласил его в кафе "Липп" для переговоров о роли Пуанкара, Жан-Поль отнесся к ре-

жиссеру с подозрением — уж слишком назойливо плялся на молодого актера этот заросший щетиной очкарик. "Черт с ним, — сказала тогда жена Бельмондо, — если что, съездишь ему по роже".

Слухи о "голубом периоде" актера пошли позже, в 70-е годы. "Одна моя добрая знакомая, — рассказывал Жан-Поль, — держала миленький бордельчик, я частенько туда заглядывал. И вот однажды она мне выдает: "Девочки говорят, ты нормальный парень — я так рада!" — "А что такое?" — "Да ведь болтали, что тебе подавай с другого конца..." Тогда я не придал этим словам значения, но слухи не прекратились. Стоило мне познакомиться с девушкой, как она спрашивала меня, правда ли, что...

Надо же было придумать мне хоть какой-то порок: я не наркоман, не путаюсь с легавыми, пускай уж лучше говорят: "Он педик". Ну был грех, самую малость: с Габеном, с Вентурой — так что? Дело прошлое".

Так или иначе, позже Бельмондо уверенно заявлял: "Без женщины — я ничто".

"Это было похоже на сон: я очутился в объятиях Софи Лорен, Джинны Лоллобриджиды и Клаудии Карниалье! — вспоминает Бельмондо о том, как после первого триумфа у Годара его пригласили сниматься в Италию.

— 60-е годы, "дольче вита" — сладкая жизнь в Риме, самые прекрасные в мире женщины. Безумные ночи! Не успел я туда приехать, как уже в 7 утра целовался с Софи Лорен — снимался первый наш эпизод для "Чочары". В "Бурном море" я целовался с Джин-

ной. Об этих богинях я прежде только читал в "Синемонд". И вдруг очутился в их кругу. Я был свидетелем, как встречали Софи в Неаполе — ей целовали ноги! Так же преклонялись перед Джиной. Софи Лорен стоило только приоткрыть грудь, чтобы свести с ума целые толпы".

Но пылкие итальянки не смогли сбить с пути трезво мыслящего француза, да и сердце его уже было занято. Бельмондо женился рано, в 22 года: очень уж здорово эта девочка из массовки танцевала модный тогда танец "бивоп"! Они прожили вместе 13 лет, а поженились, когда невесте не было и 14-ти (по понятным причинам этот факт пришлось долго скрывать). Бельмондо очень понравились ножки его будущей жены, а вот от ее имени — Рене Констан — он был не в восторге. Жан-Поль играл тогда в спектакле, где героиню звали Элоди. И он стал называть этим именем свою жену, которая со временем станет матерью трех детей актера — Патриции, Флоренс и Поля.

Преданный юной Элоди, Бельмондо не клюнул на итальянских красавиц, но не устоял перед другим соблазном. Решив сделать перерыв после итальянского марафона, Жан-Поль собирался совершить с Элоди свадебное путешествие, которое и так долго откладывалось. Но перед отъездом в Париж импресарио раскрыл перед ним чемоданчик с толстыми пачками лир. Хотя и не сразу, Бельмондо сдался, и, съездив извиниться перед женой, вернулся в Италию и приступил к съемкам в картине Мауро Болоньини "Переулок".

Элоди не раз говорила репортерам, что всегда чувствует, какое отношение связывают ее мужа с актрисами на площадке. "Я предупреждала его, что не потерплю даже мимолетного увлечения. В "Человеке из Рио" он снимался с маленькой Дорлеан, прелестной, очаровательной, но для меня не страшной. Есть женщины куда более опасные — Бриджит Бардо, например. Я очень волновалась, когда на пробах у них планировалась любовная сцена. Потом меня сильно тревожило, когда его стала заваливать подарками Жанна Моро. Ох, уж эти ниношные нравы..."

Бельмондо долго хранил верность жене, которая взяла с него слово, что первой узнает о его измене, если уж тановой судено быть. Ей не хотелось узнавать об этом из газет. И муж, так хорошо игравший на экране героев, не терпящих лжи, не соврал, при-

знался жене во всем, никогда не устоял перед Урсулой Андресс — своей партнершей в фильме "Злоумышленники из Китая", снятого по мотивам романа Жюля Верна. Это произошло в 1967 году. Нежная любовь к Элоди уступила место безумной страсти. "Мы были молоды, хотели испробовать всего, бесились как молодые львята. Мне никогда не забыть это время. Жаль, что его не вернуть", — вспоминал потом Бельмондо.

Прилетев из Китая в Париж, Жан-Поль переехал в гостиницу. В январе 1968 года они с Элоди расторгли брак, и Бельмондо отправился с Урсулой в Голливуд. В круговорти лос-анджелесского света вулнническая Урсула чувствовала себя как рыба в воде. Ей нравилось жить в дорогих отелях, нутить целыми ночами, заводить новые знакомства. Бельмондо по характеру ближе домашний уют, единение, романтические отношения. Они много времени

проводят среди американских звезд, в кругу Фрэнка Синатры, Элвиса Пресли. По протяжке Урсулы Бельмондо снимается в нескольких голливудских фильмах — как он сам утверждал, только из-за денег. В "Казино Рояль" Жан-Поль всего пару раз прошелся перед камерой, и его имя набрали на афише огромными буквами, а фото поместили на обложку журнала "Лайф" и назвали "французским любовником"...

Со временем независимый цыганский характер Урсулы пробуждает в Бельмондо зверя. Он начинает донимать ее ревностью, и, прожив пять лет вместе, они расстаются: Урсула увлекается Марчелло Мастроянни, а у Бельмондо начинается роман с итальянкой Лаурой Антонелли, бывшей порнозвездой. Потом Лауру сменяет бразильская топ-модель, дочь банкира Карлос Соттомайер. Она годится в дочери 58-летнему Бельмондо, друзья пытаются вправить ему мозги, но напрасно. Получилось по поговорке "Седина в бороду, бес в ребро". "Это мой мотор, — говорил он про Карлос, — моя муза, наконец, сила, которая каждое утро пробуждает меня к жизни". Но друзья все же были правы: в сердечке юной подружки было больше амбиций, чем любви, — она мечтала сделать в Париже карьеру киноактрисы. Бесконечные претензии вывели Бельмондо из себя, и роман быстро оборвался. Так что в законный брак после Элоди Жан-Поль больше не вступал, и сегодня о частной жизни репортерам не рассказывает.

Со своей нынешней подругой Натали Традивил (Натти) он встретился на собачьей выставке, куда

пришел с йоркширским терьером Майя — подарком меркантильной бразильянки. Ему было почти пятьдесят девять, Натти — двадцать пять. Она пришла на выставку с собачкой той же породы по имени Налипсо. Собаки друг другу понравились, хозяева — тоже. С тех пор они все вместе. Натти — хорошенькая, но не ослепительная, как прежние подруги актера. "Мои представления о красоте изменились", — говорит он. Жан-Поль, наконец, нашел тихую гавань.

Одно время много хлопот Бельмондо доставлял его сын Поль. Он дружил с сыном Алена Делона Антони, оба претендовали на благосклонность принцессы Монако Стефани, отцам не раз приходилось выручать их из разных переделок. Но, став профессиональным автогонщиком, Поль утихомирился и в 1990 году женился на итальянке Луане Тенка. Сейчас Бельмондо даже хочет передать сыну руководство принадлежащим ему театром "Варьете".

Он почти не смотрит кино, разве что когда сын приносит ему кассету и говорит: "Ты просто обязан это видеть". Бельмондо аполитичен. О политике он разговаривает только со своей матушкой, которая в свои 95 лет совсем ослепла, и сын читает ей вслух. Он строго соблюдает режим, не ходит в рестораны, почти не пьет. У него пятеро внуков, из которых только 10-летняя Анабелла хочет стать актрисой. "Она не говорит мне об этом, — рассказывает Жан-Поль, — но чувствую, что эта девочка придет мне на смену".

Вообще, Бельмондо можно было бы считать баловнем судьбы — если бы не трагическая

смерть его дочери. Октябрьским утром 1994 года ему сообщили по телефону, что после тушения пожара в сгоревшей квартире обнаружено тело сорокалетней Патриции. Вечером того же дня Жан-Поль как всегда вышел на сцену "Театра де Пари", где играл в спектакле "Дамский портной". И забитый до отказа зал, как обычно, хохотал от его игры. Правда, когда спектакль кончился, вместо аплодисментов все молча встали: трагическая весть уне облетела город.

В прошлом году Бельмондо не пригласили на юбилейный, пятидесятый Каннский кинофестиваль, и он взорвался: конечно, предпочли американцев, на нас пороху не хватило! Обиженным был не он один, но все постарались сделать приличную мину, и лишь Бельмондо да еще Делон не захотели притворяться. В самом деле, для символа Франции — невыносимая обида. Тем более, что в прошлом году Бельмондо и сам праздновал юбилей — 40 лет актерской деятельности. Он даже всех заранее предупредил, за год до того выпустив в свет альбом фотографий "Бельмондо: сорок лет карье-

ры"... Дескать, цветы складывайте в угол. Не помогло.

Но сегодня для кавалера ордена Почетного легиона Жан-Поля Бельмондо главное не кино, а театр. Актер думает о новых ролях на сцене — в "Отелло" и "Венецианском нупце". На расспросы о том, будет ли он играть, когда постареет окончательно, Бельмондо отвечает так: "Я никогда не боялся старости... В нашей профессии не уходят на пенсию. И я пока чувствую себя в седле". ■

Аллергия — младшая сестра астмы

Последние исследования установили, что бронхиальная астма — наследственное заболевание, но она отличается от других наследственных заболеваний тем, что при соблюдении определенных правил ее можно предупредить. Как уберечь ребенка от астмы? Что нужно делать для того, чтобы снизить риск заболевания до минимума? Об этом рассказывает руководитель лаборатории иммунологии НИИ пульмонологии Санкт-Петербургского Медицинского Университета имени И.П. Павлова, доктор биологических наук Татьяна Павловна СЕСЬ.

Обычно астма начинается с поражения верхних дыхательных путей. Сначала это фарингит, аденоидит, аллергический ринит, постепенно болезнь проникает в бронхи и в легкие, вызывая приступ удушья. Естественно, что на стадии поражения верхних дыхательных путей с нею справиться легче, чем с бронхиальной астмой. Поэтому если ребенок часто болеет вирусными инфекциями, и они имеют затяжной характер — это уже повод для беспокойства. Обычно вирусная инфекция длится две недели, не более. Если ребенок перенес вирусное заболевание и вроде бы поправился, но при этом вы замечаете, что у него периодически появляется свистящее дыхание, а ночью слышится сухое покашливание, то в этой ситуации надо быть тревогу.

Острый приступ удушья обычно вызывает большой страх у родителей и у ребенка. Главное не пугаться, создать ребенку приток свежего воздуха, открыть окно или форточку. Дать ему попить водички, постараться успокоить словами, попросить его подышать в резинке: короткий вдох и более длинный выдох. Но можно избежать этой неприятной ситуации, если вы заранее проконсультируетесь у врача. Вы будете знать, что нужно делать при неожиданном приступе удушья, и сможете самостоятельно оказать помощь ребенку, дать ему те лекарства, некоторые из которых этот приступ снимут.

Чем лечат астму

Сейчас для лечения бронхиальной астмы широко применяются нетрадиционные методы лечения — иглотерапия, галатерапия, когда ребенок дышит парами соли, обладающими противовоспалительным действием, баротерапия — лечение давлением в баронармере. Но начинать лечение нужно с ингаляционной терапии.

Раньше больным бронхиальной астмой давали таблетки, которые через желудочно-кишечный тракт распространялись по сосудам. При этом они влияли не только на легкие, но и на другие органы, и не всегда это влияние было полезным. Ингаляционная терапия позволяет ввести лекарство прямо в легкие. Сейчас в ингаляционных формах выпускают и противовоспалительные препараты, танин, кан интал и тайлед, и препараты, которые позволяют снять острые приступы удушья — так называемые ингаляционные адреномиметики. Это препараты совершенно безопасные, очень

мягкие, эффективные и они не имеют практически никаких побочных действий.

Как не заболеть астмой

Обычно, когда встречаются два плохих гена, человек заболевает тяжелой болезнью. Но при астме наследственность проявляется под влиянием окружающей обстановки. На ранних стадиях заболевания бывает достаточно выяснить причины болезни, нормализовать домашнюю обстановку, питание — и астма у ребенка проходит.

Очень важно еще до появления ребенка на свет выяснить, были ли в вашем роду со стороны отца или матери больные не только астмой, но и аллергическими заболеваниями. Потому что аллергия — это прямая дорога к астме. У родителей, например, мог быть всего лишь насморк от пыли, а у ребенка наблюдаются тяжелые кожные проявления аллергии, танки, кан экзема, нейродерматит, диатез. Родители говорят, например, что у них не было больных в роду, вот только бабушка заболела астмой в 60 лет. Так вот у бабушки наследственность проявилась только в старости, а ребенок заболел астмой в четыре года, потому что родители вовремя не предприняли профилактических мер.

Грудное вскармливание — залог здоровья ребенка

Очень важной профилактической мерой для предупреждения бронхиальной астмы у детей является грудное вскармливание. Грудное молоко — это такой продукт, который предназначен самой природой для защиты младенца от инфекций,

аллергии, от всяких патологических факторов. К сожалению, сейчас все больше и больше мам отказываются от грудного вскармливания, потому что в продаже есть много разновидностей детского питания, всевозможных смесей, а кормить ребенка грудью — это очень тяжелая работа. Но мы настоятельно рекомендуем матерям грудное вскармливание по крайней мере до 4-6 месяцев в тех случаях, когда у ребенка есть отягощенная наследственность по бронхиальной астме.

К очень высоким аллергенам относится табачный дым, поэтому беременным женщинам категорически запрещено курить. Если женщина курит во время беременности или даже находится в состоянии пассивного курения, вдыхая сигаретный дым, то вероятность того, что ее ребенок будет аллергиком возрастает на 90 процентов. В период беременности женщины должны избегать бесконтрольного приема лекарственных препаратов. Перед тем, как лечиться, необходимо проконсультироваться с врачом, можно ли принимать эти лекарства и как это отразится на будущем ребенке.

Как питаться в период беременности

Во время беременности будущая мать должна придерживаться натуральных продуктов питания и исключить из рациона те пищевые продукты, которые могут вызвать аллергическую реакцию. Рекомендуется производить кулинарную обработку продуктов — вареную или паровую, так как, например, жареное мясо содержит очень много экстрактивных веществ, которые могут вызывать

аллергию. Желательно полностью исключить из рациона крепкие бульоны, копчености, острые блюда — все это также может вызывать выделение биологически активных веществ.

Как матери, так и ребенку категорически запрещается употребление всяких искусственных напитков. Дети очень любят всевозможные лимонады, хотя они не содержат никаких питательных веществ, а вот дополнительных аллергенов у них больше, чем достаточно. Лучше всего пить самой и давать ребенку натуральные соки или морсы, приготовленный из домашнего варенья, разведенного нипяченой водой. Некоторые натуральные продукты, такие, как клубника, бананы, тоже могут вызывать выделение биологически активных веществ, поэтому мы не рекомендуем их детям с аллергией. Вообще ребенок должен получать питание по возрасту. Годовалому ребенку, например, нельзя давать есть копченую колбасу, даже если она ему нравится.

Закаляйте ребенка

Нередко бронхиальная астма начинается после вирусной инфекции. Поэтому до некоторого определенного возраста, предположим до года, нужно стараться оберегать ребенка от лишних контактов, не устраивать дома торжественных мероприятий, меньше ходить в гости, не ездить с ребенком в общественном транспорте. Детям постарше контакты необходимы для правильного психического развития, поэтому, чтобы защитить ребенка от вирусных инфекций, нужно его закаливать. Для этого каждый день, желательно с утра, поста-

райтесь обливать ножки ребенка водой из-под крана. Процедуру закаливания нужно начинать с теплой воды, температура которой 32-34 градуса. Постепенно, через каждые два-три дня, снижая температуру на один градус, довести ее до 18-20 градусов. Очень полезно для профилактики вирусных заболеваний обливание ребенка целиком, тем более, что детям самим очень нравится эта процедура, после которой у них появляется приятное ощущение. Закаливание — очень важная процедура для профилактики бронхиальной астмы.

Ежедневно делайте влажную уборку

Раньше бронхиальную астму называли болезнью богатых, поэтому, если вы хотите уберечь от нее ребенка, то у вас должен быть достаточно аснетический быт. То есть, вам лучше не обзаводиться ворсистыми коврами, мягкой мебелью, впитывающей пыль. Вместо тяжелых, дорогих штор, лучше повесить на окна простенькие занавески, которые можно часто стирать. Помните о том, что часто бывает достаточно правильно организовать быт, чтобы сохранить ребенку здоровье.

Если в роду со стороны матери или отца были астматики, то вы должны соблюдать правила так называемого гипоаллергенного быта. Они достаточно простые и дают хороший эффект. Сюда входит ежедневная влажная уборка помещения, протирание пыли. Книги обязательно должны храниться в стеклянных шкафах, так как на открытых полках они собирают скопище пыли. Если пока не

удается приобрести шкафы, то хотя бы накройте книги полиэтиленом. Постарайтесь как можно чаще пылесосить пол, паласы, ковровые дорожки.

Не заводите животных

Но никакими уборками от шерсти животных не спасешься. Некоторые говорят: "Ой, у меня не лохматая собачка". Но большое значение имеет даже не столько длина шерсти, сколько перхоть, которая всегда присутствует у животных. И никто не знает, когда иммунная система вашего ребенка настолько ослабнет, что отреагирует на аллерген. Часто мы слышим от родителей: "У нас уже два года собана, а ребенок вот только сейчас заболел". Это означает лишь то, что он только теперь получил достаточную дозу аллергена.

Чтобы не навредить ребенку, лучше вообще не держать дома животных — ни собак, ни кошек, ни морских свинок, ни домашних птиц — канареек, волнистых попугаев, поскольку птицы перья и пух обладают очень высокими аллергенными свойствами. В моей врачебной практике был случай, когда попугай жил в доме около года и родители никак не могли поверить, что он-то и есть причина аллергии у ребенка. Им жаль было с ним расстаться, но едва убрали попугая, и у ребенка прошла аллергия. Мы не рекомендуем заводить даже рыб и черепах, так как сухой корм также является сильнодействующим аллергеном. Когда вы кормите рыбон, частички норма поступают в воздух и могут вызвать достаточно тяжелую реакцию. Поэтому нужно либо кор-

мить рыбон живым нормом, либо не заводить рыбон вообще.

Чаще проветривайте помещение

Бывают случаи, когда тяжелую аллергию у ребенка вызывают даже домашние насекомые — клопы, тараканы, муравьи. В таких случаях очень важно вовремя продезинфицировать помещение. Прежде чем проводить дезинфекцию или делать ремонт в квартире, ребенка следует вывезти из помещения, потому что запахи химикатов, красок, обоев, стройматериалов также могут вызвать сильную аллергию. После ремон-

та или дезинфекции необходимо кан следует проветрить помещение, прежде чем привезти туда ребенка.

Во всем мире число детей, больных бронхиальной астмой, растет. Эта проблема очень волнует специалистов — аллергологов, пульмонологов, педиатров, и, естественно, родителей. Астма — наследственное заболевание, но это не фатальная неизбежность — и ваш ребенок может заболеть, а может и не заболеть ею, если вы будете знать заранее, что нужно делать, и вести определенный образ жизни. ■

**Записал
Игорь ЛОГВИНОВ.**

Институт аллергологии и клинической иммунологии

Безопасная диагностика всех видов аллергии по анализу крови
Диагностика лекарственной аллергии ко всем видам лекарств
Детская аллергология и иммунология

Комплексная оценка и коррекция состояния иммунной системы.

Диагностика и лечение иммуннозависимых заболеваний, в т.ч.:

- диагностика и лечение урогенитальных инфекций
- диагностика и лечение грибковых заболеваний
- в т.ч. микозов внутренних органов

Широчайший спектр лабораторных исследований

Ультразвуковая диагностика

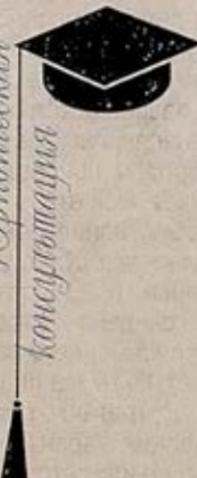
Консультации и лечение специалистов:

Аллергологи, иммунологи, дерматологи, микологи, урологи, гинекологи, ревматологи, гепатологи, гастроэнтерологи

Новая уникальная программа — курортное лечение аллергических заболеваний

103104, Москва, ул. Малая Бронная, 20, стр 1, м. Пушкинская, Тверская,
тел. (095) 200-10-25; 202-15-62; 202-02-90

Internet: www.iaci.ru

О вашей работе позаботятся

"Я последний год учусь в ординатуре, которую оплачивает больница, обещавшая взять меня на работу. Обязана ли я работать именно в этой больнице или могу самостоятельно устраиваться на работу?"

С. Чернова,

Нижегородская обл.

Подготовка медицинских специалистов на основе договора между учреждением, готовящим ординаторов и учреждением, направляющим специалиста, именуется целевой клинической ординатурой. Основные правила приема и обучения в ней установлены "Положением о клинической ординатуре", утвержденным Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 17.02.93 г.

В соответствии с п.ЗО Положения врачи, зачисленные в целевую клиническую ординатуру, по окончании обучения обязаны вернуться в распоряжение направивших их организаций. После этого врачи имеют право на расторже-

ние трудового договора в общем порядке, предусмотренном трудовым законодательством. Этим статус обучающихся в целевой ординатуре отличается от поступивших по свободному конкурсу, которые по окончании обучения имеют право на свободное трудоустройство.

В свою очередь, учреждение, направившее вас на обучение, имеет обязанности по трудоустройству перед вами. В соответствии с п.32 "Положения о клинической ординатуре" данное учреждение обязано предоставить вам постоянную работу по соответствующей квалификации.

Возраст — не помеха

"Моя тетя предложила заключить с ней договор ренты с пониженным содержанием в обмен на квартиру. Однако мои родители считают, что с ней такой договор заключать нельзя, так как она не достигла пенсионного возраста, работает. Действительно ли этот договор применяется только к пожилым людям?"

А. Никифорова,

Мурманск

Договор ренты представляет собой обязательство платильщика ренты предоставлять получателю определенное содержание в обмен на какое-либо имущество. Действующее российское законодательство не устанавливает ограничений относительно возраста получателя ренты. Необходимо только, чтобы гражданин, который заключает договор, достиг совершеннолетия. При этом получать содержание по его указанию может и лицо, не достигшее восемнадцати лет.

Глава 33 Гражданского кодекса РФ устанавливает также некоторые другие требования к получателю ренты, не связанные с возрастом или наличием источника дохода. В соответствии с ч.1 ст.589 ГК РФ получателем постоянной ренты могут быть только граждане, а также некоммерческие организации, если это не противоречит закону и соответствует целям их деятельности. Получателем понизенной ренты, согласно ст.596 ГК РФ, может быть только физическое лицо (или несколько лиц).

Таким образом, возраст или наличие самостоятельного заработка не является препятствием для заключения договора.

Сэкономьте свое время

"В настоящее время в суде рассматривается уголовное дело о дорожно-транспортном происшествии, где я являюсь потерпевшим. Прокурор настойчиво советует заявить иск о возмещении ущерба прямо в суде. Разве я не имею права сделать это потом, после вынесения приговора?"

В. Мартов,

Ленинградская обл.

Предъявить требование о возмещении вреда, причиненного здоровью, вы можете в любое время, так как в соответствии со ст.208 Гражданского кодекса РФ на требования о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, не распространяется истинная давность. Это означает, что вы не связаны трехлетним сроком для обращения в суд.

Что касается заявления исковых требований непосредственно

во время рассмотрения уголовного дела, то это целесообразно по следующим причинам. Во-первых, гражданский иск разрешается одновременно с вынесением приговора, и таким образом сокращается время, которое может быть потрачено на рассмотрение иска в порядке гражданского судопроизводства. Во-вторых, предъявление иска в уголовном деле не требует составления письменного заявления, он может быть заявлен в устной форме. В третьих, обязанность доказывания характера и размера ущерба возлагается на орган, ведущий расследование, а не на истца.

Кроме того, если суд оставит гражданский иск в уголовном деле без рассмотрения, вы вправе обратиться с этим же требованием в порядке гражданского судопроизводства.

Закон на стороне наследника

"Получила в наследство акции закрытого акционерного общества. В руководстве общества мне дали понять, что они против принятия меня в ЗАО как наследника умершего акционера. Имеют ли они право не принять меня в общество и заставить продать им акции?"

В. Борисова,

Московская обл.

Особенностью акционерного общества закрытого типа является преимущественное право акционеров общества на приобретение акций, которые продают другие акционеры, как это установлено в ст.7 Федерального закона "Об акционерных обществах" от 26.12.95 г. Это означает, что акционер, продающий акции, обяза-

зан предложить приобрести их другим акционерам этого же общества.

При передаче акций в порядке дарения или наследования продажи акций не происходит, поэтому на случаи дарения и наследования акций преимущественное право покупки не распространяется. Наследник, получивший акции акционерного общества закрытого типа, должен быть принят в члены общества независимо от желания его руководства.

Несогласие нужно выразить

"Мы с мужем фактически разошлись, но расторжение брака не оформляли. Недавно узнала, что он продал мебель, которую купил, когда мы жили вместе. Имел ли он право совершать такую сделку? Могу ли я вернуть проданное имущество?"

Т. Сергеева,

Кировская обл.

Семейное законодательство, а именно ч.1 ст.33 Семейного коде-

нса РФ устанавливает на имущество супругов режим совместной собственности. Вещи, приобретенные в период брака, являются совместной собственностью обоих супругов, независимо от того, на чье имя они приобретались и кем из супругов были внесены денежные средства.

При совершении сделки одним супругом предполагается, что он действует с согласия другого супруга. Однако если другой супруг не согласен с отчуждением какого-либо имущества, он может требовать признания сделки недействительной по мотиву его несогласия. Согласно ст.35 Семейного кодекса РФ сделка может быть признана судом недействительной только если будет доказано, что другая сторона о сделке знала или заведомо должна была знать о несогласии другого супруга на совершение сделки. ■

Ольга КОРЫТКО,
*консультант "Смены"
по юридическим вопросам*

"АЭРОФЛОТ - РОССИЙСКИЕ АВИАЛИНИИ" ПРЕДСТАВЛЯЕТ
программу премирования часто летающих пассажиров
"АЭРОФЛОТ БОНУС"

**Летайте чаще -
летайте первым и
бизнес-классами -
летайте бесплатно!**

Наберите необходимое количество баллов из расчета "один балл - один километр полета" (при условии оплаты авиабилета по соответствующему тарифу), и **бесплатный билет Ваш**. За полет первым и бизнес-классами Вы можете получить дополнительные баллы.

30 000 баллов - бесплатный авиабилет в один из городов европейской части России

50 000 баллов - бесплатный авиабилет в Европу

более 70 000 баллов - бесплатный авиабилет в Северную Америку или Азию

Указанное количество баллов соответствует бесплатному авиабилету экономического класса. Порядок начисления баллов и оформления премиальных авиабилетов, а также условия их использования подробно изложены в правилах программы "Аэрофлот Бонус".

Если Вас заинтересовала новая программа Аэрофлота, присоединяйтесь!

Информация о программе

тел.: (095) 723-82-60;
www.aeroflotbonus.ru

АЭРОФЛОТ
Российские авиалинии

Магазины объединенного центра "Московский дом книги" предлагают покупателям новые книги Ричарда Баха — "За пределами разума" и Пауло Коэльо — "Алхимик". Для читателя это будет новое приключение, путешествие за пределы обычного времени в необъятную реальность творчества и воображения.

О последней книге бразильского писателя Пауло Коэльо "Алхимик" следует сказать отдельно.

Эта книга рекомендована к чтению в школах Испании, Италии, Португалии, США, Тайваня и Франции.

Можно приводить много высказываний и цитат, но предоставим слово автору:

"Добиться воплощения судьбы — это единственная обязанность человека..."

На этой планете существует одна великая истина: когда ты по-настоящему чего-то желаешь, ты достигнешь этого, ведь такое желание зародилось в душе Вселенной. И это и есть твое предназначение на земле".

Эта притча именно для нашего времени, и не зря "Алхимик" — любимая книга сильных мира сего и простых людей в 117 странах мира.

Книги Пауло Коэльо "Алхимик" и Ричарда Баха "За пределами разума" вы можете приобрести в "Московском доме книги" по адресу: Москва, Новый Арбат, 8. Телефон для справок 290-45-07

Пауло Коэльо Алхимик

София

**ЧЕТВЕРТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА
“МОСКОВСКАЯ ЯРМАРКА ОБРАЗОВАНИЯ 2001”**

**22–25 марта
2001 года**

**Всероссийский Выставочный
Центр (павильон № 5)**

Организаторы: Министерство образования Российской Федерации и Государственная организация "Международное образование"

Образовательные услуги

(российские и зарубежные учебные заведения и фирмы, представляющие обучение за рубежом; дистанционное образование; новейшие информационные технологии, интернет)

Производители и дистрибуторы

продукции для системы образования

(новые программы и программные продукты, мебель для учебных заведений, школьная одежда, приборы и оборудование для учебных кабинетов, учебные пособия, канцелярские товары, спортивное оборудование, развивающие игры и т.д.)

Печатные издания, книги

В рамках выставки пройдут семинары с участием российских и зарубежных специалистов, руководителей Министерства образования Российской Федерации.

**ОБРАЗОВАНИЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ —
НА ЯРМАРКЕ 2001 ГОДА!**

Оргкомитет выставки: тел.: 954-51-95,
тел./факс: 954-17-32, e-mail: edex@ins.ru

ГО “Международное образование”

предлагает: образовательные программы за рубежом в государственных и частных учебных заведениях (языковых центрах, общеобразовательных школах, колледжах, университетах) и консультации по вопросам обучения за рубежом.

Тел./факс 954-54-14,
тел.: 954-50-47
e-mail: edex@ins.ru

Вы сделаете правильный шаг, приобретя цифровой детектор радиации "КВАРТЕКС РД 8901": в наше время, когда экологическая безопасность стала одной из важнейших проблем, он необходим в каждой семье. В продуктах питания и воде, в почве и атмосферных осадках, в строительных материалах и денежных купюрах, в любых предметах, используемых в повседневной жизни, к сожалению, могут присутствовать следы радиоактивного загрязнения. Пользуясь нашим детектором, вы всегда можете проконтролировать радиационное состояние любого материала в своей квартире или загородном доме.

Слава Богу, если при измерениях не обнаружится никаких источников радиации — значит, вы живете в нормальной радиационной обстановке и используете чистые продукты. Но это не должно вас успокаивать — мы настоятельно рекомендуем регулярно использовать наш детектор при покупке продовольствия или предметов быта. Действуйте в соответствии со старинной русской поговоркой "Береженого Бог бережет".

Если же вы живете в современном загородном малоэтажном доме, пользуетесь артезианской водой и приборами на сжиженном газе, то у вас должен вызвать интерес и другой наш прибор — "КВАРТЕКС РД 5400". Он определяет возможность появления в воздухе вашего дома радиоактивного газа радона, выделяющегося из-под земли, из воды, взятой с большой глубины, из природного газа и стройматериалов.

Если наш прибор покажет, что в вашем жилище возможно накопление радона, то, пользуясь рекомендациями специалистов, вы сможете устраниить эту проблему, и атмосфера вашего дома будет не только уютной, но и безопасной для вас и вашей семьи.

Мы, специалисты в области атомной физики из Московского инженерно-физического института, советуем вам, вашим друзьям и знакомым всегда иметь под рукой удобные и простые в обращении детекторы "КВАРТЕКС" — надежные защитники от контакта с невидимым, но смертельно опасным явлением современной цивилизации — радиоактивной грязью.

Использование современных компонентов от ведущих отечественных и зарубежных производителей электроники позволило нам установить длительные гарантийные сроки обслуживания — 3 года.

Новинкой для России является применение в наших изделиях встроенных управляющих контроллеров — микроконтроллеров "ATMEL" (США), обеспечивающих тестирование каждого прибора и обработку результатов при проведении измерений.

Все наши приборы сертифицированы и снабжены подробной инструкцией. Каждый покупатель бесплатно получает брошюру с популярным объяснением о мнимой и реальной опасности радиации.

Береженого Бог бережет

Фирма "КВАРТА"
Москва, 115409,
Каширское шоссе, дом 31, корп. 44 "А"
Тел. 323-91-14, факс 324-54-62
Email: QUARTA-RAD@mtu-net.ru

Шахматная эпиграмма

эпиграмма

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
IX международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

10. А. НАРГАЛОВ
с. Чистое
Курганской обл.

11. Х. ГРУДЗИНСКИ
Польша

12. Л. ЛЕБЕДЕВ
Беларусь

13. М. ЧЕРНУШКО
Уссурийск

14. М. КОРМИЛЬЦЕВ
Екатеринбург

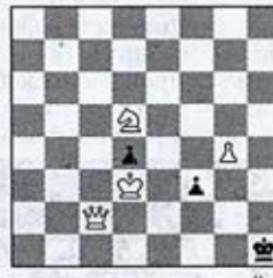
15. Е. БОГДАНОВ
Украина

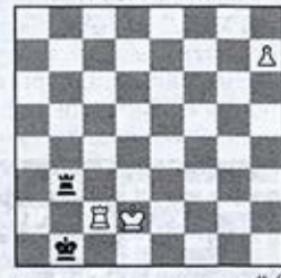
16. А. ЕПИФАНОВ
с. Новотроицкое
Кировской обл.

17. А. ВАРИЦКИЙ
Беларусь

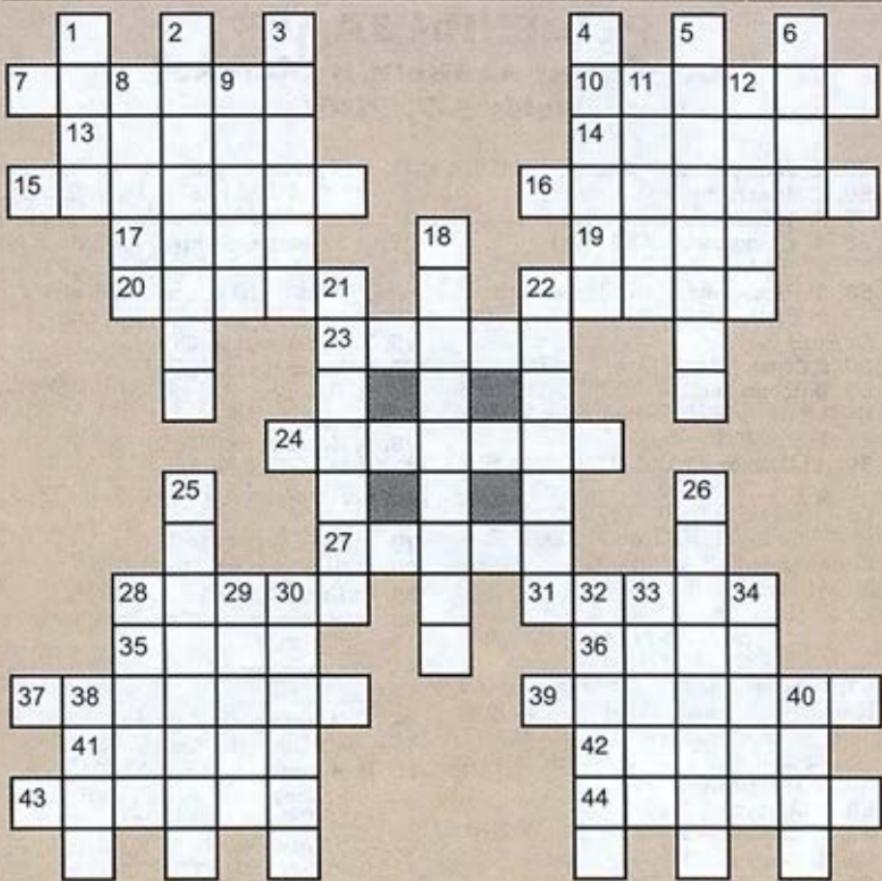

18. С. ИЛЯСОВ
г. Новоаннинский
Волгоградской обл.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, опубликованных в "Смене" №№ 5-7, 2000

49. В. Шумарин. а) 1. Фg8; б) 1. Фd1
50. В. Коновалов. 1. Лe4
51. Л. Лебедев. 1. Лe6. 1. Лg6 (Нf7)? д 4!
52. С. Демидюк. 1. Фf2 Нре4 2. Нpd6.
1...Чh7 2.d4, 1...Cd3 2. Cd5
53. М. Чернушко. 1. Фd3 Нре6 2. Нe5.
1...Нrc6 2. Нc5. 1...Нrc8 2. Нb8.
1...Нre8 2. Нf8
54. В. Сонин. а) 1. Hd7; б) 1. Нe6
55. В. Новаленко. 1. Нe5? 0-0!. 1. Нре6!
Нpd8 2. Нpd6 Нre8 3. Нe5 Нpf8 4. La8x.
2...Нrc8 3. Lb1
56. Ю. Сушкин. 1...d6 2. Hd3 Нpd5 3.
Фe4x; 1. Нpd3? Нpf4 2. Нре2 Нре5 3. Нре3
d6 4. Hd3 Нpc5 5. Фe4x, 1...d5!; 1. Нa6?
d5 2. Нc7 d4 3. Нpf3 d3 4. Нре3 d2 5.
Фebx, 1...Нpd5 2. Фe4 Нpd6 3. Hd4 b4 4.
Фe5 Нpc6 5. Нfd5x, 1...b4!; 1. Фf7! d5
2. Hd3 Нpd6 3. Нpd4 Нpc6 4. Нe5 Нpd6 5.
Фd7x, 1...Нpd6 2. Фf6 Нpc7 3. Hd5 Нpb7
4. Фb6 Нra8 5. Нc7x
57. Н. Зиновьев. а) 1. Нf2 Нpb1 2. Hd3
Нra1 3. Нrc2 Нra2 4. Нb4 Нra1 5. Нrc1
a2 6. Нc2x; б) Нrc2 Нra2 2. Нf3 Нra1 3.
Нd4 Нra2 4. Нe2 Нra1 5. Нc1 a2 6. Нb3x
58. А. Кошельков. 1. Hd6
59. В. Матэуш. 1. Фe7
60. А. Слесаренко. 1. Фf2, 1. Фe3? Нpg6!
61. Е. Фомичев. 1. Нe2
62. Б. Жежерун. 1. Фc3
63. В. Шумарин. 1. Фe6, 1. Фh6? с3!, 1.
Фa2? Ce3!
64. Л. Лебедев. а) 1. L2f5 Нpc4 2. Нре3.
1...Нре4 2. Нrc3; б) 1.Lf1 Нpc4 2. Lb1.
1...Нре4 2. Lg5
65. В. Сурков. 1. Нrc2 g2 2. Нpd3,
1...Нpd4 2. Фd6
66. Л. Пронин. 1. Нrc3 Нре4 2. Фf1,
1...Нре3 2. Фf1, 1...Нре2 2. Ch4
67. В. Желтоножко. 1. Фc6? g4 2. Hd7
g3 3. Нpf3, 1...Нre5!; 1. Нre1! Нrc3
2. Нpd1 Нpd4 3. Нpd2
68. В. Иванов, Н. Власенко. 1. Фe7 Нpf4
2. Нpd2 Нpf5 3. Фf6, 1...Нpd4 2. Нpf2
Нpd5 3. Фd6
69. Ф. Накабадзе, М. Марандюк. а)
1. Hd2 Нpd4 2. Hb1 Нpd5 3. Нa3 Нpd4 4.
Hb5 Нpd5 5. e4x; б) 1. Lc2 Нpd4 2. Нf6
Нre3 3. Ng4 Нpd4 4. Нre6 Нre4 5. Lc4x;
в) 1. Нpf6 Нpd4 2. Нre6 d5 3. Нpd6 Нre4
4. Lf3 Нpd4 5. Lf4x
70. В. Барсуков. 1. Lc3 Нpd4 2. Cb2
Нre4 3. Lg3 Нpf4 4. Ce5
71. Ю. Сушкин. 1. Нa3 Нpb6 2. Lb5 Нra6
3. Нrc7 d5 4. Ld5 Нra7 5. La5x, 2...Нrc6
3. Нpd8 d5 4. ed Нpd6 5. Нc4x
72. Н. Зиновьев. 1. Нpb6 h5 2. Нrc5 h4
3. Нpd4 h3 4. Нre3 h2 5. Kh2 Нpg1 6. a4
Нph2 7. Нpf2 Нph1 8. a5 Нph2 9. a6 Нph1
10. a7 Нph2 11. a8L Нph1 12. Lh8x
73. Х. Грудзински. 1. Фf1
74. А. Слесаренко. 1. Lh7
75. Л. Лебедев. а) 1. Нf8; б) 1. Нfe5; по-
бочное реш. 1. Hd6
76. А. Кошельков. 1. Фe5
77. В. Сурков. 1. Нrc8
78. В. Дячук. 1. Нc3? Нpd4!, 1. Нhf6? ed!,
1. Нrc6
79. В. Шумарин. 1. Фh7
80. М. Чернушко. 1. Фg5
81. С. Латыш. 1. Нf1
82. В. Симонов. 1. Фa1 Нra1 2. Нb4,
1...Нrb3 2. Фc3
83. А. Сыгуров. 1. Lc5 a3 2. La4,
1...Нra3 2. Lb5
84. Е. Циммер. 1. Фc1 Нrc3 2. Сc5,
1...Нra4 2. Фb2, 1...Нra2 2. Сc5
85. Н. Кулпигин. 1. Lh6 Нpb7 2. Нc5
86. В. Новаленко. 1. Нpd6 Lg8 2. Lg7,
1...Лf8 2. Lf7, 1...Le8 2. Le7
87. С. Демидюк. 1. f7 Нpd5 2. Фe2,
1...d5 2. Фf4, 1...Нpf6 2. f8Ф
88. М. Матренин. 1. Нb3 Нpc4 2. Hd2
Нpb4 3. Фb3; 1. Нrc8? с6!
89. Ю. Сушкин. Не решается.
90. В. Метлицкий. а) 1. Нe4 Нpf1 2. Нf7
Нpg1 3. Lh3; б) 1. Нrc3 Нpf2 2. Нpd3
Нpf3 3. Ld1
91. В. Конакин. а) 1. Lf3 Нpc8 2. Lf7
Нpb8 3. Hd6, 1...Нre7 2. Сc7 Нpd7 3. Lf7;
б) 1. Lh3 b3 2. Lh7 Нpc8 3. Hd6, 1...Нre7
2. Lh7 Нre8 3. Нf6
92. В. Барсуков. 1. Cf2 b6 2. Нpc4 b6
3. Нrb3 b4 4. Нrb4 Нpc1 5. Сe3x, 1...b5
2. Нrc5 Нpc3 3. Сe1 Нrb3 4. Сb4 Нra4
5. Сc2x
93. М. Неделькович. 1. Нpc4 bc 2. Фb7
Нpc1 3. Нrc3 Нpd1 4. Фh1 Нre2 5. Фg2
Нre1 6. Нrc2 e2 7. Фg1x
Правильные ответы на все задания при-
спали: Ю. Карташов (Санкт-Петербург), В.
Конакин (Магадан), А. Мотовичев (Ар-
хангельск), Г. Попов (Якутск), А. Роганин
(пос. строитель Белгородской обл.) и В. Си-
монов (Самара).

КРОССВОРД

По горизонтали. 7. Денежная единица Чили. 10. Человек, способный побрить языком. 13. Цитрус к чаю. 14. Древнегреческий сосуд для жертвоприношений и питья часто в виде головы животного или человека. 15. Надевание бисера или бус на нитки. 16. Советский поэт, чье стихотворение "Жди меня" было популярным во время войны. 17. Точь-в-точка монах. 19. Сказочное чудо. 20. "Летучий голландец" как оптическое явление. 22. Нерамика, производство которой началось в России в XVIII веке. 23. Пришибеевское звание. 24. Певица с хорошим голосом и русской манерой пения. 27. Австрийский поэт, первым на немецком языке воспевший венгерскую природу. 28. Лесная колода или дупло у древнерусских пчеловодов. 31. Приспособление для захватывания крючком. 35. Дружба с парадонсами. 36. Появление на свет новой

жизни. 37. Отношение к человеку без подозрительности. 39. Спортивный снаряд. 41. Всегда при гипотенузе. 42. Ралли по сути. 43. Испанский быкобоец. 44. Врачушник.

По вертикали. 1. Первая колыбель Иисуса Христа. 2. Человенолюб, которому дрянныые люди часто дороже хороших. 3. Знаменитая воровка по прозвищу Золотая Ручка. 4. Мексиканский город на полуострове Юната, центр производства сомбреро. 5. Папоротник, называемый мунсним. 6. Первое слово в названии пятого сборника стихов А. Ахматовой. 8. Советский космонавт, несколько раз побывавший на околоземной орбите. 9. Человек, делящийся своей кровью с другими. 11. Наука метаморфоз. 12. Стук в компетентные органы. 18. Древнеиндийская игра, предшественница шахмат. 21. Небесная альтернатива синицы в руке. 22. Лицейское прозвище А. Пушкина, оскорблявшее его во время войны 1812 года. 25. Мифический герой, похитивший у богов огонь и передавший его людям. 26. Вступительная часть сочинения. 28. Настольная папка с бумагой и конвертами. 29. Швейцарский физик, создавший вместе с Г. Биннигом сканирующий микроскоп. 30. Морозоустойчивое земноводное, замирающее обычно лишь при нулевой температуре. 32. Автономная область Испании с центром Сарагоса. 33. Стук копыт, когда лошадь бежит. 34. Допрос с пристрастием. 38. Солдатское убежище. 40. Японский гимнаст, многократный чемпион Олимпийских игр. ■

Составил **Ф. ЖЕЛНОВ,**

Ярославль

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали. 3. Хищник. 8. Аджика. 9. Самец. 10. Ланмус. 11. Жигули. 12. Струг. 13. Фарг. 16. Банту. 19. Ивашев. 23. Грамматика. 26. Комплимент. 29. Спорыш. 30. Тюро. 33. Елец. 36. Заезд. 38. Учелло. 39. Ратник. 40. Экран. 41. Кристи. 42. Ньянти.

По вертикали. 1. Ядица. 2. Пирэт. 3. Халиф. 4. Щонур. 5. Иисус. 6. Кастрат. 7. Чебурен. 14. Адам. 15. Гимн. 16. Бонс. 17. Немо. 18. ...углы. 20. Ватт. 21. Шифр. 22. Вано. 24. Рише. 25. "Мене". 27. Оправка. 28. ...призран... 31. Ювелир. 32. Болото. 34. Ленен. 35. Цунки. 37. Дань.

	1	2	3		4	5	6	7	8	9	
10				11							
12									13		14
				15							
16				17							
			18				19	20	21		
22						23					
			24	25							26
27						28	29				
					30						
	31								32		
33					34			35			
		36	37	38			39				
40	41										
42							43				
			44								
45								46			

ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. Берегоукрепляющее дерево. 7. Уменьшение толщины дерева от основания к вершине. 11. Имя, накое носил после крещения Ярослав Мудрый. 12. Игровое отмщение. 13. Литературный жанр, о котором Ф. Бэкон сказал, что "слово это новое, но явление древнее". 15. Немецкий богослов и философ, сыгравший, как полагают, весьма неблаговидную роль в судьбе А. Шамиссо. 16. Зубодробительная перчатка. 18. Птица, способная поймать и съесть за одну охоту до дюжины рыб длиной в ладонь. 21. Историки считают, что ... утверждает род, а эпос направлен против рода. 22. Липовый истукан язычников. 23. Комната в барском доме для цветов жизни. 24. "Нация в одном лице" (Ф. Абрамов). 27. "Убийственная" профессия ученого. 28. Полабские сербы. 30. Одежда матери С. Есенина в то время, когда сам он уже носил цилиндр. 31. Напельница. 32. Короткий удар боксера левой рукой. 33. Адмиральский... пробил (т. е. пришло время утренней выпивки и занусни). 34. Персидский поэт, знаяший наизусть Коран и множество преданий из жизни Мухаммада. 39. Каждая четырехстрочная строфа сонета. 40. Дьяк, посланный Борисом Годуновым в Углич с самыми широкими полномочиями, фактически лишившими царя

вича Дмитрия и его мать самостоятельности. 42. Арабское учение о правилах стихосложения. 43. Колыбель цивилизации майя. 44. Перчатки, кание в 1830-е годы дворянки носили dane дома. 45. "Пророк храма" в Древнем Египте. 46. Большой наснад водопада Игуасу с бразильской стороны.

По вертикали. 2. Римская крепость на месте современного Сухуми. 3. Дерсу Узала по национальности (в теперешнем названии народа). 4. Пластмасса, из которой раньше делали подворотнички. 5. Медленное горизонтальное движение материков. 6. Гитарист и композитор, изображенный на картине Г. Чернецова "Парад на Царицыном лугу" (советское название — "Парад на Марсовом поле"). 8. Нидерландский живописец, представивший в творчестве все страхи своего времени. 9. Арлекин русских игрищ, отличавшийся пошлыми шутками. 10. Последний месяц французского республиканского календаря. 13. Сын Зевса и Эгины, символ справедливости. 14. Краска из мешна каранатицы, быстро выгорающая на ярком свете. 17. Село с мужским монастырем, один из крупнейших культурных центров Армении, сильно пострадавший при советской власти. 19. Фамилия немецких напельмейстера и драматурга и французских живописца, композитора и драматурга. 20. "У мисс ... был острый язычок и редкостное чувство юмора" (М. Твен об английской писательнице). 21. Массовое переселение в Турцию в 60-70-х годах XIX века ахазов, адыгов и убыхов. 24. Лекарственная трава с острым перечным вкусом. 25. Дальневосточный лосось, первым в мае заходящий в реки нереститься. 26. Фамилия по мужу той, о которой Е. Даширова в одном из предсмертных писем восклициала: "Мучительница моя, безбожная дочь!" 28. Женщина, подвластная ночному светилу, не зная об этом. 29. Герой в рассказе В. Короленко "Прохор и студенты" по отношению к чужому добру. 31. Горы, которые древнекитайский путешественник Чжан Цзын назвал луновыми из-за обилия дикого луна. 35. Русский силач, поднимавший на спину 25-пудовый якорь и ходивший с ним по арене. 36. Одно из деревьев, из каких в XV веке до н. э. в Египте делали колесницы. 37. Морской зверь, чьим мехом в России в XVIII веке обшивали полушибки и кучерские кафтаны. 38. Древнеиудейская секта, чьи приверженцы жили безбрачно, но воспитывали в своей вере приемышей. 40. Английский археолог и снупщик египетских древностей, прозванный на Ниле "отцом черепов". 41. Способ прикосновения к клавишам пальцами, от которого звучание рояля бывает бархатным, жестким, мягким, певучим, сочным или сухим. ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали. 1. Ярко. 5. Фирдоуси. 10. Щебет. 12. Гнус. 14. Целомудрие. 15. ...Заман. 18. Темпера. 21. ...шакал... 22. Саван. 23. Голгофа. 27. Брынза. 28. Песета. 29. Раншина. 30. Моркоу. 31. Ругань. 32. Сионист. 36. ...червь. 37. Зубов. 38. Энеолит. 43. Балет. 46. Жирмунский. 48. "Нива". 49. Мотив. 50. Нукловод. 51. Юэн.

По вертикали. 1. Янга. 2. Хауз. 3. Зекат. 4. Лец. 6. Изограф. 7. Друг. 8. Угра. 9. Иней. 11. Терпуг. 13. Сабашникова. 16. Небо. 17. Набриолет. 19. Ганстаузен. 20. Вахтангов. 23. Гарус. 24. Ленто. 25. Ориби. 26. Апарт. 33. Ионеско. 34. Неодим. 35. Саиб. 39. Тамим. 40. Ежан. 41. "Крин". 42. Худо. 44. Тинг. 45. Фавн. 47. Йог.

Олег МЕЛИХОВ

Налининград.

В конце прошлого года в выставочном зале "Творчество" прошел показ работ художника из Налининграда Олега Мелихова. Это уже 17-я персональная выставка Олега, а всего — всероссийских и зарубежных — у него около двухсот.

— Олег, вы окончили, да еще с красным дипломом, налиниградское мореходное училище, почему же так резко поменяли дисциплинированный образ жизни на богемный?

— Поначалу, наверное, привлекла романтика... Служил в Балтийске на военно-морской базе, два года ходил в море, побывал почти во всех портах Европы, Канады. Но, видимо, не зря говорят, что художником не становятся, а рождаются. Я учился не в обычной общеобразовательной школе, а в художественной семилетке. Затем — в педагогическом институте на художественно-графическом отделении. Так что мореходка — только романтический эпизод биографии...

— В морских походах, видимо, писали только море?

— Как ни странно, нет. В основном "земные" пейзажи, натюрморты, дома и улицы родного Налининграда. А море писать боялся. Может, потому, что видел его не со стороны, с суши... Безбрежное водное пространство настолько прекрасно и совершенno, настолько подавляет какой-то силой и мощью, что не каждому художнику подвластно передать все это великолепие на холсте. Хотя морские виды у меня все-таки есть. Но написал я их, только когда окончательно отошел от моря, от его магии...

— А где вы находите модели для портретов? На ваших холстах довольно забавные девушки, веселые, нонетливые, прямо-таки летящие по воздуху...

— Всех своих знакомых, друзей и приятелей написал. Иногда прихожу в магазин, а за прилавком такой типаж! Часто просто на улице нахожу своих героев. Подчас лицо, мелькнувшее в толпе, настолько притягивает, что хочется его писать. Сразу как-то становится понятной вся жизнь этого человека, начинаешь угадывать характер, привычки, особенности натуры...

— У вас много работ на религиозную тему. Это дань моде?

— Я бы сказал, это одна из основных моих тем. Но возникла она совершенно неожиданно. Как-то во сне мне было сказано, чтобы начал писать картины на религиозные и библейские сюжеты. Прямо фантастика! В течение целого месяца сны подсказывали мне определенные образы, и, проснувшись, я старался перенести их на полотно. Так и возник цикл "Побеждающая сила любви". Главный герой его — Георгий Победоносец. Затем серия "Борис и Глеб" — триптих и 10 картин. А главный в моем творчестве цикл — "Начало Новой Эры".

— У вас, помимо России, выставки прошли в Германии, США, Канаде, Франции, Израиле...

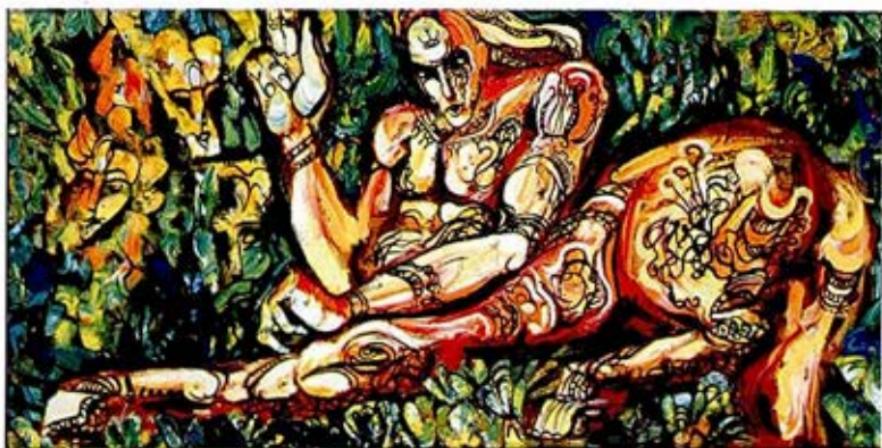
Тайны жизни цветов.

— Расскажу о самой первой. Однажды, в английском Плимуте, я стоял на улице с мольбертом и писал тамошние виды. Прохожие с интересом поглядывали на меня, некоторые останавливались рядом, следили за работой. И вот ко мне подошли два молодых человека, как оказалось, тоже художники. Мы познакомились, они попросили показать другие работы. А затем я получил приглашение на персональную выставку от Английской национальной академии художеств.

— Ногда вы были моряком, сейчас — художник. Больше перемен не предвидится?

— Могу назвать еще одну свою профессию. Педагог. Я воспитал 27 профессиональных художников. Архих, интересных... Но не это главное. Преподаю в художественной гимназии, и если, как правило, юных дарований начинают обучать азам рисования с 12 лет, то я открываю классы для детей с 6-ти. Считаю, именно в таком возрасте у маленького человека появляется больше шансов (не обязательно стать профессиональным художником, талант ведь это искра Божья, и дан не каждому) сформироваться как гармоничная личность, да и просто стать культурным человеком, на которую бы профессию он не выбрал в дальнейшем...

Беседовала Полина ТЕСЛЕР.

Клятва верности.

Ярмарка профессий-2001

Международная выставка - высшее
образование и трудоустройство

Разделы выставки

- Высшее образование в России и за рубежом
- Новые технологии обучения, дистанционное обучение
- Корпоративное и непрерывное обучение
- Послевузовское обучение, второе высшее образование
- Трудоустройство лиц с высшим образованием
- Повышение квалификации и переквалификация
- Автоматизированные системы проверки знаний и тестирования
- Профориентация и получение высшего образования лицами с ограниченными возможностями

Организаторы выставки:

Культурно-выставочный центр "Сокольники"
Образовательный центр "Бакалавр"

При поддержке Министерства образования Российской Федерации
и Министерства труда и социального развития Российской Федерации

**12-15
апреля 2001**

Россия, Москва

Культурно-выставочный центр "Сокольники"
107113 Москва, Сокольнический вал, 1

Тел.: (095) 268-9520
Факс: (095) 268-0891, 268-9520
E-mail: kv@exposokol.ru
<http://www.proffair.ru>

СОКОЛЬНИКИ

Информационные спонсоры

Электронное
образование

РАБОТА